

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

XX Открытая конференция
студентов-филологов в СПбГУ

17—21 апреля 2017 года

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2017

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

Информация о конференции представлена на сайте
<http://conference-spbu.ru/conference/37/>

XX Открытая конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 17–21 апреля 2017 г.: Тезисы докладов — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2017. — 380 с.

Сборник включает тезисы докладов, сделанных на XX Открытой конференции студентов-филологов СПбГУ 17—21 апреля 2017 г.

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

© Авторы, 2017
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

РУССКИЙ ЯЗЫК

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

О важности диахронического подхода при фонологической интерпретации современного русского безударного вокализма

Спиричева Маргарита Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Б. Попов

В существующих фонетических описаниях приводятся различные характеристики тембра конечных безударных гласных после мягких согласных: и-образный, е-образный или æ-образный.

Вопрос о фонологическом статусе таких гласных решается с опорой на одну из двух априорных предпосылок: а) для современного русского литературного произношения характерно иканье; б) в заударных слогах ведущую роль играет морфологический фактор. Первая заставляет трактовать все заударные гласные после мягких согласных как /i/, вторая предполагает учет аналогического влияния флексий и суффиксов с ударным гласным (*няня* /n'an'a/ как *земля* /z'iml'a/, *глядя* /gl'ad'a/ как *галдя* /gald'a/ и т. п.).

Более адекватно оценить динамику современной фонетической системы в области безударного вокализма поможет диахронический подход, который позволит проследить, какие фонологические изменения привели к современному состоянию. При этом необходимо учитывать следующие факторы.

1. Иканье следует рассматривать как результат совпадения этимологических фонем /e/ и /i/ с /i/, а не как синхронический фонетический закон, действующий в настоящее время без исключений и допускающий только произношение [i] в безударных слогах после мягких согласных. Иканье, первые отражения которого на письме относятся к XVII в., развилось из еканья, являющегося в свою очередь результатом совпадения /a/ и /e/ (/a/ > /e/) после мягких согласных.

2. Московские памятники XVII в. также отражают переход /e/ > /o/ > /a/. В русских говорах переход /e/ > /o/ мог происходить не только под ударением, но и в тех безударных позициях, где это, в частности, поддерживалось морфологической аналогией, например, во флексии им. ед. у существительных ср. рода (ср. *окно* /окно/ — *море* /мор'о/). В процессе замены оканья аканьем в московском говоре, т. е. при наложении аканья на оканье, /o/ в таких случаях заменялось на /a/ (/мор'о/>/мор'a/).

Анализируя современное состояние безударного вокализма, следует исходить из возможности сохранения /a/ в позициях, в которых происходил переход /e/ > /o/. В XX в. произношение, свидетельствующее о наличии /a/ во флексиях после мягких согласных, наблюдалось А. А. Шахматовым, а также Р. И. Аванесовым в речи старшего поколения.

Исследование поддержано грантом РФФ № 16-18-02042.

Из истории формирования класса прилагательных с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-)

Гальченко Александра Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: ст. преп. Д. Н. Чердаков

Исследование проводилось на материале словарей и Национального корпуса русского языка. В современном русском языке класс прилагательных с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) в соответствии с «Грамматическим словарем русского языка» А. А. Зализняка содержит 47 лексем. В докладе проанализированы те слова, которые фиксируются в памятниках древнерусского (XI–XIV вв.) и старорусского (XV–XVII вв.) периодов. В эту группу входят такие лексемы, как *горячий, стоячий, сидячий, ходячий, лежащий, горючий, живучий, зыбучий, могучий, бегучий, неминучий*.

Прилагательные с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) восходят к действительным причастиям настоящего времени. Сфера их бытования ограничивается, главным образом, памятниками деловой письменности. В текстах древнерусского периода образования с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) чаще всего употребляются как причастия, за исключением единичных случаев (например: *желъзо горяче*), и в большинстве своем обозначают нахождение в пространстве (например: *и суть кости его и до сего льта тамо лежаще; и на конь стоячи*). К XVII веку образования с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) получают распространение и постепенно укрепляются как прилагательные, хотя нередко употреб-

ляются и в качестве деепричастий (например: *и не могучи совершити своего злого хотѣнія*).

В XVII—XVIII вв. формируются устойчивые словосочетания (например: *хлеб стоячий, вино горячее* и т. д.), расширяется лексическая сочетаемость некоторых слов (Е. Л. Голубева «Прилагательные с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-) в русских памятниках XVII в.»). Также стоит отметить, что в этот же период возникают новые прилагательные с суффиксами -уч- (-юч-), -ач- (-яч-), которые восходят к глаголам и не имеют соответствий среди причастий (*горючий, вонючий, зыбучий* и т. д.).

Сравнительный анализ древнерусской юридической лексики сферы судопроизводства

Салихова Рината Пирмухаметовна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Т. В. Рождественская

Цель исследования — провести комплексный анализ древнерусской юридической лексики на материале Русской правды и Псковской судной грамоты. Достижению поставленной цели способствует решение ряда задач: изучить и обобщить работы, посвященные исследованию юридической лексики в диахронии; изучить и обобщить работы, касающиеся определения термина как понятия; собрать и классифицировать материал исследования; определить особенности семантики и словообразования юридической лексики; провести сравнительный анализ юридической лексики исследуемых источников; проанализировать функциональность юридической лексики вне текстов исследуемых источников (на материале берестяных грамот).

Исследование ведется на материале двух древнерусских источников права — Русской правды и Псковской судной грамоты.

Изучение основного материала производится в аспектах синхронии и диахронии. Мы используем основные общенаучные методы наблюдения, описания, сравнения, частотного анализа, которые направлены на обобщение и интерпретацию полученных в исследовании результатов. Основным методом является диахронно-сопоставительный, включающий сравнение юридической лексики на разных исторических срезах.

В ходе исследования, объединив лексику в лексико-семантические группы, мы отмечаем наличие полисемичности и синонимии. Так, слово *правѣда* в Русской правде пространной редакции по

Синодальному списку означает 'суд', в том же списке той же редакции оно обладает значением 'свод правил, законы'. В древнейшей Русской правде по Археографическому списку слово также обладает значением 'свод правил, законы'. Таким образом, мы констатируем, что с течением времени термин приобретает новое значение, при этом не утрачивая старое, развивается полисемия на основе метонимического переноса значения. В Псковской судной грамоте многозначность термина развивается дальше и, вступая в сочетание с глаголом (*правьда дати*), он образует новое понятие, которое определяется как 'оправдать'. Таким образом, мы приходим к выводам, что терминологический состав сферы судопроизводства со времен древнейшей Русской правды активно развивается. Появляются новые лексические единицы, характеризующие новые общественные явления. Расширяется состав участников суда, меняются процессуальные действия, появляются судебные постановления и документы. Со временем некоторые термины начинают приобретать новые значения, тем самым развивается полисемичность, появляются синонимы. Язык нормализуется, в него начинают проникать книжные слова и термины из церковнославянских юридических текстов.

Лексико-семантическая группа глаголов улыбки в диахроническом рассмотрении (семантико-стилистический аспект)

Кашникова Анна Ильинична

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: ст. преп. Д. Н. Чердаков

В древнерусский и старорусский периоды лексико-семантическая группа глаголов улыбки состоит из двух лексем: *склабитися* и *улыскатися*. Согласно этимологическим данным, оба глагола имеют славянское происхождение (М. Фасмер, О. Н. Трубачев, П. Я. Черных). В целом в исследованных древнерусских и старорусских текстах обнаруживается довольно ограниченное количество фрагментов, содержащих данные глаголы. Для лексемы *осклабитися* характерными являются контексты, связанные с христианской тематикой (агиографический жанр, поучительные высказывания), реже он может применяться и для отрицательной характеристики человека. Данный глагол чаще употребляется в сочетании с сущ. в тв. падеже или с зависимыми обстоятельствами со значением меры (например, *одъва, мало, с цълумудрием*). Употребление этой лексемы фиксируется преимущественно в непереводах памятниках. Глагол *улыснутися* чаще употребляется при описании

реакции значимого лица на что-либо, встречается в основном в переводных текстах, его свободное употребление является более частотным. Сопоставив особенности функционирования обеих лексем, можно сделать следующие выводы: а) данные лексемы имеют тождественное значение, что подтверждается наличием обоих вариантов при включении одной и той же цитаты в текст памятника, вхождением их в состав одного фразеологически связанного сочетания (*осклабится лицом / улыскатся лицом*), вариативным употреблением обеих лексем при переводе одного греческого эквивалента; б) в целом в рамках изученного материала для глагола *осклабится* отмечается более высокая частотность, а в отношении глагола *улыснутися* прослеживается тенденция к снижению частоты употреблений. Данный вывод подтверждает также тем, что лексема *улыскатся* не отражена в словарях XVIII в., а фиксируется только в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. с пометой «гл. об. Церк.» и иллюстрирующими цитатами из древнерусских памятников, что свидетельствует о том, что начиная с XVIII в. этот глагол уже не является фактом живого языка. Вместо этого глагола в лексико-семантическую группу глаголов улыбки входит лексема *улыбаться*, широкое употребление которой, согласно данным Национального корпуса русского языка, отмечается с 50–60-х гг. XVIII в., а также глаголы *усмехаться* и *ухмыляться*. Глагол *осклабится* продолжает фиксироваться в словарях, сохраняя основное значение улыбки.

Структура и лексические особенности русско-китайского словаря Иллариона Россохина (40-е гг. XVIII в.)

Чэнь Шэннань

Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. Т. И. Афанасьева

Илларион Россохин (1717–1761) — член 2-й Российской духовной миссии в Пекине, переводчик и преподаватель китайского и маньчжурского языков в школе при Академии наук в 40-е гг. XVIII в. Для преподавания языков он создал ряд учебников, рукописи которых хранятся в рукописном отделе Библиотеки и Архива Академии наук. Одним из этих учебников является Русско-китайский словарь (БАН. 34.8.9). Словарь не введен в научный оборот и никогда не использовался как источник по истории русского языка XVIII в. Данный словарь представляет собой рукопись из 95 листов. Большая часть рукописи (80 листов) написана одной рукой, только последние 15 листов — другим челове-

ком. В отличие от многих словарей XVIII в., данный словарь построен не по алфавитному принципу, а организован тематически. В этом он продолжает традицию русской лексикографии допетровского времени. Словарь начинается с тематической группы «название частей тела человека», затем следуют группа числительных, погодные явления, наречия места, группа глаголов со значением обучения, государственной службы, повседневной жизни, названия животных и т. д. Словарь включает в себя элементы грамматики: здесь, например, приводятся не только личные и притяжательные местоимения, но и парадигмы их склонения, причем падежные формы даются исходя из особенностей китайской падежной системы. У некоторых русско-китайских соответствий наблюдается разный объем понятий, нередко встречаются особые и устаревшие значения, свидетельствующие о языковом узусе XVIII в. Некоторые такие значения отсутствуют в исторических словарях русского языка. Грамматические элементы словаря, вероятно, обусловлены влиянием грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г., которую Россохин перевел на маньчжурский язык. В словаре четко разделяются части речи: имена существительные, глаголы, частицы, наречия, местоимения, числительные и прилагательные, многие из них даются в разных грамматических формах. Некоторые такие формы отражают особенности русского языка XVIII в.

Способы выражения эмоциональных состояний в памятниках письменности XIII в. (на материале «Повести о разорении Рязани Батыем»)

Иванова Ирина Александровна

Владимирский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. К. М. Богрова

В современной лингвистической науке нет классификации эмоциональной лексики, направленной на выявление способов выражения эмоциональных состояний именно в памятниках древнерусской письменности. В качестве материала исследования мы привлекли «Повесть о разорении Рязани Батыем». Методом сплошной выборки были выделены лексические единицы, указывающие на эмоциональное состояние героя. Анализ данных единиц показал, что в тексте используются три способа выражения эмоционального состояния (примеры даются в упрощенной орфографии): 1) выражение эмоционального состояния самостоятельной лексемой. Например, в предложении *Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и въздыхания, и страха, и трепета от всех*

злых, находящихся на ны слово *скърбъ* несет значение глубокой тоски, имеющей тяжелый, терзающий характер; 2) выражение эмоционального состояния при помощи элемента значения слова, вычленяемого посредством контекстуального анализа. Например, в предложении *И единъ от пестун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тело честнаго своего господина горько плачущися...* слово *горько* употреблено не в прямом значении, а в переносном. Здесь подразумевается не физическое ощущение, а характер чувств героя, сила и безутешность его плача. Поэтому слово *горько* может быть отнесено к тематической группе «эмоциональное состояние». Отсюда можно сделать вывод, что в состав эмотивной лексики в древнерусском тексте входят слова, переносное значение которых входит в парадигму этой лексики, и в качестве способа выражения эмоции может выступать элемент значения; 3) выражение эмоционального состояния при помощи синтагмы, имеющей значение определенной эмоции. Например, предложение *И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаща, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеса о земля* содержит синтагму *ударяшеса о земля*, которая служит способом усиления передачи эмоций: внутреннее состояние Ингваря настолько пошатнулось, что душевное переживание выразилось внешне. Это словосочетание в контексте реализует одно эмотивное значение. Данная классификация вносит определенный вклад в изучение возможностей лексики древнерусского языка в выражении эмоционального состояния человека.

Транслитерация в переводе Евангелия от Марка с греческого на церковнославянский язык

Алтынцева Оксана Михайловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, студент 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. Ю. Братухин

Современный богослужебный текст Евангелия от Марка представляет собой перевод с древнегреческого языка, явившийся результатом многовековой работы. В церковнославянском тексте часто встречаются слова греческого происхождения. В докладе анализируются случаи использования переводчиками транслитерации и устанавливаются причины и цели ее привлечения, а также исследуются реалии, привнесенные в славянскую культуру из греческой.

Таким образом, цель работы — выявление и классификация слов в Евангелии от Марка, переведенных с греческого на церковнославянский язык при помощи транслитерации. Для достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи: изучить историю создания Евангелия и его переводов на церковнославянский язык; классифицировать транслитерированные слова по лексическому значению, выявляя причины использования транслитерации; предложить объяснения того, почему некоторые транслитерированные греческие слова прижились в церковнославянском языке и перешли затем в русский, а некоторые нет.

В ходе выполнения работы были использованы труды Л. П. Жуковской, Г. А. Воскресенского, В. Н. Комиссарова, С. И. Влахова и других ученых. Было рассмотрено житие апостола Марка, обстоятельства написания и особенности созданного им Евангелия, переводы его на церковнославянский язык, а также понятие безэквивалентной лексики и способы ее передачи в языке перевода. В исследовании выявлены греческие заимствования в современном церковнославянском варианте Евангелия от Марка, проведена их классификация по лексическому значению, рассмотрен феномен их вхождения в современный русский язык и употребление заимствованных слов при наличии аналога в церковнославянском языке.

Большинство транслитерированных слов представляют собой еврейские и греческие имена собственные или названия предметов, не имевшихся в быту у славян. Отдельную категорию представляют собой еврейские слова и фразы, переведенные изначально на греческий с последующим их толкованием. Заимствованные слова, не имеющие аналогов, закрепились в славянском языке и перешли в русский, сохранив значение. Однако при наличии у славян соответствующих реалий заимствованные слова не прижились в языке перевода (*пюра*, т. е. сумка, *спекулятор*, т. е. стражник, и др.). В некоторых случаях транслитерация применялась для того, чтобы более точно передать смысл догматического учения (*Евангелие* вместо *Благовестие*) или отдельного слова (*миро* вместо *масло*).

Таким образом, анализ такого явления, как транслитерация в тексте Евангелия от Марка, позволяет выяснить историю вхождения в состав русского языка некоторых греческих слов и реалий.

АНТРОПОЛИНГВИСТИКА: ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА

Русский язык как один из компонентов формирования трилингвизма в Республике Казахстан (на примере Костанайской области)

Мухамедгалиева (Журавель) Мария Сергеевна

*Челябинский государственный университет (Костанайский филиал),
студент 4 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. Р. Жикеева

В докладе рассматривается место русского языка в системе казахстанской социолингвистики и казахстанского социума после принятия в 1997 г. закона «О языках в Республике Казахстан», а также в связи с реализацией в стране масштабного социокультурного и социолингвистического проекта «Триединство языков». Цель данного проекта — массовое овладение населением тремя языками: казахским, русским и английским. Казахский язык является государственным, английский — языком интеграции в глобальную экономику, а русский продолжает оставаться языком межнационального общения. Таким образом, основные задачи данного исследования определились исходя из необходимости определить степень владения населением казахским, русским и английским языками, а также охарактеризовать особенности употребления русского языка, который по-прежнему сохраняет свои позиции как язык межэтнического общения в социально-коммуникативной системе казахстанского общества. Для изучения языковой ситуации региона Вузовской академической лабораторией межкультурных коммуникаций при Костанайском филиале Челябинского государственного университета был собран значительный объем статистических данных этносоциологического характера, в частности проведен социолингвистический опрос, который проходил в четыре этапа: в 2007, в 2010, в 2013 и в 2016 гг. (охвачено 3000 респондентов, проживающих на территории Костанайской области). По данным проведенного исследования, введение в Казахстане трехязычия считают необходимым 66% опрошенных. 80% респондентов хорошо владеют русским языком и отдают ему предпочтение во всех сферах деятельности. Результаты реализации проекта «Триединство языков» ожидаются в период до 2020 г., прежде всего в сфере образования. На основании результатов проведенного нами опроса можно утверждать, что на территории Костанайской области Казахстана начался переход от казахско-русского билингвизма, который является естественным процессом в

казахстанском социуме, к трилингвизму. Однако русский язык продолжает оставаться в числе приоритетных в языковом пространстве северного региона страны.

Речевая рефлексия: нетрадиционный взгляд на проблему (на материале газетных публикаций 1950-х годов о балете)

Тютюкова Анастасия Евгеньевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Т. С. Садова*

В традиционном понимании речевая рефлексия рассматривается как явление языка. Так, И. Т. Вепрева в большей степени исследует метаязыковую рефлексия. М. Р. Шумарина анализирует рефлексия более широко: она предлагает рассматривать любую речевую реакцию на какое-либо важное или актуальное явление в жизни человека как речевую рефлексия со своим специфическим устройством. В докладе предложен наиболее широкий взгляд на речевую рефлексия — как любую текстовую реакцию на актуальные явления действительности. В качестве рассмотрения речевой рефлексия предложен новый «стимул» — социально и культурно маркированная для своего времени сфера — советский балет. На примере нескольких контекстов из газет на одну тему рассмотрены способы выражения актуальных для конкретного времени «фиксаций» традиционной темы, явления. Материалом является ленинградская газетная и журнальная публицистика 1950-х гг., («Вечерний Ленинград», «Советская культура», «Ленинградская правда»), тематически объединенная предметом рефлексия — советским балетом.

Концепт «истина» в ментальном поле современного русского сознания

Секиро Ольга Олеговна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. В. В. Колесов*

Цель исследования — выявление содержательных форм концепта «истина» в ментальном поле современного студента (на материале опроса, проведенного среди студентов 4 курса филологического факультета СПбГУ в декабре 2016 г.). Теоретической базой исследования послужила концепция В. В. Колесова, в соответствии с которой концепт понимается как сущность, явленная в содержательных формах: образе,

понятии и символе. В соответствии с поставленной целью были решены задачи, определившие ход исследования:

1. Выявление объема понятия концепта (денотата) путем построения четырехкомпонентных семантических констант на основе анализа полученных ответов. Компоненты семантической константы отражают понимание концепта в единстве логического и лингвистического: условие соответствует лингвистическому образу, причина — понятию, цель — символу, основание — концептуму. Компоненты семантической константы выявляются путем редукции исследуемых текстов (предикатов, определяющих «истину»). Материал адекватен анализу: каждый вопрос ориентировал информанта на один из компонентов константы.

2. Определение инвариантных семантических констант. Данный этап исследования завершился построением двух инвариантных констант, одна из которых была ориентирована на реальное понимание, другая — на идеальное в соответствии с базовой оппозицией, значимой для русской культуры.

3. Выявление содержания понятия концепта (десигната) путем классификации эпитетов-прилагательных (также полученных в результате опроса) по четырем типам: типичные, глубинные, интенсивные и длительные. На данном этапе были выделены признаки только трех типов: у «истины» как у абстрактного концепта отсутствует понятие предметности, а типичные признаки представляют собой определения из самой предметности.

4. Построение образных понятий путем совмещения признаков десигната и денотата.

5. Формулирование итоговых ментальных формул, включающих образные понятия. В завершении данного этапа было составлено две формулы, толкующие смысл концепта: а) истина — вечная правда в высшем добре и божественной любви, явленная вследствие абсолютно необходимого великого открытия в универсальном умозаключении как смысл баланса всего сущего; б) истина — вечное благо в первозданной универсальности, неопровержимо соответствующее самому себе как Царство Божие.

6. Сравнение полученных толкований с понятийными определениями, данными в толковых и философских словарях.

7. Поиск первосмысла в этимологических и исторических словарях.

8. Идентификация концепта на основе всех собранных компонентов с выводом о современной конфигурации ментального поля.

Вопрос о «склеенном» концепте

«Вина — Покаяние — Раскаяние — Сожаление»

Тупикова Зинаида Владимировна

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, студент 4 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко

Исследуя концепты «Раскаяние», «Покаяние», «Сожаление», «Вина» по модели анализа, предложенной Л. Г. Бабенко, мы обнаружили, что данные концепты имеют пересечения во всех зонах и, следовательно, могут быть представлены как «склеенный» концепт, включающий в себя зоны, в которых названные концепты будут иметь абсолютное пересечение и периферию, где будут находиться когнитивные признаки (далее — КП), присущие тому или иному концепту внутри «склеенного» ментального конструкта. Вопрос о соотносительности концептов друг с другом является малоизученным и представляется интересным для исследования. В исследовании мы используем контексты, выбранные из Национального корпуса русского языка.

С помощью метода концептуального анализа, основанного на обобщении семантического комплекса сем определенной группы слов с целью определения КП, в зоне ядра концепта можно выделить общие КП для имен концептов: «внутреннее психическое состояние человека», «намеренное действие человека, нарушающее какие-либо нормы или правила поведения», «вина».

Анализируя ментальную структуру «склеенного» концепта, обнаруживаем регулярные пересечения и в других слоях: в приядерной зоне, в зонах ближайшей и дальнейшей периферии. Покажем это на примере зоны дальнейшей периферии: здесь пересечением являются типичные эмоционально-оценочные реакции окружающих. Проявление эмоций, названных именами концептов, приводит либо к прощению проступка, ошибки (*повинную голову меч не сечет*), либо к желанию наказать провинившегося в случае, если его эмоция кажется неискренней, фальшивой или если его вина субъективно воспринимается как тяжелая: *не все сходит с рук; — ...снеси-ка, братец, мои искренние извинения и сожаления... «Генерал, вас ничто извинить не может», — ледяным тоном срезала баронесса (Ю. Давыдов).*

Если попытаться представлять склеенный концепт «Вина — Покаяние — Раскаяние — Сожаление» в виде пересекающихся кругов, то мы обнаружим, что все круги будут иметь зоны совмещения. Ядерным КП для «склеенного» концепта будет, несомненно, КП «Вины». Так, концепт «Вина» имеет пересечение с другими концептами: он называется, во-первых, источник эмоции для концептов «Покаяние», «Сожаление».

ние», «Раскаяние», а, во-вторых, чувство, которое испытывают в большей степени при покаянии и раскаянии, в меньшей — при сожалении. Однако большая зона этого концепта окажется свободной от пересечений, так как чувство вины может переживаться без раскаяния, покаяния или сожаления.

Рассмотрев концепты «Вина», «Покаяние», «Раскаяние», «Сожаление» в их соотносительности и пересекаемости, мы считаем, что можно говорить о существовании особого ментального образования — «склеенного» концепта.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).

Вкрапления как одно из важных средств межкультурной коммуникации в Казахстане

Божакова Диана Танаткановна

Челябинский государственный университет (Костанайский филиал), студент 2 курса

Научный руководитель: ст. преп. А. С. Айткалиева

Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык. Русский язык остается языком межнационального общения, продолжает выполнять важные гуманитарные и социальные функции. На сегодняшний день актуальным фактором развития языков является то, что русский язык испытывает все более возрастающее воздействие со стороны казахского языка.

Термин «иноязычные вкрапления» был введен А. А. Леонтьевым, который рассматривает его как результат «сосуществования» двух текстов. Мы опираемся на классификацию вкраплений, предложенную Ю. Т. Листровой-Правда. Вкрапления выполняют особую функцию в межкультурной коммуникации. Ученые считают их единицами безэквивалентной лексики. Казахизмы-вкрапления включаются в русский текст графическими средствами русского языка, они грамматически усвоены, однако в словарях не отражены. Эти слова можно встретить в переводной литературе и прессе. Казахизмы-вкрапления включены в русский текст, но их ни в коей мере нельзя признать фактами русского языка.

Исследование проводилось на материале публикаций областных и районных печатных СМИ Костанайской области. Нами были обнаружены лексемы-казахизмы, обозначающие реалии из общественной жизни казахстанского народа. Мы пришли к выводу, что такое количе-

ство вкраплений из казахского языка не нарушает общепринятые нормы функционирования русского языка, а наполняет его дополнительными смысловыми оттенками.

Приведем примеры:

«Праздник *Курбан байрам* является частью национальной культуры, когда все собираются за одним *дастарханом* (*дастархан* 'скатерть; накрытый стол; стол, заставленный едой'), чтобы отдать дань этому светлому празднику».

«Свое вокальное и сценическое мастерство демонстрировали *акыны* (*ақын* 'поэт'), солисты этнофольклорной группы «*Туран*» (*Туран* — древнее название страны тюрков), творческие коллективы городов и районов области в концертной программе «*Улы дала дарындары*».

В ближайшую субботу пройдет «Всемирный *кымызмурындык*» — праздник *кумыса* (*қымыз* 'напиток, приготовленный из кобыльего молока').

«Семнадцать предприятий региона, участвовавших в конкурсе «*Алтын Сапа*» (*алтын* 'золото', *сапа* 'качество'), удостоены благодарственных писем».

«Государственные органы получают рекомендации, выработанные в ходе путешествия по стране поезда «*Менің Қазақстаным*» ('Мой Казахстан')».

Таким образом, вкрапления-казахизмы являются средством активизации межъязыковых контактов. Изучение причин и путей проникновения тюркизмов в русский язык, их лексико-семантическая адаптация является одной из основных проблем исторической лексикологии славянских языков.

«Зеркальная метафора» как способ реализации биспациальной структуры прозаических текстов В. В. Набокова (на материале рассказа «Ужас»)

Пянзина Дарья Владимировна

Дальневосточный федеральный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. А. Стародумова

Задача предпринятого исследования — ориентируясь на специфику нарративной структуры произведения, проследить реализацию зеркальных мотивов в раннем русскоязычном рассказе В. В. Набокова «Ужас» (1927). Стремление автора воссоздать крайнее эмоциональное потрясение главного героя рассказа, его ужас перед реальностью, вдруг утратившей какой-либо смысл, предопределяет выбор идиолекта нар-

ратора. Повествовательная перспектива рассказа характеризуется внутренней фокализацией, его нарративная структура представлена лишь голосом главного героя, точка зрения повествователя выражена имплицитно.

Актуализация «я» главного героя произведения происходит на фоне оппозиции «свое — чужое» («И чем пристальнее я рассматривал свое лицо, — чужие, немигающие глаза, ... — тем непонятнее мне становилось, почему именно это — я»). Его отражение приобретает характерные признаки двойника и становится в произведении самостоятельной единицей сюжетной организации текста. Неспособность главного героя идентифицировать собственное отражение предсказывает его полный уход от реальности, разрыв связей с ней.

По мере того, как в произведении происходит нарастание конфликта между «внешним» и «внутренним» героя, меняется и его положение по отношению к собственному двойнику. Перед мгновением наивысшего ужаса герой начинает приобретать свойства отражения («Мне казалось, что голова у меня стеклянная, и легкая ломота в ногах тоже казалась стеклянной»), а после и вовсе меняется с ним местами. Отсутствие слуховых реакций главного героя при описании бессмысленного и пустого мира, в котором он внезапно оказывается, дает нам возможность предположить, что произошла подмена единиц одного пространственно-временного уровня, единицами другого. Подтверждение находим в следующем фрагменте текста: «Она в своем предсмертном воображении видит меня, так что перед нею стояли двое, — я сам, которого она не видела, и двойник мой, который был невидим мне. И потом я остался один, — мой двойник умер вместе с нею». Смерть двойника героя предполагает его возвращение к реальной действительности, которая так или иначе определяется способностью быть отраженной.

Зеркальная метафора в рассказе «Ужас» становится своеобразным авторским приемом организации биспациальной структуры в тексте произведения. Способность двойника героя существовать вне отражающей поверхности предопределяет расширение группы семиотических знаков, объединенных понятием «зеркало». В данную группу могут быть включены такие универсалии, как человеческое сознание и текст (зеркальная композиция).

Среда как фактор формирования межличностных отношений в повести Л. Н. Толстого «Казачья жизнь» (лингвистический аспект исследования)

Пристенская Ольга Валерьевна

Южный федеральный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Л. Б. Савенкова

Цель исследования — путем лингвистического анализа повести «Казачья жизнь» выявить взгляд молодого Л. Н. Толстого на проблему соотношения индивидуального и социального в формировании характера и поведенческих реакций человека.

Ведущий стилистический прием повести — антитеза. Характеры дворянина Оленина и казака Лукашки сформировались под влиянием среды, в которой вырос каждый из них. Образ жизни, привычный для Оленина, автор рисует с помощью антитезы: **Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы. А у господ еще вечер.** То, что Оленин — продукт своей среды, подчеркивается указанием: его можно охарактеризовать устойчивым выражением (*Он был то, что называется «молодой человек» в московском обществе*).

То, что и Лукашка сформировался под влиянием своей, казачьей среды, демонстрируется наличием лексических переключек, обнаруживаемых в описании образа жизни гребенских казаков и поступков Лукашки. Однако у каждого из двух этих персонажей отношения с другими представителями своей среды складываются неодинаково. Лукашку казаки выделяют как лучшего (*молодец малый, ловок, урван, первый казак в станице, джигит* и т. п.) и как авторитетную личность. Оленина даже его приятели, считая его *славным малым*, не понимают (ср.: *что за охота ехать на Кавказ и юнкером?*), а жители станицы истолковывают все его попытки сделать для них что-нибудь хорошее превратно. Оленин сосредоточен на самом себе (*любил до сих пор только себя одного; ждал от себя одного хорошего и не успел еще разочароваться в самом себе*), все время рассуждает сам с собой (в его репликах и мыслях частотно сочетание личного местоимения я и глаголов с семантикой интеллектуальной, волевой или иной психической деятельности — *оправдываться, хотеться, полюбить, лгать, чувствовать*), рефлексивирует по поводу прошедшего и настоящего (здесь особую роль играют слова из тематических групп «Интеллект», «Память», «Эмоции»), на протяжении повести пытается найти смысл жизни. Лукашка действует.

Оленин живет в мире собственных представлений, не всегда верно интерпретирующих реальность. Лукашка прекрасно ориентируется

в любой обстановке, действует интуитивно (ср. антитетическое использование глагольных словоформ *казалось* / *показалось* в изображении ситуаций с участием Оленина и Лукашки).

Различие характеров Оленина и Лукашки демонстрирует и изображение их взаимоотношений с казачкой Марьяной, и описание ее отношения к ним. Марьяна и Лукашка — родственные души. Оленин остается для них непонятным чужаком. Анализ текста повести убеждает: по мнению автора, влияние среды на человека проявляется в период становления личности. Независимо от того, насколько комфортно чувствует себя в ней сформировавшийся индивид, он не может с легкостью перейти в другую среду.

Глоссы в сочинениях Н. Я. Бичурина как способ этнографического описания Китая (на материале книги «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение»)

Чэнь Пэйцзюнь

*Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Т. С. Садова*

Н. Я. Бичурин — первый русский синолог, получивший общеевропейскую известность, автор более ста этнографических произведений о Китае. Фундаментальный труд «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение» (1840) — вершина научного творчества Бичурина, в котором отразились как общие, так и индивидуальные черты научного стиля XIX в. Доклад посвящен систематизации и анализу глосс в сочинениях Бичурина как способа этнографического описания Китая. Руководствуясь традиционным определением глоссы как перевода или толкования непонятного слова, помещенного над, в или под основным текстом, заключаем, что в исследуемой работе глоссами являются те толкования, которые Бичурин помещает в приложения к книге. Интересно выявить способы толкования, которыми пользуется Бичурин, определить, какие из них наиболее актуальны и адекватны в условиях этнографического описания экзотических для русского читателя реалий из жизни Китая. Отмечено, что для Бичурина характерно использование описательного способа, перечислительного синонимического подбора, «отрицательного» способа и др. Проанализировав ряд глосс в исследуемом сочинении, мы выяснили, что в них преобладает описательный способ с привлечением точных данных из китайских авторитетных источников. Характерной особенностью содержания глосс в тексте Бичурина являются: 1) субъективация «научного знания»: пе-

реживание, эмоциональная оценка толкуемого явления; 2) диалогичность текста глоссы: Бичурин часто заочно полемизирует с потенциальным читателем книги, как бы предугадывая ошибочное понимание европейцами китайских реалий.

Исследование топонимики пещер и каменоломен Подмосковья

Алексеева Мария Алексеевна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
студент 4 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. Б. Мороз

Доклад посвящен взаимосвязи подземной топонимики в подмосковных пещерах. На сегодняшний день свода пещерных топонимов Подмосковья практически не существует. В связи с этим целью работы является систематизация и лингвистический анализ подмосковной подземной топонимики, выявление своеобразия подземной топонимики как языкового источника информации о спелеологической субкультуре.

В ходе работы был составлен список топонимов по трем «системам» — Сьяны, Кисели и Силикаты. Анализ показал, что принципы формирования спелеологической топонимики в рассматриваемых «системах» сходны и в целом совпадают. Это позволило выделить 18 основных классов топонимов, производных от:

1) материала, 2) формы, 3) протяженности, 4) наличия воды, 5) изображений на сводах и стенах, 6) предметов, находящихся в штреках, 7) даты открытия, 8) праздничной даты, 9) строк из песен, литературных произведений, 10) названий спелеогрупп, 11) событий, произошедших в гроте, штреке, 12) названий улиц и населенных пунктов, 13) назначения (перенос наименований благ и услуг), 14) героев местного фольклора, 15) названий мифологических существ и их сообществ, 16) названий мест захоронений, смерти и предметов, с ними связанными, 17) названий нечистых мест, 18) названий святых мест.

Классы были отнесены к 5 источникам: эмпиризм; меморизация; перенос названий бытовых объектов, мест из естественной системы; мифология и фольклор; заимствование из топонимики других пещер. Статистическая обработка показала, что основными источниками топонимов стали эмпирика и меморизация — 43% и 31%.

Отдельной частью работы стало исследование укоренившегося восприятия пещер как мира хтонических сил. Стереотипы обусловили появление в топонимике идей и образов, реализующих «темную сторо-

ну» народной мифологии и фольклора. Были найдены следующие классы топонимов из мифологии:

- 1) топонимы, связанные с нейтральными магическими существами,
- 2) топонимы, связанные с нечистой силой и местами с этой силой,
- 3) топонимы, связанные с местами захоронений, смерти.

Необходимо отметить, что при большом количестве топонимов из семантического поля «нечистая сила и места ее пребывания» почти не найдено было топонимов из противоположного поля — «добрые силы», «святое место» и т. п.

Таким образом, результатом работы стал структурированный анализ подземной топонимики. Он показал, что происхождение топонимов носит стандартизированный характер. Более того, прослеживается концептуализация пещер как «нечистых мест».

Гидронимы Камешковского района Владимирской области

Галеева Татьяна Рашидовна

Владимирский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. В. Пименова

Цель работы — анализ гидронимов Камешковского района на территории Владимирской области (всего 75 единиц). Основными задачами исследования являются следующие: сбор материала названий водных объектов, их лексико-семантическая классификация, выявление глубинных ассоциативно-культурных связей анализируемого вида топонимов. Источниками исследования послужили географические карты, содержащие наименования водных объектов региона. Актуальность исследования предопределена недостаточной изученностью гидронимии Владимирского края (имеются исследования наименований водных объектов лишь одного — Муромского — района). При анализе материала использовались описательный, семантический, сравнительно-сопоставительный методы, а также приемы статистического анализа. П. П. Альдиргером была разработана лексико-семантическая классификация, в основе которой лежит два признака: отражение в наименовании природно-географических особенностей ландшафта и связей с человеком и его деятельностью.

Первый признак отражен в следующих лексико-семантических группах гидронимов: 1) гидронимы, в основе которых лежат географические термины: оз. *Тиновец*; 2) гидронимы, указывающие на отдельные признаки гидрообъектов. К таким признакам относятся качество воды: оз. *Тиновиц*, оз. *Холодное*, р. *Нерль* ('болото, заболоченное озеро'), р. *Тальша* ('незамерзающий родник, ручей'), оз. *Светец*; размер и форма

гидрообъекта: оз. Долгое, оз. Малое Урсово; характер берегов и дна: р. Клязьма (вторая часть в слове — искаженное *сима* ‘граница, край кромка’; имеет также смысл ‘клятвенная граница’); указание на местоположение водного объекта: р. Уводь (‘место, близкое к воде’), Мельничный пруд; 3) гидронимы, содержащие эмоционально-оценочную характеристику гидрообъекта: оз. Великое, оз. Свято, оз. Витное (‘парить’, ‘обитать’).

Второй признак отражают наименования следующих гидронимов: 1) гидронимы, связанные с хозяйственной деятельностью людей: оз. Монастырское (расположено рядом с монастырем); 2) гидронимы, образованные от топонимов: оз. Камешковское.

В результате исследования выявлено, что наименования гидронимов Камешковского района Владимирской области отражают особенности географического положения, исторического развития, а также присутствие на данной территории в прошлом разных этносов. Анализ названий водных объектов показал, что в основу гидронимики исследуемого региона входят гидронимы угро-финского и диалектного происхождения.

Политкорректность в юрислингвистическом аспекте

Савинкова Инга Викторовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Т. С. Садова*

В США и странах Западной Европы понятие «политкорректность», «политкорректный» (*political correctness, politically correct*) появилось приблизительно в последней трети XX в. Возникновение феномена политкорректности в западных странах связано в первую очередь с ростом социальной активности в 1970-х гг., направленной на признание и принятие различий между членами различных социальных групп. За относительно недолгий период времени идеи политкорректности успели завоевать большое количество как сторонников, так и противников.

Цель исследования — анализ особенностей функционирования термина «политкорректность» в русской лингвокультуре, интерес к которому в последнее время в российском обществе сильно возрос. Как известно, понятия «политкорректность», «политкорректный» были заимствованы в постсоветский период, после радикальных перемен 1990-х гг. В отличие от западных стран, где при обсуждении политкорректности языковой аспект либо уходит на второй план, либо не упоминается вовсе, в русской культуре лингвистический аспект становится ключевым. Наиболее полное терминологическое значение полит-

корректности определяется как стремление найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью в отношении расовой, национальной, половой принадлежности, возраста, состояния здоровья и т. п.

Данное определение указывает на прямую взаимосвязь сфер языка и права, которая диктует необходимость создания новой языковой нормы, канонизации естественных прав носителей языка, т. е. установления прав пользователей языка на недискриминационное пользование им. Интерес к заимствованному понятию «политкорректность» возникает и поддерживается главным образом благодаря средствам массовой информации. Анализ исследуемых текстовых фрагментов демонстрирует, что зачастую значение термина не совсем ясно как для говорящего, так и для слушающего. Кроме того, в исследуемых текстах термин часто приобретает пейоративную окраску: политкорректность часто критикуют за лицемерие, слепое следование западной моде.

Таким образом, заимствованный из западной либеральной риторики термин «политкорректность» в русском языке употребляется в ином значении.

Языковые проявления категоричности в современном дипломатическом дискурсе

Ковалева Анна Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. Н. В. Пушкарева

В последние годы возрос интерес к исследованию языка в сфере дипломатии. Это объясняется рядом причин: во-первых, растущим интересом общества к взаимоотношениям между государствами, во-вторых, усилением влияния СМИ, которые выступают и как средство воздействия на массового адресата, и как средство выражения и фиксации общественного мнения. Государство, стремясь защищать свои интересы, не может не реагировать на данные явления, и, как следствие, мы наблюдаем стремление современной дипломатии к открытости. Исследователи отмечают изменения в тональности дипломатических сообщений: вместо сдержанности в высказываниях, ожидаемой от выступлений дипломатов, все чаще наблюдаются отступления от привычных канонов дипломатического дискурса, проявляющиеся в категоричности суждений. Основными функциями дипломатического дискурса являются информационная и апеллятивная. Категоричность спо-

собствует воздействию на аудиторию, поскольку отражает абсолютную уверенность автора в своих словах, недопустимость иной точки зрения. В языке она часто выражена при помощи отрицательных конструкций, наречий-интенсификаторов, прилагательных с пейоративной коннотацией. Мы проводим изучение языковых средств выражения категоричности в современном дипломатическом дискурсе на материале выступлений М. В. Захаровой. Нами были проанализированы выступления Захаровой за 2015-2016 гг., выявлены лексические, стилистические и грамматические средства актуализации категоричности, проведена систематизация языкового материала в соответствии с темами выступлений. Анализ тематических блоков и средств выражения категоричности, используемых в них, позволяет сделать предположение о том, что процент категоричных высказываний в тексте прямо пропорционален актуальности события для внешней политики Российской Федерации. При обсуждении актуальных внешнеполитических тем Захарова апеллирует к общечеловеческим принципам, использует как критерии мораль и правду. Данный способ выражения официальной позиции является не только показательным примером реакции представителя государства на происходящие в мире события, но и проявлением русского менталитета в речевом поведении дипломатов. Стремление оценивать события с позиций морали и правды — национальная черта, которая проявляется в категоричности суждений, в том числе и у представителей государственных структур.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Диалектная фразеология со значением внешности и характера человека (на материале брянских областных говоров)

Козлова Елизавета Юрьевна

*Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского,
студент 2 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

Использование фразеологических единиц в диалектной речи, в частности в брянских областных говорах западной группы южновеликорусского наречия, обнаруживает их национально-культурную семантику, отражающую картину мира народа, специфику языка.

Значительный процент от общего числа фразеологизмов составляют устойчивые единицы, характеризующие человека. Материалы для анализа были взяты из «Брянского областного словаря», созданного коллективом авторов под редакцией Н. И. Курганской. Выборка показала, что фразеологизмы брянских областных говоров целесообразно распределить по следующим подгруппам: 1) использование устойчивых выражений, указывающих на внешний облик человека и имеющих эмоционально-экспрессивную окраску: *Доской не перешибить*. Экспр. О физически сильном, крепком человеке. *Крепкий такой мужык, такого доской ни пиришыбёш; Прибор, м. Наряд. Держать в приборе*. Держать в порядке. *Валаса нада прибирать, диржать в приборе*; 2) использование устойчивых сочетаний, указывающих на особенности характера и внутренние качества человека, которые накладывают определенный отпечаток на проявление свойств личности и выражают специфическое отношение к миру и другим людям: *Долбня, ж. перен. Глупый человек. Ён жа даубня даубнёй, ничога не сабражаить; Докучливая басня*. О надоедливом, навязчивом человеке. *Во привязуся, дакучливая басня*.

Анализ диалектной брянской фразеологии позволяет раскрыть фрагмент языковой картины мира жителя региона.

Новейшие феминитивы в современном русском языке

Веремеева Елизавета Сергеевна

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. И. Белица

Исследование посвящено изучению феминитивов, т. е. номинаций лиц женского пола по профессии и виду деятельности, в современном русском языке. Целью работы является системно-семантический анализ и комплексное описание собранных лексических единиц (далее — ЛЕ). Поставленная цель предполагает решение следующих задач: поиск и отбор необходимых для исследования ЛЕ; выявление и описание основных факторов, влияющих на появление таких наименований; определение основных способов словообразования и выявление наиболее продуктивных моделей для образования новейших номинаций женщин; анализ функционально-стилистических и семантических особенностей этих единиц в современных художественных, публицистических текстах и в интернет-среде. Собранные номинации образованы по шести словообразовательным моделям — с помощью прибавления суффиксов «женскости» к ЛЕ, обозначающей мужчину по профессии: 1) суффикса *-к(а)*: *аниматорка, дизайнерка, керамистка* (46 ЛЕ); 2) суф-

фикса *-ш(а)*: *блогерша, иллюстраторша, хореографша* (28 ЛЕ); 3) суффикса *-н(я)*: *астрологиня, блогиня, кардиологиня, политологиня* (25 ЛЕ); 4) суффикса *-иц(а)*: *автомеханица, рекламщица, шрифтовщица* (16 ЛЕ); 5) суффикса *-есс(а)*: *астрологесса, министресса, политеса* (15 ЛЕ). Кроме того, в материале присутствует 3 заимствованные ЛЕ: *барвумен, бизнесвумен, конгрессвумен*. В результате анализа отобранных контекстов в лексическом значении (далее — ЛЗ) исследуемых лексем были выявлены различные коннотативные компоненты (оценочность, экспрессивность, эмотивность):

*Я саркастически смеюсь всякий раз, когда слышу, как какой-нибудь политик, солдат или **дикторка** новостей треплется о «войне против террора»* [Сайт «Радикальная теория и практика» / trpbooks.info/aftershok_preface (2016)];

*Дорогая шепелявая дешевая **продюссерша** звезданутого Плющенко! ВЫУЧИ, плиз, слово ПЬЕДЕСТАЛ!!!* [Комментарий к статье о Яне Рудковской / sovsport.ru/news/text-item/689731 (2014)].

При функционировании феминитивов в современных публицистических текстах в их ЛЗ часто актуализируются следующие дополнительные семы: внешний вид, красота, интеллектуальные способности, поведение, эмоциональное состояние:

*Нет зрелища печальнее на свете, чем пригламуренное **кисо-маркетологиня**, вся такая на шпилечках и с маникюрчиком, ...пробующая давать указания двум мужикам в спецовках* [Бортжурнал инженера-испытателя / users.livejournal.com; (2011)]. Перспективой данного исследования является подготовка лексикографических материалов, дополняющих современные толковые и комплексные словари русского языка.

Языковые средства создания образа молнии как одного из компонентов грозы (на материале русской прозы XIX–XX вв.)

Коновалова Алена Сергеевна

Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. М. Н. Кулаковский

Важной особенностью стиля многих авторов является использование приема остранения, цель которого, по мнению В. Б. Шкловского, — «дать ощущения вещи как видение, а не как узнавание». Актуальность исследования обусловлена тем, что образ молнии проанализирован на основе художественной образной константы (своеобразной ме-

тодологической доминанты), понятие которой разрабатывается Н. В. Халиковой. Кроме того, исследовательница выделяет прототипические константы. Л. Н. Толстой в повести «Отрочество» использует в основном глаголы и прилагательные, соответствующие прототипическим константам молнии: *молния на одно мгновение освещает серое сукно; молния светила шире и бледнее; ослепительная молния*, употребляя при этом всего два глагола, не являющихся прототипическими константами: *молния вспыхивает как будто в самой брочке; молния заставляет лошадей остановиться*. Особенностью повести А. П. Чехова «Степь» является обилие метафорических употреблений, выступающих как ведущий принцип лексико-семантической организации текстового фрагмента: *даль мигала бледным светом, как веками*. Для передачи интенсивности света Чехов прибегает к использованию необычных сравнений: *налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная фосфорическая полоска*. В рассказе А. П. Платонова «Июльская гроза» метафорическое словоупотребление также выступает в качестве ведущего принципа лексико-семантической организации текстового пространства. Для создания зрительной характеристики молнии Платонов использует глаголы, употребляющиеся в переносном значении и способные передать динамичность зрительной картины: *сначала молния бросилась вниз далеко за деревней, но там ей было плохо или некуда было ударить, потому что молния подобралась обратно в высоту неба, и оттуда она сразу убила одинокое дерево*. Постепенно в тексте возрастает роль образных средств, передающих эмоциональную напряженность повествователя и образ молнии как одушевленного явления: *молния тоже умерла в дереве; Антошка увидел молнию, вышедшую из тьмы и ужалившую землю; Антошка понял, что молния, убив дерево, сама не умерла, но прошла через корни дерева в кузницу и снова стала огнем*. Характеризуя действие, связанное с компонентом «гроза», автор прибегает к олицетворению и сравнению: *Лишь далеко-далеко, в чужих и темных полях, вспыхивали зарницы, точно это смежались глаза у усталой тучи*. Таким образом, для изображения молнии авторы прибегают к различным языковым средствам. Толстой изображает молнию с помощью глаголов и определений, как соответствующих, так и не соответствующих прототипическим константам. Особенностью изображения молнии у Чехова и Платонова является использование ярких выразительных средств, таких как олицетворения, сравнения, метафоры.

Стилистически окрашенная лексика в лирике А. К. Толстого

Кожушная Екатерина Юрьевна

Прудникова Екатерина Николаевна

*Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского,
студенты 4 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

В результате исследования лирики А. К. Толстого было выделено несколько тем, особенности авторской трактовки которых подразумевают включение в поэтический текст лексем, по данным «Словаря современного русского литературного языка» в 17 т. (в дальнейшем — БАС), как высокого, так и низкого стиля.

Прежде всего это тема поэта и поэзии:

Меня, во мраке и в пыли / Досель влачившего оковы, / Любви крылья вознесли / В отчизну пламени и слова... И с горней выси я сошел... И слышу я, как разговор / Везде немолчный раздаётся... С любовью в тверди голубой...

По данным БАС, целый ряд лексем здесь имеет словарную помету «высок.».

С помощью высокой лексики Толстой выражает любовно-восторженное отношение к родине:

Я там мечтою чистой, безмятежной / Был озарен...

Лексема *озарен* в БАС помечена как высокая.

В пейзажной лирике поэт создает много красочных описаний природы; почтительное, преклоненное отношение к окружающему миру воплощается в лексемах, стилистически маркированных как высокие. Активно Толстой использует высокие лексемы в любовной лирике.

Просторечная лексика зачастую употребляется Толстым с целью стилизации под народную речь.:

И не смотрит по сторонушкам, / А знай прет вперед, напролом идет... И те очи у него разбегаются; / И кажись, хорошо, а лучше есть! / А и худо, кажись, не без доброго!

В приведенном примере с помощью обилия просторечных слов (*знай, прет, напролом, разбегаются, кажись*) Толстой передает истинно русскую, широкую натуру.

Интересно и использование просторечия в любовной лирике Толстого:

Ты не спрашивай, не распытывай, / Умом-разумом не раскидывай: / Как люблю тебя, почему люблю, / И за то ли люблю, и надолго ли!

При помощи просторечных лексем *распытывать, раскидывать* поэту удается передать искренность и глубину своего переживания.

Разговорная лексика применяется поэтом для образной передачи живой разговорной речи:

И все люди его корят, бранят: / «Ишь идет, мол, озирается! / Ишь стоит, мол, призадумался...»

Лексемы *корят, бранят* с пометой «разг.» передают непосредственность живого разговора, обладают отрицательной оценкой.

Можно заключить, что стилистически маркированные лексемы органически вплетаются в поэтический текст, наполняют его новыми оттенками значений и обогащают словарь писателя.

Цветовая лексика как средство создания природных образов в прозе А. И. Куприна

Волкова Василиса Николаевна

Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. М. Н. Кулаковский

Цветовая лексика является важной частью группы слов, связанной со зрительным восприятием мира, одной из ключевых групп в художественном тексте. Очень часто в рассматриваемых произведениях А. И. Куприна эта лексика становится частью сравнений: ... *вдоль зеленого, густого, как ботвинья, пруда; вода в реке кажется черной, как чернила; протянулся и точно дрожит бог весть откуда падающий густо-золотой луч, и дерево в этом месте кажется отлитым из красной меди; А мухоморы! Точно из красного атласа и вышиты белым бисером*, — что делает художественный образ более ярким. Куприн избирает ряд традиционных объектов природного мира, которые в зависимости от ситуации могут менять свой внешний облик, одним из таких объектов становится небо. Небо в рассказе «Фиалки» постепенно меняет свой цвет от *черного* (ночью во время грозы) к *синему* (в утренние часы), в вечернее время суток небо названо *темным*, используется световая характеристика без точного указания на цвет. В очерке «Ночь в лесу» небо обретает менее традиционный оттенок, оно *ровного скучно-стального цвета* (колоратив дополняется словом-наименованием эмоции, что передает настроение рассказчика, чувствующего себя «разморенным и усталым»), в рассказе «Пустые дачи» небо *кажется таким густым, таким невероятно синим*, сначала дается указание на интенсивность цвета (густой в значении 'сочный, яркий'), затем на сам цвет. Однако самым излюбленным объектом описания становится небо в момент захода солнца. Здесь преобладают оттенки

красного спектра: алые, багровые, а также задействованы лиловый и золотой цвета. Часто в этих описаниях автор использует слова, прямо не обозначающие цвет, но ассоциативно мы все равно понимаем, какой цвет имеется в виду: *едва-едва **пламенеет** тихая заря*. Другой особенностью этих описаний является устойчивое соотношение образа захода солнца с огнем, вернее, догоранием чего-либо: ***лиловое с золотом догорание** запада; долгий осенний закат **догорел***. *Погасла последняя **багровая**, узенькая, как щель, полоска, **рдевшая** на самом краю горизонта; вершины огромных строевых сосен еще **алеют нежным отблеском догоревшей зари**, но внизу уже стало темно и сыро*. Можно сделать вывод о том, что цветовая лексика играет важную роль при создании природных образов в рассматриваемых произведениях. Она придает образу большую глубину и визуализированность, что достигается в том числе включением этой лексики в структуру тропов. Выбор цвета чаще всего обусловлен объектом и временем суток, в которое объект попадает в поле зрения героя: ночью или вечером преобладают темные оттенки, вечером во время заката — оттенки красного, утром — светлые.

Использование специальной лексики при описании персонажа (на материале романа О. М. Куваева «Территория»)

Син Лупин

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. Г. Гулякова*

Авторская идея в романе «Территория» — показ особого мира особых людей — воплощается в основном через создание образов геологов, главных персонажей произведения. Большую роль в создании этих образов играет специальная лексика: термины, профессионализмы и номены. При помощи специальной лексики автор романа изображает профессиональную геологическую среду. Специальная лексика используется и для описания самих персонажей: их внешности, характеров, этапов жизненного пути. Практически каждый из персонажей представлен по определенной схеме: 1) имя — отчество — фамилия (иногда кличка); 2) профессиональный статус; 3) внешность; 4) биография; 5) характер. Первое упоминание имен главных героев предваряется указанием их профессионального статуса, для чего используются термины соответствующей тематической группы — наименование человека по специальности, например: промывальщик Клим Алексеевич Куценко. При представлении биографии в художественном произведении писатель ориентируется на классический жанр биографии, к

признакам которого относятся хронологическая последовательность, использование исключительно фактического материала, отсутствие оценочности. Использование терминологии в биографиях героев создает ощущение объективности, однако полностью уйти от оценки автору не удастся, так как это не реальная биография, а ее изображение в художественном произведении, в котором неизбежно слышен авторский голос. Специальная лексика используется в романе и при создании портрета персонажа. Часто описание внешности сопровождается производственной характеристикой, например: «Куценко был широк корпусом, со стриженным затылком, жестким чубом и ... напоминал жука в брезентухе и сапогах. На Реке он имел репутацию виртуоза в работе с лотком, числился прорабом по штатному расписанию и адъютантом Чинкова по сути».

Специальные слова, обозначающие орудия производства геологов, — неизменная составляющая портрета геолога, например: «С большими металлическими лотками, лопатами на коротких ручках, привьюченными поверх рюкзаков, они походили на старателей...»

При создании производственных характеристик персонажей, содержащих специальную лексику, нередко используются различные выразительные средства: *вламывался в работу, как танк в березки, мамы золотой промышленности* и т. п.

Фразеология как средство создания образа повествователя в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Сур Анастасия Евгеньевна

Южный федеральный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Л. Б. Савенкова

Исследование посвящено рассмотрению роли фразеологических единиц (далее — ФЕ) в речи повествователя (Рудого Панька) в повестях Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и «Сорочинская ярмарка». Обращение к анализу ФЕ в речи повествователя (их 188 наряду с 195 в речи персонажей) поможет воссоздать его портрет: осмыслить специфику склада его ума, степень образованности, аспекты его интереса к персонажам, отношение к изображаемым событиям. Анализ материала показывает, что большинство ФЕ в речи повествователя носит разговорный характер, однако встречаются и нейтральные (*в самом деле, в глубине души, расположение духа* и т. п.), и даже книжные (*вывести заключение, изъяснить раскаяние, обличить во лжи, поразить слух, превратиться во внимание* и т. п.). Безоценочные ФЕ (*в самом деле, в ту же минуту,*

строить план и т. п.), используемые в речи повествователя, призваны сформировать впечатление о нем как о правдивом рассказчике. Наличие книжных ФЕ позволяет почувствовать комизм эпизода или ироничное отношение, которое испытывает повествователь к описываемым ситуациям, поскольку в составе предложения с этими единицами сталкиваются разговорные и книжные слова (ср.: ... *Чуб уже изъявил раскаяние и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощал побранками себя, черта и кума*). В образе повествователя нарочито подчеркивается его принадлежность к православному миру. Отсюда и введение в его речь ФЕ, мотивированных христианскими образами (*бог знает где, погубить свою душу, враг рода человеческого* и др.). Однако и эти ФЕ способствуют восприятию повествователя как человека, осознающего и подчеркивающего комизм положения дел (ср.: *отправить свою душу в пекло* обещает Солохе черт). Употребление ФЕ в речи Рудого Панька по преимуществу при характеристике персонажей дает возможность составить впечатление о повествователе как о человеке, внимательно наблюдающем за внешней стороной поведения людей, способном через их моторику передать их психическое состояние (*выпучить глаза, качать головой, надуть щеки* и др.), нацеленном на отображение конкретных поведенческих реакций действующих лиц (*руки опустить, в ус не дуть, подымать на смех* и др.), часто в гиперболизированном виде (*запрыгать от радости, браться за животы со смеху, обомлеть от страха* и др.). Повествователь, судя по семантике употребляемых им ФЕ, гораздо большее значение придает именно эмоциональной сфере человеческой жизни, чем их способности подключить рациональное начало к осмыслению ситуации: единиц, отсылающих к оценке интеллектуальных способностей персонажа (*в ум не приходится, не долго думая* и др.), немного. Цель повествователя, скрываясь за маской наивного селянина, дать читателю почувствовать свое интеллектуальное превосходство над персонажами, но удивительным образом не перестать им симпатизировать.

Неологизмы в текстах СМИ за 2015–2017 гг.

Вахрушева Мария Александровна

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
студент 3 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, проф. Т. В. Нестерова

Подтверждением динамического характера языка является постоянное изменение его словарного состава, а именно появление неологизмов. Ярче всего данный феномен прослеживается в текстах

СМИ, так как это именно та система, которая чутко реагирует на все изменения в обществе, включая языковые. В ходе данной работы проведен анализ популярных печатных и сетевых СМИ (порталы Lenta.ru, Snob.ru, «Новая газета», «Литературная газета», газета «Комсомольская правда», «Российская газета» и др.).

Отметим, что появление новых слов и словосочетаний отражает не только явления и события современной действительности, но и стимулирует новые процессы в области словообразования, словоупотребления и словоизменения. В этой связи новые явления в лексике необходимо рассматривать с учетом новых словообразовательных моделей. Для рассмотренной лексики можно указать как наиболее продуктивные способы словообразования, так и словообразовательные неоморфемы. Так, в текстах печатных и сетевых СМИ (2015–2017 гг.) появилось большое количество неологизмов, образованных с помощью сложения или сращения целых слов, основ слов, целого слова и части слова, а также с помощью аффиксальных способов словообразования. При этом в качестве производных выступают как русские лексемы, так и заимствованные. Например, к продуктивным относятся неологизмы, составной частью которых является заимствованное слово *селфи*. Среди неологизмов можно выделить узуальные и индивидуально-авторские, окказиональные. Такие неологизмы чаще всего возникают в текстах СМИ, посвященных политическим событиям. Также за два года появилось много неологизмов, образованных на базе фамилий известных политиков: Меркель, Трамп, Кадыров, Псаки. В ходе анализа текстов было обнаружено, что и авторские неологизмы могут становиться «донорами» словообразовательных парадигм. Так, придуманное писателем В. Дороховым в 2000 г. существительное *лжизнь* стало актуальным для обозначения реалий современной жизни, оно дало целый ряд неологизмов в интернет-среде. Также нам удалось выяснить, что неологизмы обладают возрастной маркировкой. Так, слова *мимишное*, *ничоси!*, *фэйспалм*, *троллинг* не знакомы людям старше 30 лет. Данные неологизмы получили распространение исключительно внутри интернет-пространства, поэтому являются актуальными только для молодежной речи. Перспективным направлением, думается, будет выявление новых словообразовательных моделей и неоморфем в различных типах дискурса.

Наблюдения над новыми заимствованиями

в сфере модной одежды и обуви

Вешнякова Анастасия Владимировна

Институт лингвистических исследований РАН, аспирант

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Н. Приёмывшева

Одежда и обувь относятся к необходимым повседневным предметам обихода и жизнедеятельности человека. Количество наименований современной модной одежды и обуви, и так традиционно являющихся языковыми новациями, на современном этапе и особенно в последнее десятилетие увеличивается гораздо интенсивнее, чем в предыдущие периоды.

Благодаря глобализации в сфере моды количество новых наименований сильно возросло. Новые слова возникают не столько как результат необходимости наименования новых реалий, сколько как акт повышения коммерческого интереса к изделиям, что вызвало такую тенденцию, как невероятное количество видовых наименований одного рода изделия, например, обуви (*десерты, эспадрильи, джодпурры, монки, оксфорды, винг-типы, челси, пэддоки, гриндерсы, топ-сайдеры, клоги, криперсы, слипоны, слиперы, чопперы, сникерсы* и мн. др.), свитеров (*свитшот, худи, твинсет, бомбер* и др.), брюк и джинсов (*бермуды, гёрлфренды, бойфренды, чиносы, джоггеры, джеггинсы*), пальто (*кокон, сваггер, дафлкоут*) и мн. др.

В докладе представлена классификация по тематическим группам и анализ лексики по следующим источникам: иллюстрированные «модные словари» из известных модных блогов и журналов, из интернет-версий ведущих магазинов одежды, например H&M, Bershka, Pull&Bear, «Эконика» и др., где представлен актуальный лексический материал.

Отобранная лексика оказалась разнородна тематически и в генетически-словообразовательном аспекте (заимствование, сложение), она также имеет существенные номинативные различия.

Метафора в идиостиле С. Д. Кржижановского

Сорока Мария Станиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. А. Митрофанова

Доклад посвящен анализу идиостиля С. Д. Кржижановского, ключевым приемом формирования которого является метафора. Материалом для исследования послужила повесть «Штемпель: Москва (13 пи-

сем в провинцию)» — одно из немногих произведений, опубликованных при жизни Кржижановского. В этот сравнительно небольшой текст заложен глубокий философски-онтологический смысл. Актуальность работы обусловлена тем, что проза Кржижановского мало изучена с позиций лингвистики, несмотря на то что интерес к наследию писателя достаточно велик. Цель исследования — описание авторского идиостиля (системы значимых для писателя принципов организации текста), в котором метафора является одной из базовых характеристик. В процессе анализа мы опираемся на семантическую теорию метафоры Н. Д. Арутюновой, понимая данное средство как способ схватывания индивидуальности конкретного предмета или явления, передачу его неповторимости. Организуя текст метафоры были распределены по четырем группам: номинативные, образные, когнитивные, генерализирующие. Художественной задачей Кржижановского является изучение сознания «изнутри». Писатель пытается проникнуть во внутренние бездны человеческого бытия, увидеть его закономерности и противоречия, которые становятся явленными благодаря образам времени и пространства. Этому способствуют преимущественно когнитивные метафоры (например: «Проблема материализовалась, обступила меня тысячью каменных коробов, протянулась под подошвами тысячью кривых и ломаных улиц...»; «Но мне уйти из своей темы — никак: я живу внутри ее»). В рассматриваемом тексте в первую очередь метафоризируется пространство Москвы. «Путание» и «распутывание» — две партии диалога, который ведется между городом и тем, кто хочет его понять и осмыслить. Как отмечает В. Г. Перельмутер, Кржижановский пытается узнать Москву — понять ее смыслы. А затем предаёт понятое — понятия — суду образов и метафор, сращивая в своей прозе содержательную серьезность мыслей с фабульной занимательностью, отправляет мысли в лабиринты приключений — с выходом-развязкой. Такой эффект во многом достигается с помощью высокой насыщенности текста метафорами-образами.

Просторечие в политическом дискурсе

Овчинникова Валентина Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. пед. наук, доц. Л. Г. Гусева

Появление просторечных элементов в речах первых лиц государства является актуальным вопросом. Просторечие — это элемент разговорной речи, который не имеет ничего общего с языком политического дискурса. Однако в новейшее время наблюдается тенденция к

упрощению речи политиков. Цель данного исследования заключалась в выявлении просторечия как манипулятивной стратегии в политическом дискурсе на примере речей В. В. Путина.

Анализ проводился на примере речей, которые были отобраны с учетом речевой ситуации и адресата: речи, обращенные к аудитории на мировом уровне и на внутригосударственном уровне; речи спонтанные и подготовленные. Материалом исследования послужили пять интервью, две статьи президента в иностранных изданиях, восемь стенограмм с сайта Kremlin.ru, пять стенограмм со встреч на международном уровне с представителями других государств и две стенограммы встреч с представителями управляющих органов РФ, стенограмма выступления, обращенного к населению; две видеозаписи пресс-конференций, фильм «Президент», четыре репортажа с центрального телевидения. В результате было просмотрено 16 текстов, содержащих 35 385 слов. Общая продолжительность видеоматериала составляет 7 часов 19 мин 4 сек.

В ходе исследования было обнаружено, что существуют речи, в которых президент не употребляет просторечных элементов (речи, обращенные к студентам и ветеранам), и такие речи, в которых присутствуют разные виды просторечных элементов. Употребление этих просторечных единиц выступает в комплексе с другими стратегиями и тактиками политического дискурса, которыми пользуется Путин.

Было доказано, что употребление просторечных элементов является осознанной и направленной на достижение определенных целей стратегией: обвинения, оценки, гиперболизации, акцентирования внимания, компрометирования, обращения к ценностям определенного адресата, призыва к единению.

В результате исследования был составлен словник просторечных элементов в речах Путина, дополнены классификации О. Н. Паршиной и В. В. Химика.

Способы выражения оценочных смыслов при переводе на русский язык (на материале романа Р. Желязны «Ночь в одиноком октябре»)

Филатова Ганна Алексеевна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 2 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. В. Уржа

Исследование сфокусировано на таких средствах текстовой выразительности, как оценочные суждения. Стремление передать эмоции или впечатления, вызвать у читателя определенные ощущения и сформировать основания правильной интерпретации текста приводит писателя к необходимости использовать выразительные средства. Для этого удобнее всего транслировать свою ценностную систему с помощью лингвистических средств, содержащих прямую оценку либо оценочные смыслы.

Материалом исследования является роман Р. Желязны (1937-1995, Zelazny) «Ночь в одиноком октябре» («A Night in The Lonesome October»). Специфика текста заключается в том, что повествователь является одним из героев, но при этом активно размышляет над происходящими событиями от первого лица. Поэтому он, с одной стороны, стоит дальше от всех остальных персонажей и постоянно делится с читателем своими мыслями и наблюдениями, а с другой — ограничен рамками повествования и не может абстрагироваться от сюжета.

Указанные особенности текста обуславливают субъективность взгляда повествователя и его пристрастность в суждениях и оценках. В тексте регулярно встречается оценочно окрашенная лексика и оценочные высказывания. Они могут быть прямыми или косвенными, иметь разговорный или возвышенный оттенок, а также ироническую окраску.

Для выражения оценки в романе используется целый комплекс лингвистических средств. Ядром комплекса являются качественные прилагательные и образованные от них наречия, прямые номинации (слова с определенной семантикой или стилистическим оттенком), сравнения и описательные обороты.

В работе анализируются наиболее частотные в романе оценочные средства: оценка внешности других персонажей, а также комментирование действий.

Переводной текст является хорошим материалом для подобного исследования, так как переводчики могут передавать смысл оригинала совершенно разными способами. Кроме того, интенсивность оценки и вообще ее наличие или отсутствие может варьироваться по сравнению с оригиналом, например, *а он оттуда свалился — откуда толстяк не преминул свалиться, у него были экзотические виды — некоторые экземпляры выглядели довольно экзотично.*

Сопоставление разных русских переводов, с одной стороны, позволяет лучше понять природу оценочных суждений, а с другой — дает

возможность лингвистически обосновать разницу между восприятием разных переводов.

ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

«Такой» в номинативных сочетаниях — всегда ли местоимение?

Шклярук Екатерина Ярославовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

В докладе рассматриваются функции единицы *такой* в номинативных сочетаниях, а именно в сочетаниях с существительными и местоимениями (*он такой, такие дела*). Исследование было проведено на материале звукового корпуса ОРД («Один речевой день»), который создан в Санкт-Петербургском государственном университете и включает звукозаписи русской повседневной речи. Корпусный подход к анализу материала позволил увидеть специфику функционирования слова *такой* в спонтанной речи, в том числе — выделить его употребления, не зафиксированные в словарях и грамматиках. В академических изданиях *такой* характеризуется как указательное или определительное местоимение, как существительное или как местоименное прилагательное. Словари определяют значение данной единицы, соотнося его с морфологической характеристикой. Многие дефиниции включают и прагматическое значение слова *такой*, то есть его функцию. Однако спонтанная речь демонстрирует целый ряд новых функций, пока не описанных словарями, ср.: *а я там **такая** / наяриваю / эти восьмерки / вообще /*. Анализу был подвергнут 21 речевой эпизод, выбранный случайным образом. На данном материале удалось выявить 116 сочетаний слова *такой* с существительными и местоимениями: 65 контекстов с *такой* в препозиции (*такой дом*) и 51 — в постпозиции (*мы такие, умник такой*). Оказалось, что этот параметр достаточно хорошо коррелирует с функцией слова *такой*. Так, в роли ксенопоказателя (показателя чужой речи) способно выступать только постпозитивное *такой* (*а был вечер / пол десятого // я **такая** / о-о/ вы приехали // а у вас завтра занятия будут? / они **такие** / будут*). В целом анализ материала позволил выявить основные функции слова *такой* в устной речи: указатель-

ный маркер; усилительный маркер; hesitantный маркер; изобразительный маркер; маркер-ксенопоказатель.

Грамматика и семантика глагола «сподвигнуть» в исторической перспективе

Корнилов Константин Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: ст. преп. С. В. Друговейко-Должанская

Исследуя то, каким образом норма подвергается воздействию узуса, мы рассматриваем ее в узком значении — как «результат целенаправленной кодификации» (Л. П. Крысин). Одним из важнейших источников изменения нормы является живая речь, в которой носители языка зачастую употребляют некодифицированные слова, словосочетания и конструкции. Как правило, это варианты уже имеющихся нормативных конструкций. Со временем, ввиду массовости употребления, варианты могут быть признаны возможными и стать частью нормы. Более интересный случай — исчезновение и «возрождение» слова: бывшее некогда нормативным, слово пропадает на какое-то время, а потом появляется снова, но уже вне рамок нормы. Именно такая история у глагола *сподвигнуть*. Он зафиксирован в словарях церковнославянского и древнерусского языка со ссылками на тексты XII–XVII вв. Значение его было сходно со значением глагола *подвигнуть*, но первый имел дополнительное значение ‘возбудить, вызвать что-либо’, которого не было у его ближайшего «родственника», а также обладал оттенком совместности выполняемого действия. Словари XVIII–XX вв. этот глагол не фиксируют: его нет ни в одном толковом словаре русского языка, не встречается он и в словарях трудностей. Однако со второй половины XX в. *сподвигнуть* постепенно возвращается в русский язык, а материалы Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что с 1990-х гг. и до настоящего момента частотность употребления глагола только растет. О «возрождении» глагола свидетельствует и тот факт, что в последнем издании «Русского орфографического словаря» (М., 2013) глагол зафиксирован — однако с пометой «сниж. к *подвигнуть*». Почему? Именно этому вопросу и посвящено настоящее исследование. Вернувшийся в язык в 1970-е гг. глагол изменился: из многозначного глагола, каким он был в текстах XII–XVII вв., превратился в однозначный — синоним слова *подвигнуть*; возвратная форма хоть и сохранилась, но полностью поменяла свое значение. Таким образом, перед нами стоит ряд вопросов: каковы причины возвращения глагола

сподвигнуть в русский язык; что в сознании носителей языка эти глаголы различает: связано это различие с семантикой вида и приставки «с-», которая утратила в современном употреблении глагола некогда присущее ей значение совместности, или причина этого явления — ощущение носителями языка различия между глаголами в отношении стилистической «возвышенности» и уместности в различных контекстах?

Русские приставочные глаголы движения и их соответствия в турецком языке

Таштан Энес

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Д. Воейкова*

В современном русском языке выделяется группа глаголов, названных «глаголами движения», или «глаголами перемещения» (термин А. В. Исаченко). Двум глаголам, обозначающим перемещение в пространстве в современном русском языке, соответствует один глагол в турецком языке. Для выражения одно/разнонаправленности движения по земле, по воде и по воздуху в русском языке используются глаголы движения первой и второй группы, передающие сопутствующие значения, такие как многократность действия и т. п. Эта специфика в турецком напрямую не выражается (кроме дополнительных лексических средств, таких как наречия, обстоятельства места и т. д.). Материалом для доклада послужили русские приставочные глаголы движения и их турецкие соответствия в «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя и ее переводе, осуществленном К. Юкселером, известнейшим знатоком классической русской литературы. Чтобы грамматически передать особенности русских глаголов движения на турецком языке, в перевод добавляются такие семантико-грамматические нюансы, как эвиденциальный показатель или сериальные конструкции, которых в русском не существует. Например: *Вчера волостной писарь **проходил** поздно вечером...* Глагол *проходить* переведен глаголом *geç-iyor-muş* (*geç-tek* инф. 'пройти') в прош. субъективном вр. В конце слова *geç-iyor-muş* употребляется дополнительный аффикс прош. субъективного вр. *-muş* (эвиденциальный показатель) для выражения неуверенности и того, что говорящий не был свидетелем совершения действия, а знает о событии со слов другого лица; оно проходило без сознательного участия говорящего, но он знает и судит о нем. В следующем примере употреблена сериальная конструкция: *Хиврия с радости, что я продал кобылу, **побе-***

жала... В этом предложении *побежала* передается двумя глагольными формами: *koş-arak gitti* 'побежав пошла' от глагола *git-mek* инф. 'пойти' с деепричастием *koş-arak* 'побежав'. С типологической точки зрения, это означает, что в турецком способ движения передается при помощи дополнительной, второстепенной глагольной формы, в то время как в русском языке он инкорпорирован в глагольную лексему. Новый семантический элемент, которого требует турецкая грамматика, может опираться на привычное употребление грамматической конструкции, ср.: *Как вот раз, под вечерок, **приходит** какой-то человек...* Глагол *приходит* переведен формой *çık-a-gel-miş* (*çıkagelmek* инф.), употребленной в значении 'вдруг, внезапно появиться, неожиданно объявиться' (*çıkarak* 'выходить'), подчеркивающим внезапность действия. В русском тексте этот компонент избыточен, а в турецкой грамматике он естественным образом сочетается с семантикой неопределенности субъекта и с правилами повествования о событии. Такие обязательные семантические наращения нуждаются в дальнейшем исследовании.

Средства выражения оценки в русском и китайском языках (на материале параллельных текстов)

Ван Илин

*Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Д. Воейкова*

Оценка как отражение ценностных ориентаций является универсальной категорией. В соответствии с формально-семантическими критериями мы определяем как оценочное любое высказывание, которое допускает «безошибочное разногласие» (термин К. Умбаха) и может вводиться оператором «X считает», например: *X считает, что жена чиновника неумна*. Критерий «безошибочного разногласия» допускает продолжение: *А У считает, что она очень сообразительна*, причем оба высказывания истинны. В каждом языке мира оценка выражается своеобразно. В соответствии с принципами функциональной грамматики А. В. Бондарко мы стараемся описать систему средств выражения оценки в русском и китайском языках и сравнить речевые реализации этих систем на материале параллельных текстов. Оценка не может считаться функционально-семантическим полем, так как она не опирается на морфологические средства. Данное значение передается при помощи лексики, словообразовательных элементов и синтаксиса. В китайском языке оценочные понятия часто композициональны: лексемы, обозначающие оценку, складываются из двух или более элементов,

например: *yíng xióng* (талант + могучий) 'герой-исполин', *huáng táng de* (маловероятный + преувеличенный + служебная частица) 'нелепый'. В русском языке словообразовательные элементы играют в выражении оценки второстепенную роль, ср. неодобрительные номинации *козлице, бабуща*. Чаще всего оценочные понятия передаются или одной лексемой, например: *негодяй, жадина, зануда*, или атрибутивным словосочетанием: *нечестный человек, очаровательная женщина*. Второй способ обозначения соответствует китайским сложным понятиям и в русском языке обычно включает существительные-гиперонимы. Анализ параллельных текстов показал, что оценка может быть и имплицитной, например в полном предложении со словами, не содержащими оценочного значения, которое передает, однако, оценочный смысл: *Xióng pǐ hǎo bù lǒng qǐ, yào bān xī cháng jiāng zhī, tún bù bié xià qū, huò xiāng yì kuài yǐng tǐng tǐng de cuō bān* (букв. «Грудь совсем не вздымается, поясница и спина тонкая, длинная и прямая, зад втянулся, словно одна твердая и ровная стиральная доска») 'Грудь не различишь под одеждой, спина длинная, прямая, бедра узкие, зад плоский — всё равно что стиральная доска.' Различия в способах выражения оценки в русском и китайском языках проявляются на уровне конкретных высказываний, например: *Nà ge yì yuán de jī zhēn shì chōu qǐ xūn tiān*. (букв. «Той больницы приемный покой вонь валит в небо») 'Там такая вонища в приемном покое.' Русские словообразовательные средства оказывают влияние на выражение степени признака, которая по-китайски может быть передана только синтаксически. Дальнейший анализ покажет, как указанные различия влияют на восприятие текста.

Приемы деконструкции текста и их функция в книге Д. А. Гранина «Всё было не совсем так»

Кузнецова Полина Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. С. В. Вяткина

Исследование деконструкции современного художественного текста в коммуникативном аспекте (рассмотрение художественного текста в модели «повествователь и его восприятие мира») проводится на материале книги Д. А. Гранина «Всё было не совсем так», формально обладающей четкой структурой — три части, каждая из которых делится на главы. Подавляющее большинство глав, в свою очередь, распадается на самостоятельные фрагменты, отделенные друг от друга отточиями, что формирует дискретный текст с многочисленными

вставными фрагментами, связь между которыми не всегда очевидна: они следуют друг за другом, подчиняясь скорее ассоциациям писателя. Фрагменты в рамках одной главы, как правило, посвящены разным темам, не всегда сопоставимым по масштабности (воспоминания о Великой Отечественной войне и случайно услышанный диалог), что позволяет говорить о синтаксической и смысловой дискретности текста.

Дискретность текста на синтаксическом уровне отражает тенденцию к деструкции, т. е. нарушению связности и линейности текста, что реализуется в многочисленных вставных конструкциях (далее — ВК) на уровне предложения и текста. Выявляется роль ВК в дезинтеграции текста и экспликации повествовательного субъекта.

Синтаксическая дискретность поддерживается средствами метаграфемы (Н. Л. Шубина), которые задают модель восприятия текста читателем. Автор использует вертикальный пробел и отточия для графического разграничения отдельных фрагментов в составе главы, частое абзацное членение.

Мысль автора движется вокруг нескольких основных тем, которые являются сквозными для книги в целом (воспоминания о своей жизни, размышления о современной жизни и культуре, осмысление советской эпохи), что и определяет сюжет книги «Все было не совсем так», формирующий целостность текста произведения, — осмысление современных автору исторических событий. В книге сильно выражено автобиографическое начало: уже название (и его графическое оформление: «Все было не совсем так») говорит о том, что писатель стремится рассказать о событиях советской эпохи так, как он сам их помнит и воспринимает. Несмотря на неизбежную субъективность повествования, автор пытается отстраниться от описываемого, не давая однозначной оценки, а лишь сообщая читателю факты. На объективность текста «работают» такие приемы деконструкции, как ВК, абзацное членение и графическое оформление.

Самоидентификация в эпистолярном наследии А. К. Толстого как форма авторского самоопределения (лексико-семантический аспект)

Кузнецова София Андреевна

*Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского,
студент 2 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

А. К. Толстой — представитель позднего русского романтизма в историко-литературном процессе XIX столетия. Потомкам Толстой оставил не только драматические и лирические произведения, но и эпистолярное наследие — важнейший документальный материал для изучения его жизни и творчества. Письма Толстого являются источником информации о его художественном мировидении. Целью исследования являлось определение круга ключевых лексем (далее — КЛ), составляющих словесный автопортрет Толстого. Мы опирались прежде всего на самономинацию автора, входящую в лексическое окружение местоимений «я» и «мой / моя / мое / мои». Собранный материал отражен в многоступенчатой классификации лексем-самоидентификаторов.

1. КЛ с семантикой «Характеристика личности». Здесь, по нашему мнению, целесообразно выделить подпункты: 1) внешность («...Я же пойду в саперы, чтобы не брить *бороду*») и 2) черты характера («Характер у меня — *с надрывом*, он чувствителен к малейшему прикосновению, но мелочности в нем нет...»).

2. КЛ с семантикой «Характеристика мировоззрения». Ко второму пункту мы отнесли лексемы, выражающие: 1) нравственные основы («...если я не смогу остаться *честным* человеком на этом месте, я уйду во что бы то ни стало, хоть *напролом!*», «Мой ум *медлен* и находится в под влиянием моих *страстей*, но он *справедлив...*», «Я всегда предвидел большую способность *самоотвержения*, — но во имя чего?..»); 2) взгляды на искусство («Я родился *художником*», «Но в моей личной жизни я хочу *жить искусством и во имя искусства*»); 3) взгляды на политику («Я никогда не мог бы быть *ни министром, ни директором департамента, ни губернатором*», «Я не чиновник, а *художник*»). Кроме того, встречаются лексемы, характеризующие национальную принадлежность Толстого (*я малороссиянин, я славянин*). Несколько более распространенными являются лексемы, характеризующие состояние души поэта, его настроение (*мне грустно, все мое существо растерзано, моя натура возмущается*) и его трепетное отношение к жене (*я в гораздо большей мере — ты, чем — я сам; никто, кроме тебя, не может меня исцелить*).

Таким образом, лексико-семантическое исследование эпистолярного наследия А. К. Толстого позволяет утверждать, что поэт и драматург оставил потомкам полную характеристику своей личности, своего мировоззрения и миропонимания. Не имея цели превознести свою личность, он в то же время охарактеризовал себя как человека интеллигентного, честного, справедливого, порядочного, любящего всем

сердцем любое проявление искусства и воспевающего его в каждом слове.

Дифференциация значения терминов «арго», «жаргон» и «сленг»

Фролова Татьяна Владимировна

Московский городской педагогический университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. пед. наук, доц. С. Б. Гуляниц

Изучение особенностей разговорной речи получило распространение начиная с 1960-х гг. (Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, О. Б. Сиротина и др.). В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» представлены следующие термины, в той или иной степени имеющие отношение к разговорной речи: профессионализмы, просторечие, вульгаризмы, жаргонизмы, арго, сленг, диалектизмы. Большинство из представленных терминов имеет четкие определения и легко дифференцируется. Однако до сих пор нет полного единства в разграничении терминов «арго», «жаргон» и «сленг». В ходе исследования были проанализированы различные источники (диссертации, монографии, статьи, учебники и словари) и выявлены схожие и различные подходы к пониманию изучаемых терминов. Основные выводы следующие: 1. Главным отличительным признаком «жаргона» является принадлежность использующих его лиц к определенной профессии, роду занятий, общность их интересов, привычек, пристрастий, увлечений, совместное времяпровождение. Например, в русском языке: *склянка* в речи моряков обозначает полчас, *подвал* в речи полиграфистов — статью, занимающую низ газетной полосы. В английском языке: *tin fish* (букв. 'жестяная рыба') обозначает подводную лодку, *tin-hat* (букв. 'жестяная шляпа') — стальной шлем. 2. Главным отличительным признаком «арго» является принадлежность использующих его лиц к преступному миру или низшим классам общества, при этом наблюдается намеренное игнорирование говорящими норм литературного языка. Например, *мокруха* — это убийство, *хавка* — пища. В английском языке: *cop* — это полицейский, *dead duck* — абсолютный провал. 3. Для «сленга» характерны новые слова и модные иностранные заимствования; он часто может быть использован для того, чтобы скрыть значение слова от людей, не принадлежащих к кругу друзей, или показать принадлежность к определенному сообществу. Сленг часто используется подростками. Например, *шुзы* обозначают туфли, *перенты* — родители, *мэн* — мужчина, человек. В английском языке: *dough* обозначает деньги, *rough neck* — хулиган, *skedaddle* — улететь.

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

«Что говорит! И говорит, как пишет...»

Употребление конструкций с отглагольными существительными в русской разговорно-обиходной речи

Загороднюк Антонина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. В. Хорохордина

Вопрос о соотношении устной и письменной речи долгое время находится в поле зрения отечественной лингвистики. На разных этапах существования русского литературного языка преобладающее направление влияния одного типа речи на другой было неодинаковым. В наши дни благодаря развитию СМИ, телевидения, интернета в обиходно-бытовую культуру русского человека проникают понятия, выходящие за рамки обиходного общения. Свой отпечаток на повседневное общение может накладывать профессиональная деятельность говорящего. Таким образом, для сложного содержания оказывается необходима и сложная форма, которая может заимствоваться из письменной речи.

Целью данного исследования является попытка проследить закономерности употребления и функционирования конструкций с отглагольными существительными (далее — ОГС), изначально свойственных письменной речи, в устной разговорной речи на русском языке. Материал исследования представляет собой записи разговорных диалогов и монологов, размещенных в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Было рассмотрено более 600 примеров употребления конструкций с ОГС со значением действия. При анализе примеров внимание уделялось функционированию данных конструкций в разговорной речи, включающему в себя как использование конструкций с ОГС в качестве коммуникативного стереотипа — формулы, штампа, цитаты (*С приездом! <...> по распределению <...> на момент заключения договора*), так и образование конструкции в момент речепорождения.

Промежуточные результаты исследования показывают, что в устной разговорной речи говорящий прибегает к использованию конструкций с ОГС в качестве вторичной номинации чаще в монологе, в таких жанрах, как рассказ о своей жизни, истории семьи или родного

края, рассказ об увлечениях, что может быть вызвано желанием структурировать свою речь. Именно в данных случаях чаще всего встречается подбор или образование конструкции ОГС в момент речи. В разговорном диалоге данные конструкции обладают большей степенью стереотипности, что, вероятно, связано с необходимостью быстро отреагировать на реплику собеседника и поддержать разговор.

Результаты исследования могут быть использованы при обучении монологической и диалогической речи на уроках русского языка как иностранного и, в частности, при изучении средств вторичной номинации действия в устном тексте.

Растительные стереотипы в составе русских паремий

Чу Хайи

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. пед. наук, доц. Н. Е. Якименко*

Примером растительного кода культуры в русском языке является фитоним *береза*. Слово *береза* очень древнее. По данным этимологических словарей это слово существовало в старославянском (*брьзьнь* — ‘апрель’), общеславянское — **berza*, индоевропейское — **bhereg-* ‘светлое, белеющее’. Для многих индоевропейских языков значение слова восходит к понятию «белый» (по необычному цвету коры дерева). В словаре «Славянские древности» говорится, что береза — «одно из наиболее почитаемых деревьев... дерево “счастливое”, оберегающее от зла». Во многих поверьях, обрядах и фольклорных текстах береза символизирует женское начало.

Вопреки нашим ожиданиям, пословиц с фитонимом «береза» оказалось не так много: в словаре В. И. Даля удалось найти около 20 паремий с этим компонентом (сравним: с компонентом «дуб» — 30 единиц, с компонентом «дерево» — около 100, с компонентом «сосна» — 35). Символические и стереотипные значения лексемы «береза» в составе паремий практически не реализуются. Можно сказать, что в пословицах отражено народное представление о том, что береза «дерево “счастливое”, оберегающее от зла»: *Береза — не угроза: где стоит, там и шумит; Березка, где растет, там хорошая жизнь*. В результате анализа пословиц с компонентом «береза» можно выделить стереотипные представления народа о различных ситуациях. Например, «дети похожи на своих родителей»: *Какие березки, такие и отростки; От березы ива не вырастет*. Стереотипные ситуации могут быть представлены в виде противопоставления «дерево — человек»: *Горбатую березу расправишь, да поправишь, а дурного человека хоть парь, хоть май — всё таким*

останется; Кривая береза не удержит снега, плохой человек не сдержит слова; Вот так ловкий: на лежащую березу до самого верха влез. Стереотипные ситуации могут быть представлены в виде намека на поведение человека, они могут быть высказаны «обиняком»: *Вкруте береза ломится, а исподволь и ольха гнется; Крепка береза, да на ось не годится.*

В составе паремий фитоним *береза* участвует в создании стереотипных ситуаций, стереотипных представлений, отражающих особенности мировидения русского народа.

Лингводидактический потенциал учебного пособия «Русская народная культура» в формате MOODLE

Петонова Аюна Владимировна

Томский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. Б. Банкова

Электронное обучение как современная форма получения образования предполагает широкое использование в учебном процессе дистанционных образовательных технологий. В докладе освещается тема лингводидактического потенциала электронного пособия как средства повышения качества изучения русского языка как иностранного.

Учебное пособие «Русская народная культура» предназначено для студентов, которые уже владеют русским языком в объеме базового курса и хотят расширить и усовершенствовать свои знания. Пособие представляет собой открытую дидактическую систему, функционирование которой основано на авторской концепции изучения конкретной дисциплины.

На этапе проектирования мы исходим из основных концептуальных педагогических положений, используемых в электронном обучении:

— организация самостоятельной деятельности студентов в системе дистанционного обучения предполагает использование педагогических технологий, учитывающих специфику данной формы обучения и стимулирующих раскрытие способностей и возможностей каждого обучаемого;

— дистанционное обучение предусматривает активное взаимодействие студентов как с преподавателем, так и друг с другом, предполагает сотрудничество в процессе усвоения различных видов учебно-познавательной и творческой деятельности;

— важно, чтобы студенты учились самостоятельно приобретать знания, используя разнообразные источники информации и имели при этом возможность работать в удобное для них время.

— студенты с самого начала должны быть вовлечены в активную учебно-познавательную деятельность, основанную на применении знаний для решения реальных задач;

— пособие должно строиться с использованием различных форм систематического контроля и обратной связи, предусмотренной в структуре учебного материала.

Структура учебного пособия представляет собой несколько тематических разделов, касающихся русской культуры в целом и культуры Сибири в частности.

Раздел «Русские традиции и национальный характер в аспекте обучения русскому языку как иностранному» включает в себя следующие темы: «Дом и семья», «Русский стол», «Русские праздники», «Русский национальный характер».

Учебное пособие разработано на материале художественных, публицистических, фольклорных текстов. На примере одного раздела описаны структура урока, лингводидактический потенциал учебного материала, лексико-грамматические упражнения, характерные для учебного пособия «Русская народная культура» в целом.

Лингвокультурный потенциал имен прилагательных, описывающих внешность человека в повести А. П. Чехова «Палата № 6» (на фоне китайских аналогов)

Лю Тун

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. Н. Колосова*

В докладе рассматриваются особенности перевода на китайский язык имен прилагательных, описывающих внешность человека, в повести А. П. Чехова «Палата № 6». Как известно, имя прилагательное — это одна из основных частей речи в современном русском и китайском языках.

Изучение имени прилагательного на материале творчества писателя имеет ряд неоспоримых преимуществ. Оно позволяет объективным путем зарегистрировать функции прилагательного, значительно расширить представление о потенциальных значениях данной части речи, установить состав прилагательных у данного автора и определить своеобразие их употребления.

На данный момент существует три различных варианта перевода повести Чехова, но по ряду причин мы обратились к переводу Жу Луна. В первую очередь это связано с тем, что именно в этом переводе данная повесть изучается в китайской школе. Во-вторых, Жу Лун является одним из самых известных литературных переводчиков, занимавшихся творчеством А. П. Чехова — им переведено почти 90% произведений писателя. В каждом языке, в его грамматике и лексике отражаются особенности мировидения представителей данного языкового сообщества. При этом перевод текста и его оригинал могут не быть тождественными. В частности, различия в переводном и оригинальном тексте могут возникать при передаче определений, выраженных прилагательными.

Мы выделяем среди вариантов перевода русских прилагательных на китайский язык три группы:

- 1) полные эквиваленты: *осанка внушительная* — 神态威严;
- 2) частичные эквиваленты: *красный нос* — 鼻子 通红 (иероглиф 通 имеет значение 'очень', сочетание 通红 — 'ярко-красный');
- 3) отсутствие эквивалентности: *широкое лицо* — 方脸盘 (сочетание 方 — в буквальном переводе на русский язык означает 'квадратный', но в данном случае слово употребляется в переносном значении: 'скуластый, широкий'; вторая часть — 脸盘 — 'лицо').

Наиболее распространенные произносительные ошибки при освоении русского языка как иностранного китайскоговорящими студентами

Реутова Майя Анатольевна

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С. П. Королёва, студент 4 курса

Научный руководитель: ст. преп. Д. В. Тимошина

Цель доклада — описать основные ошибки в произношении, совершаемые китайскими студентами, и сформулировать рекомендации по их устранению.

Задачи:

- 1) сопоставить фонетические системы русского и китайского языков;
- 2) выявить типичные ошибки в произношении русских звуков и их сочетаний;
- 3) сформулировать методические рекомендации по их устранению.

Основным методом исследования был выбран сопоставительный, так как он позволяет проанализировать фонетическую структуру каждого из языков и выявить особенности, которые могут привести к ошибкам.

Разбор тех или иных языковых фактов обусловлен их сложностью и порядком освоения студентами во время вводно-фонетического курса русского языка как иностранного. Учащиеся из Китая сталкиваются с проблемами в произношении русских звуков из-за глубинных различий в фонетических системах русского и китайского языков. Артикуляционные навыки учащихся-китайцев сильно отличаются от тех, которые требуются для чистого произнесения русских звуков. Недостаточно хорошо поставленное произношение некоторых звуков имеет сложно устранимые последствия. На основе анализа основных различий фонетических систем русского и китайского языков нами выделены основные звуки, которые вызывают подобные затруднения. Так, часть ошибок связана с тональной системой китайского языка, в котором слог содержит не более четырех звуков, а сочетание согласных звуков не допускается (是/对 — [shì/duì] — ‘да’, 谢谢 — [xiè xiè] — ‘спасибо’). В русском языке возможны сочетания двух и более согласных звуков (*привет, государство*).

Основные ошибки, выявленные в ходе исследования:

1. Эпентеза (п[е]ривет — ‘привет’, с[ы]пасибо — ‘спасибо’, луч[и]ше — ‘лучше’).
2. Диереза (пивет — ‘привет’, пасибо — ‘спасибо’).
3. Неразличение и смешение глухих и звонких согласных (смешиваются такие пары слов, как [г]о[т] — [к]о[т], [г’]и[т] — [к’]и[т], [д]ом — [т]ом).
4. Неразличение и смешение твердых и мягких согласных ([м’и] — ‘мы’, за[б’и]вать — ‘забывать’).
5. Ротацизм (опущение звука [р]: п_ивет, госуда_ство).
6. Параротацизм (смешение звуков [р] и [л]: п[л]ивет, [л]усский язык).
7. Смешение звуков [р] и [ж] (смешиваются такие пары слов, как [р’]ечь — [ж]ечь).

По результатам данного анализа был создан комплекс рекомендаций к вводно-фонетическому курсу с учетом требования коммуникативного подхода и государственного стандарта по РКИ. В методической разработке присутствуют упражнения для развития фонематического слуха и артикуляционных навыков.

Лингвокультурные особенности глагольно-пропозициональных фразеологизмов с семантикой 'вред'

Чэнь Вэйцзя

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. Н. Колосова

Фразеологизмы играют важную роль в понимании особенностей русского языкового сознания, так как именно они «ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для ... лингвокультурной общности менталитет» (Ю. П. Солодуб).

Нам показалось интересным выяснить зафиксированные в наивной картине мира особенности действий, совершенных каким-либо лицом (субъектом действия) во вред другому лицу (адресату), их причины, мотивы и т. д. Из «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова нами было взято 25 глагольно-пропозициональных фразеологизмов, имеющих в своей семантике указания на нанесение вреда другому лицу. В «Словаре русской ментальности» вред определяется как 'опасность или удар судьбы' (вредность), 'наносащий ущерб, повреждение в результате настигшей беды' (вредный).

На этическом уровне вред противопоставлен ущербу как незаслуженному наказанию (пакость), как заслуженной каре за грех, как нарушению сложных связей — со своей стороны (вина) или с стороны враждебной (зло) (В. В. Колесов, Д. В. Колосова, А. А. Харитонов). Нами установлено, что наносить вред можно двумя способами: с помощью слов (*давать духу, давать / задавать жару кому, давать жизни, не давать прохода* и др.) (11 фразеологических единиц) и с помощью каких-либо физического действия (14 фразеологических единиц).

Действие с помощью слов может совершаться субъектом с разными целями — выразить просьбу, получить ответ на свой вопрос, желание поговорить / найти собеседника. Вред, причиняемый адресату, в данном случае заключается в том, что все эти действия со стороны субъекта очень часто повторяются, сопровождаются преследованием адресата, настойчивостью в получении требуемой от него реакции: *не давать прохода* 'неотступно, назойливо преследовать просьбами, вопросами, разговорами и т. п.'; *не давать ходу* 'мешать применить свои способности, проявить себя; препятствовать продвижению по службе, в работе и т. п.'

С помощью слов можно препятствовать другому лицу достигнуть чего-либо, выразить недовольство его поведением. Для этой цели ис-

пользуется глагольно-пропозициональные фразеологизмы *давать духу* и его синонимы: *давать жизни, давать жару, задавать баню, задавать пару*. Все они имеют значение 'сильно ругать, бранить кого-либо'. В свою очередь физические действия предполагают применение физической силы (*давать сдачи / сдачу; выдавать головой; давать / поддавать леща и др.* — шесть фразеологических единиц) либо ее отсутствие.

В микрогруппу «физические действия, совершенные без применения физической силы» входит восемь фразеологических единиц: *давать / подставлять подножку; давать петуха; выдавать с головой; давать по рукам* и др. Вред может достигаться также сочетанием физической силы и словесного воздействия: *давать по шапке, давать / подставлять подножку, дать урок*.

Проявление сегментной фонетической интерференции в речи литовцев на русском языке (гласные)

Первушина Ирина Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. А. Любимова*

Проблеме интерференции посвящено большое количество научных трудов, среди которых представлены исследования как генетически родственных, так и неродственных языков. Однако, насколько позволяет судить изученная литература, литовско-русская сегментная интерференция до сих пор не являлась объектом специального научного исследования.

По фонетическому строю литовский литературный язык достаточно близок к русскому. Исследование особенностей фонетических нарушений в типологически близких языках на материале гласных представляет лингвистический интерес, поскольку в разных языках состав фонем и их аллофоническое варьирование различно. Как известно, чем больше степень родства языковых систем, тем больше вероятность появления интерференции, тем больше индивид опирается на родной язык в речевой деятельности на неродном языке.

Данные, полученные в ходе фонетического слухового анализа воспроизведения гласных русского языка при чтении вслух, подтверждают представление о межъязыковой фонетической интерференции как о скрытом взаимодействии в сознании индивида двух или более звуковых систем, используемых при общении. В речи респондентов-литовцев при чтении вслух имело место использование звуков не только литовского языка, но и английского, наряду с нормативными реали-

зациями гласных русского языка. Отрицательный результат действия интерференции обусловлен прежде всего спецификой звукового строя русского и литовского языков, а также использованием звуков английского языка. На реализацию русских звуков оказало влияние в первую очередь знание родного языка и, в незначительной степени, английского. Это объясняется, во-первых, тем, что родной язык превалирует в речевой деятельности литовцев, и, во-вторых, тем, что, говоря на английском языке, они могут использовать звуки родного языка.

Сопроводительное письмо к резюме в русском деловом общении: языковые и структурные особенности

Вэй Сяофэй

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Е. В. Косарева*

Овладение навыками общения в деловой сфере становится объективным требованием времени. Несмотря на то что в настоящее время опубликовано достаточно большое количество литературы по этому вопросу (П. В. Веселов, А. А. Жданов, М. В. Колтунова, Ф. А. Кузин, А. П. Панфилова и др.), многие проблемы остаются малоизученными и нуждаются в подробном лингвистическом анализе. В докладе мы рассматриваем структурные и языковые особенности сопроводительного письма к резюме. Обращение к этой теме связано с тем, что в лингвистике до сих пор уделялось недостаточно внимания исследованию данной разновидности делового письма. Кроме того, сопроводительное письмо к резюме вызывает определенные трудности в иностранной аудитории.

Мы обратились к анализу характерных особенностей сопроводительного письма к резюме как жанра официально-делового стиля и использовали для этого следующие методы: а) описательный метод; б) семантический анализ; в) метод композиционного анализа. Мы рассмотрели формальные признаки, композиционную структуру и языковые особенности таких писем на всех уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом — и можем сделать ряд следующих выводов.

1. Форма сопроводительного письма имеет четыре инвариантных реквизита: указание на адресата письма, форму вежливого обращения, текст документа и формулу вежливости (прощания).

2. Композиция имеет трехчастную структуру: введение (название и источник вакансии, причина поиска работы), основная часть (содер-

жит самописание: образование, опыт работы, профессиональные качества — навыки и умения — и личные — характер, умственные способности), заключение (в нем высказывают готовность к работе, желание получить вакансию, просьбу рассмотреть резюме, просьба ответить на письмо).

3. К лексическим особенностям сопроводительного письма относится частое использование профессиональной и иноязычной лексики, а также возможное использование элементов разговорного стиля.

4. К морфологическим особенностям сопроводительного письма относится использование в определенных случаях личных форм глаголов. Обычно используется прошедшее время глаголов совершенного вида (*увидела, узнала* и т. д.).

Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания делового русского языка в иностранной аудитории, например при разработке учебных материалов (упражнений, моделей сопроводительного письма к резюме), а также при разработке спецкурсов по русскому языку для делового общения.

К вопросу о комическом

Фарран Екатерина Олеговна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. М. Марусенко*

Целью исследования является попытка проанализировать функционирование категории комического в художественном тексте. В ходе исследования была рассмотрена теоретическая составляющая категории комического, а именно попытки различных ученых (начиная с Аристотеля и заканчивая современными исследователями) определить комическое.

В процессе исследования было определено, что комическое и смешное соотносятся между собой как стимул и реакция; были выявлены условия (когнитивные, психофизиологические, языковые, этические), при которых комическое вызывает имплицитную или эксплицитную реакцию. В качестве материала были рассмотрены юмористические тексты художественной литературы XX в., в которых комическое реализуется на семантическом уровне, а не в языковой игре.

Комическое, основанное на семантическом несоответствии, рассматривается нами как наложение не соответствующих друг другу фреймов, которые в определенном смысле противопоставлены друг другу, а также соотносятся с самим текстом, несущим комический эффект.

В результате исследования были выделены три типа наложения фреймов:

- 1) оба фрейма эксплицитно присутствуют в тексте;
- 2) не соответствуют друг другу фреймы, включающие представление о событии и описание фона;
- 3) один фрейм представлен в тексте эксплицитно, а другой имеет место лишь в когнитивной базе воспринимающего.

Таким образом, в результате исследования были сделаны следующие выводы: комическое является относительно объективной категорией, которая может быть представлена в художественном тексте как на языковом уровне, так и на семантическом. При этом комическое проявляется, когда в тексте или в тексте и в нашей когнитивной базе сосуществуют два фрейма, которые, накладываясь, образуют несоответствие, вызывая, при соблюдении ряда условий (когнитивных, психофизиологических, языковых, этических), имплицитную или эксплицитную реакцию.

Аллофоническое варьирование фонем /с/ и /щ/ на стыке знаменательных слов как отражение вариативности произносительной нормы

Калугина Наталия Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. А. Любимова

В рамках орфофонии актуальной представляется проблема русских аффрикат /с/ и /щ/, находящихся вне корреляции по глухости-звонкости, но реализующихся в виде звонких аллофонов при сочетании со звонкими согласными на стыке слов.

Представляется необходимым конкретизировать описание подобных аллофонов и проиллюстрировать это явление экспериментальными данными, поскольку данный вопрос еще не рассматривался учеными в аспекте произносительной нормы.

Цель исследования заключается в описании характера аллофонического варьирования русских аффрикат /с/ и /щ/ при сочетании с согласными разного типа на стыке знаменательных слов и выявлении орфофонической вариативности произношения в речи представителей различных возрастных групп.

Методика исследования включает в себя метод фонетического эксперимента, слуховой фонетический анализ, метод компьютерной

обработки данных (в программе Praat), метод описания и обобщения полученных данных.

Текстуальная основа исследования представлена картотекой фрагментов из материалов корпуса русского языка. Экспериментальным материалом является аудиозапись реализаций данных фрагментов носителями языка, принадлежащими к двум возрастным группам (от 18 до 22 лет и старше 65 лет).

В ходе эксперимента представители младшего и старшего поколения (10 респондентов мужского и 10 — женского пола) воспроизводили фрагменты из картотеки. При последующем анализе полученных данных были выявлены следующие особенности аллофонического варьирования фонем /с/ и /с̣/: эти фонемы не реализуются в виде звонких аллофонов перед сонантами русского языка, а также перед щелевыми /v/ и /v'/; наиболее часто звонкие аллофоны возникали перед звонкими смычными /d/, /d'/, /b/, /b'/ и /g/, /g'/ (в 80% случаев); озвончение фонем носит факультативный характер.

Были отмечены и другие фонетические явления: призвук /s/ в сочетании /сс̣/ (40% случаев), устранение смычного элемента аффрикаты в соседстве со щелевыми согласными.

Мы выявили различия в речи старшего и младшего поколения. В речи молодежи звонкие аллофоны [dz] и [dʒ] встречаются на 5% чаще, чем у старшего поколения.

В дальнейшем возможно изучить специфику модификации этих фонем в заимствованных словах или дополнить настоящую работу, пригласив к участию в эксперименте большее количество респондентов.

Языковые средства описания симпатии (на материале повести И. С. Тургенева «Первая любовь»)

Ян И

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. О. В. Анциферова*

Важность исследования языкового аспекта эмоций уже давно осознана лингвистами. Их внимание сосредоточено на таких вопросах, как связь между эмоциями и мыслью, категоризация эмоций, эмоциональное значение лексики, эффективность выражения эмоций в речи и т. д. Однако большинство лингвистов обращает внимание на языковые средства обозначения основных эмоций. Вопрос о языковых сред-

ствах описания такой эмоции, как симпатия, остается открытым и требует дополнительных исследований.

Чувство как сложное душевное состояние человека характеризуется осознанностью, устойчивостью и амбивалентностью. Симпатия рассматривается как устойчивое, положительное и одобрительное отношение к кому-нибудь или чему-нибудь. Она оказывает большое влияние на то, как человек относится к другим людям и оценивает их, поэтому симпатию считают одним из основных чувств человека.

В выбранном нами художественном тексте описание эмоций занимает важное место. Симпатия и антипатия между персонажами являются центром эмоционального содержания повести, что, в свою очередь, тесно связано с развитием сюжета. Обилие различных языковых средств описания симпатии в повести «Первая любовь» дает хороший материал для исследования.

Мы выяснили, что для описания симпатии в повести используются разные языковые средства. Семантика единиц, называющих действие, смысл, чувство, его проявление, полностью совпадает с проявлением данной эмоции в психологии. Кроме того, большинство единиц сохраняет свою актуальность и значимость в современном русском языке.

Семантические особенности устойчивых сравнений, характеризующих неоседлый образ жизни человека (на материале публицистических и художественных текстов)

Канаева Ксения Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А.В. Хруненко

Исследование посвящено анализу семантики и грамматических особенностей устойчивых сравнений, характеризующих неоседлый образ жизни человека, для их представления в иностранной аудитории. В процессе достижения цели был решен ряд задач. Методом направленной выборки материала из фразеологических словарей русского языка и словарей устойчивых сравнений были отобраны устойчивые сравнения, характеризующие неоседлый образ жизни человека. Далее был проведен анализ контекстов употребления для выявления особенностей семантики и функционирования исследуемых единиц. Материалом для анализа послужили примеры употребления анализируемых фразеологических единиц в публицистических и художественных текстах. Данные, полученные в ходе анализа, позволили осуществить

классификацию единиц. Результатом стало разделение исследуемых единиц на четыре группы и несколько подгрупп в соответствии с тем, на каком основании соотносятся субъект и объект сравнения:

1. Постоянные перемещения.

1.1. Исторические личности, герои легенд или книг (*как Вечный жид, как Каин, как Соломон, как бездомный Чиполлино*).

1.2. Люди, избравшие кочевой образ жизни (*как кочевник, как странник, как отшельник*).

1.3. Кочевые народы (*как цыган/-е, как скифы*).

1.4. Место ночевки во время перемещений (*как на бивуаках*).

1.5. Растение (*как перекасти-поле*).

2. Материальное положение.

2.1. Отсутствие у субъекта сравнения средств к существованию (*как босяк, как бобыль, как нищий, как голь перекастная*).

2.2. Отсутствие постоянного официального места жительства у субъекта сравнения (*как бомж, как бесприютный, как бездомный, как беспризорник / беспризорный*).

3. Свобода (*как (вольная) птица, как ветер*).

4. Душевное состояние. В данную группу вошла единица *как неприкаянный*.

Следующим шагом стало описание семантических и грамматических особенностей исследуемых единиц. Некоторые из изучаемых единиц получили комментарий лингвокультурологического характера.

Таким образом, проведенный анализ контекстов употребления исследуемых нами устойчивых сравнений позволил увидеть некоторые особенности их семантики, которые требуют описания. Поскольку сравнения являются одним из ярких средств выражения оценки, по результатам проведенного анализа нами также был сделан вывод об отношении носителей языка к неоседлому образу жизни человека.

Национально-культурная специфика русских фразеологических единиц с компонентом «дело» на фоне китайского языка

Цю Сюеин

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. В. Хруненкова*

В докладе рассматривается национально-культурная специфика русских фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом «дело» на фоне китайского языка. Обращение к данным ФЕ связано с тем, что в обоих языках анализируемые ФЕ являются достаточно частотными в речи

носителей языка, но ФЕ, описанные в нашей работе, ранее не были подробно изучены.

Для анализа нами было отобрано 25 русских ФЕ и 11 китайских ФЕ. Следует обратить внимание на то, что слово «дело» понимается в двух языках по-разному. В русском языке слово «дело» — это «действие», «занятие», «работа», «труд». А в китайском языке слово «дело» понимается более широко и определяется толковыми словарями как «событие», «дело», «авария», «катастрофа», «профессия», «работа», «обязанность», как глагол — «ухаживать» (книжный стиль), «заниматься чем-либо».

Проанализировав русские и китайские фразеологизмы, можно сделать вывод о том, что некоторые русские и китайские фразеологизмы полностью совпадают по значению. Так, в группе, объединенной общим значением «успешное завершение дела», в русском языке рассматриваются следующие ФЕ: *дело выгорело*, *дело в шляпе*. А в китайском языке 万事大吉 — ‘дело удачно и благополучно осуществляется’; 事以密成 — ‘благодаря правильным действиям, дело завершилось успешно’. Это эквивалентные аспекты национально-культурной специфики.

Русские и китайские фразеологизмы могут частично совпадать по значению. Например, ФЕ, описывающие безвыходную ситуацию: *дело швах*, *дело табак*; предостережение: *гиблое дело*. А в китайском языке ФЕ характеризуют безвыходную ситуацию с разной эмоциональной окраской: досада — 事败垂成 ‘небезнадежное дело в результате провалилось’; упрек — 不成一事 ‘никакого результата во всех сферах, ничего не вышло’; возмущение — 成事不足, 败事有余 ‘человек не может хорошо завершить дело, часто препятствует процессу развития дел’ (‘у человека недостаточно способностей для занятия этим делом’).

В указанных ФЕ представлены безэквивалентные аспекты национально-культурной специфики. Можно сделать вывод, что подобные аспекты определены историей страны и народа, средой проживания, традицией, менталитетом, религией, мифологией, разным жизненным опытом, духовными, социальными и материальными ценностями.

Изучение национально-культурной специфики русских и китайских фразеологизмов может быть полезно в практике преподавания русского языка как иностранного, поскольку знание ФЕ позволит иностранным учащимся преодолеть языковой и культурный барьеры в разных сферах жизни, различать культурно-национальные эталоны, стереотипы, мифологемы, определять культурно-национальное самосознание и понимать мировидение народа.

Глаголы приведения в эмоциональное состояние в лингвокультурологическом аспекте

Никитина Ирина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. Н. Колосова

Эмоции имеют исключительно важное значение в жизни человека и по этой причине они проявляются и распознаются разными способами. Одним из вербальных способов передачи или описания эмоциональных переживаний является глагольная лексика, в частности, лексико-семантическая группа глаголов приведения в эмоциональное состояние. Группа отличается многообразием, конкретностью и эмоциональной выразительностью единиц.

Для более подробного анализа была выбрана глагольная подгруппа со значением «Злость». Проведенный анализ позволил:

- уточнить значения некоторых глаголов;
- выявить незафиксированные в словарях значения;
- выявить лингвокультурные особенности данных единиц.

Рассмотрим лингвокультурные особенности данных глаголов. С помощью этимологического анализа мы охарактеризовали семантику корневых морфем (наибольший объем информации передается именно корнями рассматриваемых глаголов), их связь с древнерусскими вариантами, а также рассмотрели особенности функционирования данных лексем в современном русском языке.

В результате нами были выявлены и рассмотрены некоторые черты запечатленного в данных глаголах национального мировосприятия, культурно обусловленного взгляда на мир. Например, нами установлено, что приведение в состояние злости в русском языковом сознании тесно связывается с представлениями о нечистой силе (*злить* — зло как метафизическое явление), мифологических существах (*бесить* — бес, *разъярить* — Ярило), а также опасных для жизни или здоровья человека явлениях (*разгневать* — гной, *подтравливать* — отрав). Это отражает отношение носителей русского языка к злости как к чему-то противоестественному и разрушительному, внушенному потусторонними силами, не зависящему от воли человека. Носителю русского языка присуще желание снять с себя ответственность при назывании данной эмоции. Словообразовательный и семантический анализ данных лексических единиц дает основания говорить о том, что, помимо доминирующего отрицательного воздействия, глаголы подгруппы «злость» могут реализовывать и положительное значение. Иногда злость воспринимается как сила, помогающая в деле, в достижении ка-

кой-либо цели. Например, такой семантический потенциал имеет глагол *злить*. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова: *злость* — 'стремление действовать активно, бороться, боевое настроение'. Подобное значение наблюдается также у глагола *разъярить*.

Использование глаголов приведения в эмоциональное состояние является необходимостью, так как эмоции являются сопутствующим элементом бытовой жизни каждого человека. Однако употребление единиц данной лексико-семантической группы может представлять значительные трудности для инофонов. Результаты настоящего исследования могут быть использованы для преодоления подобных трудностей на уроках русского языка как иностранного.

Безэквивалентные аспекты установки культуры «дружба» в русских и китайских пословицах

Цао Цзяци

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преподаватель К. А. Щукина*

В докладе рассматриваются безэквивалентные аспекты установки культуры «дружба». Были проанализированы 32 русских и 4 китайских пословицы. Пословицы брались из «Большого словаря русских пословиц» В. М. Мокиенко и «Большого словаря китайских пословиц» Вэнь Дуаньчжэна.

В русских пословицах установка культуры «дружба» имеет следующие характеристики: верность (*Верному другу цены нет*), прочность (*Чем крепче дружба, тем теснее союз*), длительность (*Умрешь — друг к дружке не придешь*), время для дружбы (*Был бы друг, а время будет*), мир и ссора (*Худой мир лучше доброй ссоры*), а также редкость (*Дружба — не гриб, в лесу не найдешь*) и хрупкость (*Дружба, что стекло, разобьешь — не починишь*). Кроме того, в русских пословицах часто сравнивают друга с родственниками (*Добрый друг лучше ста родственников*). Друг, как и Бог, играет важную роль в жизни человека (*Друг о друге, а Бог — обо всех*), но иногда человек относится к другу плохо (*Так друга любит, что для него последний кусок хлеб сам съест*). Следует отметить, что большое влияние на дружбу оказывают и традиции: если у людей разные обычаи, они не могут стать друзьями (*Не сошлись обычаем — не бывает и дружбы*).

В китайских пословицах установка культуры «дружба» характеризуется самопожертвованием (*为财而生, 不如为友而死 — Чем жить для богатства, лучше умереть за друга*) и искренностью (*炼铁需要有硬*

火, 交友需要有诚心 — Для производства чугуна нужен жесткий огонь, дружбе требуется чистое сердце). Кроме того, в китайских пословицах друг даже важнее, чем учитель (严师不如益友 — Закадычный друг лучше строгого учителя).

Безэквивалентные аспекты установки культуры «дружба» в русских и китайских пословицах обусловлены несовпадением социально-исторических условий жизни, различными закономерностями развития человеческого бытия, дающими различный опыт и знания. Изучение безэквивалентных аспектов установки культуры «дружба» в русских и китайских пословицах может быть полезно в практике преподавания русского языка как иностранного, так как может позволить преодолеть барьеры коммуникации в разных областях жизни человека.

Фразеологизмы с компонентом «язык» в учебном словаре лингвокультурологического типа для сербов

Огненович Милена

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. И. Зиновьева*

Фразеологические единицы (ФЕ) с соматическим компонентом «язык» являются одним из самых объемных разрядов соматических фразеологизмов, как в русском, так и в сербском языке, так как описывают речевую деятельность, выражают характеристику человека и его речи (*длинный язык, язык без костей*).

В результате сплошной выборки материала из фразеологических словарей было отобрано 60 русских ФЕ с компонентом язык и 92 сербских ФЕ, классифицированных по 17 идеографическим группам, общим для двух языков. Детальному лингвокультурологическому анализу была подвергнута группа фразеологизмов со значением 'быть болтуном, много говорить, пустословить', так как данная группа является самой большой по количеству входящих ФЕ в обоих языках. Кроме того, в эту группу входит соотносимое количество русских и сербских ФЕ.

Материалом для исследования послужили данные словарей, «Национального корпуса русского языка» и результаты опроса 100 носителей русского и 100 носителей сербского языков. Целью опроса было выявление известности анализируемых ФЕ носителям двух языков, ситуаций использования их респондентами, объекта характеристики и коннотаций ФЕ.

На основании проведенного нами анализа, можно предложить следующую структуру словарной статьи: заголовочная ФЕ; толкование

значения ФЕ; стилистическая окраска; ситуации, в которых обычно носители русского языка употребляют ФЕ; указание на объект характеристики ФЕ (женщина или мужчина, взрослые или ребенок, любое лицо); оценочность ФЕ; образ, который лежит в основе ФЕ (раскрываются метафоры, указывается персонификация и т. п.); примеры употребления ФЕ из «Национального корпуса русского языка»; сербский эквивалент или аналог (при наличии такового).

Русские устойчивые сравнения с компонентом-мифологемой (лингвокультурологический аспект)

Велькович Мария

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Ю. А. Кузнецов*

Доклад посвящен описанию национально-культурных особенностей русских устойчивых сравнений с компонентом-мифологемой (*Бог / богиня, ангел, дьявол, бес / бесенок, черт / чертик / чертенок, ведьма, Баба-яга и Кощей*). Актуальность обращения к данному материалу заключается в высокой частотности употребления устойчивых сравнений (далее — УС) с компонентом-мифологемой в речи, литературе и публицистике, а также в том, что данные УС представляют собой определенную трудность для восприятия иностранными учащимися, так как эти образы и мифологемы – эталоны сравнения, как правило, культурно обусловлены. Материалом для исследования послужили данные словарей сравнений русского языка (В. М. Мокиенко 2003; В. М. Огольцев 2001).

В результате сплошной выборки были выделены 58 устойчивых сравнений русского языка с разными эталонами сравнений, которые вошли в три группы:

а) фольклорные персонажи (*ведьма, домовой, змий, кикимора, колдун, Кощей, фея, русалка*);

б) персонажи, берущие начало в христианской традиции (*ад, ангел, ангелочек, бес, бесенок, Бог, демон, дьявол, Иисус, Христос, Иуда, рай, сатана, черт, чертенок, чертик*);

в) персонажи из античной мифологии (*богиня, Венера, Аполлон, Тантал, Феникс*).

Так, были выделены следующие УС с эталоном «ангел»: *мила (прекрасна, прелестна) как **ангел** [небесный]* (книжн.-поэт., одобр.) — об очень миловидной, идеально красивой девушке, молодой женщине; *голос у кого как у **ангела*** (книжн.) — о чьем-л. очень приятном, чистом,

нежном и ласковом голосе; *кроткий как ангел* (книжн., одобр.) — об очень кротком, послушном, покорном и робком человеке.

Анализ русских УС с компонентом-мифологемой показал, что данные сравнения составляют значительное по количеству фразеологическое объединение, входящее в ядерную часть концептосферы русского языка. Семантика данных единиц обладает как универсальными, представленными в других лингвокультурах, особенностями, так и специфическими, национально и культурно обусловленными.

Глаголы изменения количественного признака в русском языке (лингвометодический аспект)

Сунь Юй

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Ю. А. Кузнецов*

Доклад посвящен рассмотрению особенностей семантики и функционирования единиц лексико-семантической группы (ЛСГ) русских глаголов изменения количественного состояния на фоне китайского языка. При изучении русского языка глагол представляет собой наибольшую трудность для иностранных учащихся. Одним из наиболее рациональных путей описания функционально-семантических характеристик глагола, на наш взгляд, является анализ синонимических рядов отдельных ЛСГ на материале художественных и публицистических текстов. Именно ЛСГ признается наиболее ярким выражением системности лексики и является одной из основных форм группировки лексики при обучении РКИ.

Актуальность исследования определяется тем, что глаголы изменения количественного признака, входя в лексико-семантические объединения глаголов качественного состояния, являются ядерными для любого языка. Данные глаголы представлены большим количеством единиц. В состав исследуемой группы входят более 70 русских глаголов. По причине того, что данные глаголы входят в большое количество синонимических рядов, они имеют различия в лексическом значении, синтагматических и парадигматических связях, часто стилистически маркированы.

В докладе мы анализируем глаголы, которые входят в синонимический ряд с доминантой «увеличивать» и которые объединяются интегральной семой «увеличение количественного признака», а именно: *увеличивать, умножать, множить², усиливать; увеличивать, прибавлять¹, приумножать / преумножать, наращивать, расширять², уско-*

рять, форсировать; увеличивать, распространять, продолжать, растягивать²; увеличивать, расширять¹, растягивать¹, удлинять; увеличивать, прибавлять², множить / умножать, умножать¹, удваивать; увеличивать, надстраивать; увеличивать, придавать; увеличивать, усугублять.

Данные синонимы отличаются друг от друга и от доминанты наличием или отсутствием следующих дифференциальных сем: 'увеличение', 'величина', 'объем', 'количество', 'продолжительность', 'скорость', 'сила', 'важность', 'число', 'степень проявления чего-л.', 'размер', 'вес', 'длина', 'высота', 'значительность, охват чего-л. / круг действия', 'темп', 'граница / предел', 'пространство', 'дополнение', 'ширина', 'качество', 'чувство', 'эффективность / опережение'. Глаголы, входящие в данный синонимический ряд, отличаются парадигматическими и синтагматическими связями, а также ситуациями употребления.

Функционально-семантический анализ русских глаголов со значением изменения количественного признака на фоне китайского языка, позволит оптимизировать семантизацию данных единиц в китайской аудитории.

Продуктивная перифрастическая модель на занятиях в иностранной аудитории (на примере модели «прилагательное + "король"»)

Ковалева Ольга Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Е. В. Косарева

Образные средства языка широко используются в тексте: они обогащают его, повышают его экспрессивность. Одним из таких средств является перифраза — стилистический прием, заключающийся в непрямом, описательном обозначении предметов и явлений действительности.

Наличие в тексте образных средств усложняет понимание текста иностранными обучающимися, поэтому часто требуется комментарий того или иного выражения. Сказанное может быть отнесено и к перифразам, значение которых не всегда является прозрачным для иностранных студентов. Цель доклада — рассказать о выявленных особенностях семантико-грамматической структуры перифрастических выражений, используемых в публицистической речи.

Материалом исследования послужили перифрастические единицы из «Словаря перифраз русского языка» А. Б. Новикова (М., 2004). В ходе анализа представленных в нем перифраз тематической группы

«Наименования лиц» были выделены такие подгруппы, как «профессии» (*люди в белых халатах, блюститель порядка*), «представители государственных структур» (*отцы города, избранники народа*), «конкретные личности» (*русский Леонардо, наше всё*) и др.

Особый интерес вызвала группа перифраз, характеризующих человека по его предпринимательской деятельности. Это связано с тем, что большинство единиц данной подгруппы имеет в своем составе компонент «король», а более половины выбранных перифраз (14 из 23) имеют структуру «прилагательное + “король”» (*алмазный король, нефтяной король, табачный король*).

В ходе исследования были описаны особенности функционирования единиц, имеющих данную структуру, в публицистическом дискурсе. При использовании газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка было обнаружено 67 перифраз, соответствующих данной модели, но не зафиксированных в словаре. Анализ частотности каждой из отобранных единиц позволил проследить динамику использования перифраз данной модели и заключить, что, несмотря на изменения в употреблении отдельных единиц, в целом модель остается регулярной в публицистическом дискурсе.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что перифрастическая модель «прилагательное + “король”» является продуктивной и регулярной в современном языке публицистики. Следовательно данная модель может быть успешно представлена в иностранной аудитории при изучении образных средств языка в публицистике.

КОЛЛОКВИАЛИСТИКА (АНАЛИЗ УСТНОЙ РЕЧИ)

О «пятом» и «десятом» в цифрах

Кудлаева Алена Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Зачастую бывает трудно определить, к какой части речи относится та или иная единица, функционирующая в нашей повседневной коммуникации. Устная речь насыщена т. н. прагматемами, которые характеризуются ослаблением или утратой своего основного лексическо-

го значения (*типа, туда-сюда, как бы, там, скажем так, короче* и т. д.). Доклад посвящен рассмотрению нескольких таких единиц, а именно единицам *пятый* и *десятый* (во всех их формах). Как показало проведенное исследование, в процессе функционирования они могут терять идею счета (основную для числительных) и переходить в разряд прагматем, ср.:

1) *Я сказала: «Ни то / ни другое / ни **пятое** меня не трогает* [На краю... (Владивосток). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура»), 2009];

2) *И зачем мне вот это всё нужно / это всё оформлять / себе / мужу / всё это прочее / **десятое*** [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003];

3) *У нас там картингов нет / своя корочка / там / шапочка **и пятое / и десятое***. [Тренинг туристической фирмы // Из коллекции НКРЯ, 2007].

Явления, наблюдаемые в устной речи, в большой степени зависят от личностных характеристик говорящего (пол, возраст, профессия, уровень образования и речевой компетенции и т. д.). Поэтому представляется любопытным и целесообразным провести исследование на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка и определить, каким образом гендер и возраст говорящего влияют на употребление прагматем, образованных от числительных *пятый* и *десятый*. Кроме того, важно понять, в каком типе устной речи (публичная, непубличная речь, киноречь) наиболее частотно употребление рассматриваемых единиц в их новых функциях. В докладе предлагается анализ вычислений с помощью *ipm* — показателя частоты встречаемости на миллион словоформ.

Скажите мне что-нибудь, и я пойму, кто вы: к вопросу о психологической балансировке корпусного материала устной речи

Горбунова Дарья Александровна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян*

Устная речь, безусловно, является отражением всех характеристик человека, в том числе его психологического и даже эмоционального состояния на момент записи. В докладе дается подробное описание обработки и учета в целях дальнейшего лингвистического анализа психологических данных информантов корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) — крупнейшего лингвистического ре-

курса для изучения устного дискурса. В основе психологического распределения информантов лежат опросник Г. Айзенка на определение интровертности-экстравертности и Фрайбургский многофакторный опросник. Помимо стратификации информантов на психологические типы (экстраверт / интроверт / амбиверт), тесты демонстрируют степень проявления других их характеристик на момент записи: агрессивности, коммуникативности, уравновешенности, застенчивости, открытости и эмоциональности. Данные об информантах, степень лживости которых, согласно тестам, превышала норму, не учитывались. Итоги двух тестов были систематизированы и сопоставлены для подтверждения окончательной характеристики информанта. 75 % совпадений позволяют судить об относительной точности подобного исследования. Однако проведенный анализ данных выявил недостаточно равномерное распределение информантов по психотипам, что объясняется прежде всего тем, что тестирование проводилось после записи и не могло быть основанием для отказа или приглашения конкретного говорящего к участию в эксперименте. Полученная информация позволяет оценить реальный психологический состав информантов ОРД и выявить группу наиболее репрезентативных в этом отношении говорящих, что открывает много новых возможностей для изучения русской спонтанной устной речи в психолингвистическом аспекте.

От сказанного отрекаюсь: функционирование формы «по идее» в роли рефлексива в устной спонтанной речи

Капустина Татьяна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян*

Настоящее исследование посвящено анализу особенностей употребления формы *по идее* в функции рефлексива на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

В русских словарях и грамматиках *по идее* определяется как вводное слово или наречие, причем традиционно — с помощью специальных помет — отмечается его принадлежность к разговорной речи. Но, несмотря на это, все словарные толкования и попытки описать функции исследуемой единицы выполнены на материале письменной речи. Анализ же материала устного подкорпуса позволяет выявить специфичные функции формы *по идее*, характерные именно для устной речи, а также увидеть общее разнообразие функциональных возможностей исследуемой единицы в современном русском языке.

Проведенный анализ показал, что форма *по идее* может не только выражать в речи субъективную модальность высказывания (в частности, модальность достоверности или возможности), но и выполнять роль рефлексива. В своем понимании рефлексива мы опираемся на исследование Н. В. Богдановой-Бегларян, которая рассматривает рефлексивы как класс прагматем устной спонтанной речи, употребляющихся в ситуациях, когда говорящий оценивает собственное высказывание, уже произнесенное или готовящееся к произнесению. На наш взгляд, *по идее* выполняет такую функцию, когда употребляется в постпозиции по отношению к высказыванию, чаще всего это конец реплики говорящего в диалоге, ср.:

[Татьяна, жен, 18] *А еще / в понедельник курсовую сдаем / по идее*
[Лидя, жен, 18] *Да* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006];

[Саша, муж, 24] *Там дом надо вообще сносить / по идее* [Женя, муж, 25] *Не дом / а значит там просто разделительную чуть выдвинуть / я так понимаю / и сделать* [Разговор в офисе страховой компании // Из коллекции НКРЯ, 2006].

По примерам видно, что, употребляя *по идее* в конце высказывания, говорящий как бы снимает с себя ответственность за сказанное, ссылается на некие общепринятые представления, которыми он в данном случае руководствуется, и оставляет за слушателем право их исправления или подтверждения. Снижая с помощью этой формы степень категоричности высказывания, говорящий словно все время «оглядывается» на собеседника, сигнализируя ему о том, что сказанное можно и опровергнуть.

Стоит отметить, что *по идее* в постпозиции употребляется только в устной речи, что свидетельствует о специфичности функции рефлексива, которую выполняет исследуемая единица в данной позиции.

Далеко ли от «ну» до «ладно»?

Печенкина Анфиса Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, с. н. с. Т. Ю. Шерстинова

Доклад посвящен исследованию линейных порядков в синтаксических конструкциях разговорной русской речи. Рассматривается тема дистантности и контактности связей между синтаксическими членами в устной речи. Конкретные задачи, решенные в ходе работы, — количественный анализ и описание предикатных групп, а также дистантности внутри них.

Исследование выполнено на материале речевого корпуса «Один речевой день» (корпус ОРД) — крупнейшего ресурса, предназначенного для изучения разговорной речи, разрабатываемого в Санкт-Петербургском государственном университете и содержащего более 1250 часов звукозаписи, представляющей повседневную речь более 1000 человек — жителей Санкт-Петербурга.

Было проанализировано 10 макроэпизодов повседневного бытового общения для 10 информантов, среди которых представлены пять мужчин и пять женщин, представители шести разных профессиональных групп: IT-специалисты, работники образования, офисные работники, представители творческих профессий, представитель силовых структур и представитель гуманитарных наук. Было произведено ручное аннотирование предикатных групп и проведен их следующий анализ:

— посчитан размер предикатных групп,

— выявлены тенденции к левоветвящимся, правоветвящимся и симметричным конструкциям (где предикат — ядро) для разных социальных групп,

— проведен сопоставительный анализ ширины предикатной группы в речи мужчин и женщин, а также профессиональных групп.

Данные были получены отдельно для каждой из групп по половой, возрастной и профессиональной принадлежности. В частности, оказалось, что размер и структура предикатных групп в рассмотренной выборке имеют характерные отличия хотя бы в одной социальной группе по каждому из критериев (пол, возраст, профессия).

Полученные данные говорят, в частности, о том, что можно предположить некоторую зависимость ширины предикатных конструкций от гендерной принадлежности говорящих. Однако для проверки этой гипотезы требуется проведение исследования на более представительном объеме речевого материала.

«Там»-анализ: функционирование единицы

в русской устной спонтанной речи

Турчаненко Владимир Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Сегодня можно говорить о тенденции смещения исследовательского интереса с языка как относительно стабильной системы на речь как диффузную и постоянно изменяющуюся систему, а также с пись-

менной речи на устную. Закономерным результатом этого процесса должно стать подробное лексикографическое описание устного дискурса. Лингвисты сталкиваются с тем, что в живой речи встречаются многочисленные пока не описанные явления, к изучению которых коллоквиалистика только еще приступает.

В докладе демонстрируются результаты анализа и интерпретации фрагментов устной речи с компонентом *там*. Словари и грамматики описывают *там* как наречие (места или времени) или частицу в составе конструкций, усиливающих отрицание или указывающих на невозможность чего-либо. Подобных примеров в устной речи, безусловно, много. Но встречаются и контексты, в которых *там* употребляется вразрез с имеющимся описанием. Приведем лишь несколько примеров из корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), создаваемого в Санкт-Петербургском государственном университете:

(1) *а на следующий () день / это через день () на операционный стол и () отрезали там () *Н полкишечника;*

(2) *а да мои девки ис... присели отдыхают // ну(:) () там () шлялись;*

(3) *и она как на нас налетела ! вот там ты-ты-ты-ты-ты-ты / да мы грубияны там / ну что-то там такое / я не помню;*

(4) *но она сейчас тоже будет голову морочить / дай мне / скажет / адрес там / всякие условности / и прочее.*

В приведенных примерах *там* выступает как вербальный hesitant в поисковой (1)-(2) и аппроксимативной (3)-(4) функциях, а также как маркер-ксенопоказатель, вводящий в повествование чужую речь (3). Более того, *там* может выполнять ритмообразующую и дейктическую функции, а также входить в состав различных устойчивых словосочетаний (например, *чего там* + инфинитив, *ну там, там всякий* и др.).

В докладе предлагается широкий спектр не зафиксированных словарями и грамматиками функциональных возможностей слова *там*, делается попытка лексикографического описания этой единицы и демонстрируются нетривиальные контексты ее употребления.

«Своего рода»: «слово-паразит» «интеллигентской» речи

Шилина Виктория Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

В основу исследования легла гипотеза о существовании особого класса дискурсивных единиц, которые используют носители языка с высоким уровнем речевой компетенции, неплохо владеющие речью, но

вынужденные говорить спонтанно в условиях временного дефицита. Такие условия порождают появление в любой устной речи так называемых «слов-паразитов», которыми говорящий заполняет паузы hesitation (колебания, раздумья) в своей речи — *типа, это самое, как его, как бы, ну, значит* и т. п. Говорящие с высоким уровнем речевой компетенции должны, как представляется, избегать этих слов, но и они вынуждены чем-то заполнять hesitation паузы в своей речи. Гипотетически в роли этих «заполнителей» могут выступать единицы типа *так сказать, собственно говоря, своего рода, что называется* — в тех случаях, когда они не выполняют в речи своего прямого назначения, предусмотренного словарем. Использование одного такого «интеллигентского» «слова-паразита» — *своего рода* — и было проанализировано в работе. В устном подкорпусе Национального корпуса русского языка нашлось 133 вхождения конструкции *своего рода*, и 69 из них — в речи людей с потенциально высоким уровнем речевой компетенции, который определялся нами исходя из пояснений к контексту (например, доклад на конференции «Диалог 2013» или лекции проекта Academia (ГТРК Культура)). Примеры: 1. [И-26, муж] *Замечательный текст Ивана Бунина, [откашливается] /э-э/ своего рода / э-э зарисовка, / э-м основывающаяся на / э-э хозяйственном эпизоде / э-э поздней осени, когда убирается урожай яблок и они продаются.* 2. [Роман Гурочкин, муж] *У него квартира такая заколдованная / своего рода.* Для сравнения из того же подкорпуса были извлечены 133 вхождения с *как бы* (в функции hesitation). Предполагалось, что *своего рода* употребляют только говорящие с высоким уровнем речевой компетенции, а *как бы* — с низким. Однако результат оказался весьма неожиданным: выяснилось, что *как бы* в роли «слова-паразита» используют все: от лингвистов высочайшего уровня до участников реалити-шоу «Дом-2» и людей без высшего образования. А вот *своего рода* действительно обнаружилось в речи исключительно носителей высокого уровня речевой компетенции, причем в большинстве случаев в качестве hesitation («слова-паразита»), а не в своем словарном значении. В самом первом приближении гипотезу можно считать подтвержденной.

Изучение смеха в повседневном общении: постановка проблемы

Тарураева Анна Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. В. Блинова

Смех — социальное явление, чаще всего люди смеются, находясь во взаимодействии. В докладе смех рассмотрен с позиций конверсаци-

онного анализа. Основоположниками конверсационного анализа и исследователями речевых взаимодействий, такими как Х. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, доказано, что между участниками взаимодействия существует очередность, позволяющая упорядочить разговор. Ключевыми для этого направления исследований являются понятия взаимодействия (разговор), структуры взаимодействия, понятие очереди и системы очередности, принципа чередования говорящих, принципа упорядоченного разговора («один говорящий за раз»), передачи очереди, захвата очереди. На материале русского языка смех с точки зрения конверсационного анализа исследовался только на примере интервью. Мы исследуем функции смеха в бытовых диалогах. Действительно ли для описания функционирования смеха в устной повседневной коммуникации ключевым является понятие очередности (смены говорящих в разговоре)? Действительно ли смех может служить для захвата очередности говорения или продления очереди (turn)? Кто обычно смеется первым в диалоге (говорящий, начинающий разговор или слушающий)? Действительно ли в ходе развития полилога чаще всего смеется не текущий говорящий, а один из слушающих? В каких ситуациях коммуникации возникает одновременный смех нескольких говорящих? Как смех встраивается в речь отдельного говорящего? Что такое «смех-приглашение» (laugh invitation), что такое «добровольный смех» (volunteered laugh)? Мы пытаемся ответить на эти вопросы в ходе исследования материалов корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД). В расшифровках ОРД маркированы разные неречевые аудиособытия, в том числе — смех (знак *С). Предварительный анализ материалов корпуса показывает, что смех — одно из самых частотных паралингвистических явлений. В дальнейшем исследование материалов корпуса позволит выяснить, в каких коммуникативных ситуациях люди смеются чаще и какие социальные роли predispose к смеху.

О «контроле качества» устной речи со стороны говорящего

Завадская Юлия Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Основной чертой устной спонтанной речи, отличающей ее от кодифицированного литературно-письменного языка, является ее неподготовленность: человек вынужден планировать и произносить высказывания в режиме реального времени. В связи с этим в устном тексте обнаруживаются некоторые специфические структурные элементы:

заполненные паузы хезитации, дискурсивные маркеры разного типа, обрывы слов, оговорки и т. п. Именно на материале оговорок — непровольных речевых ошибок; слов, фраз, сказанных вместо других, нужных, — было предпринято изучение возможных способов «выхода» говорящего из неудачи при речепорождении, какой, по сути, и является оговорка. Именно в ходе такого «выхода» говорящий и осуществляет чаще всего «контроль качества» своей речи.

Исследование проведено на материале корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), который собирается по методике непрерывного мониторинга речи и фиксирует естественную речь носителей русского языка. Пользовательский подкорпус исследования на данный момент включает 100 контекстов. На этом материале были проанализированы реакции говорящего на оговорку (заметил и исправил; заметил, но не исправил; не заметил) и способы «выхода» из «точки сбоя».

О наличии «контроля качества» устной речи свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство оговорок (80 %) оказалось не только замеченными, но и исправленными говорящими, ср.:

1) *может там **кр...** **крылт...** **крылчатый?***

2) *такая вот **банальч...** **банальщина.***

В ряде случаев оговорку исправляет не сам говорящий, а его собеседник, что свидетельствует о внимании обоих участников коммуникации к качеству речи:

3) *ой / а ягодка опять этого / от **фы...** **фы...** как он ? # **физалис** (# — смена говорящих).*

Иногда говорящие не ограничиваются простым повтором обрванного слова, но и рефлексуют по поводу оговорки, вставляя в свою речь метакоммуникативы, неречевые звуки, паузы хезитации и т. п. В примере (4) представлен полный «набор» таких реакций (подчеркнуты).

4) *там у меня последний это остался () **гема...** (э...э) (э...э) (э...э) *П **гемагло...** ой / ё-моё ! *П **глубомет** // *П с этим () **глубомет** / полторы таблетки выпил.*

Количественный анализ материала позволил сделать предварительные выводы о частотности различных типов реакций на оговорку. Так, из 80 % исправленных оговорок лишь 30 % сопровождаются какими-либо вербализованными реакциями говорящего, которые свидетельствуют о его повышенном внимании к речи. Вероятно, для большинства говорящих оговорка не представляет собой «события» при речепорождении, требующего какого-то внимания: они исправляют ее

и продолжают коммуникацию. В дальнейшем любопытно было бы проследить, какие группы говорящих (гендерные, возрастные, профессиональные и т. д.) больше заботятся о качестве своей устной речи.

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕОРИЯ, ПОЭТИКА

Эстетический потенциал образа как средство организации богословского эссе (на материале текстов свят. Игнатия Брянчанинова)

Колинько София Александровна

Кубанский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. В. Сайченко

Одним из самых известных религиозных деятелей «золотого века» русской культуры является епископ Игнатий Брянчанинов (1807–1867), значительное письменное наследие которого обладает не только богословской, но и эстетической ценностью.

Исследования текстов Брянчанинова зачастую обращены к их богословскому и публицистическому пафосу. Цель нашей работы — рассмотрение особенностей функционирования художественного образа и его роли в организации эстетического и концептуального целого произведений (эссе) свят. Игнатия.

Сопоставление понимания образа в сакральном и художественном искусстве и его роли в процессе восприятия текстовой информации показало частичное их сходство. Обе точки зрения концентрируют наше внимание на выразительных возможностях образа, его «иконической» знаковости, символическом потенциале.

В эссе «Христианский пастырь и христианин художник» Брянчанинов излагает свой взгляд на искусство и обосновывает использование художественной образности для выражения понятия о Божественной Истине. Созерцание природы в свою очередь может стать отправной точкой для размышления о грехах и спасении в Боге.

Подобное функционирование образа природы присутствует в эссе «Древо зимою пред окнами кельи», и это позволяет рассмотреть авторскую рефлексию. Построение текста от создания словесно-художественного образа к размышлению и молитве свидетельствует об использовании свят. Игнатием иконической функции. Эссе «Дума на

берегу моря» использует образ «волнующегося моря», который соотносен с представлением о суетности человеческой жизни. В эссе «Сад во время зимы» свят. Игнатий использует образ зимнего сада для выражения учения о воскресении мертвых. Еще одним примером использования образа как формирующего фактора текста служит эссе «Голос из вечности (дума на могиле)», где основной образ — образ могилы, усиленный речью, обращенной из иного мира.

Таким образом, Брянчанинов, чрезвычайно требовательный к соблюдению современными светскими художниками религиозного целеполагания в их творческом деле, не пренебрегал выразительными возможностями собственно художественной речи, специфическими литературными приемами при написании своих работ. Более того, представленные примеры позволяют утверждать, что эстетический потенциал художественной образности применялся святителем для усиления богословской мысли.

Федор Павлович Карамазов как апофатическое утверждение философии старца Зосимы

Кучмаренко Лилия Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. В. Душечкина*

1. В докладе представлено сопоставление главных фигур первого тома «Братьев Карамазовых» — старца Зосимы и Федора Павловича Карамазова.

2. Старец Зосима и Федор Павлович, при всей своей психологической и идейной антагонистичности, связаны между собой по той причине, что они являются героями диалогического романа, в рамках которого сознание одного персонажа определяется сознанием другого.

3. Анализ взаимосвязей между старцем Зосимой и Федором Павловичем, обнаруживающих себя на всех уровнях текста — от лексического до композиционного, дает основание утверждать, что нарратив романов Достоевского строится по принципу «большого диалога» (М. М. Бахтин).

4. Особое внимание уделяется рассмотрению обоюдной способности Зосимы и Карамазова-старшего видеть в людях то, что скрыто от глаз других.

5. Сладострастие Федора Павловича рассматривается с позиций Л. П. Карсавина: карамазовский грех — не душевное уродство, а при-

чудливая трансформация способности к всепрощению и любви в ее христианском понимании.

6. Образ Федора Павловича Карамазова становится апофатическим утверждением философии старца Зосимы «Все за всех виноваты».

Поэтика портрета в лирике В. Я. Брюсова

Дровалёва Наталия Алексеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. О. А. Клинг

В докладе рассмотрены портретные стихотворения В. Я. Брюсова. Из-под его пера вышло немало лирических портретов, среди которых «живописный» портрет, т. е. предполагающий описание черт внешности, практически не встречается. Брюсов пытается создать не столько характер, сколько воплощенное живое чувство. В этом отношении показателен «Женский портрет» (1913), который являет собой портрет-воспоминание. Он обращен к А. П. Татариновой, сотруднице журнала «Русская мысль». Акцент делается не столько на внешности, сколько на передаче внутреннего мира героини. Некоторые детали повторяются от строфы к строфе. Глазам здесь уделяется особое внимание. Брюсов при создании женского портрета часто прибегает к сравнению с ребенком. Для него молодость и чистота оказываются тем, что может рождать в портрете смех и милую застенчивость. Но это не противоречит тому, что за детским обликом скрывается страстная натура. Таким образом, составляется динамический портрет. Стоит отметить, что в брюсовской лирике женский портрет занимает ведущее место и требует подробного рассмотрения с привлечением биографических материалов. Мужские портретные стихотворения Брюсова требуют отдельного рассмотрения, поскольку живописное начало в них еще более стерто. Как правило, это динамические портреты-впечатления, где возникает противопоставление лица и маски, которое ведет за собой вопрос истинности (на протяжении долгого времени волновал Брюсова). В данном отношении показательно стихотворение «Портрет» (1912). Можно предположить, что в стихотворении Брюсов изобразил себя. Он увлекался морфином, имел успех у женщин и был «одиноким мечтателем», холодным и равнодушным к людям (или хотел таким казаться). Л. А. Колобаева разрабатывает понятие «поэтического автопортрета» на материале творчества И. А. Бродского. Она указывает на то, что, подобно автопортрету в живописи, где художником через изображение внешности освещаются внутренний мир, психология творца, стихотво-

рение превращается в духовную автобиографию поэта. В таком жанре должны отсутствовать, по мнению Колобаевой, отсылки к поэтическому творчеству автора, иначе стихотворение можно отнести к жанру памятника. Действительно, в стихотворении Брюсова прослеживается духовная биография поэта, в которой он признается в своем одиночестве. Кроме того, в стихотворения, связанные с различными мифологическими представлениями («Сны человечества»), Брюсов также вводит импрессионистические портретные детали.

Начальный этап формирования автобиографического мифа

А. А. Ахматовой (на материале поэмы «У самого моря»)

Вяльцева Маргарита Сергеевна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
студент 2 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. А. А. Холиков

Предметом исследования является начальный этап генезиса автобиографического мифа А. А. Ахматовой, материалом — поэма «У самого моря». Наша цель — вписать поэму в биографический контекст и выявить, как в данном тексте факты биографии соотносятся с заданной поэтом онтологической моделью собственной судьбы.

Существует мнение, что воспринять художественное произведение цельно невозможно без обращения к идеально-обобщенному, мифологизированному образу автора, без знакомства с «литературной личностью» пишущего. Не последнюю роль в процессе оформления «литературной личности» играет автобиографический миф.

Впервые на существование биографической легенды, создаваемой автором и домысливаемой читателями, обратил внимание Б. В. Томашевский. Позднее идеи Томашевского нашли развитие в работах З. Г. Минц и Д. Е. Максимова, понятие «биографической легенды» было применено к творчеству символистов с заменой термина «легенда» на «миф». Д. М. Магомедова под «автобиографическим мифом» понимает особую сюжетную модель судьбы поэта, претерпевающую трансформации в его творчестве.

В автобиографическом мифе об Ахматовой сплелись воедино литературные факты и многочисленные мистификации. Вследствие этого взаимопроникновения мифологические представления об Ахматовой чрезвычайно глубоки и разнообразны. Исследователь творчества поэта В. В. Мусатов отмечает, что Ахматова всю жизнь была занята созданием культурно значимого сюжета из материала собственной жизни.

Поэма «У самого моря» была написана в 1914 г. Ахматова была уверена, что XX в. начался осенью 1914 г., вместе с Первой мировой войной. Для поэта это время вынужденного прощания с херсонским детством.

В поэме перед нами традиционный для ахматовской лирики образ «дикой девочки», несомненно, имеющий биографическую основу. У «дикой девочки» свободные манеры («В песок зарывала желтое платье...»), ее душа сродни рыбам, птицам. Несмотря на то что героиня молится, ходит в церковь, в ее сознании преобладает языческое мировосприятие. Ахматова делегирует героине поэмы комплекс черт, который дает основание говорить об автопроективности.

Героине уготована особая женская судьба стать возлюбленной царевича. «Песня», поэтический дар представляется только «средством» осуществления этой мечты. Смерть царевича становится символом крушения веры в счастливую женскую долю. Однако мотив воскресения в финале становится залогом осуществления иной судьбы — обрести счастье не в любви, а в творчестве.

Таким образом, наблюдая за эстетизацией биографических фактов, мы видим, что автопроективная героиня Ахматовой вынуждена попрощаться с воссозданным в рамках автобиографического мифа херсонским детством и с началами, воплощенными в образе «дикой девочки», отказаться от счастливого неведения жизни в пользу бремени поэтического дара.

Специфика мифопоэтики акмеизма: случай Н. С. Гумилева

Филатов Антон Владимирович

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 2 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. А. А. Холиков

Мифологизм — явление, характерное для модернистской литературы в целом. Тем не менее поэтологические и мировоззренческие принципы различных направлений внутри модернизма неизбежно накладывают отпечаток на способы воплощения мифа в тексте.

Цель исследования — определить статус категории мифа в художественном сознании основателя акмеизма Н. С. Гумилева. Для этого были проанализированы его теоретические и критические высказывания об этом феномене (главным образом на материале рецензии на книгу С. М. Городецкого «Ярь»), а также принципы построения авторского адамического мифа, выполняющего функцию метанарратива не

только в гумилевских книгах стихов «Жемчуга» и «Чужое небо», но и во всем лирическом творчестве.

Поскольку Гумилев в своем манифесте заявлял о преемственном «преодолении» предшествующей художественной парадигмы, а не о тотальном отрицании (что имело место у футуристов), в работе также получают освещение мифопоэтические модели И. Ф. Анненского (статьи «Античный миф в современной французской поэзии», «О современном лиризме» и др.) и В. И. Иванова («Две стихии в современном символизме», «Заветы символизма» и др.).

В итоге между манифестарными установками и художественными реализациями мифотворческой стратегии Гумилева обнаруживается глубокое несоответствие: на практике поэт-акмеист оказывается гораздо ближе к своим предшественникам, чем заявляет в статьях. Так, ему не удастся преодолеть символическую природу мифа, несмотря на утверждение, что «миф — это самодовлеющий образ». Это объясняется внутренним изоморфизмом символа и мифа. Структура последнего предполагает наличие системы оппозиций, члены которых связаны между собой парадигмально и имеют потенциально бесконечное число означаемых. Следовательно, каждый мифологический образ есть не что иное, как символ. В ходе анализа упомянутых книг стихов доказывалось, что мужские образы в гумилевских стихотворениях, представленные путешественниками, воинами, героическими личностями и т. д., восходят к мифологеме Адама, исследующего созданный для него мир. Женские образы обнаруживают связь с двумя мифологемами: Евой (если в них подчеркивается земное начало — семья, домашний очаг, материальные заботы) и Лилит (если акцентируется семантика небесного, возвышенного; данная мифологема коррелирует с софийными образами символистов — Прекрасной Дамой, Женой, облаченной в солнце и т. д.). Такое искажение исходного библейского нарратива объясняется тем, что Гумилев создает автобиографический миф, находясь в рамках общемодернистской мифопоэтической системы.

«Распад языка» в поздней лирике Георгия Иванова

Васильева Алена Юрьевна

Тюменский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. Н. А. Рогачева

Г. В. Иванов принадлежит к позднеклассической традиции русской лирики, но в его поэзии 1930–50-х гг. постоянно варьируются свойственные авангарду мотивы немоты и косноязычия. Романтиче-

ская тема бессилия слова в стихах Иванова приобретает гротескные формы, особенно отчетливо проявленные в цикле «Rayon de rayonne».

Процесс обесмысливания поэзии является предметом авторской рефлексии и выражается в намеренной деформации слова. Иванов создает нарочито примитивные тексты, используя приемы городского фольклора, цитируя детские считалки, песенки и др. («Оцуп Оцуп где ты был», «Вот елочка, а вот и белочка...», «На полянке поутру...»). Самостоятельные части речи подменяются междометиями и звукоподражаниями («ку-ку-реку или бре-ке-ке-ке» как характеристика голоса поэта, «шурум-бурум» как метафора жизни). Указательные местоимения без названного объекта, к которому они отсылают, характеризуют отношения поэта со словом («говорю... то, что сам понимаю едва»), указывают на явления, которые лирический субъект не способен идентифицировать. С помощью рифмы Иванов акцентирует случайность сочетания разнородных понятий: «желтофиоль» — «меланхолия» — «канифоль».

Иванов пародийно разрушает тексты, обладающие для него безусловной ценностью: саркастически переосмысливаются стихи Г. Р. Державина, А. С. Пушкина и других поэтов («Аспазия, всегда Аспазия...», «Голубая речка...»). Косноязычие лирического субъекта носит характер автопародии: голос «Жорж Иванова» — непременно «шопот» или «мат», «брюки Иванова» «летят в вечность», «непомнящие Иваны» становятся символом забвения Иванова на родине и др.

Поэт изменяет логические основания языковой реальности, лишая антонимы семантики противопоставления («...И да — уже не да, а нет»), создавая из них новые слова («встреча-прощанье»). Демонстрацией поэтического бессилия служат оборванные слова и фразы («...Всё это было, будет, бу...»). По той же причине речь поэта состоит из именных, простых предложений («Маятника мерное качанье...», «Гаснет мир. Сияет вечер...»).

Новый язык Иванова напоминает язык юродивого. Поэт модифицирует слова («полу-отвращенье», «оробелочка»), используя морфологию для создания внешне комического эффекта, скрывающего «скуку мирового безобразья»; по образцу советских аббревиатур конструируются неологизмы («специмены»).

Разрыв поэта с культурной традицией и стихией национальной речи нашел воплощение в самой структуре поэтического слова, которое перестало служить основанием для связи мира и мысли о нем.

**Миф как средство раскрытия внутреннего мира героя:
мифопоэтика Евгения Замятина и Дэниела Киза
(«Мы» и «Цветы для Элджернона)»**

Воронина Софья Борисовна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
студент 2 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. З. Кольцова

Е. М. Мелетинский в работе «Поэтика мифа» отмечал тесную связь неомифологизма с новым психологизмом. Роман Е. И. Замятина «Мы» и рассказ Д. Киза (1927–2014, Keyes) «Цветы для Элджернона» («Flowers for Algernon») относятся как раз к такой категории текстов, в которых миф является средством анализа внутреннего мира персонажа, выступающего к тому же в качестве повествователя.

Тем самым на всех уровнях поэтики двух произведений получает особую значимость «история болезни»: в романе «Мы» главный герой подобным образом называет появление у себя эмоций, а в рассказе Киза в центре находится непосредственно история «лечения», медицинского и психологического эксперимента над героем.

В текстах Замятина и Киза ход изменений личности персонажей раскрывается через ход повествования. Важную роль при этом играет библейская образность, в частности миф о грехопадении, персонажи которого, получившие статус архетипов, воспринимаются уже не только как средства прояснения сюжета, но и как вечные характеры, психотипы, являющиеся ключом к пониманию внутреннего мира героя-повествователя.

Герой романа «Мы» и герой рассказа «Цветы для Элджернона» соприкасаются с запретным знанием, которое кардинально меняет их жизнь и мировоззрение. В случае Чарли Гордона это полученный после операции интеллект, трансформирующий понятный герою мир в сложную систему и ломающий его представление о людях. Для D-503 запретным плодом становится открытие человеческих чувств, что не дает герою жить по-старому, придерживаться навязанной Единым Государством системы ценностей. Разница в использовании сюжетов заключается в том, что в тексте Киза миф о Древе Познания вводится в основном посредством литературных отсылок (в частности, к «Потерянному раю» Дж. Мильтона), тогда как роман Замятина построен на самой библейской истории, при этом важную роль в тексте играет также переосмысление ее в литературе (прежде всего, Ф. М. Достоевским).

Задача работы заключается в выявлении общих тенденций в литературном процессе XX в. при сопоставлении не связанных друг с другом текстов. В исследовании показано, что эпические жанры в творчестве Киза и Замятина обнаруживают внутреннее родство (рассказ «Цветы для Элджернона» впоследствии стал романом), что обусловлено пристальным вниманием к психологии личности (оба автора избрали форму дневниковых записей, соответственно в основе их текстов лежит общий принцип отображения внутреннего состояния героев).

Таким образом, общим принципом отображения внутреннего состояния героев становится использование формы «записок сумасшедшего», востребованной в литературе XX в. благодаря связям с неомифологическими тенденциями.

Образ Ван Гога в русской поэзии середины 1950-х — 1980-х гг.

Падалка Анита Вячеславовна

Петрозаводский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. Л. Шилова

Взаимоотношения литературы и живописи неоднократно становились предметом исследования в работах о диалоге и синтезе искусств (Дмитриева Н. Изображение и слово, 1962; сборник статей «Литература и живопись, 1982 и т. д.) и в последние годы в исследованиях интермедиальных отношений (А. Hansen-Löve, Irina O. Rajewsky, Н. В. Тишунина). Вопрос о Ван Гоге в русской поэзии был инициирован в статье А. А. Журбина «Автор и его герой в стихотворении Л. Губанова “Ван Гог”» 2005 г. и в статье К. В. Загородневой «Поэтический “диалог перед картинами” Ван Гога: А. Тарковский, А. Кушнер, Е. Рейн» 2014 г. Этот ряд текстов можно продолжить. В нашем исследовании мы обращаемся кроме прочего к стихотворению карельского поэта О. Мишина «Ван Гог ботинки рисовал...» (1985) и к стихотворению Л. Губанова «Ван Гог» (1969). Если обратиться к литературным текстам, можно выделить два типа отсылок:

- 1) к сюжетам картин Ван Гога (так, О. Мишин в своем стихотворении обращается к часто изображаемой Ван Гогом вещи — ботинкам);
- 2) к биографическому мифу (упоминание Библии в тексте Л. Губанова связано с религиозной стороной жизни Ван Гога).

Интерес к Ван Гоггу мог быть спровоцирован в 1960-е гг. изданием писем Ван Гога к брату Тео. Ознакомившись с письмами, поняв и почувствовав тонкую и ранимую душу художника, поэты-шестидесятники по-разному передали свои эмоции и свое отношение к нему в своих произведениях. Писатели разными способами изображают

Ван Гога в своих текстах: пытаются понять художника и его мысли посредством риторических вопросов; оживляют полотна, описывая их через призму своего видения (экфрасис). Магистральной темой, объединяющей этот литературный материал, является тема не признанного при жизни таланта художника и обусловленного этим обстоятельством чувства глубокого одиночества.

Поэтика прозаического цикла А. И. Приставкина

«Маленькие рассказы»

Козлова Александра Викторовна

Южно-Уральский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. В. Пономарева

Своеобразие поэтики прозаического цикла А. И. Приставкина «Маленькие рассказы» как системного явления малой прозы 1950–60-х г. заключается в особом характере достоверности, которое репрезентируется в цикле благодаря введению особого типа повествователя. Транслятором авторских мыслей и чувств в «Маленьких рассказах» становится герой-рассказчик, являющийся моделирующим центром цикла. От первого лица он повествует о суровой судьбе детей военного времени, о простых людях, спасших из огня целое поколение. «Маленькие рассказы» — авторский цикл, первоначально опубликованный в журнале «Юность» в 1959 г. под названием «Трудное детство». Замена части заголовочного комплекса связана с изменением концепции, в основу которой положена не оценочность, не тематическое содержание текста, а его жанровая структура. Модификация названия связана с идеей Приставкина — организовать философский подтекст и задать циклизирующий, эмоциональный, интертекстуальный камертон. Данная жанровая номинация указывает еще и на организацию повествования: автор умышленно акцентирует интонацию рассказывания, что создает эффект диалогичности повествования: Приставкин доверяет читателям, позволяет им стать «собеседниками» — участниками диалога с героем-рассказчиком. Строгая организованность речи, точные, скупо прописанные микросюжеты, нейтральные номинативные заголовки, образ детдома, выступающий организатором монтажной композиции, — всё это лаконичные и простые приемы, которые одновременно раскрывают содержание и сверхзадачу произведения на глубинном уровне. Это в свою очередь говорит об универсальности циклообразующих связей и определяет внешний уровень целостности текста. В прозаический цикл «Маленькие рассказы» входит 40 коротких рас-

сказов, каждый из которых имеет собственное заглавие и может рассматриваться в качестве относительно самостоятельного произведения. Наличие общей рамы наиболее отчетливо обнаруживает взаимосвязь всех составных частей, а также указывает на их подчиненность единому замыслу. Таким образом, «Маленькие рассказы», редко превышающие размером одну страницу, стали исповедью, откровением о страданиях и испытаниях, выпавших на долю детей военного времени. Каждая история — фактически «фотография», запечатлевшая трагедию целого поколения. В малой прозе Приставкина возрастает «энергоемкость» каждого из элементов структуры текста, это значит, что жанровые, стилистические, ритмические, интонационные элементы работают системно и создают единое художественное пространство прозаического цикла.

Неизданные рассказы И. А. Бродского: «литературные маргиналии» или «большое наследие»?

Возняк Александр Сергеевич

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 1 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. Ю. Рогтнев

В работе используются материалы, которые находятся в архиве Российской национальной библиотеки, фонд №1333. В этом фонде хранятся творческие материалы И. А. Бродского, переписка, фотографии, а также документы сторонних лиц, которые так или иначе относятся к поэту.

Новизна работы заключается в освоении ранее не разработанного и не введенного в научный оборот творческого наследия поэта, в исследовании используются уникальные архивные документы. Отдельно стоит отметить, что нами был обнаружен рассказ, ранее считавшийся утерянным («Вспаханное поле»).

Мы изучили восемь архивных единиц, семь из которых содержат самостоятельные рассказы, а одна единица — несколько небольших по объему текстов, образующих цикл. Часть рассказов озаглавлены: «Вспаханное поле», «Герои на том свете», «То, что мы любим», «Последний волшебник», другая часть оставлена без названия (условно обозначаем их по первой фразе): «Эта история была однажды рассказана мною в обществе...», «Сегодня мы хороним Сашу Лучанского...», «Однажды, дважды и трижды на земле были джунгли...». Цикл «Из рассказов о Христолюбивом воинстве» включает рассказы: «Ужас», «Случка»,

«Летчик-испытатель», «Совершенно секретно». Во всех случаях это правленая машинопись с редкими пометками автора или третьего лица.

Нашей рабочей гипотезой является предположение, что данные тексты представляют собой своего рода «литературные маргиналии», т. е. не несут большой художественной ценности, но являются значимым материалом для изучения творческого метода и биографии автора. Для дальнейшей работы с текстами мы разделили их на две условные группы: психологическая проза (отличаются нравственно-психологической проблематикой и реалистической манерой) и «литературные безделки» (шутки, анекдоты, наброски эротического характера).

Мы пытаемся продемонстрировать возможности избранной нами методики и алгоритма анализа текстов: соотнесение с биографическим контекстом, выделение особенностей поэтики, сопоставление мотивики «маргинального текста» с мотивами «большого наследия». Данные аспекты изучения связаны с нашим пониманием рассказов из фонда №1333 как литературных маргиналий, служащих своего рода лабораторией переработки жизненного материала в художественный, а также формирования художественной манеры и генерирования актуальных для «магистрального» творчества мотивов.

Несобственно-прямая речь в рассказе Ю. П. Казакова «Ночлег»

Ли Юйчань

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. Ф. Куприянова*

Несобственно-прямая речь (НПР) — вид текстовой интерференции — соединение речи нарратора и персонажа, способ передачи чужой речи в нарративе. При наличии НПР повествование ведет нарратор, но, по словам Н. Ю. Шведовой, «общее содержание высказывания, его модальность, подбор лексики, словоупотребление, временной план переносятся в субъектное поле речи и мышления героя». НПР — сложная синтаксическая структура, которая соединяет в себе конструкцию прямой и косвенной речи. Высказывание представляется производящимся от лица нарратора, не маркируется ни знаками препинания, ни вводными словами. Перемещение точки зрения с нарраториального полюса на персональный определяется как образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу происшествий (В. Шмид). Наличие в тексте произведения этого способа повествования расширяет повествовательные рамки произведения,

усиливает его эмоциональное воздействие. НПП — распространенный в современных художественных произведениях способ повествования. Иноязычные читатели не всегда выявляют в тексте структуры НПП, при наличии НПП с трудом воспринимают текст, не вычлениют в тексте нарратора текст персонажа. Произведения Юрия Казакова крайне мало рассматривались с точки зрения нарратологии. Задачами доклада определены необходимость выяснить соотношение НПП и других форм передачи чужой речи в тексте, выявить и описать семантические, структурные и функциональные особенности НПП в рассказах Ю. Казакова. Рассказ «Ночлег» ведется от третьего лица. Главная повествовательная инстанция — повествователь, ведущий повествование через фокализатора — главного персонажа. Все случаи несобственно-прямой речи принадлежат одному главному персонажу. Голос персонажа активно выделяется на фоне нейтрального повествования нарратора. Это вносит в повествование элементы субъективности, эмоциональности и придает повествованию явно выраженную стилистическую окраску. Функции НПП в рассказе «Ночлег»:

1. глубокое раскрытие внутреннего состояния персонажа: чувствительности, доброты, душевной силы, скрытых за его неуверенным поведением и невзрачной внешностью;
2. сокращение дистанции между читателем и героем;
3. выражение симпатии к персонажу и привлечение к нему симпатии читателей. Нарратор не акцентирует свое отношение к персонажам, но, отдавая право голоса Никите, открывая его внутренний мир, демонстрирует свое расположение к данному персонажу.

Особенности лирического метасюжета в книге стихов («...и всё такое...» Б. Рыжего)

Гурулева Евгения Викторовна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 1 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. А. А. Холиков

Задача исследования — выявить формально-эстетическую целостность картины мира поэта в циклическом образовании (книге стихов). Материалом послужил сборник Б. Рыжего «...и всё такое...» под редакцией Г. Ф. Комарова. Для выделения его ключевых поэтологических особенностей поэтапно рассматриваются стратегии самоидентификации и динамики рефлексорного сознания лирического героя, позволяющие определить специфику метасюжета. Один из смысловых центров

данного метасюжета — оксюморонное сочетание направленности в будущее («я тоже стану музыкантом / и буду, если не умру», «душа моя... / путем небесно-голубым, / любимая, лети к любимым / своим», «когда я выпью и умру») и имплицитного движения лирического сознания в эгегически воспринимаемое им прошлое («много было всего, музыки было много ... музыки стало мало», «был прекрасный летний день», «вот здесь я жил давным-давно», «Мы целовались тут пять лет назад... Где ты, где азиат, где тот пиджак?», «Те съехали, тех дома нету, / та вышла замуж навсегда. / Хоть целый век летай по свету / тебя не встретят никогда»). Обозначенная бинарная оппозиция разрешается через актуализацию настоящего, не обязательно выраженного глагольными формами настоящего времени («и остается, остается мне ждать, дыханье затая», «Вот мы и вышли в осень из кинозала / и зашагали по длинной аллее жизни», «зайду на кухню, оп, два ангела за чаем»). Такая модель восприятия лирическим героем времени апеллирует прежде всего к циклическому мировосприятию («мы живем по кругу», «повторится жизнь моя»). Другая значимая особенность метасюжета цикла, анализируемого нами через модель «я-в-мире», — сознательное движение от «я» к «мы» и коллизия «я — другой», разрешаемая трагически, так как роль музыканта, воспринимаемая субъектом как единственно верная («стану музыкантом»), отдается «другому»: «В голубом от дыма ресторане / слушать голубого скрипача... Так не вышло из меня поэта / и уже не выйдет никогда». Динамика психоэмоциональных состояний субъекта проходит от жизни к смерти (не только формальной, но и творческой). В результате анализа удалось выявить художественную специфику реализации лирического метасюжета у Рыжего на конкретном историко-литературном материале. К его особенностям можно отнести не только актуализацию настоящего времени, разрешающего коллизию «прошедшее — будущее», сознательное движение от «я» к «мы», стремление «я» к творчеству, но и циклическое мировосприятие, средоточие на концепте смерти, являющемся одним из ведущих смысловых центров цикла и реализованном через ряд инвариантных мотивов. Выявленные особенности отвечают за целостность циклического образования и формируют трагический тип его эстетической завершенности, не позволяющий лирическому «я» достигнуть ролевой границы самореализации.

Теория возможных миров в литературоведении: особенности подхода и основные вопросы

Кириченко Владислав Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук доц. В. Д. Алташина

Понятие возможных миров впервые встречается у Г. В. Лейбница в работе «Теодицея». Оно восходит к теории Лейбница о возможных мирах (ВМ), которая использовалась для анализа необходимости, возможности и аналогичных модальных понятий. Далее, философы аналитической школы (С. Крипке, Д. Льюис, К. Хинтиikka, А. Плантига) начали заново разрабатывать этот концепт во второй половине XX в. Основной целью было решение проблем формальной семантики. Наиболее проблемные места были в истинных условиях контрфактуальных утверждений и предложениях, измененных с помощью модальных операторов, выражающих необходимость и возможность. Теория возможных миров появляется благодаря научным изысканиям американского философа Дэвида Льюиса. Он считает, что сказать «*x* — возможен» значит сказать, что существует возможный мир, где *x* существует. Сказать «*x* — существует» значит сказать, что во всех возможных мирах *x* существует. Помимо прочего, в своей статье «Truth in Fiction» Д. Льюис предпринимает попытку опробовать теорию ВМ в литературоведческом русле. Говоря более точно, Льюис применяет теорию ВМ для определения того, при каких условиях утверждение относительно художественного мира, которое необязательно есть в тексте, может считаться истинным. Т. Павел был первым, кто попытался осмыслить потенциал теории ВМ в литературоведении. В своей статье «Possible worlds and Literary Semantics» он рассматривает понятие ВМ с целью прояснить вопросы референции. Литературный текст создает для читателя новый ВМ, который имеет свои законы и внутреннюю среду, таким образом определяя свои пределы возможного. Л. Долежел написал две книги, фундаментальные для понимания теории ВМ: 1) «Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds»; 2) «Possible Worlds of Fiction and History: the Postmodern Stage». По мнению Долежела, фиктивные миры должны рассматриваться как «маленькие миры», сконструированные текстуально, логически не законченные, часто гетерогенные в их макроструктуре и потенциально парадоксальные. Он предлагает различные категории и уровни для анализа ВМ в художественном произведении, например, он вводит понятие «интенциональных и экстенциональных функций», «эксплицитных, имплицитных и нулевых текстур» и др. В своей книге «Роль читателя» У. Эко рассматривает семантическую сферу нарратива

не как ВМ, но как вселенную, созданную из совокупности ВМ. Эко: «Литературный текст не является единственным ВМ, но машиной по производству ВМ». В заключение хочется отметить, что теория возможных миров создает новый ракурс понимания художественного текста и его анализа, что позволяет иным образом взглянуть как на современную, так и на предшествующую ей литературу.

Функции киберпространства в текстах В. О. Пелевина

Абарникова Наталья Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. С. Мовнина

Термин «киберпространство» впервые появился в рассказе американского фантаста У. Гибсона «Сожжение Хром» в 1982 г. Изначально под «киберпространством» подразумевался мир внутри компьютера или компьютерных сетей; впоследствии термин расширился и стал обозначать любую виртуальную реальность. Долгое время наличие в тексте киберпространства или его элементов являлось отличительной чертой научной фантастики, однако с развитием технологий элементы киберпространства стали появляться во многих других жанрах литературы. Целью исследования являлось выявление элементов киберпространства и их функциональной роли в текстах современного российского писателя В. О. Пелевина.

В процессе исследования был проведен литературный анализ трех избранных текстов Пелевина, объединенных наличием элементов киберпространства. Материалом исследования стали рассказ «Принц Госплана» (1991), романы «Шлем ужаса» (2005) и «Любовь к трем цукербринам» (2014). Выбор текстов был обусловлен не только творческой биографией Пелевина, но и изменением понятия «виртуальной реальности» вследствие развития интернет-технологий.

В процессе исследования были выделены следующие положения.

1. Во всех трех текстах персонаж переходит из реального пространства в киберпространство.

2. Тип перехода — т. н. «психологическое погружение» (по С. Бьорку и Ю. Холопайнену);

3. В текстах представлены три разных типа киберпространства: консольная игра («Принц Госплана»), симулятор реальной жизни («Шлем ужаса») и «матрица» («Любовь к трем цукербринам»).

4. Функции киберпространства в текстах отчасти зависят от типа киберпространства.

Результатами исследования стали следующие выводы.

1. Киберпространство в текстах Пелевина выполняет собственно пространственную функцию.

2. Киберпространство в текстах Пелевина выполняет функцию создания фантастичности, которая делится на два типа:

а) функция создания «иллюзорности реальности» («Принц Госплана», «Шлем ужаса»);

б) эффект создания «параллельных реальностей» («Любовь к трем цукербринам»).

3. Киберпространство в текстах Пелевина выполняет сюжетобразующую функцию.

«Движение литературы»: сборник литературно-критических статей И. Б. Роднянской как художественное целое

Зенова Елизавета Михайловна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 2 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. Б. Иванова

«Не зяблик», «Удивительные приключения рыбы-лоцмана», «Карманный оракул», «Клудж» — вот лишь несколько названий книг, авторами которых являются литературные критики. Издания такого типа объединяют принадлежность к литературе нон-фикшн и сходная творческая судьба: созданию книги предшествовало написание критиком серии статей для периодических средств массовой информации. По мнению большинства ученых, книга, объединяющая эссе, рецензии, статьи, вправе называться новым жанром литературной критики. Возникает вопрос о рациональности рассмотрения книги литературного критика как жанровой формы, для которой характерно помимо внутренней общности наличие художественного единства. С целью проследить за тем, какими средствами собрание критических статей обретает свойство завершенности и осуществления замысла художника, на материале книги И. Б. Роднянской «Движение литературы» проанализирован образ автора, выявлена логика композиционной организации текстов, а также определены условия, благодаря которым сборник переходит в статус художественного целого. Благодаря системе лейтмотивов, к которым можно отнести, например, частотное упоминание В. Г. Белинского и В. С. Соловьева, апелляцию к работам представителей «формальной школы», возникает единство текстов, на первый взгляд разрозненных. Лейтмотивом или постоянным приемом можно назвать и стремление критика актуализировать в сознании читателей авторов-

классиков. В ряду компонентов, обуславливающих целостность и завершенность книги (как, например, единый на всем протяжении текста образ автора, выделенные особым образом заголовочные комплексы, возникшая лейтмотивная система), в наибольшей степени художественной целостности способствует композиционная организация статей внутри книги. Симптоматично, что начало сборника предваряют развернутые размышления Роднянской о профессии, а в финале автор подробно останавливается на вехах собственной биографии. Лирический образ автора соединяет совокупность разнородных статей в завершенное художественное целое путем осуществления общего замысла. Если согласиться с гипотезой о художественности книги «Движение литературы», то можно говорить о стремлении автора разрешить конфликт между постоянно обновляющейся литературой и степенью звучания в ней идей, отличающих классические произведения русского словесного искусства.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ

К проблеме тематического определения летописного рассказа о четвертой мести княгини Ольги

Арсланьян Михаил Эдуардович

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Ф. Н. Двигятин

Начиная с А. А. Шахматова складывается устойчивая традиция относить летописный рассказ о четвертой мести княгини Ольги к более позднему этапу создания «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), чем три других рассказа о мести княгини. Шахматов относит рассказ о четвертой мести к одной из редакций ПВЛ, а предшествующие рассказы — к Начальному своду. Наиболее убедительным аргументом в пользу отличности четвертого рассказа от трех других является тезис Д. С. Лихачева, что четвертый рассказ разрушает троичную структуру первых трех рассказов, каждый из которых повторяет одно из ритуальных действий, совершаемых при похоронных обрядах: погребение в ладье, омовение в бане и поминальный пир. Таким образом, чтобы на данном примере поставить под сомнение расслоение летописи на генетически

разные тексты, следует точнее установить отношение рассказа о четвертой мести к трем предыдущим.

Исходя из предпосылки, что тематически схожие летописные рассказы обладают похожей мотивной структурой, рассказ о четвертой мести княгини Ольги не может быть соотнесен с тремя другими рассказами, так как значительно отличается от них. Скорее он соотносится с рассказами об осаде города, написанными с позиции осаждающих, — это, например, рассказ о взятии Владимиром Корсуни.

Рассмотрим позицию интересующего нас рассказа в тексте летописи. Рассказ о четвертой мести княгини Ольги следует сразу после заголовка о начале княжения Святослава, следовательно его можно отнести к рассказам о первых деяниях князей после вокняжения. В группе рассказов о первых русских князьях (Олег, Игорь, Святослав) первым действием князя после начала княжения всегда является присоединение земель и восстановление власти над землями, отказывающимися платить дань новому князю. К подобным рассказам мы можем отнести и рассказ о четвертой мести княгини Ольги.

На основе того, что интересующий нас рассказ тематически относится к летописным рассказам об осаде города, а по своему положению в тексте ПВЛ — к рассказам о первых деяниях князя, следует допустить, что рассказ, который мы привыкли называть рассказом о четвертой мести Ольги, имеет лишь косвенное отношение к мести княгини. Следовательно, можно поставить под вопрос обозначенное выше расслоение текстов в данном месте ПВЛ.

Риторическая редакция «Жития Моисея, архиепископа Новгородского»: к вопросу об источниках

Алексеева Алина Сергеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Т. В. Пентковская

В 1908 г. В. М. Яблонский вводит в научный оборот редакцию «Жития Моисея, архиепископа Новгородского» (ЖМ), дошедшую в единственном списке в составе рукописи-конволюта РНБ, Собр. СПбДА, 270/2 (тетрадь датируется 2-й пол. XVII в. и содержит житие и Похвальное слово святителю). О самой редакции Яблонский сообщает немного, обращая внимание в основном на состав источников, использованных агиографом (ЖМ в Пространной и Сокращенной редакциях

и т. н. «летописное сказание»), и отмечая обширные риторические украшения, которые будут предметом настоящего исследования.

Во-первых, редактор обращается к библейскому тексту, проводя сюжетные параллели и увеличивая количество цитат по сравнению с Пространной и Сокращенной редакциями. Во 2-й пол. XVII в. можно было воспользоваться либо Острожской Библией 1580–1581 гг., либо Московской Библией 1663 г. — агиограф, как показал анализ библейских цитат, при наличии разночтений между двумя печатными изданиями следует за Острожской Библией. Во-вторых, работая в традиционной компилятивной манере, книжник заимствует фрагменты текста из «Паренесиса» Ефрема Сирина (в частности, рассказ о жизни святителя строится по модели Слова 48 об Авраамии Затворнике) и Тучковской редакции Жития Михаила Клопского 1537 г.

Комплекс заимствований позволяет определить, что Риторическая редакция ЖМ была составлена в период между 2-й пол. XVI в. и 2-й пол. XVII в. Текст встраивается в традицию канонических житий в отличие от «новых житий» XVII в., которые, по мнению М. Д. Каган-Тарковской, имеют свободную композицию при отсутствии риторических украшений, цитат из Священного Писания и обращения к раннему агиографическому корпусу.

Многообразие персонажей и динамизм характеров в «Житии протопопа Аввакума»

Котова Анастасия Павловна

Вологодский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. Н. Воронина

Одной из тем в «Житии протопопа Аввакума» является тема многообразия («пестроты») и динамизма мира и жизни (она заявлена автором еще при описании видения о кораблях). Она раскрывается через разные уровни структуры текста: пространственно-временной, сюжетный, персонажный и языковой.

Цель исследования — показать реализацию темы пестроты и динамизма мира на примере системы персонажей памятника, которая в данном аспекте в науке ранее не рассматривалась.

В работе анализируется текст редакции А (1673 г.).

В «Житии» рассказывается о реальных людях, с которыми Аввакум сталкивался на своем жизненном пути. Все они увиденны глазами рассказчика и даны сквозь призму его сознания. Для Аввакума мир

прежде всего «пестрый» (многообразный). Такое представление о мире повлияло на систему персонажей «Жития».

Многообразие мира раскрывается через:

1) изображение широкой социальной картины (в тексте присутствуют представители всех сословий: бояре и князья, начальники и воеводы, казаки, священники и монахи, слуги и др.);

2) упоминание и характеристику не только русских, но и иноземцев, которые, с одной стороны, изображены как враги (например, татары и «башкирцы» хотят убить Аввакума и его спутников), а с другой — как обычные люди с присущими им общечеловеческими слабостями (благодаря «лести» Аввакума и его жены иноземцы отнеслись к путникам дружелюбно);

3) отсутствие четкой границы между положительными и отрицательными персонажами (старообрядцами — «никонианами»), поскольку есть промежуточные персонажи, которые либо находятся между этими группами, взаимодействуя с каждой из них (царь, Евдокия Кирилловна, дьякон Козьма и др.), либо не вписываются ни в одну из них, поскольку не имеют отношения к борьбе старообрядцев и «никониан» (бесноватые, скоморохи, начальники и др.);

4) изображение таких персонажей, как ангелы и бесы, которые в основном фигурируют в видениях и снах.

Мир и жизнь Аввакуму видятся не только многообразными, но и динамичными: под воздействием каких-либо обстоятельств (болезни, одержимости злым духом и т. п.) некоторые персонажи способны менять свое поведение и морально-нравственные установки. Их можно отнести к отдельной группе неоднозначных персонажей (Афанасий Пашков, Евдокия Кирилловна, Ефимей Стефанович, дьякон Козьма и др.). Например, Пашков, жестокий человек, под воздействием обстоятельств (когда его наказывают высшие силы за несправедные дела) оказывается совестливым страдальцем (плачет, просит прощения, признает свою неправоту).

Таким образом, тема многообразия и динамизма бытия раскрывается через изображение широкой социальной картины, отсутствие четкой границы между положительными и отрицательными персонажами, наличие неоднозначных персонажей с изменчивыми характерами.

«Сораспятие со Христом» в «Житии протопопа Аввакума»: соединение бытового плана и евангельских сюжетов

Коновал Елизавета Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. В. Рождественская

Мысль о том, что в качестве авторитета для Аввакума в первую очередь выступала фигура апостола Павла, получила подтверждение в работах многих исследователей (подробно об этом писала Н. М. Герасимова). Также неоднократно было замечено, что описывая свой мученический путь в борьбе за веру, Аввакум как бы невольно сопоставляет свои страдания с крестным путем и страданиями Христа. Однако подробно это сопоставление не рассматривалось, и вопрос о сравнении Аввакума с образом Христа до сих пор остается открытым. Цель нашего доклада — исходя из возможности видения Аввакумом своей жизни как «сораспятия со Христом» (А. М. Ранчин), на конкретных примерах показать, как эпизоды евангельской истории, связанные с жизнью Спасителя, реализуются Аввакумом на бытовом материале его «Жития».

1. Важнейшим символом, несколько раз возникающим в тексте «Жития», является крест. Он не только является атрибутом страданий мученика за веру, но и непосредственно связан с жизнью Иисуса Христа, в том числе в таких евангельских ключевых эпизодах, как суд Понтия Пилата, распятие и разговор с казненным рядом с Христом «благоразумным разбойником». Эта образная и идейная параллель с судьбой самого Аввакума обсуждается в докладе.

2. Аввакум вводит символ креста в свой текст в различных эпизодах и разными способами, в том числе с помощью визуализации: тело Аввакума, которого ведут на расстрижение, повторяет положение тела Спасителя, распятого на кресте («водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня»). Это свидетельствует не только о сознательном сопоставлении протопопом своей судьбы с судьбой Христа, но и о новом художественном подходе к созданию агиографического текста.

3. Особенностью «Жития» является органичное взаимодействие двух планов — сакрального и бытового, с чем связана, как не раз отмечалось, стилистика и композиция текста. Однако евангельские сюжеты актуализируются не только за счет введения прямых цитат из Священного Писания, но и благодаря подробностям, которыми изобилует реально-бытовой план текста. При введении агиографом прямых сравнений своей жизни с эпизодами, заимствованными из библейской истории («на пути крестили, яко же Филипп каженика древле» и др.), за подробным описанием житейской ситуации возникает параллель с дру-

гими событиями, связанными с жизнью Христа, что подтверждается при непосредственном обращении к Евангелию.

Внутритекстовые примечания А. Д. Кантемира в переводе хроники Константина Манассии

Фу Хэн

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин*

В 1725 г. А. Д. Кантемир перевел с латинского языка хронику византийского историка XII в. Константина Манассии — «Синописис историческую». Предположительно этот перевод представляет собою первый кантемировский переводческий опыт, дошедший до нас. Перевод не опубликован, авторская рукопись с 1817 г. находится в Отделе рукописей РНБ. Согласно предположению Б. А. Градовой, подтвержденному и нашим исследованием, Кантемир, вероятно, использовал латиноязычное издание 1616 г., созданное и прокомментированное нидерландским исследователем Йоханнесом Меурзием. В тексте перевода встречается много авторских маргиналий. Кроме этого, в тексте есть примечания другого типа — внутритекстовые примечания, обозначенные скобками и двоеточиями. Автокомментарий является важнейшей частью творчества Кантемира, позже он встречается в других его переводных и собственных сочинениях.

Многие исследователи обратились к изучению примечаний Кантемира (В. Я. Стоюнин, З. И. Гершкович, К. В. Пигарев, А. В. Западов, А. С. Курилов, И. З. Серман, Г. А. Давыдов, А. С. Елеонская, С. И. Панов, Е. Э. Бабаева, Н. Ю. Алексеева, П. Е. Бухаркин), однако до сих пор внутритекстовые примечания кантемировского перевода хроники Константина Манассии не становились объектом исследования. Доклад посвящен этим заметкам в авторской рукописи; ставится вопрос о возможности их интерпретации как своеобразных комментариев.

При сопоставлении текста Кантемира с текстом латиноязычного издания обнаруживаются следующие типы внутритекстовых примечаний: 1) дополнение отсутствующих в латинском переводе слов или выражений: «Внегда же (: Бог :) толь приятную учини сень...»; 2) интерпретация тропов: «Сего из красного праху устроенного <...> *блатного естества скудел(ь)ник (: сиречь Бог :) Адамом нарече»; 3) толкование местоимений: «Глаголют бо яко безчисленныя сей (: Филадель(ь)ф :) собрал книги...»; и др.*

Отрывок из поэмы С. Геснера «Смерть Авелева»

в переводе Д. И. Фонвизина: сопоставление перевода и оригинала

Копосова Татьяна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин

1. Д. И. Фонвизин начал свою литературную деятельность как переводчик и в течение жизни создал большое количество переводов, некоторые из которых ценились современниками наравне с его оригинальными произведениями. Отметим также, что многие переводы Фонвизина малоизучены, а некоторые не изучены вовсе.

2. Перевод поэмы «Смерть Авелева», созданный Фонвизиным, никогда еще не был отдельным объектом исследования и, как кажется, относится к забытым страницам творчества Фонвизина. Указания на этот перевод в научных работах носят общий характер, во многих исследованиях о нем вовсе не упоминается, поэтому можно утверждать, что анализ этого текста не предпринимался.

3. Начнем с некоторых общих сведений, касающихся оригинала. Эпическая поэма «Смерть Авелева» («Der Tod Abels») была создана Геснером (Gessner, 1730–1788) и имела большой успех как на родине писателя, так и за границей. В XVIII в. было опубликовано три полных перевода этой поэмы на русский язык. Фонвизин перевел только отрывок из поэмы, который никогда не был напечатан в полном объеме. Единственная публикация этого перевода, выполнена П. А. Вяземским в 1848 г. в качестве приложения (наряду с другими найденными им текстами) к книге «Фон-Визин». Важно отметить, что публикация Вяземского является неполной. Если сравнивать текст, напечатанный Вяземским, и рукопись с точки зрения количества слов, то публикация содержит 665 слов, а рукопись — 3050, то есть можно утверждать, что опубликована была только пятая часть фонвизинского перевода.

4. Получив представление о реальном объеме этого текста, перейдем к его сопоставлению с оригиналом. Перевод Фонвизина демонстрирует высокий уровень мастерства и творческой свободы. Очевидно, что большинство неточностей в переводе связано со стремлением Фонвизина придать изящному и сентиментальному тексту поэмы больше серьезности и торжественности, опираясь на традиции ораторской прозы.

«Нравоучительные басни» и «Адская почта» Ф. А. Эмина: проблема взаимодействия

Кротова Евгения Дмитриевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин*

1. Творчество Ф. А. Эмина (1735–1770) чрезвычайно разнообразно и занимает важное место в русской литературе XVIII в. К сожалению, до сих пор не ставился вопрос о единстве литературной позиции этого автора. Изучая произведения Эмина, исследователи предпочитали жанровый подход и, таким образом, оставляли без внимания взаимосвязи между текстами разных типов. Между тем такие связи есть, и это заставляет обратиться к вопросу о внутреннем единстве творчества Эмина.

2. Безусловные параллели прослеживаются между сборником «Нравоучительные басни» (1764) и сатирическим журналом «Адская почта» (1769): начиная от тематического сходства и заканчивая общими композиционными принципами. Так, черти и бесы появляются в качестве персонажей уже в некоторых баснях Эмина («Черт и старуха», «Черт, сатана и целовальник», «Дружество, любовь и политика»), за пять лет до того, как тема ада будет использована в журнале. В баснях присутствует целый ряд сатирических мотивов, которые впоследствии будут гораздо более ярко выражены в «Адской почте». Невежество, лесть, лицемерие, ревность и супружеская измена — это лишь некоторые из тем, общих и для басенного сборника, и для сатирического журнала. Важным оказывается и то, что оба произведения, несмотря на жанровые различия, в итоге выполняют дидактическую функцию. Нравоучительный смысл при этом умело соединяется с формой короткого занимательного рассказа: будь то басня или фрагмент переписки Хромого беса с Кривым. Отдельные письма, составляющие журнал, напоминают басни своим содержанием и построением, а иногда даже содержат емко сформулированную мораль.

3. Все это дает основания для сопоставления «Нравоучительных басен» и «Адской почты», а также позволяет сделать вывод о том, что, создавая сатирический журнал, Эмин учитывал свой опыт баснописца точно так же, как в свое время при составлении сборника басен использовал приемы и темы, освоенные им при написании романов. Таким образом, мы находим еще одно подтверждение того, что творчество Эмина обладает некоторым внутренним единством.

Личные имена в структуре повествования «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина: к постановке проблемы

Дульцева Юлия Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин

В центре внимания нашего исследования — особенности использования личных имен в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. Современная наука активно занимается изучением проблемы антропонимики художественного текста в творчестве различных писателей. Наибольший интерес в методологическом плане представляет монография В. Н. Топорова «“Бедная Лиза” Карамзина: опыт прочтения» (1995), в которой рассматриваются функция имен и роль безымянности на персонажном уровне. Однако текст другого программного произведения писателя — «Писем русского путешественника» — остается не изученным в данном аспекте. Таким образом, цель исследования — выявление особенностей употребления личных имен в указанном произведении и закономерностей использования Карамзиным тех или иных апеллятивов и эпитетов при именах собственных. В дальнейшем будет предпринята попытка связать вопрос об именовании и безымянности с вопросом о степени фикциональности карамзинского текста.

Изучение личных имен в структуре повествования «Писем русского путешественника» предполагает в первую очередь рассмотрение следующих проблем.

А. Изменения в использовании одного и того же личного имени от редакции к редакции. Например, в основной редакции шестого «письма» (1820) повествователь говорит об извозчике «наш Габриэль», а в самых ранних редакциях (1791–1792, 1802) именуется он «Гаврилой».

Б. Выявление роли апеллятивного конвоя (термин Н. В. Васильевой) при имени собственном, причем особенный интерес вызывают случаи, когда антропоним окружен серией «конвоиров»: «у Канта, которого Иудейской Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende Kant*, т. е. *все сокрушающий Кант*» и др. Карамзин использует апеллятивный конвой на немецком языке и приводит пояснение курсивом на русском языке с целью заострить внимание читателя на знаковой личности в глазах самого автора.

В. Проблема употребления инициальных обозначений и сокращений имен и их влияния на фикциональность «Писем»: «Милой Птрв.», «нещастный Л**», «Господин И***» и др. Судя по всему, это личные знакомые Карамзина, конкретные, реальные персоналии. Эти антропони-

мы писатель шифрует, вставляя астериск, но оставляет намек на реальное имя человека, которого он упоминает.

Г. Проблема безымянности персонажей: большинство действующих лиц на протяжении всего повествования остаются неназванными. Карамзин использует этнонимы и названия профессий, употребляя их с прописной буквы, показывая, что имеется в виду конкретный персонаж: «Французский Италианец», «мой знакомый Англичанин», «Немец» и др.

Русские переводы элегии «Падение листьев» Ш. Ю. Мильвуа

Куприянова Арина Сергеевна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
студент 1 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. А. С. Бодрова

Элегия Шарля Юбера Мильвуа (1786–1816, Millevoye) «Падение листьев» («La chute des feuilles») была создана и впервые опубликована в 1811 году. Всего известно 5 редакций текста: 1811, 1812, 1815 (а), 1815 (b) и 1822. Стихотворение получило большую популярность в России.

Первый перевод был выполнен М. В. Милоновым уже в 1811 г. (первая публикация в №3 «Вестника Европы» за 1812 г.). Текст элегии близок к одному из вариантов текста Мильвуа; более того, перевод позволяет установить точную датировку двух редакций оригинального стихотворения, так как соотноситься он может лишь с редакцией 1811 г.

Перевод К. Н. Батюшкова (1816) меньше похож на оригинальную элегию, во многом из-за сезона, в котором происходит действие: если у Мильвуа все события случаются осенью, то Батюшков описывает весну, которая контрастирует с метафорическим увяданием юноши — героя стихотворения. Еще одна примечательная деталь: Батюшков вводит имя возлюбленной, называя ее Делией, в то время как у Мильвуа девушка остается безымянной.

Еще более вольным можно назвать перевод Н. С. Григорьева (1820). Его стихотворение носит название «Романс»; действительно, песенность в нем проявляется даже в метрике, так как семантический ореол четырехстопного хоря, согласно М. Л. Гаспарову, связан с песнями и романсами. Другие же авторы использовали для своих элегий четырехстопный ямб. Тексты Батюшкова и Григорьева предположительно основаны на схожих редакциях элегии Мильвуа, так как в них отсут-

ствует фигура матери, впервые возникающая в версии 1815 (а) «La chute des feuilles».

Переводы В. И. Туманского и Е. А. Баратынского (оба — 1823) также схожи между собой не только на сюжетном, но и на лексическом уровне: в обоих текстах дублируются некоторые словосочетания, к примеру «злак полей», «О, роковое прорицанье»/ «О прорицанье роковое» и т. д. Отсутствие фигуры пастуха, но присутствие фигуры матери позволяет предположить, что для создания этих переводов использовалась редакция 1815 (b).

В исследовании проанализировано художественное своеобразие каждого текста, установлена связь между переводами разных авторов и прокомментированы датировки редакций элегии Мильвуа и ее переводов.

К романтической типологии женских образов

Кириллова Анна Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. А. Карпов

Задачей доклада является описание системы женских образов в русской литературе эпохи романтизма. Материалом послужили произведения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и Е. А. Баратынского, а также романтические повести таких авторов, как Н. А. Полевой, В. Ф. Одоевский, В. И. Карлгоф, Н. Ф. Павлов и др. В целях создания более полной типологической модели мы ориентировались и на некоторые произведения зарубежных романтических писателей.

Первая классификация романтических женских образов была предпринята В. М. Жирмунским в книге «Байрон и Пушкин». Исследователь выделил в ней два часто встречающихся в произведениях Байрона, а затем Пушкина образа красавиц: «кроткая добродетельная христианка» и «страстная, необузданная, преступная гаремная красавица». Созданная на основе «восточных» поэм Байрона и «южных» поэм Пушкина, типология Жирмунского применима не ко всем произведениям тех же или других писателей-романтиков. Тем не менее сами выделенные Жирмунским типы героинь встречаются в литературе романтической эпохи чрезвычайно часто. М. Г. Давидович в статье «Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX в.» подкрепила классификацию Жирмунского подробным анализом портретного стиля женских образов на объемном материале русской прозы 1830-х гг., но сюжетная роль персонажей осталась вне ее поля зрения.

Наша типология учитывает портретные и психологические характеристики женских персонажей и их сюжетные функции. Мы рассмотрели степень подробности их изображения, явное и подразумеваемое соотношение с различными линиями поведения, системами ценностей, литературной традицией. В результате удалось выделить новые константные литературные типы и их вариации, описать характер трансформации женских образов в русской романтической литературе.

Гусары в прозе А. С. Пушкина («Повести Белкина»)

Халиуллин Карим Ришатович

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. Н. Григорьева*

В первые десятилетия XIX в. в русской культуре сосуществуют два явления — литературное гусарство Дениса Давыдова и буянство «реальных», исторических лиц (Ф. И. Толстой-Американец, М. С. Лунин, И. П. Липранди, Ф. А. Уваров и др.). Однако если для человека 1810-х гг. очевидна разница между гусаром давыдовской лирики и реальным буяном, то в следующие десятилетия эти явления различаются все меньше. Разгульное офицерское поведение и гусарство уже к концу 1830-х гг. сближаются: теперь носителем данного типа поведения становится именно гусар, а никто иной.

Совмещение двух различных типов и мифов — давыдовского, литературного и «буянского», исторического — происходит в литературе первой половины XIX в. (А. А. Бестужев-Марлинский, В. И. Карлгоф, Д. Н. Бегичев). Ключевую роль в этом процессе играет проза А. С. Пушкина.

В качестве главных героев текстов, входящих в «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», часто фигурируют гусары: Сильвио и граф Б. в «Выстреле», Бурмин в «Метели», Минский в «Станционном смотрителе». Гусары как действующие лица и гусарство как мотив являются важными элементами в структуре повестей. Героев-гусар рассматриваемых текстов условно можно разделить на два типа: одни (Граф Б. и Бурмин) близки лирическому герою Давыдова, а другие (Сильвио и Минский) воплощают в себе реальных повес и буянов первой трети XIX в. Однако герои, генетически связанные с лирикой Давыдова, претерпевают значительную деформацию. Поэтический герой-гусар в «Повестях Белкина» прозаизируется, лишается некоторых важных черт, тем самым сближаясь с буяном.

После пушкинских повестей два типа, поэтический и исторический, в русской прозе все больше сближаются. Уже к началу 1840-х гг.

образ гусара-буяна, картежника и бретера, закрепляется в произведениях натуральной школы — например, в прозе В. А. Соллогуба.

Мифологема «земля» в повести Н. В. Гоголя «Вий»

Гончаров Даниил Юрьевич

Дальневосточный федеральный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. М. С. Киселева

Под мифологемой мы понимаем глубинный первообраз, изначально содержащийся в коллективном бессознательном и воплощенный в мифе или в художественном тексте. В последнем случае мифологема является первичной идеей-формой, из которой вырастает образ / сюжет произведения.

В повести Гоголя «Вий» мы предполагаем реализацию мифологемы «земля». Упоминания о земле последовательны; о собственно земле говорится главным образом в связи с Вием и нечистью (например, Вий «весь в черной земле»). Однако чаще земля предстает в более определенной форме — грязь, (босые бурсаки в «запачканной одежде» «разбрызгивали своими ногами лужи»), глина (склон горы сотника), определенный рельеф (поля и горы), значимые пустоты в земле (лисьи норы).

Земля регулярно связывается с определенными группами «земных», «грязных» образов — нечистая сила и бурсаки. Проникновение стихии земли в пейзаж и интерьер создает общий «земной» колорит конкретного эпизода, фона, адекватного «земным» персонажам.

Различные формы существования земли в повести не случайны и семантически наполнены. В них реконструируются два комплекса архаических представления о земле. Первый характерен для славянской культуры — в этом случае универсальна женская символика земли, положительные коннотации (ритуальная чистота земли-матери, связь с Богородицей, Родиной) (Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. т. 2 / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995). Однако такие коннотации сводятся на нет неоднократными указаниями на грязь, голым и бесплодным глинистым склоном горы сотника. Гоголь как бы дает понять, что земля «Вия» — не мать, а нечто другое.

Земля есть и вторичное бытие, созданная Сатаной материя, противоположная небесному, божественному началу (Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя. М., 1993). В этом случае в повести возникает антиномия «земное» — «небесное». Земля маркирует аномальную материальность, бездуховность бурсаков (= бурсы, института религии) как потенциальных, но несостоявшихся носителей духовного начала, а также нечисть

как персонификацию «земности», и сам мир, в котором и первые, и вторые сосуществуют. Обе группы образов противопоставлены божественному началу.

Такие мотивы восходят к гораздо более архаичной традиции т. н. «неолитической религии», а именно — к образу Черного бога земли (Голан А. Миф и Символ. М., 1993). Образ Вия может быть по ряду признаков соотнесен с этим образом, а образы ведьмы и нечисти — с хтоническими силами земли вообще.

Подчеркнутая «земность», материальность бурсаков и самой бурсы теперь может быть объяснена проникновением нечистой силы и Вия (т. е. архаичного бога земли) в область духовного и практически полным овладением ей. Хома Брут остается один на один с хтоническими силами земли, могучими и древними, перед которыми бессильным оказывается Божье слово.

Застывшее сценическое движение: отражение практики «живых картин» в финальной сцене комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»

Кулик София Олеговна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», студент 2 курса

Научные руководители: к. филол. наук, проф. Е. Э. Лямина;

PhD., проф. М. Б. Велижев

Основной задачей исследования является анализ финальной сцены окаменения в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» в контексте практики «живых картин». Необходимо рассмотреть, как Гоголь «переворачивает» привычный канон постановки, как он «прочитывает» это театрализованное представление в пространстве произведения. Важна многоплановость восприятия изображаемой «живой картины», которая запрограммирована авторской поэтикой. Эта многоплановость и есть ключевой пункт сравнения финальной сцены с практикой *tableaux vivants*. В исследовании рассматривается немая сцена Гоголя с опорой на уже существующие работы Ю. В. Манна и М. Вайскопфа. Особый интерес представляет «формула онемения», главным элементом которой является «высшая степень страха». В исследовании дается детальное сравнение гоголевского текста и аристократической практики. Основная гипотеза в контексте сравнения — в комедии, равно как и в аристократической практике, соединяются развлечение и дидактика, воплощаемые в живой картине.

В докладе кратко воспроизводится история *tableaux vivants* в Российской империи, их типология и основные функции (от эстетической до политически-репрезентативной). Также прослежена эволюция и демократизация придворного салонного развлечения. Рассмотрено, как в комедии выстраивается живая картина и как запускается общепринятый для *tableaux vivants* «механизм узнавания». Картина сознательно разомкнута — автор не предлагает зрителям четкого образца и заставляет их самих искать подходящий пример. Предпринято сравнение отдельной «канонической» живой картины N и описания немой сцены из комедии «Ревизор», выделены их сходства и ключевое различие — тотальное «переосмысливание» природы живых картин. Основным выводом является то, что Гоголь изменяет традиционную смысловую константу на формальную, тщательно прописывая каждую позу, но лишая читателей единой трактовки картины. Таким образом, Гоголь создает живую картину собственного текста, «застывший» символ драмы.

«Дагерротипизм» и «псевдореализм»: из истории понятийного аппарата русской критики 1840-х гг.

Вожик Екатерина Игоревна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. К. Ю. Зубков*

С начала 1840-х гг. в связи с открытием, сделанным Луи Дагером в 1839 г., в критических статьях распространилось определение «дагерротипный», которое широко использовалось для характеристики писательской манеры тех или иных литераторов. Упоминания об этом факте в научной литературе встречаются редко, при этом дагерротипизм никогда не рассматривается как эстетическая категория (см. работы А. Г. Цейтлина, Ю. В. Манна и др.). Между тем дагерротипизм располагается в одном ряду с такими понятиями, как гений, талант, тип, (псевдо)реализм и т. д. Кроме того, слово «дагерротипизм» обычно однозначно понимается исследователями как синоним понятия «натурализм», или буквальное копирование действительности (см. работы О. А. Богдановой). В действительности же сравнения литературных произведений с дагерротипом могут иметь в критике как отрицательную, так и положительную коннотации, в связи с чем значение понятия дагерротипизм нельзя признать устойчивым и неизменным.

История понятий как отдельная область знания утвердилась во второй половине XX в. благодаря трудам Р. Козеллека, составителя

«Словаря основных исторических понятий» (1972–1997). Опираясь на этот подход, мы рассматриваем понятия, распространенные в критической литературе 1830–40-х гг., в диахронном аспекте. Использование того или иного понятия возможно только с учетом его истории, комплекса смыслов, которые оно приобрело в ходе своего функционирования.

Подобный подход к материалу позволяет установить связи между различными, на первый взгляд, литературными явлениями. Анализ принадлежащих В. Г. Белинскому и авторам его круга высказываний о дагерротипной литературе показал, что описательный аппарат у критиков 1840-х гг. в значительной степени ограничен, в силу чего границы между эстетическими категориями оказываются подвижными, а иногда и вовсе исчезают. Утверждение категории «дагерротипизм» позволяет по-новому оценить такой литературный факт, как спор о «псевдореализме» (конец 1840-х гг.). Характеризуя идейную составляющую спора, исследователи (Богданова, А. В. Вдовин) не анализируют языковое выражение рассуждений о «псевдореализме». Так, неотмеченным остался тот факт, что в числе характерных черт этого направления П. В. Анненков, центральный участник полемики, называет страсть к механическому перечислению подробностей, при этом почти буквально воспроизводя распространенные у критиков в 1840-е гг. упреки в дагерротипизме, обращенные к тем или иным писателям.

В докладе показывается, как ставшие традиционными критические высказывания о дагерротипизме претерпевают качественные изменения и начинают употребляться в контексте рассуждений иного рода. Иными словами, они рассмотрены нами в качестве переходящего из текста в текст подвижного комплекса смыслов, в языковом отношении представляющего собой общее место.

Автобиографическое повествование в «Записках человека» А. Д. Галахова

Воробьева Виктория Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. К. Ю. Зубков

Доклад посвящен сравнению записок А. Д. Галахова разных лет. Носящие название «Из записок человека», одни были опубликованы в 1847–48 гг. в журнале «Отечественные записки», другие — в 1875–76 гг. в журнале «Русский вестник». Нами показано, как меняются авто-

биографические стратегии в этих текстах в зависимости от их прагматики.

Записки 1847–48 гг. носят более беллетристический характер, что объясняется рядом причин. Во-первых, повествование лишено конкретных подробностей, топонимов, что ослабляет «установку на подлинность» (термин Л. Я. Гинзбург) этого произведения. Во-вторых, текст сконцентрирован скорее не вокруг личности героя, а вокруг общей идеи о прогрессивном развитии поколений, на подтверждение которой и «работает» автобиографический материал.

В записках более позднего времени (мы имеем в виду те записки, в которых отражаются воспоминания, условно принадлежащие одному периоду) ситуация совершенно иная: «установка на подлинность» возникает благодаря детализированному повествованию, которое сконцентрировано вокруг субъекта воспоминаний. Даже если в обоих записках мы встречаем одинаковые события — они оформлены по-разному.

Тем не менее записки семидесятых годов включают отрывки из раннего сочинения, которые существуют внутри этих текстов как сугубо автобиографический материал. Этот факт не позволяет нам считать «Из записок человека» 1847–48 гг. произведением беллетристическим.

В 1840-е гг. уже формируется традиция литературных мемуаров, написанных для печати, и Галахов, являющийся сотрудником «Отечественных записок», не может не быть знаком с ней. По определенным причинам в ранней версии записок он этой традиции не следует. Однако оба произведения написаны с опорой на традицию Руссо, о чем свидетельствует, например, вступление к первым запискам Галахова: «Но могут ли быть любопытны записки одного, и притом обыкновенного человека, рассказ о жизни единицы?.. Отчего же нет? В одном есть также откровение целого» (Отечественные записки. 1847. №12. Отд. I. С. 301).

Возможной причиной такого различия записок мы считаем разные задачи, стоящие перед Галаховым-мемуаристом. В мемуарах более раннего времени Галахов развивает свою историософскую концепцию прогрессивного развития, доказывая ее подключением автобиографического материала. В 1870-е гг. он создает уже более традиционные мемуары и работает с тем же материалом по-другому.

В завершение сделаны выводы о том, как соотносится автобиографическая практика Галахова с традицией 1840-х гг., которая связана с созданием литературных мемуаров, восходящих к «Исповеди» Руссо.

«Взбаламученый романист» и литературное поле в 1860-е гг.

Петровских Мария Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц., К. Ю. Зубков

Роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море», опубликованный в 1863 г., стал заметным событием в литературной жизни и причиной громкого литературного скандала. Сам Писемский оценивал его как лучшее свое сочинение, однако литературная критика самых разных направлений (от М. А. Антоновича до А. А. Григорьева) окрестила «Взбаламученное море» катастрофическим провалом. Подобное единодушие критиков в 1860-е гг. — десятилетие разнообразных литературных, политических и философских течений, множества новых произведений и споров о них — заслуживает внимания: необходимо обратиться не только к самому роману, но и к тому, как он был воспринят в контексте журнальной полемики. Поле критики обладает своей структурой, которая определяется отношениями между различными критическими группами. Интерпретируя литературный текст, выделяя в нем значимые категории, критики борются за позиции в литературном поле и за право его структурировать. В связи с этим представляются важными реконструкция принципов оценки романа в зависимости от значимых эстетических и программных установок журналов и разбор текста в соответствии с ними. Благодаря критическим статьям можно определить место в «поле литературы» (П. Бурдые) как самих журналов (в соответствии с их оценками «Взбаламученного моря»), так и автора романа с соответствующей эстетической программой. Материалом для исследования служат статьи В. А. Зайцева в журнале «Русское слово» (1863), Е. Н. Эдельсона в «Библиотеке для чтения» (1863), анонимный отзыв в журнале «Отечественные записки» (1863) и отзыв М. А. Антоновича в журнале «Современник» (1864), а также сам роман. В отзывах могут быть отмечены значимые для критиков эстетические категории, которые сопоставляются с их отражением в тексте «Взбаламученного моря». Анализ статей проведен с учетом специфики эстетических и идеологических установок как редакций журналов, так и авторов статей (подобный подход был использован в работах Г. В. Зыковой «Поэтика русского журнала», 2005 и М. С. Макеева «Некрасов: поэт и предприниматель», 2009) и самого Писемского. Это позволяет, с одной стороны, более полно изучить рецепцию романа «Взбаламученное море» и определить его место в контексте эстетики 1860-х гг., а с другой — дополнить картину журнальной полемики десятилетия и литературных позиций отдельных критиков.

«Онегинский миф» в рассказе А. П. Чехова «О любви»

Инькова Екатерина Сергеевна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(филиал в Нижнем Новгороде), студент 2 курса*

Научный руководитель: ст. преп. Л. Ю. Большухин

Тесная связь творчества А. П. Чехова с русской литературой не раз становилось предметом исследования. Особое место в творчестве Чехова занимает пушкинская традиция, в том числе роман «Евгений Онегин». Для автора «маленькой трилогии» он служит своего рода образцом постановки проблемы в художественном произведении. Традиция, восходящая к этому произведению, в творчестве Чехова подвергается переосмыслению.

Цель работы состоит в том, чтобы выяснить, как реализуется «онегинский миф» в рассказе А. П. Чехова «О любви». В исследовании:

- 1) рассматривается понятие «онегинского мифа»;
- 2) этапы осмысления литературной критикой любовной коллизии в пушкинском романе анализируются как этапы формирования «онегинского мифа»;
- 3) систематизируются известные чеховские оценки пушкинского творчества;
- 4) анализируется любовная линия данных произведений, прослеживаются сходства и различия трактовки темы верности и супружеского долга.

Понятие «онегинский миф» введено в чеховедение В. А. Кошелевым, который употребляет его достаточно широко, подразумевая любое переосмысление традиций пушкинского романа в творчестве Чехова. Мы пришли к выводу, что в рассказе «О любви» Чехов испытывает «онегинский миф» на другом жизненном материале и на другом типе героя.

Выбор чеховской героини обретает символическое значение в рамках «онегинского мифа», частью которого являются трактовки романа, данные В. Г. Белинским («Сочинения А. Пушкина, статья 9») и Ф. М. Достоевским («Пушкинская речь»). Поступок Татьяны в разное время в русской культуре воспринимали неодинаково. Так, Белинский говорит о том, что Татьяна страдает, любя одного и в то же время будучи замужем за другим, но под влиянием общественного мнения она неспособна изменить эту ситуацию. Итоговая оценка Татьяны Белинским негативна. Достоевский, напротив, утверждает, что она готова страдать сама, но не готова причинять душевную боль другим.

Чехов ставит под сомнение и переосмысляет прочтения Белинского и Достоевского, предлагая третий вариант отношений, принципиально лишенный завершенности, оценки. Рассматривая рассказ Чехова сквозь призму оценок Достоевского и Белинского, мы пришли к выводу, что героиня рассказа Чехова Анна Алексеевна переживает оба момента: она страдает, любя одного, но не может строить свое счастье на несчастье своего мужа. Происходит полная трансформация «онегинской» ситуации.

Можно утверждать, что финал рассказа соотносится с финальной сценой романа «Евгений Онегин». Чеховские герои не обретают счастья, как и у А. С. Пушкина. Можно предположить, что чеховская история является продолжением, а точнее, одним из вариантов пушкинской истории, у которой снова нет конца. Финал открыт.

Соляные образы в природном мире старших символистов

Арефьева Екатерина Михайловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(филиал в Нижнем Новгороде), студент 3 курса

Научный руководитель: ст. преп. Л. Ю. Большухин

В «трансцендентальной», по выражению Л. А. Колобаевой, поэзии символистов неминуемо обозначились образы природы как знаменующие тайны вселенной и мир сверхопыта, находящиеся за их видимой оболочкой. Это ноуменальные образы, которые наряду с представлениями о человеческой и божественной сущностях, категориях истины и красоты становятся главными в структуре символического целого вместе с мистическим переживанием лирического «я».

Образы природы являются высшими сущностями, которые имеют с поэтом (так как именно поэт в процессе творчества может приблизиться к высшей сущности) некие скрытые связи, ощущаемые им на интуитивном уровне. Между природным образом и его интерпретацией (самим поэтом) находится авторский процесс угадывания намека, переживание символа, исследование которых требует внимательного анализа природных образов как лейтмотивных, т. е. рассмотрения в контексте всего творчества поэта-символиста.

В этом аспекте анализируются соляные образы, среди которых выделяются, в частности, следующие:

- 1) солнце как символ и спутник смерти;
- 2) антропоморфные мотивы образа солнца в аналогии «солнце — власть»;
- 3) связь образов солнца и сердца.

В задачи исследования входят:

1) рассмотрение солярных образов в поэтическом творчестве Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Ф. Сологуба, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова;

2) выявление межпоэтических связей на основе реминисценций, скрытых отсылок и общности подходов к созданию образов;

3) выявление общей солярной традиции.

При комплексном изучении образных систем представителей старшего символизма прослеживаются общие идеи в формировании солярных образов, межпоэтические связи, обнаруживается общее поле мотивов, значимых для данной литературной группы и активно ею используемых.

Евангелие от Максима, или Больше, чем роман социалистического реализма

Бакаева Алина Валерьевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. И. Н. Сухих*

Роман М. Горького «Мать» после своего выхода (на русском языке произведение печаталось в сборнике товарищества «Знание» в 1907 г.) был высоко оценен рабочим классом и, несмотря на все проблемы, связанные с публикацией романа, стал широко известен за рубежом. В советском литературоведении за ним закрепился статус памятника социалистической культуры, и он почти всегда рассматривался в рамках такого направления, как «социалистический реализм». Однако в конце 1980-х гг. появилось несколько статей, где роман переосмыслился с точки зрения идей богостроительства.

Цель доклада — показать широкий символический пласт «Матери» в контексте соотнесения романа с текстом евангелия.

Идеи социалистического движения, высказываемые на страницах «Матери», имеют ярко выраженный библейский характер. «Мы должны построить мостик через болото этой гниющей жизни к будущему царству доброты сердечной, вот наше дело, товарищи!» — восклицает Андрей Находка буквально на первых страницах романа. Упоминание о будущем царстве, подобном царству небесному, вообще характерно для речи героев: царство доброты и света — вот к чему стремятся переустроители жизни.

В связи с этим появляется мотив брошенного зерна, о котором в Библии мы читаем: «Царство небесное подобно человеку, посеявшему

доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его, и посеял между пшеницей плевелы, и ушел» [Мф. 13: 24–25].

Таким образом, целый пласт текста может быть прочитан в свете тезиса: «великое дело» революционеров как построение новой религии.

Библейские аллюзии, насыщающие роман, связаны не только с идеологическим уровнем произведения, немаловажную роль они играют и в персонажном плане романа. Павел и Андрей выбирают трудный путь к правде, жертвенный путь, и в этом смысле «апостолы новой веры» — подходящее наименование для героев.

В образах Павла и Андрея прочитывается апостольский подтекст. Пелагея Ниловна оказывается героем более сложным для восприятия и интерпретации: мы не можем сказать так же уверенно, как об апостолах, что Ниловна является воплощением Богородицы. Мать вбирает в себя много идей раннего творчества Горького, в том числе языческие мотивы.

Глубокий евангельский подтекст произведения дает нам возможность утверждать, что «Мать» — не просто роман эпохи социалистического реализма и было бы большой ошибкой воспринимать произведение как отход Горького от направления его философско-эстетической мысли. Вера писателя в силу революции заставляет его обратиться к среде рабочих, которая для него становится своего рода полем для эксперимента, подобно поиску Человека среди босяков.

Гностические мотивы в повести М. А. Булгакова «Дьяволиада»

Лян Вэйци

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Л. П. Григорьева*

О наличии гностических мотивов в творчестве М. А. Булгакова писали многие исследователи, однако основное внимание уделялось роману «Мастер и Маргарита». Хотя влияние гностической философии обнаруживается и в повести «Дьяволиада», она в этом аспекте еще не рассматривалась, чем обуславливается актуальность данной работы.

По мнению гностиков, материю создает «несовершенный» творец Демиург. В зависимости от незавершенности этого «злого» начала материальный мир согласно гностицизму несовершенен. Под влиянием этой идеи в повести создается автором подобный несовершенный мир: пространство сна, лабиринта, ночи, темноты, тумана, мутного света — промежуточное пространство, в котором канцелярско-бюрократическая жизнь сливается с демоническим кошмаром, смеши-

ваются реальность и ирреальность, реализуется коллизия яви и сна. Пограничный характер пространства выражается в ряде онирических мотивов. Онирическое состояние героя выражается в мотиве бреда, безумия.

Потеря границы мира реального и ирреального также эксплицирована в ряде телесных мотивов: мотива бесконечных подмен тела, исчезновения тела, усечения и ущерба тела, раздвоения и размножения, трансформаций и метаморфозы тела, в которых выражается авторское недоверие телесному. Это связано с положением гностиков, различающих дух и плоть, о том, что исправление несовершенства материального мира осуществляется лишь путем избавления от телесности. Понимая свободу как освобождение от плоти, автор «спас» своего героя небытием — смертью.

Для гностиков важно рассуждение об абсолютном дуализме в восприятии этических понятий добра и зла, что в повести находит отражение в мотиве двойничества. В повести двойниками являются не только близнецы Кальсонеры, но и Коротков, имеющий два начала — добра и зла.

Таким образом, с помощью включения в структуру повести гностических мотивов была имплицитно выражена авторская философская позиция.

Смертельные идеи: рассказ С. Д. Кржижановского «Фантом»

Васильева Варвара Дмитриевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. И. Ляпушкина*

Рассказ «Фантом» (1926) был опубликован в составе сборника рассказов «Чем люди мертвы» в собрании сочинений С. Д. Кржижановского. Главная тема рассказа — двойничество — тесным образом связана с основной темой всего сборника — темой смерти. Героями-двойниками в рассказе являются Двулюд-Склифский, сначала студент медицинского факультета, затем — практикующий врач, и Фифка, инъецированный труп мертворожденного ребенка. В центре же сюжета — смертоносный для Двулюда разговор, в ходе которого Фифка представляет свою философию.

В тексте отдельно упоминаются сочинения из личной библиотеки Склифского — работы Жана Батиста Дюамеля, французского священника и естествоиспытателя, Ганса Файхингера, немецкого философа-пессимиста, Людвига Андреаса фон Фейербаха, немецкого философа-материалиста и атеиста, Шарля Рише, французского психолога и фи-

зиолога. Выбор этих книг отчасти связан с профессией Двудюда, однако в большей степени он определен содержанием рассказа. Главной в этом списке является книга Файгингера «Философия “Как если бы”». В ней изложены основные постулаты фикционализма, образным воплощением которого и является Фифка с его концепцией фантомизма: все теоретические представления суть фикции, ничему в реальности не соответствующие; применение данных фикций обусловлено только практической пользой. Философия атеиста Фейербаха, объяснявшего возникновение религии природой человека, его стремлением проецировать свои черты вовне, также находит отражение в словах фантома, в которых отрицается бытие Бога, а в отказе Фифки от каких-либо желаний наблюдается влияние рассуждений Фейербаха о том, что все кантовские постулаты веры (помимо Бога, это свобода воли и бессмертие души) излишни. Недаром также в списке двудюдовских книг присутствуют сочинения первого секретаря Французской академии наук Дюамеля, который к концу жизни практически отказался от научной деятельности в пользу церковно-религиозной. Упоминание его имени актуализирует проблему разума и веры, совмещение которых представляется невозможным. Неслучайным оказывается и упоминание работы Шарля Рише — «Метапсихология», которое, с одной стороны, отсылает к также повлиявшему на образы героев рассказа психоанализу Фрейда (вторая дуалистическая теория влечений, Эдипов комплекс), поскольку ему приписывается создание этого термина, а с другой стороны — к деятельности самого Рише, посвященной изучению экстра-сенсорных человеческих способностей. Иными словами, возникновение Фифки, двойника и второго «я» Двудюда, спровоцировано комплексом идей и фактов, почерпнутых героем из учебников, философских и медицинских трудов. Смерть Склифского, позволившего книжным идеям завладеть его сознанием, а фантому воплотиться, предстает своего рода расплатой за влечение к небытию, которое оказалось сильнее влечения к бытию.

Теория и практика пародии: Карамзин, Достоевский, Тютчев

Ким Юлия Аркадьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. Н. Григорьева

В докладе предпринят анализ рецепции первой опубликованной теоретической работы Ю. Н. Тютчева «Достоевский и Гоголь: к теории пародии» (1919) в современной гуманитаристике (например, статья Драгана Куянджича «Пародия как повторная переработка (литератур-

ной) истории»). Показательно расширение границ применения теории пародии: связь с темами смерти, памяти, литературной истории, границ литературы и жизни провозглашена на одном важном примере Тынянова. Этот пример — использование Ф. М. Достоевским в романе «Идиот» эпитафии Н. М. Карамзина «Покойся, милый прах, до радостного утра!». Именно эта эпитафия, согласно воспоминаниям брата писателя А. М. Достоевского, была выбрана в качестве надгробной надписи на памятнике матери, М. Ф. Достоевской, умершей в 1837 г. Тынянов приводит этот пример для иллюстрации своего положения о том, что материалом для литературной пародии может служить не только литературный, но и жизненный материал.

В докладе предпринят анализ истории использования эпитафии Карамзина, — как литературного (в художественных произведениях XIX–XX вв.), так и практического (в качестве реальной надгробной надписи). Частотное ритуальное использование эпитафии трансформировало ее смысл, в связи с чем она стала удобным объектом для пародирования. Ее пародийную переработку можно наблюдать в художественных текстах — например, в «Неоконченной повести» А. Н. Апухтина (1888), в рассказе «Курортный муж» А. В. Амфитеатрова (1911) и т. д. Однако в романе Достоевского, как представляется, эпитафия Карамзина несет не пародийную, а пародическую функцию. Такой вывод корректирует неправомерно расширительное применение теории пародии и уточняет смысл не проясненного в статье Тынянова примера об эпитафии Карамзина.

«Воронежские тетради» О. Э. Мандельштама как художественное целое

Зуева Елизавета Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. С. Д. Титаренко

1. Цель доклада — доказать, что «Воронежские тетради» представляют собой единое художественное целое. Художественная целостность «Воронежских тетрадей» достигается посредством циклизации. Значимыми для данного исследования будут признаки лирического цикла, которые выделяет Л. Е. Ляпина (см. работы «Русские литературные циклы (1840–1860 гг.)», «Циклизация в русской литературе XIX века» и др.). Это такие признаки, как: «авторская заданность композиции», «одноцентренность», т. е. смысловое единство, содержание которого поддерживают общие темы и мотивы, «лирический характер

сцепления стихотворений в лирическом цикле; лирический сюжет», т. е. выражение чувств лирического субъекта, которое передается с помощью развития тех или иных мотивов.

2. Одним из средств циклизации в «Воронежских тетрадах» является особая организация категории пространства. В «Первой» и «Второй» «Тетрадах» значимым становится образ земли. Очевидно, что лирический субъект, уставший от земли, которая кажется ему бескрайней, ищет способ освоить пространство — и находит только в «Третьей тетради», где избавляется от ощущения несвободы, связанного с нахождением в пределах пространства земли, находит спасение в устремлении к метафизическому небесному пространству, становящемуся его идеалом. Можно утверждать, что эта категория связана с системой ценностей лирического субъекта.

3. Со сменой мироощущения и ценностей лирического «я» связаны также мотивы неволи, несвободы, речи / говорения и жизни / смерти, звучащие во всех трех «Тетрадах». В «Первой» и «Второй» «Тетрадах» лирический субъект ощущает свою несвободу, которую в «Третьей тетради» сменяют чувство внутренней свободы, радость ее осознания. В «Первой» и «Второй» «Тетрадах» постоянно звучит мотив смерти. Но по мере того как меняется мирозерцание лирического «я», в «Третьей тетради» чувствующего внутреннюю свободу, также начинает звучать мотив утверждения жизни. Содержание мотива речи тоже меняется: в «Первой» и «Второй» «Тетрадах» лирический субъект ясно ощущает невозможность произнести свое слово. Поскольку в «Третьей тетради» звучит мотив принятия жизни, то лирический субъект чувствует, что должен сказать то, что хочет. Это позволяет проследить, как меняется лирическое «я», его мировоззрение и как данные изменения превращаются в лирический сюжет — важный признак художественных целостности и единства.

Проблема редакций повести-сказки Л. Лагина «Старик Хоттабыч»

Тенькова Лилия Геннадьевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. И. Н. Сухих*

Доклад посвящен проблемам текстологии повести-сказки Л. Лагина «Старик Хоттабыч». Сегодня бесспорно выделяются две сильно отличающихся друг от друга редакции произведения. Но по результатам сравнительно-сопоставительного анализа всех существующих прижизненных изданий повести-сказки оказалось, что редакций было больше.

Первая часть доклада касается решения вопроса о количестве редакций и их датировки. С опорой на проделанный анализ, критические статьи и научные работы установлены четыре версии произведения, датируемые годами их издания: 1938 г. (журнальная версия), 1940 г. (первое отдельное издание), 1951 г. и 1958 г.

Во второй части доклада излагаются основные отличия каждого из вышеперечисленных изданий (замены и изъятие глав, вставки новых), а также даются основные тенденции исправлений и общая картина того, как они отражаются на смысловой организации произведения (например, под влиянием продолжавшейся холодной войны усилена критика капиталистических стран и их идеологии, что в тексте отразилось на замене некоторых отрицательных героев исключительно американцами и итальянцами, иностранные слова заменены русскими, введены некоторые исторические факты, явно содержащие сатирическую подоплеку и т. д.).

Рассказ А. Платонова «Родина электричества» в интерпретации Л. Шепитько: опыт сопоставления сценария и художественного текста

Сапрыкина Дарья Алексеевна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 1 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. Н. Варламов

Материалом для сравнительного анализа служат рассказ А. Платонова «Родина электричества» и находящийся в РГАЛИ сценарий одноименной киноновеллы Л. Шепитько. Рассказ впервые был опубликован в 1939 г. в журнале «Индустрия социализма», один из номеров которого был приурочен к юбилею принятия плана ГОЭЛРО. Повествование ведется от первого лица молодого электротехника, направленного в соседнюю деревню для восстановления работ на электростанции. Рассказ во многом автобиографичен; вспоминая о начале 1920-х гг., Платонов «стилизует» «Родину электричества» под собственные сочинения этого периода. Фильм Шепитько по рассказу Платонова должен был войти в киноальманах 1967 г. «Начало неведомого века». Тем не менее по соображениям цензуры «Родина электричества» вышла на экраны только в 1987 г.

Несмотря на внимание исследователей к теме «Платонов и кино», указанные тексты сопоставляются впервые. Также рассматриваются режиссерские пометы в сценарии и отзывы кинокритиков, которые мо-

гут свидетельствовать о рецепции платоновской прозы в 1960-х и в 1980-х гг.

Один из рецензентов О. Ковалов отмечал, что в киноновелле Шепитько «бережно воспроизводит то же самое», [что и в рассказе]. Краткие диалоги между персонажами полностью вошли в фильм, при этом основные изменения коснулись соотношения на экране образов главного героя и жителей деревни, которые становятся такими же полноправными участниками действия. Повествователь только задает рамку, голоса других персонажей звучат более отчетливо. Из сценария изымаются все автобиографические мотивы, присутствующие в оригинальном рассказе, а также упоминания о конкретных географических точках, что делает пространство более символичным, подобным чеховской степи. По сравнению с рассказом киноповествование трагично с самого начала. По мере развития действия напряженность усиливается и находит выражение во взрыве машины, подающей воду, — эпизод, отсутствующий в более оптимистическом рассказе.

«Пятое путешествие Гулливера» В. И. Савченко: новые приключения героя Дж. Свифта

Алпатъева Наталья Викторовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Л. В. Сидорченко*

Цель исследования — анализ творческой рецепции «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта в России на примере одного из российских продолжений романа — повести В. И. Савченко «Пятое путешествие Гулливера». В данном произведении Гулливер попадает на остров Тикитакую, жители которого абсолютно прозрачны; общаться между собой они могут с помощью внутренних органов. Тексты сопоставляются с точки зрения построения, авторской манеры изложения, а также основной идеи. Повествование в работе Савченко ведется от лица протагониста; в ней 10 глав, перед каждой из которых автор тезисно излагает их содержание (как и Свифт). Язык российского автора контрастирует с выдержанным стилем английского сатирика; в отличие от романа 1726 г., в повести много прямой речи, разговорных и даже просторечных выражений. Главным идейным различием текстов является показанное в каждом из них отношение к человеческой природе, обуславливающее специфику жанра. В сатирическом романе Свифта герой полностью разочаровывается в людях и идеализирует гуингнмов, встретившихся ему во время четвертого путешествия. Гулливер Са-

вченко также во многих отношениях ставит честных и неагрессивных жителей Тикитакии выше европейцев, однако признаёт, что островитяне не лишены своих недостатков, и в конце повести приходит к выводу, что «нет народов лучших и худших, а есть разные — и все друг друга стоят».

Война как фактор формирования идентичности персонажей в романе Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок».

Карпова Екатерина Александровна

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
магистрант 2 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, проф. Л. Е. Герасимова

В истории русской литературы одной из ключевых тем является тема Великой Отечественной войны. Интерес к этой теме не угасает, появляются все новые подходы к изучению этой темы в литературоведении. Исследователи рассматривали различные аспекты вхождения темы войны в художественный мир произведения. Но в критике и литературоведении нечасто касались войны как ситуации, влияющей на самоидентификацию персонажа; того, как война меняет человека, что происходит с героем и кем он ощущает себя в критической ситуации.

В рамках нашей научной работы по теме «Проблемы национальной идентичности в современной отечественной литературе» мы решили исследовать войну как фактор, влияющий на поиск и понимание человеком самого себя. На примере романа Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок» мы демонстрируем, каким метаморфозам подвергается герой во мгле войны. В работе мы обращаемся также к таким понятиям, как «другой», «свой», «чужой», в рамках исследования еврейской идентичности. Исследование опирается на работу М. К. Поповой «Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании», а также на книгу Л. Я. Гинзбург «О литературном герое».

Роман написан вскоре после войны; взгляд автора на нее — это в том числе взгляд свидетелей тех событий, которые делились с ним воспоминаниями. Мы обнаружили, что герои произведения не только претерпевают личностные изменения, но и меняют свое восприятие окружающих. Герой задумывается о своем месте в мире, пытается найти точки соприкосновения с ним и воспринимает себя как часть чего-то общего, будь то нация, семья, род. Результаты исследования показали, что война является ключевым фактором формирования идентичности персонажа.

Заговор графа Эссекса и тайна смуглой леди (об одной новелле Ю. О. Домбровского)

Драничникова Юнона Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. И. Н. Сухих

1. Посвященный Шекспиру цикл Ю. О. Домбровского «Смуглая леди» (1969) состоит из трех, созданных с большими интервалами, новелл. Первая, заглавная, рассматриваемая в докладе, написана в 1946 г., вторая — «Вторая по качеству кровать», о возвращении Шекспира домой после пожара в «Глобусе» и о его отношениях с женой — в 1956 г., третья — «Королевский рескрипт» о последних днях великого драматурга — в 1968 г. Тексты различаются как временем написанием, так и обстоятельствами создания, что, безусловно, не могло не отразиться на поэтике новелл.

2. Несмотря на скудность исторических фактов о жизни Шекспира, Домбровский с поразительной детальностью описывает события. При детальном рассмотрении текста возможно выяснить время действия «Смуглой леди» с точностью до дня: это 7–8 февраля 1601 г. При этом точная хронология новеллы, как и всего цикла, наполняется вымышленными эпизодами, соответствующими, однако, исторической реальности.

3. «Шекспировский вопрос» для Домбровского не существует, однако эпиграфы к новелле позволяют поставить вопрос о границах шекспировского мифа. Домбровский интересуется Шекспиром в кризисные моменты его жизни, совпадающими с переломной для Англии эпохой: начало нового столетия, рубеж веков, кризис Позднего Возрождения. Герой погружен в толщу социальной жизни, в повествовании много бытовых деталей. Однако многие вопросы остаются без ответа. В отличие от драмы Б. Шоу «Смуглая леди сонетов», Домбровский не стремится показать процесс создания произведения.

4. Домбровский предлагает индивидуальное толкование личности Шекспира, в котором отражаются его собственные поиски и размышления. Перед нами не просто исторические новеллы, но и психологическая проза XX века, выводящая на первый план Шекспира-человека.

Болезнь как метафора в творчестве Л. С. Петрушевской (повесть «Свой круг»)

Онгар Алиаскар

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. Н. Григорьева.

Доклад посвящен повести Л. С. Петрушевской «Свой круг» (1979), впервые опубликованной в журнале «Новый мир» в 1988 г. и ставшей визитной карточкой писательницы. Многие критики и литературоведы пишут об этой повести как о своеобразном манифесте Петрушевской. Со времени первой публикации прошло уже почти тридцать лет, за это время была осуществлена не одна попытка поэтологического анализа повести. Однако исследователи упускают из фокуса внимания один значимый мотивный комплекс. Речь пойдет о мотивах болезни, которые встречаются в повести «Свой круг».

Ни у одного писателя в русской литературе мотивы болезни не представлены в таком обилии и разнообразии, как у Петрушевской. Во многих произведениях Петрушевской присутствует мотив болезни как испытания. Болезнь — граница, преодоление которой сулит смирение и обретение особого метафизического «знания».

Мы пытаемся определить мотив болезни как значимую величину, которая встраивается в общий мотивный ряд и в семантическую ткань повести «Свой круг». При подробном рассмотрении мотивного комплекса, связанного с болезнью, мы обнаруживаем — кроме реальных болезней — болезни, сконструированные автором, природа которых гротескна. Так, главная героиня повести заболевает генетической болезнью, которая начинается с почечной недостаточности, а заканчивается полной слепотой и смертью, впоследствии героиня обретает некий метафизический опыт, который позволяет ей прозреть и увидеть «сады других возможностей» (термин самой Петрушевской). Болезнь становится метафорой испытания судьбы и вписывается в семантическое поле круга как символа связи всего живого на земле и «вечного возвращения». Другая героиня страдает болезнью, называемой «ядовитая матка» (не находит аналогов в медицинской литературе). По мере развития событий мы обнаруживаем, что героиня переживает превращения — от беременности до полного выздоровления. В докладе мы предлагаем более подробный анализ этих и других мотивов, их функций в семантическом поле текста.

Стоит подчеркнуть, что анализируемый нами комплекс мотивов, безусловно, является нетипичным в истории русской литературы — он

коррелирует с оригинальной концепцией автора, в рамках которой осуществляется репрезентация женского тела.

Учебник «Поэзия» как литературный проект

Морозова Ася Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Ю. М. Валиева

Современный отечественный литературный рынок оперирует понятием «литературный проект», которое тем не менее до сих пор не получило однозначной дефиниции, поскольку окончательно не сформировано в отечественном литературоведении. Осмысление данного понятия литературоведами М. А. Черняк, В. Л. Топоровым и критиками А. Кузнецовой, С. Чуприниным и др. происходит в нескольких направлениях:

1) проект оценивается с точки зрения участия в его создании автора, издателя, менеджера и критика;

2) проект рассматривается в контексте массовой литературы: современный издатель старается угадать потребности большей части читательской аудитории и создает проект с ориентацией на вкусы и запросы публики;

3) проект анализируется в связи с его востребованностью литературным рынком: издатели и авторы заинтересованы в коммерчески успешном продукте, ориентированном на широкое распространение и большой объем продаж

В качестве литературного проекта мы рассматриваем учебник «Поэзия», изданный в 2016 г. Н. Азаровой, Д. Кузьминым, К. Корчагиным. В ходе исследования мы установили и проанализировали следующие особенности издания / разработки литературного проекта.

1. При создании учебника его составители исходили из потребности читателя «в учебнике по современной поэзии», который простым языком и доступным для непрофессионального читателя способом объяснит, «что такое стихи». Издания с ориентацией на непрофессионального читателя и стремлением «увлекательно и живо дать представление о науке» очень популярны в России в последние 5 лет (например, серия книг «Узнать за 30 секунд» издательства «РИПОЛ Классик», отдельные издания «Математика от А до Я» Анатолия Савина или «Физика от А до Я» Таисии Трофимовой), но учебник «Поэзия» — первый подобный опыт в области филологии.

2. Создатели учебника в качестве основной аудитории указывают школьников и студентов-филологов. Однако по ряду причин (отсут-

ствие соответствующего предмета в школьной и университетской программах, несоответствие требованиям ФГОСа и др.) данная аудитория не испытывает потребности в этом проекте. Формат «учебника» направлен на формирование определенных ожиданий «непрофессионального» читателя и, вероятно, на формирование потребности среди данной аудитории и связан с маркетинговой стратегией по продвижению литературного проекта.

3. Как и любой литературный проект, учебник «Поэзия» ориентирован на коммерческий успех, о чем свидетельствует его широкая рекламная кампания — серия презентаций в книжных магазинах, университетах, библиотеках, рецензии в электронных литературных журналах «Литература» и «Colta».

4. Создание учебника связано с институтом соавторства, активно используемым в работе над литературным проектом: над изданием работали авторы, близкие к журналу «Воздух» и кругу поэтов Д. Кузьмина.

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

Дон Кихот в Барселоне: границы карнавально-смехового в «Дон Кихоте» Сервантеса

Калашников Антон Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. А. Светлакова

После появления в Европе переводов монографии М. М. Бахтина о Рабле (на французский — в 1971 г., на испанский — в 1974 г.) вкуче с переводами других его работ об исторической поэтике романа в зарубежном литературоведении началось активное исследование «Дон Кихота» («El ingenioso hidalgo don Quijote de la Mancha») Сервантеса в свете бахтинской теории карнавальной культуры. Последовательное и развернутое прочтение сервантесовского романа в этом ключе предложили А. Редондо (Redondo) и Дж. Иффланд (Iffland). Однако оба эти исследователя, восстановившие народно-смеховую семантику множества образов и сюжетных эпизодов «Дон Кихота», не ставили перед собой задачи определить границы реализации карнавальной культуры в романе Сервантеса, который, на наш взгляд, выходит за пределы этой

культуры, причем в образном строе и сюжетном ряде «Дон Кихота» как целокупности первой (1605) и второй (1615) части романа она предстает именно ограниченной. Бахтин неоднократно указывал на «ослабленность» народно-смехового начала в «Дон Кихоте» и проводил особое различие между двумя частями, отмечая значительную «редукцию» смеха во втором томе по сравнению с первым.

Именно в свете этого различия представляется полезным рассмотреть, как именно преобразуется сюжетика карнавального «увенчания — развенчания» героя в LXI–LXV главах второй части, посвященных пребыванию Дон Кихота в Барселоне. Концентрация народно-праздничной семантики здесь велика (действие приурочено к кануну дня Св. Иоанна, т. е. летнему солнцевороту, и даже Рыцарь Белой Луны, одолевающий героя в поединке, описан Иффландом как карнавальный образ), но именно здесь происходит окончательный выход за пределы карнавализованной поэтики при сохранении названной архетипической сюжетной схемы. По сравнению с эпизодами первой части, воплощающими «увенчание — развенчание» героя прямо в порядке праздничной процессии (спуск с гор Сьерра-Морены, когда Дон Кихота сопровождает «принцесса Микомикона» и ее спутники; возвращение героя домой в клетке с эскортом «чертей»), участники барселонского шествия, возглавляемого Дон Кихотом, одновременно являются ее полноценными зрителями, что означает утрату всеобщности праздничного действия, появление рампы. На потешный бой в гавани Дон Кихот и во все смотрит из-за рампы, оставаясь зрителем и тогда, когда через несколько глав это праздничное действие оказывается лишь слепком с реальности, предвестием настоящего сражения в гавани (то есть карнавал сливается с реальностью и оказывается не равен ей). Оформляется в барселонских главах, проникнутых индивидуацией образов, также особый авторский голос, солидаризирующий с героем в констатации линейности бытия, «выключенности» человека, осознанного в качестве индивида, из вечного круга смертей и новых рождений.

Образ ренессансного художника в литературе немецкого романтизма (на примере творчества В. Г. Вакенродера)

Куликов Юрий Андреевич

Челябинский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. С. Полушкин

Имя В. Г. Вакенродера (Wackenroder, 1773–1798) принято связывать с поворотом романтической эстетики к средневековому искусству.

Парадоксальным образом ни в «Фантазиях об искусстве», ни в «Сердечных излияниях отшельника-любителя искусств» речь о нем ни идет. Главные герои книг Вакенродера — художники эпохи Возрождения. Именно эпоха Ренессанса — ориентир для писателя. Так почему же для современников Вакенродер оставался провозвестником интереса к Средним векам?

Ответ можно найти, если сравнить тот образ титанов Возрождения, который создает немецкий романтик, с их собственными рассуждениями об искусстве и роли художника в обществе. Вопрос о соотношении романтического образа Ренессанса и художественной практики той эпохи слабо освещен в науке. Изучение трактатов Леонардо да Винчи, Альбрехта Дюрера и Джорджо Вазари, посвященных вопросам эстетики и живописного мастерства, обнаруживает значительные расхождения с реконструкцией Вакенродера. Рассматривая механизм создания романтиками новой истории мирового искусства, можно выявить глубинные черты их собственной философии культуры.

Различия и сходства между двумя эпохами легче всего проследить, найдя в обоих случаях ответы на ряд вопросов: 1) Каков статус художника в мире? 2) Что является целью искусства? 3) В каком отношении находятся религия и искусство? 4) Как творит художник? 5) Какими качествами должно обладать идеальное произведение?

С одной стороны, Вакенродер тонко чувствовал религиозную направленность ренессансного искусства, верно указал на веру художников в свою миссию по духовному преображению человека. Они действительно воспринимали себя людьми высокого положения. С другой стороны, титаны не были аскетами и активно участвовали в политике, экономике и науке. Вакенродер предпочитает не замечать установку да Винчи и Дюрера на миметическое воспроизведение действительности. Для них основные качества в творце — наблюдательность, знание техники и ум, а не воображение и чуткость к экстатическим порывам души, значение которых всё время подчеркивается в «Фантазиях» и «Излияниях». Художник должен воздействовать на зрителя, опираясь не на посланные свыше видения, а на глубокое понимание своего дела. Почти исчезает из романтической трактовки и чрезвычайно важная для Возрождения тема соблюдения заветов античности.

В этом корень странного восприятия работ Вакенродера в начале XIX в. Говоря о мастерах Ренессанса, он наделял их взглядами, не всегда им свойственными, сближал ту эпоху со Средневековьем. Рафаэль, Микеланджело, да Винчи превратились в трансляторов божественных откровений и внутренних переживаний. Такое переосмысление Возрож-

дения оказалось очень влиятельным и нашло отражение у других представителей нового поколения писателей. Причины столь широкого ее успеха могут составить предмет отдельного исследования.

Хронотоп бала в романе Джейн Остин «Нортэнгерское аббатство»

Юсупова Роза Рамиловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, проф. В. Б.Шамина

В докладе рассматривается роман «Нортэнгерское аббатство» («Northanger Abbey») английской писательницы Дж. Остин (Austen, 1775–1817). Данное произведение является пародией на модный в то время «готический роман». Оно было написано еще юной Остин и считается самой ироничной книгой писательницы.

Актуальность исследования определяется важностью функций хронотопа в художественной литературе: он отражает авторское мировосприятие, взгляды, особенности стиля и метода изображения происходящего, а также общественную ситуацию определенной эпохи. Таким образом, читатель имеет возможность более глубокого понимания и интерпретации художественного произведения и исторического периода, о котором пишет автор. Более того, в настоящее время, особенно в России, произведения Остин вновь обретают популярность, что актуализирует данное исследование.

В анализируемом произведении хронотоп бала занимает особое место. Он представляет собой время и пространство, где развивается сюжет, а также раскрывает эпоху и реалии того времени. Автор стремится правдиво изобразить нравы, поведение, манеры общества XVIII в. На балах в Бате берут начало и развиваются основные события романа: завязываются знакомства главной героини Кэтрин Морлэнд с семьями Торп и Тилни, взаимоотношения с которыми составляют основную цель событий. Всего в произведении насчитывается пять танцевальных вечеров, на протяжении которых читателю раскрывается характер девушки: ее доброта, наивность, мечтательность. Однако стоит отметить, что Кэтрин совсем не идеальна, она далеко не красавица, малообразованна, а для чтения выбирает лишь готические романы. Девушка настолько ими увлечена, что часто представляет себя в образе главной героини, окруженной мистическими событиями. Это казалось бы удивительно романтичным, если бы не ирония со стороны автора. Во взаимоотношениях с Кэтрин раскрываются характеры второстепенных героев. На балах в Бате встречаются две совершенно разные семьи, имеющие непосредственное отношение к Кэтрин. Противопоставляют-

ся два типа возлюбленных: красивый, умный, обаятельный Тилни и ограниченный, грубый Торп. Различными читатель видит и подруг Кэтрин, представительниц разных семей: лицемерную и тщеславную Изабеллу и благодетельную юную Тилни. Это ставит Кэтрин перед выбором, что позволяет читателю увидеть постепенное взросление главной героини.

Таким образом, специфика хронотопа бала заключается в том, что это время-место завязки и развития основных сюжетных линий романа, механизм, помогающий раскрыть характеры героев, а также концентрированная характеристика общества и нравов эпохи.

Народ и фольклор в романе В. Скотта «Уэверли»

Забурниягина Арина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Л. В. Сидорченко

Первый роман Вальтера Скотта «Уэверли» («Waverley», 1814), посвященный восстанию якобитов 1745 года, открывает целую серию «шотландских» романов писателя. Для раскрытия и понимания шотландской темы в романе «Уэверли» очень важны второстепенные персонажи. Именно они, а не главный герой, воплощают в себе все лучшие качества, которые, по мнению Вальтера Скотта, были присущи истинным шотландцам. Среди таких качеств — храбрость, благородство, острый ум и, что немаловажно, связь со своей культурой, знание традиций родной страны. Образы двух совершенно разных на первый взгляд героев, Эвана Ду Маккомбиха и Дэви Джелетли, храброго горца и чудаковатого певца, дополняют друг друга, являясь воплощением истинно шотландского характера.

Шотландская тема в романе «Уэверли» также раскрывается с помощью национального фольклора. В докладе рассматривается роль песен и баллад в тексте романа, их влияние на восприятие читателем и героями описываемых событий. Вальтер Скотт обращается к мотиву гадания, пророчества, знаков, предрекающих судьбу. В более поздних романах («Гай Мэннеринг», «Ламмермурская невеста») этот мотив повторяется очень часто. В «Уэверли» же гаданиям и прорицаниям не отведено такой важной роли, но все же этот фольклорный элемент в романе присутствует. «Серый призрак», или Бодах Глас, дух, чье появление сулит беду, существует только в сознании персонажей-шотландцев и становится еще одним героем романа.

Использование фольклорных мотивов в романе позволило Скотту не только передать национальный колорит и самобытность Шотлан-

дии и показать, насколько необычна и значительна культура его родной страны: фольклорные элементы оказали значительное влияние на композиционную составляющую романа «Уэверли», став структурным элементом текста.

Образ «женщины с прошлым» в романе Ч. Диккенса «Холодный дом»

Лоцман Анастасия Андреевна

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, студент 4 курса

Научный руководитель: ст. преп. Е. С. Ессяк

Объектом рассмотрения является литературный образ «женщины с прошлым», возникший в эпоху викторианства и генетически восходящий к образу «падшей женщины», в художественной форме выражающий амбивалентность «регламентации» женского поведения в викторианском обществе, где основными ограничительными функциями выступали общественная и пуританская мораль.

В ходе исследования выявлено, что строгость «пуританского закона» в викторианском мире нередко вступала в противоречие с ригидностью его социальной структуры, из-за чего реализация сюжета о «падении» напрямую зависела от того, какое место отведено согрешившей в существующей социальной иерархии. Даме, обладавшей высоким статусом, последний служил своеобразной защитой от прямого осуждения. Вместе с тем вокруг нее неизбежно формировалась атмосфера слухов и домыслов, угрожавшая ее репутации. В литературе этот этический парадокс воплощается в рассматриваемом нами образе. Отмечается, что образ «женщины с прошлым» часто фигурирует в романсенсации («sensation novel»): сюжет такого романа строится вокруг тайны или скандального происшествия в прошлом, которое раскрывается по ходу действия. К данной жанровой разновидности принадлежит и материал нашего исследования — роман «Холодный дом» («Bleak House», 1853) Ч. Диккенса, где детективная интрига строится вокруг «преступления» («падения») леди Дедлок и его расследования мистером Талкинхорном, а также выяснения тайны его последующего убийства, обвинение в котором грозит той же миледи.

Образ леди Дедлок конструируется сквозь призму взгляда других (преимущественно мужских) персонажей, являющихся поборниками викторианской морали в том или ином ее проявлении. Предполагается, что героиня, имеющая столь сомнительную репутацию, представляется им угрозой существующему порядку, поэтому все их действия направ-

лены на выяснение подлинных обстоятельств ее биографии. Стремление разгадать ее тайну, таким образом, становится механизмом самозащиты викторианской морали против субъекта, указывающего на ее противоречия. Ключом к пониманию идейного содержания романа является выявление доминанты авторской позиции: торжество данной морали, выраженное в полном разоблачении героини, укрепляется тем, что Диккенс всё же оставляет ей шанс на спасение через покаяние и раскаяние. Однако в финале автор делает неожиданный поворот, «убивая» героиню, тем самым проблематизируя возможность благополучного исхода, равно как и справедливость викторианского суда. Высказывается предположение, что подобная развязка является отражением критического переосмысления Диккенсом своего отношения к господствующему викторианскому укладу, что реализуется в ином построении сюжета, разрешающегося в пользу разрушения конвенциональных рамок, т. е. ухода от начертанного традициями пути разрешения конфликта.

Эжен Делакруа в поэзии и художественной критике Шарля Бодлера

Герасименко Яна Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. В. Д. Алташина

Значительную часть творчества французского поэта и критика Ш. Бодлера (1821–1867) занимают критические работы, посвященные Салонам — периодическим выставкам, проходившим в Париже. В этих статьях отразились эстетические взгляды Бодлера на живопись, на романтизм как художественное направление и мироощущение и — шире — на современное искусство. Особое место в критическом творчестве Бодлера занимает Эжен Делакруа (1798–1863), представитель романтического направления в живописи, явившийся для поэта воплощением настоящего художника. Он стал для Бодлера «маяком» современного искусства, сравнимым с великими художниками прошлых веков, выразителем эстетических взглядов поэта.

Целью доклада является анализ рецепции личности и творчества Делакруа в художественном мире Бодлера. Материалом для исследования послужили статьи Бодлера об искусстве («Салоны» 1845, 1846, 1859 гг., «Всемирная выставка 1855 года — Изобразительное искусство», «Творчество и жизнь Эжена Делакруа»), а также поэтическое творчество Бодлера, в котором отразился образ Делакруа.

Ключевыми моментами, связанными с творчеством Делакруа, являются проблемы колорита и роли и силы воображения в искусстве, а

также идея интермедиальности и соответствий, синтеза живописи, музыки и слова. Делакруа связан со словесным творчеством, он черпал идеи для картин в литературе. Бодлер сравнивает художника с поэтом-романтиком В. Гюго и при анализе живописи прибегает к понятию «музыкальности». Стихотворение Бодлера «На картину “Тассо в темнице” Эжена Делакруа» представляет собой поэтический экфрасис, являющийся также воплощением идеи о синтезе разных искусств.

Личность самого Делакруа в художественной критике Бодлера прочитывается в контексте идей о романтическом герое-творце. Прослеживаются мотивы изгнания, неприятия обществом, акцентируются исключительный талант, черпание идей из внутреннего мира, двойственность натуры, противоречивость («ледяная оболочка» и «чувствительность», «страстность» и «несокрушимая воля»), ярко выраженный индивидуализм, а также меланхолия как основное настроение в творчестве и поведении.

Отражение эстетической концепции О. Уайльда в сказке «День рождения Инфанты»

Найлз Вероника Давидовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. А. Аствацатуров*

Сказки О. Уайльда отражают эстетико-философские взгляды писателя, его веру в самоактуализацию искусства, в то, что жизнь имитирует искусство и что искусство должно быть изолировано от жизни. Эти черты отличают уайльдовские сказки как от традиционных народных сказок, так и от литературных сказок других авторов.

Сказка «День рождения Инфанты» («The Birthday of the Infanta», 1891) в жанровом отношении стоит особняком от других сказок писателя, представляя своеобразный «жанровый гибрид», органично сочетающий приемы одновременно литературной сказки и романа. Основной коллизией, лежащей в основе сюжета этой сказки, является конфликт красоты и уродства в своих двух проявлениях: внешнем (физическая красота Инфанты, противопоставляемая телесному уродству Карлика) и внутреннем (душевная черствость, равнодушие Инфанты, оттеняющая возвышенную красоту внутреннего мира Карлика). Заложенные в сказке конфликты реализуются на всех уровнях: на уровне композиции, сюжета, на уровне персонажей и отражаются в языке произведения.

Герои сказки «День рождения Инфанты» являются воплощением эстетических взглядов автора и характеризуются пассивностью, лишены прагматизма и находятся в некотором отчуждении и изоляции от окружающего их мира. В «Дне рождения Инфанты» Уайльд намеренно разрушает стереотипную расстановку персонажей. В традиционных сказках красивые люди наделяются красивой душой, а плохие люди обычно безобразны и внешне. Уайльд разбивает эту условность традиционных сказок. В соответствии со своей эстетической концепцией Уайльд отказывается от предсказуемого конца, когда добро вознаграждается, а зло наказано. Для него и добро, и зло — сырой материал, служащий основой для творчества.

Ироничный трагический конец не вписывается в представление об идеальном мире, но согласуется с утверждением об аморальности искусства: искусство не является средством обучения общества тому, что правильно и неправильно. Уайльд считает, что нельзя насаждать мораль в произведениях искусства. В сказке Уайльд показывает, что страдания являются неотъемлемой частью реальности жизни. Необычное описание жестокости и страданий в «Дне рождения Инфанты» побуждает читателей к размышлению над социальными и моральными проблемами, такими как ценность красоты и сложность морали.

Наиболее очевидное выражение эстетические идеи Уайльда находят в детальном описании Красоты. Красота, которая кажется избыточной, является доказательством эстетизма Уайльда: красота и искусство не выполняют никакой функции; искусство бесполезно, безразлично к правде и лжи, и цель искусства заключается в его собственном совершенстве. Поэтичность и красочность стиля сказки сочетаются с этической проблематикой и социальной критикой.

Притчевое начало в сказках Оскара Уайльда

Новосельцева Елена Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. А. Чамеев

Притчевое начало в литературных сказках О. Уайльда проявляется через жанровые признаки, а также использование библейских образов. Этот вопрос затрагивается в ряде отечественных работ (Е. С. Куприянова, В. Г. Решетов, О. М. Валова), но мало изучен, поэтому его исследование представляется актуальным.

Притча традиционно определяется как рассказ, содержащий нравочение в иносказательной форме. Ее отличительными признаками являются нравственный подтекст, применимый к разным жизненным

ситуациям, передача мироощущения постигающего мир персонажа и сказовая манера повествования. Все эти признаки характерны для литературных сказок О. Уайльда. Кроме того, О. Уайльд широко использует библейские образы, в том числе и образы из притч Нового Завета.

Чтобы объяснить сочетание философии чистого искусства, исповедуемой О. Уайльдом, с жанром, для которого доминирующей является дидактическая функция, можно опереться на высказывание В. А. Солоухина: «В притче может быть сказано так много, что хватает потом на многие века для всех народов и любых социальных устройств». Притча не навязывает читателю догматизированной морали, а позволяет самостоятельно прийти к определенным выводам, что не противоречит основным идеям писателя.

Становление империалистического мировоззрения

Редьярда Киплинга

Волкова Валерия Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. А. Аствацатуров*

Доклад является попыткой анализа становления идеологических воззрений британского писателя конца XIX — начала XX вв. Р. Дж. Киплинга, а также влияния его идейного мира на литературное творчество.

Неоднозначное отношение современников к личности Киплинга при несомненном признании его поэтического и писательского таланта сделали его одной из наиболее спорных и недооцененных фигур на английском литературном небосклоне прошлого века. Поэтому анализ влияния имперского колониального мировоззрения Киплинга на его творчество представляется актуальным и в настоящее время.

Изучение молодых и юношеских лет писателя дает основание полагать, что его британское военное воспитание и сама атмосфера викторианской Англии сформировали в нем типичного для того времени носителя имперской колониальной идеи. Однако его индийское детство, любовь к индийской земле и ее обычаям сделали его не потерявшим чувство меры империалистом, а «ответственным», как писали о нем некоторые исследователи. Киплинг свято верил в цивилизаторскую миссию британской короны в Индии, при этом осознавая всю ответственность, как он писал, «племени белых».

Изучение ранней прозы писателя позволило увидеть в нем не только носителя имперской идеи, но и услышать его призыв к соотече-

ственников к ответственности за всё, что они привносят в мир «туземцев». Таким образом, выявляется амбивалентность идеологических убеждений Киплинга, где колонизаторское мировоззрение уравновешивается его бесконечной любовью к Индии и ее народу и чувством огромной ответственности «белого человека».

Экфрасис в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус»

Шульга Полина Дмитриевна

Кубанский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: преп. Е. И. Чебанная

Поднимая тему экфрасиса в данном произведении, невозможно обойти и широкий круг аллюзий, приводимых автором для раскрытия темы оратории, созданной главным героем произведения. Одна из первых, наиболее ярких и очевидных — аллюзия на библейское «Откровение» Иоанна. Именно на основе этого сюжета создается и серия гравюр А. Дюрера, и произведение Адриана Леверкюна. Широта смысловых параллелей между «Апокалипсисом» Леверкюна и «Апокалипсисом» Дюрера поражает, поэтому, для большей системности изложения, мы считаем необходимым разграничить поля взаимодействия произведения с экфрасисом на субъективный и объективный планы, где субъективный план — мотивы, связанные с личностными характеристиками главного героя романа, а объективный — мотивы, связанные с внешними по отношению к авторам событиями.

Если говорить о субъективном плане, то толкование критиками гравюр Дюрера выводит нас на смысловую параллель между ним и образом Леверкюна, который на протяжении всего романа сочетает мистический дух Кайзерсасерна и рационализм эпохи. Сочетание мистицизма и рационального, объективного начала, характерное для гравюр Дюрера, сближают не только образ главного героя романа и самого живописца, но и их творческие методы. Близость мировосприятия Дюрера и Леверкюна отражается и в построении их произведений. Так, оба художника ассоциируют себя с Иоанном, привнося особенный субъективизм в предмет изображения. Раскрывая парадигму смыслов при анализе субъективного плана, мы пришли к схеме: Иоанн — Дюрер — Гете — Манн. Экфрасис является точкой соприкосновения и реализации этих идейных планов, приводя читателя к раскрытию главного мотива произведения: соотношения искусства и духовности, с которым переплетается и еще один важнейший для данных произведений мотив — мотив ада.

Стоит сказать и об объективном плане связи данного экфрасиса и романа. Как главный герой «Фаустуса» (и Т. Манн), так и сам Дюрер, создавая свои произведения, жили во время глобальных общественных потрясений. Таким образом, экфрасис в романе имплицитно поднимает глубинные пласты информации, позволяет более полно раскрыть характер главного героя, ярче отразить кризис эпохи, провести параллели со знаковыми событиями в культурной и исторической жизни мира.

Бестиарий Франца Кафки (на материале малой прозы)

Чикнайкина Наталья Борисовна

Кубанский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: преп. Е. И. Чебанная

Исследование посвящено интерпретации образов животных в новеллах Ф. Кафки, выявлению их особенностей, характерных для мира произведений писателя, а также анализу связи зооморфизмов Кафки с бестиарными символами и образами в культуре и их трансформации. Материалом исследования послужили новеллы Кафки, в которых главными героями являются животные: «Превращение», «Певица Жозефина, или Мышиный народ», «Исследования одной собаки», «Отчет для академии», «Лабиринт».

Как и во многих произведениях мировой литературы, животный мир у Кафки выступает иносказательным зеркалом мира человеческого. В одних новеллах путем переноса характерных для человека свойств на животных («Певица Жозефина, или Мышиный народ», «Лабиринт», «Исследования одной собаки»), в других — путем построения оппозиции человек — животное («Превращение», «Отчет для академии»). В них раскрываются типичные для Кафки мотивы одиночества, отчуждения, страха, вины. Реализация в зооморфных образах типичных для Кафки тем и мотивов связана и с тем, что в произведениях Кафки, как отмечал В. Беньямин, животный мир представлен существами, живущими под землей. В культуре эти животные имеют хтоническую природу и связаны с inferнальными силами. Кроме того, к данным образам обращаются с целью сатирического изображения человеческого бытия, воспроизведения отрицательных качеств характера. Если в мировой культуре образы этих животных чаще обладают негативной коннотацией, то у Кафки это проявляется только на внешнем уровне. Несмотря на то что животные не утрачивают своей звериной сущности, они трансформируются в существ мыслящих, способных на творческую и интеллектуальную деятельность: поющая мышь Жозефина; Грегор Замза, который, превратившись в насекомое, наслаждается игрой своей

сестры на скрипке, не утратил способность сопереживать, возвышается над противопоставленным ему мещанским, обывательским миром его семьи; собака — любопытное существо, образ которого вскрывает гносеологические проблемы; обезьяна способна интеллектуально возвыситься над своими сородичами, в то же время благодаря ее восприятию раскрываются человеческие недостатки. В бестиарии Кафки реализуются важные темы искусства, таланта, познания мира, свободы, а также человеческой жестокости по отношению к животным.

Таким образом, животный мир в творчестве Кафки служит для реализации особенности мировосприятия писателя, основных тем и мотивов его творчества. Несмотря на индивидуально-авторскую интерпретацию зооморфных образов, они обнаруживают связь с символикой, отраженной в европейской культуре. Если во многих произведениях литературы обращение к животному миру связано с сатирическим изображением человеческой действительности, то у Кафки проявляется связь с экзистенциальными мотивами.

Жестяной барабан как главный символ одноименного романа Г. Грасса

Кузнецов Артем Сергеевич

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 2 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. Н. Корнилова

Протагонист романа Гюнтера Грасса (Grass, 1927–2015) «Жестяной барабан» («Die Blechtrommel», 1959) Оскар Мацерат мыслит себя как барабанщика. Отчасти он пародирует Гитлера, который в годы Веймарской республики сравнивал себя с барабанщиком. Но для Оскара барабан не столько символ милитаризма и дисциплины (в Древнем Риме барабан ассоциировался с богом войны Марсом), сколько инструмент в руках художника, воспринимающего мир эстетически и трикстерски, как лирический герой известного стихотворения Гейне. Привязанность «вечного трехлетки» к детской игрушке доходит до одержимости и в реалистическом плане романа является аутистическим симптомом шизофрении героя.

Барабан — мистический и мнемонический музыкальный инструмент — служит средством связи героя с духами и помогает ему вспомнить мельчайшие детали прошлого. В архаической культуре барабан рассматривался как слияние противоположных начал: женского и мужского, лунного и солнечного, земного и небесного и нередко использо-

вался мифологическими плутами — трикстерами. В индуизме барабан символизировал как разрушительную, так и созидательную силу Шивы, Кали и Дурги.

Барабан так же амбивалентен, как и сам Оскар: вносит в реальность хаос и космос, губит родителей и спасает Виктора Велуна от преследования солдат, защищает протагониста от агрессии нацистов и помогает ему служить режиму во фронтовом театре при войсках пропаганды.

С одной стороны, герой с помощью игры на барабанах срывает манифестации нацистов, преобразует марши в танцы, политику — в культуру, идеологию — в карнавал. С другой стороны, барабанной дробью героя приписывали успехи во врачевании и исцелении ослабления памяти.

В Древней Греции барабан считался символом сексуальных оргий, применялся в экстатических танцах и был непременным атрибутом ритуалов в честь Диониса. Неслучайно Оскар сопровождает барабанным боем «небольшую оргию» на свой третий день рождения, неоднократно заявляет о своей предрасположенности к оргиям и беседует с Дионисом. Религиовед К. Кереньи считал двойником и альтер-эго трикстера фаллос. Оба альтер-эго Оскара — фаллос и барабан — сливаются в романе в образе барабанных палочек (фаллические символы, по З. Фрейду). Оскар называет свой детородный орган третьей барабанной палочкой во время описания отношений с Марией и Линой Грефф.

Барабан воспринимался в разных культурах как посредник между человеком и Богом. Поэтому Оскар заставляет барабанить статую младенца Христа.

Актуальны для романа и другие традиционные функции барабана: предупреждать об опасности и сопровождать публичные казни. Своим барабанным соло Оскар бьет тревогу и выбивает на жесты трагизм эпохи.

Концепт «барабан» встречается в произведении более 660 раз и аккумулирует около 30 смыслов, образуя новые значения в концептосфере Грасса и в тезаурусе немецкой картины мира.

Великий термитник — Буэнос-Айрес: пространство мести в рассказах Х. Кортасара

Харланова Ксения Михайловна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
студент 3 курса*

Научный руководитель: Огнева Елена Владимировна

Буэнос-Айрес в рассказах Х. Кортасара (Cortázar, 1914–1984) — пространство совершения мести, высвобождения темных чувств. Идеей мести одержимы многие героини независимо от круга общения и статуса. Мечь захватывает городское пространство подобно стихии, быстро передающемуся вирусу.

В исследовании представлена попытка описания «механизма» возникновения и развития чувства мести. Характерной чертой авторского стиля является желание дистанцировать читателя от происходящего. Кортасар дает понять: предмет рассказа — давняя история, поведенная человеком, знакомым с героями или имевшим к ним косвенное отношение. Образы медиаторов-повествователей создают эффект присутствия единой духовной сети, соединяющей всех в пространстве и времени. Взгляд из настоящего, обращенный в прошлое, обеспечивает объективное восприятие, позволяет хладнокровно проследить, где и как «созревает» мечь.

Отправные точки маркированы урбанонимами Буэнос-Айреса. Здесь желание отмщения становится доминирующим чувством. Но оно не рождается тут, оно присуще человеку с самого детства, городское и пригородное пространство — всего лишь катализатор для ее проявления. Привкус детской обиды возникает как отголосок переживаний самого автора, в шесть лет оставшегося без отца. Так пространство детской идиллии становится одновременно и местом первых обид, мотиватором безотчетного желания мстить, защищая свою любовь, сохраняя гармонию рая.

Особым символическим значением наделен образ муравейника (рассказы «Бестиарий», «Отрава») — это и место единения — пространство родственного общения, и место борьбы, проявления самых противоречивых чувств. Во взрослом мире мечь принимает разнообразные причудливые воплощения. У обиды нет срока давности. Она выжидает момент, ищет нужное место. Таким местом становится Буэнос-Айрес и точки, до которых дотянулись из родного города-муравейника ходы памяти. Кортасар отмечает, что мечь и боль рождаются не на поле ненависти, а на поле любви. Образы дыма, змеящихся улиц насыщают семантическую ауру неуловимой, неосязаемой мести. Она не дается ни

глазу, ни разуму, а существует в виде молекул, насыщающих сам воздух, питающих движение жизни, бытует не только в виде низменного инстинкта, но и в высоких сферах духовности: «месть — тоже искусство, в поисках ее формы стремятся найти что-нибудь утонченно-прекрасное». Заражение ею становится приметой буэнос-айресского текста, распространяющей свое присутствие на все творчество аргентинского писателя.

Принцип двоемирия в сказочной повести К. С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф»

Шалагина Ольга Вадимовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. О. Б. Карасик

Значительное место в творчестве британского писателя и христианского мыслителя К. С. Льюиса (1898–1963, Lewis) занимает изображение фантазийных миров — пространств, которые в том или ином смысле отличаются от действительности и являются особой разновидностью художественного мира. На примере сказочной повести «Лев, колдунья и платяной шкаф» («The Lion, the Witch and the Wardrobe») мы рассмотрим проблему взаимодействия и определим отличительные черты двух вымышленных вселенных, существующих параллельно в рамках одного художественного произведения.

Один из миров Льюиса представляет собой воссозданную писателем действительность Великобритании XX в., а второй является вымышленной волшебной страной Нарнией. Они населены различными по своей природе существами, однако элементы английского быта находят себе место и в пределах вселенной чудес. Образы фантазийной страны являются не абсолютно новой формой, а лишь непривычной комбинацией различных форм мифотворчества и реальности, подвергнутых определенному искажению.

Отмечается влияние двоемирия на характер номинаций художественного произведения. Реалистичный и сказочный миры характеризуются также различной скоростью течения времени. Платяной шкаф символизирует границу между художественными мирами Льюиса. Дом профессора, в котором расположена дверь в Нарнию, играет роль приюта, Нарния также становится убежищем для главных героев. Она раскрывает свои двери лишь тому, кто нуждается в ней и готов поверить в чудо. Волшебный мир имеет и внутреннюю вспомогательную границу, пролегающую между царством Белой колдуньи и последователями

Аслана и обозначенную разными временами года. Мотив пути, пересечения границ и духовного скитания становится основой сюжета. Он представляется не просто передвижением в пространстве, а путем искания и обретения веры. Именно в Нарнии становится возможно развитие героев: здесь раскрываются их лучшие качества и растет духовная сила.

Несмотря на то что волшебный мир определяется пространственными характеристиками, он не сводится лишь к определенной зоне развития действия, поскольку и сюжет, и персонажи, и картина мира в литературной сказке взаимообусловлены. Мир Нарнии, созданный Льюисом, служит определенной цели — передаче христианских воззрений автора.

Сатиры Грюнбайна — *saturae*?

Рубцов Роман Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научные руководители: д. филол. наук, проф. Л. Н. Полубояринова,

д. филол. наук, проф. В. С. Дуров

Ряд исследователей поэзии Д. Грюнбайна (род. 1962, Grünbein) понимают название сборника двояко: *nach den Satiren* означает либо временную дистанцию (после сатир), либо соответствие (согласно / по сатирам). Первым обе упомянутые трактовки предложил М. Фурман (Fuhrmann). Два данных варианта толкования можно назвать «буквальными», поскольку в немецком языке *nach* + Dativ означает, как правило, ‘после чего-либо’ или ‘согласно, соразмерно чему-либо’.

Тем не менее обе эти версии, как нам представляется, не вполне соотносятся с содержанием сборника и с авторской интенцией. Первый вариант довольно логично определяет немецкого поэта как последователя традиции сатирической литературы. Однако сам автор не говорит о себе как о писателе, который пишет после кого-либо или кому-либо подражает. В частности, говоря много лестного о Ювенале, он видит последнего прежде всего как своего современника.

Что же касается второго предлагаемого названия, то важно учитывать смысл латинского слова *satura*. Так, Фурман, цитируя комментарий Грюнбайна к первой сатире, проецирует слова немецкого поэта на весь сборник и указывает, что сатира у Грюнбайна — это *satura* ‘смесь’, интерпретируя все части сборника как *satura lanx* ‘смешанное блюдо’ и понимая сборник как ‘согласно смеси’. Логика, с которой вряд ли возможно согласиться, поскольку комментарий Грюнбайна никоим образом не направлен на то, чтобы объяснить содержание всего сбор-

ника: он только разъясняет, что основным мотивом текстов второй части является *insomnia* 'бессонница', болезнь всех людей, которая приходит после сатир (= *satura* в понимании Грюнбайна). Это же подтверждает и практически дословное цитирование данного комментария в более позднем эссе поэта «Schlaflos im Rom», в котором рассуждение о феномене *insomnia* занимает важное место.

Понимание названия как 'согласно сатирам' возможно лишь с оговорками и только в отношении первой и третьей части сборника, поскольку их содержание (сатирические вариации на античные и современные темы) действительно довольно пестрое. Однако второй части сборника особенно трудно приписать характер *satura*: в представленных четырех сатирах разрабатывается одна тема (что и указывается самим Грюнбайном в комментарии к первой сатире), а каждая из сатир, несмотря на внушительное количество непонятных мест в тексте, обладает распознаваемой структурой. Ни в отношении содержания, ни в отношении формы сатиры Грюнбайна не являются смесью. Комментарий Грюнбайна к его первой сатире и связанное с ним высказывание в эссе «Schlaflos im Rom» рассматриваются в предлагаемом докладе как тексты, которые необходимо обязательно учитывать для толкования названия сборника «Nach den Satiren» и его содержания.

Постмодернистская концепция истории в романе Д. Делилло «Изнанка мира»

Токарев Клим Андреевич

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. А. Аствацатуров*

Исследование раскрывает исторический контекст романа «Изнанка мира» («Underworld», 1997) в рамках постмодернистской парадигмы. Актуальность работы обусловлена интересом к постмодернистской философской парадигме, применяемой к художественным произведениям в целом и текстам, принадлежащим американской литературе второй половины XX в., в частности. Цель исследования — определить, каким образом история рассматривается в художественном произведении периода конца второй половины XX в. Основными задачами являются определение основных методов рассмотрения истории в романе, анализ функции исторического контекста в произведении и сопоставление художественных и современных научных методов описания истории.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

В романе 1997 г. «Изнанка мира» Делилло пытается создать летопись «скрытой истории», фокусируясь в произведении на событиях, которые не были отмечены в «официальной истории».

Одними из существенных индикаторов истории являются бытовые предметы и «отбросы». Находясь за пределами «официальных» событий, отмеченных в летописи, они раскрывают историю в ее бесконечном множестве различных аспектов.

Существенным элементом исторического повествования является соединение вымысла и фактографического материала. Исторические явления, личности и события дополняется художественным нарративом для создания цельной картины избранного периода.

Взаимодействие искусства и истории в контексте отношений вымысла и реальности также дополняет общее историческое повествование в произведении.

Роман «Изнанка мира» предлагает к рассмотрению «официальную историю», дополненную всевозможным материалом разной степени достоверности и реальности. В произведении 1997 г. уместаются два историографических метода — построение исторического нарратива с помощью «заполнения» имеющихся пробелов и охват максимального количества материалов, определяющих историю. Вопрос объективности отодвигается автором на второй план, так как он, в отличие от историографа, рассматривает истинность в контексте художественного метода — история в его произведении служит установкам художественного замысла. Тем не менее в романе содержится вполне конкретный комментарий по поводу современной постмодернистской парадигмы и места истории в ней. Таким образом, история в романе «Изнанка мира» функционирует на нескольких уровнях, от художественного до философского.

«Догвилль» Ларса фон Триера через призму эстетики эпического театра Бертольда Брехта

Никитина Анастасия Андреевна

*Московский педагогический государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. И. Кузнецова*

В современном кинематографическом пространстве одной из культовых фигур является датский режиссер Ларс фон Триер (род. 1956, Lars von Trier) — неоднократный призер международных фестивалей, лауреат главной награды Каннского кинофестиваля 2000 г. за фильм «Танцующая в темноте» (“Dancer in the Dark”).

С творчеством немецкого драматурга Б. Брехта фон Триер был знаком еще с детства, его мать восхищалась пьесами писателя. Замысел фильма в духе брехтовского эпического театра родился у фон Триера после услышанного зонга из «Трехгрошовой оперы», в котором рассказывается история пиратки Дженни, сюжетно являющаяся прецедентным текстом по отношению «Догвиллю» (“Dogville”).

Фон Триер следует за Брехтом не только на сюжетно-тематическом уровне, но и на эстетическом. Под воздействием брехтовских текстов фон Триер создает свой мир-театр «Догвилль», снятый в театральных декорациях и в жанре параболы (притчи). Режиссер актуализирует принципы эпического театра, при этом создавая в рамках фильма театральные подмости, что подчеркивается формой кинотекста и особой структурой повествования.

Одним из главных принципов эстетики эпического театра является «эффект очуждения», который включает в себя желание автора заставить зрителя осознать искусственность происходящего, ослабить эмоциональное восприятие и усилить рациональное, что реализуется фон Триером через ряд элементов, соответствующих теории эпического театра: структуру фильма (герой-рассказчик, деление на главы), оформление сценической площадки, не свойственной языку кинематографа (полный отказ от декораций), наличие зонгов, техника актерской игры.

Взяв за основу «эффект очуждения», режиссер создает свое театрализованное действие, в котором вызывает зрителя на откровенный спор, стремясь создать такой «спектакль», который позволил бы зрителю понять и улучшить действительность вокруг себя. Фон Триер не вознаграждает зрителя катарсисом, требует от него определенной подготовки для наслаждения предметом искусства, а не пассивного акта созерцания, в чем вновь наследует Брехту. В своем произведении фон Триер предпринял попытку воплощения эстетики эпического театра в рамках кинематографа. Режиссер использует теоретическую базу немецкого драматурга, при этом раскрывая ее через форму кинотекста и создавая еще больший эффект очуждения, нежели в театре, поскольку именно кинематограф в большей степени работает на отождествление зрителя с героем.

Мифологизация пространства

в романе Нила Геймана «История с кладбищем»

Александрович Данил Александрович

Южный федеральный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. Г. Садовская

В докладе рассматриваются особенности мифологизации пространства в книге Н. Геймана (род. 1960, Gaiman) «История с кладбищем» («The Graveyard Book»), впервые опубликованной в 2008 г. Актуальность исследования обусловлена тем, что творчество Геймана мало изучено в отечественном литературоведении.

Для романов Геймана характерно противопоставление двух типов пространства: мифического и мирского, царства живых и царства мертвых, а также сакрализация пространства в связи с присутствием в нем мифологического существа. Сюжет большинства его произведений восходит к инициации героя, которая органично соединяется с развитой авторской мифологией, образуя сложное единое целое.

В романах Геймана объективная реальность зачастую представлена в виде оппозиции двух зеркальных пространств, отражающих, искажающих и дополняющих друг друга. А пограничье, в котором существуют герои, не принадлежащие ни одному из конкретных пространств, выступает как область настоящей свободы, где персонаж может найти путь к себе и своему дому.

Женская антиутопия XXI века

Дернова Ольга Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. И. И. Бурова

XX век породил выдающихся писателей-антиутопистов, таких как Дж. Оруэлл («1984»), О. Хаксли («О дивный, новый мир»). В произведениях этих авторов мы находим отражение маскулинного взгляда на мир несовершенного будущего. XXI век позволяет нам по-новому взглянуть на жанр антиутопии, проанализировав его воплощение в женских романах-антиутопиях на материале произведений Л. Оливер (род. 1982, Oliver) «Делириум» («Delirium», 2011) и М. Этвуд (род. 1939, Atwood) «Рассказ служанки» («The Handmaid's Tale», 1985). Главное действующее лицо и повествователь в романе Оливер — это девушка-подросток, которая только готовится вступить в новое общество в качестве его полноправного гражданина и имеющая лишь смутное представление со слов других людей о том, каким мир был прежде. Героиня

Этвуд — молодая женщина, жизнь которой поделена на две половины: ранняя молодость, которая прошла при старом режиме, и та новая реальность, в которой она очутилась теперь. При этом женское письмо — не просто текст, написанный женщиной, он обладает рядом особенностей, которые отличают его от мужского мировосприятия.

По нашим наблюдениям, если маскулинный способ мышления исходит из внутреннего мира героя и рассеивается во внешнюю среду, объясняя и поясняя ее, то феминный взгляд направлен на внутренние эмоции и чувства героя, объясняя и описывая внешний, объективный мир лишь постольку, поскольку это требуется для объяснения внутреннего мира героя, оправдания его мыслей и поступков. Так, Оруэлл и Хаксли рисуют в своих произведениях цельную, законченную картину власти и общества, которую реконструирует главный герой, пропуская через собственное сознание. Бернанд Маркс, Уинстон Смит открыты миру, как бы проецируют себя вовне. Лина и служанка Федорова, напротив, замкнуты в себе, в своих переживаниях, имманентны. Прочитав их историю, читатель не сможет построить у себя в голове цельную картину мира, в котором живут эти героини, институт власти и устройство общества. В то же время образы героинь как бы приближаются к читателю, раскрываются перед ним во всех оттенках переживаемых чувств.

Темы любви, семьи, брака, деторождения, женственности раскрываются так или иначе в каждом из упомянутых произведений, однако женская антиутопия не просто вписывает их в контекст общественного устройства, но делает эту тематику центральной для мира антиутопии в целом. Язык такого рода текстов чувственный, множественный, зачастую не подчиняется логическим законам, ищет новые смыслы и значения.

Феминное письмо, таким образом, расширяет границы повествования, выходит за пределы мужского способа мышления, устоявшихся в культуре стереотипов и наделяет художественный мир произведения новыми концептами и значениями, позволяя женщине идентифицировать себя в мире.

Американское общество глазами Джесси Айзенберга (на материале сборника коротких рассказов «Bream gives me hiccups»)

Мифтахова Регина Данисовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. В. Праченко

Человек — существо социальное и неизбежно испытывает влияние общества. В литературе для того, чтобы полностью раскрыть образ персонажа, важно иметь представление о социуме, в рамках которого он описан. В разное время писатели и поэты старались точнее изобразить общество, показать его устои и особенности.

Одной из попыток показать общество XXI в. стала книга Д. Айзенберга (род. 1983, Eisenberg) «У меня икота от леща: и другие истории» («Bream Gives Me Hiccups & other stories»), опубликованная в сентябре 2015 г. Книга представляет собой сборник коротких рассказов, разделенный на восемь частей. Каждая часть сборника раскрывает образ современного общества с разных сторон. Так, первая часть представлена короткими заметками девятилетнего ревизора, который через весьма субъективную оценку заведений неосознанно предоставляет читателю возможность оценить людей вокруг него.

Социальное взаимодействие героев книги показано через дневниковые записи, текстовые сообщения и письма, которые описывают отношения людей в современном мире. Посредством представления ежедневных ситуаций, с которыми сталкиваются разные персонажи, автор затрагивает многие сферы жизни социума. Отличительной чертой выбранного автором жанра и стиля повествования является использование нейтрального английского языка для речевой характеристики всех персонажей, будь то студентка XXI в., А. Белл или коренные американцы. Манера повествования не меняется с изменением века и национальности героев, что делает рассказы персонажей разных времен и эпох универсальными и доступными для понимания, а также функционирует как юмористический прием.

Сочетание дневниковой и эпистолярной форм повествования позволяет автору достичь эффекта подлинности, благодаря чему персонажи книги обладают достаточной убедительностью. В процессе погружения в мысли и переживания различных героев читатель узнаёт социум, окружающий его самого, что говорит о мастерстве автора в изображении современного общества.

ФОЛЬКЛОР И МИФОЛОГИЯ

Невод: сеть социальных отношений

Трофимов Артем Евгеньевич

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. С. Веселова*

Предметом исследования стали рассказы о ловле рыбы неводом и дележе улова, собранные автором в ходе собственного полевого исследования в Мезенском районе Архангельской области.

Рыбная ловля с использованием невода — один из древнейших традиционных промыслов поморов Русского Севера. Специфические природные условия данного региона (суровый климат, широта и протяженность рек, неплодородность почвы и т. д.) естественным образом приводили местное население к использованию сложных инструментов промысла и, следовательно, к сплочению рыбаков в особые коллективы, поскольку пользование неводом в одиночку не представлялось возможным. Характер промысла (рыбацкой артелью в определенные сезоны) и «сложносоставный» инструмент (невод) задавали особенный тон отношениям внутри образовавшегося коллектива. Как отмечает Т. А. Бернштам в книге «Поморы», общинный лов приводил и к общинному владению орудиями лова, элементы чего, по нашим наблюдениям, сохраняются в среде северных рыболовов и на сегодняшний день. Проанализировав данные Фольклорного архива СПбГУ и собственные полевые интервью с практикующими рыбаками об использовании невода в рыбацком коллективе и дележе улова, а также данные непосредственного наблюдения за практикой невожения, мы заметили объединяющую роль инструмента промысла (невода) в отношениях между рыбаками в практиках.

Кроме того, анализ дискурса интервью показывает, что ключевым понятием, необходимым для осознания отношения самих рыбаков к сплоченности вокруг невожения, является понятие «справедливости». Как видится, в рыбацком коллективе это понятие возведено в принцип. Анализ интервью приводит к выводу, что в рыбацком дискурсе оно трактуется по преимуществу как равноправие, учет деятельности каждого участника ловли и равномерное, в соответствии с данным фактором, распределение добычи.

«У меня свой путик по грибы, по ягоды»:

лес как локус деревенских нарративов и практик

Коноваленко Анастасия Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Ю. Ю. Мариничева

Доклад посвящен рассказам о деревенской практике собирания грибов и ягод как одному из способов взаимодействия с пространством леса. Материалом для доклада послужили преимущественно интервью, записанные в ходе фольклорно-антропологической экспедиции 2016 г. в деревне Белощелье (Лешуконский район, Архангельская область).

В деревенских нарративах лес является «страшным» местом и часто связывается с физической и метафизической опасностью. Между тем собирание грибов и ягод, как и охота, является неотъемлемой частью жизни в деревне, страхи же преодолеваются с помощью ряда запретительных и предписывающих норм. Почти каждый деревенский житель начинает ходить за грибами и ягодами еще в детстве с кем-то из старших или с группой сверстников, от которых перенимает модели поведения в лесу. Постепенно вырабатывается ряд индивидуальных привычек и правил, направленных на то, чтобы обеспечить себе успех (в том числе прибегая к покровительству метафизических сил). Принципиальными моментами при сборе грибов и ягод могут оказаться место, компания, маршрут и различные варианты общения с «хозяевами» леса. Кроме того, из большинства интервью видно, что главным оказывается не сам процесс сбора грибов или ягод, а то, что происходит в лесу, помимо этого (страх или гордость за отсутствие страха, когда «скружал», обман соседа, воспоминания о подругах и т. д.). Отношения с лесом могут регламентироваться не только нормами и традиционными представлениями. Лес также может выступать как объект любви, площадка для соревнования, место медитации или общения с умершими.

Обетный крест и часовня в деревне: два локуса религиозности

Лихинина Мария Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Деревянный обетный крест — привычный элемент ландшафта Русского Севера, одна из широко распространенных местных деревенских святынь. К описанию локальных мест почитания фольклористы и этнографы обратились еще во 2-й половине XIX в. (Н. М. Карамзин,

Ф. Н. Глинка, Н. П. Погодин, П. А. Путятин). На протяжении полутора столетий местные святыни и, в частности, обетные кресты изучались в основном в рамках археологии и этнографии. Большинство исследований (за редким исключением) ограничивалось описанием объекта вне функционального взгляда на феномен.

В основу предлагаемого исследования положен функциональный метод. Вслед за Б. Малиновским мы видим его сущность в «объяснении антропологических фактов на всех уровнях развития их функцией, ролью, которую они играют в интегральной системе культуры, способом их отношений друг с другом внутри системы и способом, каким эта система относится к физическому окружению». Цель исследования — выявить функцию обетного креста в жизни современного жителя севернорусской деревни, дать описание связанных с ним индивидуальных и коллективных практик. Мы рассматриваем обетный крест прежде всего как локус индивидуальной и коллективной ритуальной активности, в частности «актуализации религиозного опыта в культуре» (А. А. Панченко).

Основой исследования стали данные собственного полевого исследования, полученные в июле 2016 г. в деревне Бычье Мезенского района. В целях функционального анализа практик мы сопоставили описания посещения обетных крестов с описаниями практик посещения недавно появившейся в деревне часовни. Выявление распределения действий, предпочтений и суждений об этих двух типах площадок — одна из центральных задач работы. В ходе анализа используются подходы к изучению народного православия в жизни севернорусской деревни А. А. Панченко и Т. А. Бернштам.

Нарративы Великоорецкого крестного хода: легенды и чудеса

Колеватова Екатерина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Полевое исследование было проведено в ходе фольклорной практики в городе Кирове летом 2016 г. Были собраны рассказы участников Великоорецкого крестного хода. Великоорецкий крестный ход — один из крупнейших крестных ходов в России, который проходит ежегодно с почитаемой Великоорецкой чудотворной иконой Николая Чудотворца с 3 по 8 июня. По бытующим среди участников представлениям, крестный ход известен с начала XV в. Великоорецкий крестный ход окружен множеством легенд и преданий, однако фольклористами этот материал не был ни записан, ни опубликован. По этой причине мы решили про-

вести полевое исследование, предметом которого стали в основном устные рассказы о чудесах Великоорецкого хода.

В ходе его удалось собрать довольно много устных нарративов. Информантами были люди, которые приняли участие в крестном ходе в первый раз, а также постоянные участники крестного хода. Среди опрошенных информантов в общей сложности 19 человек возрастом от 10 до 61 года: 9 информантов мужского пола и 10 женского. В общей сложности получилось 13 интервью, общая длительность которых составила 13 часов. В ходе интервью информантам задавались вопросы об их впечатлениях о крестном ходе, о самом пути и его тяготах, физических и моральных, о купании в купели по пути следования, об удивительных явлениях природы, но особенно нас интересовали события, которые поразили информантов и которые с их точки зрения являются чудесами.

Получены следующие выводы.

1. Собеседники нуждаются в том, чтобы поделиться сложившимися в результате паломничества рассказами. Многие участники крестного хода проявляли личную инициативу дать интервью и поделиться своими впечатлениями и своим религиозным опытом.

2. Нарративы рассказываются с определенной целью: это не только передача религиозного опыта, но и вовлечение слушателя в православную культуру, призыв отправиться в крестный ход в следующем году.

3. Участники крестного хода интерпретируют чудеса по-своему, называя «чудом» изменения, произошедшие в их внутреннем мире (достижение душевной легкости и отрешенности от рутины). В то же время редкие природные явления и совпадения, которые постороннему наблюдателю могли бы показаться удивительными и чудесными, информанты считают «естественными», не относя их к «чудесам».

4. Многие участники крестного хода, независимо от их возраста или степени религиозности, характеризуют различные события крестного хода схоже, что свидетельствует о наличии общего дискурсивного фонда для выражения религиозного опыта, которое объединяет информантов.

Традиционная магия Мезенского района: оприкос

Жекова Калина Стефанова

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Доклад посвящен описанию актуальной практики традиционной магии как «деятельности влияния на развитие событий естественного порядка сверхъестественным способом» (С. Б. Адоньева). Материалом для анализа послужили интервью, записанные фольклорной экспедицией 2016 г. в деревнях Мезенского района Архангельской области.

В фокусе внимания исследования оказался распространенный, судя по интервью с современными деревенскими жителями, феномен — оприкос. В самых общих чертах под понятие «оприкос» попадают представления о сознательном или неосознанном негативном магическом влиянии одного человека на здоровье и благополучие другого. Нас интересуют бытующие представления о нем как о примере бытовой магии: кто или что может стать объектом подобного воздействия, каковы основные проявления оприкоса, какими оберегами от него защищаются, кто такие «знающие» и какова их роль в действительности оприкоса.

Можно заметить, что советская идеология и распространение школьного образования воздействовали на характер магических знаний жителей северорусской деревни. Однако в конфликтных ситуациях бытовая магия как фактор социокультурной организации общества продолжает существование.

«Баня топится-топится»:

к вопросу о коммуникативной функции бани

Красавина Евгения Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Ю. Ю. Мариничева

В ходе фольклорно-антропологических экспедиций СПбГУ в 2009–2016 гг. в Лешуконском районе Архангельской области было записано большое количество нарративов деревенских жителей о практиках, связанных с баней. На основании этих материалов можно утверждать, что баня в севернорусской традиции воспринимается одновременно и как пространство «пользы» (мытье в бане считается наиболее действенным способом снять усталость, вылечить почти любую болезнь), и как опасное, чужое (необходимо проситься зайти в баню у ее духа-хозяина — баянника и т. д.). А. Г. Бобров, изучавший бан-

ную традицию на материалах древнерусской литературы, писал, что баня является «местом перехода из обыденной реальности в метафизический “волшебный мир”». Попадая в баню, человек вступает в иное пространство, по отношению к пространству обыденному.

В докладе представлены ситуации, в которых баня выступает не как место для мытья, но как «иное» пространство. В ходе анализа рассказов деревенских жителей о бане, было замечено, что пространство бани имеет две основные функции: практическую и коммуникативную. С практической точки зрения, баня — это место, где моются, где принимают роды и лечат. С другой точки зрения, пространство бани — интимное, сокровенное. Соответственно, и общение между людьми в бане отличается особой доверительностью, но оно же недоступно для окружающих — в бане скрываются от любопытствующих. Так, один информант рассказал нам, как в советское время один из жителей пригласил соседа в баню, чтобы тайно предупредить его об угрозе раскулачивания. Тема такого взаимодействия людей в бане представлена в лирических песнях и частушках, где баня оказывается топосом интимных отношений. В обрядовой ситуации пространство бани воспринимается как место взаимодействия с «иным» миром. Об этом свидетельствуют многочисленные записи обряда «свадебной бани», бытующего на Русском Севере. В бане общаются с духами-хозяевами и своими усопшими родственниками. Здесь совершают магические действия и гадают девушки на святках.

Таким образом, баня — это и топос традиционного фольклора, и особая площадка коммуникации — интимной, доверительной, ритуальной, магической, метафизической.

«Благословите на ней жениться — у ней есть хорошее платье».

Комментарии сказочников в сказках

Курзина Надежда Александровна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. С. Б. Адоньева*

Как нам известно из «Морфологии сказки» В. Я. Проппа, композиционно волшебная сказка — это «всякое развитие от вредительств или недостачи через промежуточные функции к свадьбе или другим функциям, использованным в качестве развязки». Действующими лицами — исполнителями этих функций — являются сказочные персонажи. Исполнять функции могут персонажи, которые характеризуются в сказочном мире посредством атрибутов (возраст, пол, положение, внеш-

ний облик, особенности этого облика). Однако в записях севернорусских сказок мы встречаем комментарии к действиям персонажей, которые явно не являются ни атрибутами персонажей, ни частью реализации их функций. Сюда можно отнести встречающиеся в сказках пословицы или пояснения к действиям персонажа: «а хозяйка вожевата — ей хозяин плоховатый» (предшествует предательству главного героя его женой); «Благословите на ней жениться — у ней есть хорошее платье» (так объясняется женитьба царевича на главной героине Настасье-пепельнице). Подобные вставки отвечают на вопрос: почему персонаж поступает именно так? Сами по себе такие комментарии не являются ни функциями, ни мотивами, ни атрибутами персонажа, это — комментарии рассказчика к описываемым событиям.

В докладе представлен анализ текстов сказок сборника «Сказки и предания Северного края» (1934). Мы анализируем волшебные сказки, в которых присутствуют комментарии сказочников к действиям женских персонажей, а также «Краткие замечания о сказочниках и сказках», написанные И. В. Карнауховой, собирателем этих сказок. Она называет случаи комментирования собственного повествования «психоидеологией» сказочника. Для исследования важно, что она обращает внимание на эти случаи и описывает обстоятельства записи сказки, а также биографию сказочников. Комментарии сказочника к традиционному сюжету содержат в себе отсылку к обычно не проговариваемым традиционным культурным нормам: почему девушке-невесте важно иметь хорошее платье? Почему царевна недовольна браком с крестьянином-мужиком? Что именно хотят сказать сказочники, комментируя действия своих персонажей? На эти вопросы мы пытаемся ответить в докладе.

Что такое «сказки с плохим концом»?

(на материале записей XX века)

Краутман Виктория Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Практически любой наш соотечественник на вопрос о том, как же должна заканчиваться сказка, с уверенностью ответит: «Хорошо». Если поискать в интернете или задать вопрос своим знакомым, почему конец обязательно будет счастливым, чаще всего можно услышать, что сказки созданы и рассказываются только для детей, а их психику еще не стоит травмировать драмами с «плохим» концом. В основном люди

настаивают на воспитательной роли сказок, которые, по их мнению, должны учить тому, что добро всегда побеждает зло.

Появление стереотипа о добром конце сказки объясняется разными причинами. Во-первых, с распространением системы образования в городской культуре уроки словесности, детское чтение предполагали знакомство учеников с произведениями отечественного фольклора, но произведениями, не устными, а печатными и обработанными для «школьных» нужд. Во-вторых, редакция и обработка основывалась на принципах, разработанных детскими психологами, в том числе на принципе «ненасилия». Появлялись исследования, доказывающие влияние различных факторов на детскую психику, в том числе негативной информации. Сказки, которые в деревенской устной культуре предназначались далеко не только для детей, естественно, содержали в себе элементы «взрослой» логики. При редакции сказок для педагогических целей прежде всего смягчались драматические коллизии, непристойные и агрессивные детали.

Если детская педагогика уже с конца XIX в. настаивала на том, что сказки должны заканчиваться «хорошо», то сказки, которые заканчиваются не очень хорошо, должны быть изъяты из обращения в детской аудитории. Но, как всем известно, Колобка съедают, Глинышек тает, а Теремок разваливается. При отборе материала для данного исследования неоднократно возникал вопрос: что понимать под «плохим концом» сказки? В многочисленных определениях сказочных жанров мы практически не встретим прямых указаний на то, «хорошо» или «плохо» должно завершиться развитие сюжета. Однако в одном случае — при определении кумулятивных сказок у В. Я. Проппа — мы столкнемся с описанием исхода, который подразумевает «конечную катастрофу».

В докладе мы касаемся таких вопросов, как возникновение стереотипа о «счастливом» окончании всех настоящих сказок, а также затрагиваем проблему жанровой классификации «сказок с плохим концом» — т. е. кумулятивных сказок — и их судьбу в сказочных указателях и сборниках.

Роль парафольклорных явлений в современном студенческом фольклоре

Кудряшова Юлия Николаевна

Дальневосточный федеральный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. М. С. Киселева

Современное студенчество — один из лучших объектов для изучения парафольклорных явлений — текстов, напрямую связанных с фольклорной традицией, но распространяемых письменным образом.

В докладе проанализированы материалы самых популярных групп и страниц ВКонтакте, связанных с ДВФУ: «ДВФУ/FEFU», «Кампус ДВФУ остров Русский | Владивосток», «Подслушано ДВФУ», «Цитаты преподавателей ДВФУ», «"ОТЗОВИСЬ" ДВФУ», а также материалы группы «Кто не был студентом, тому не понять...», имеющей свыше миллиона подписчиков и содержащей большое количество студенческих текстов. Рассматривался материал, накопленный ресурсами в течение одного года.

Выявлено, что большинство текстов, размещенных на указанных ресурсах, по своим чертам относятся именно к парафольклорным явлениям.

Несмотря на письменную форму материала, отчетливо прослеживается его установка на устность: случайные (от безграмотности) или подчеркнуто-специальные ошибки в грамматике, орфографии и пунктуации, использование просторечия и нецензурной лексики.

Важную роль играет анонимность: авторство не имеет значения или утрачивается при многократном переписывании одного и того же текста. Также наблюдаются вариативность и коллективность: распространяя тексты, студенты изменяют их форму и/или содержание различными дополнениями (или сокращениями), комментариями, адаптацией под ситуацию и т. п.

К парафольклору мы относим и креолизованные тексты, которые близки к университетским граффити и дополняются с помощью приписывания и «пририсовывания» текста или эмоции.

Парафольклорные явления (картинки с надписями, реже — текстовые посты) в интернет-среде встречаются и как элементы интернет-магии, становятся частью современных обрядов. Это позволяет говорить о наличии такой черты, как синкретичность (креолизованный текст по своей природе уже синкретичен). В современном студенческом фольклоре обрядовыми действиями могут стать лайки и репосты «на удачу», призыв Халявы и т. д. Обнаружено: частично они соотносятся с современными студенческими обрядами в жизни и в то же время име-

ют свои особенности (частая условность выполняемых действий, опосредованность передачи информации и т. д.).

Перспективы развития парафольклорных явлений в современном студенческом фольклоре тесно связаны с интернетом как основной средой их функционирования. Активнее всего они развиваются в местах массового общения студентов, т. е. в социальных сетях, где парафольклор выполняет все функции постфольклора: структурирование впечатлений обыденной жизни, поиск личностной и социальной идентичности, собственно языковая (но не коммуникативная) функция, адаптивная функция примирения с действительностью через ее поэтизацию, функция структурирования времени и способов поведения.

Интернет-мемы в личной переписке

в социальной сети «ВКонтакте»: функционирование и прагматика

Прокофьева Таисья Игоревна

Европейский университет в Санкт-Петербурге, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. искусств, доц. М. Л. Лурье

Интернет-мем — это устойчивая единица коммуникации, зачастую не имеющая общепризнанного авторства, получившая распространение (преимущественно) в интернете, которая может копировать форму или содержание других мемов и изменяться в зависимости от контекста употребления.

Существуют разные подходы к изучению интернет-мемов. Исследователей может интересовать, как мемы реагируют на актуальные (политические) события, как изменяются мемы в процессе передачи или каким образом в них создается комический эффект. В докладе интернет-мемы рассматриваются в контексте межличностной коммуникации. Особое внимание уделяется функционированию и прагматике мемов.

Материалом исследования стали интервью с молодыми людьми, активными пользователями социальных сетей, и примеры употребления интернет-мемов из их личных переписок. В результате сопоставления этих двух видов данных сделаны выводы о том, как функционируют мемы в разных коммуникативных ситуациях. Интернет-мемы могут использоваться тремя способами: выражение эмоций адресанта (невербальный компонент коммуникации), фраза (устойчивое выражение), дополняющая или заменяющая высказывание в диалоге, либо история (шутка), которая может быть связана с темой разговора или рассказываться спонтанно.

Используя мемы этими тремя способами, носители преследуют разные цели. С одной стороны, мемы — это возможность украсить свою речь, оказать визуальное и/или аудиальное воздействие на адресата, передать свою предполагаемую мимику и жесты, «свои чувства». С другой стороны, это может быть проявлением коммуникативных конвенций переписки в социальной сети в кругу общения носителя, «моды». С третьей стороны, мемы-шутки на определенную тему могут становиться отсылками к общему опыту коммуникантов, служить их солидаризации. Кроме того, молодым людям бывает проще выразить свою мысль «емким» мемом, нежели пытаться описать словами собственное речевое намерение. Таким образом, мем становится подобием устойчивого выражения, которое в свернутом виде содержит множество смыслов.

Воспоминания о раннем детстве: особенности бессюжетного нарратива

Балакерская Ольга Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Тема изучалась в ходе городской фольклорно-антропологической практики, проходившей в июле-августе 2016 г. в г. Владивостоке. Материалом исследования послужили интервью с информантами в возрасте от 18 до 83 лет. Во время проведения интервью мы с информантами обсуждали следующие вопросы: к какому периоду детства они относят «ранние» воспоминания, в связи с чем связан переход от воспоминаний «ранних» к «систематическим» (термин одного из моих информантов). Особый интерес представляли первое или первые воспоминания: может ли информант вспомнить их, рассказать об этом, соотнести воспоминания с определенным возрастом.

9 из 19 человек смогли вспомнить эпизод (момент), о котором рассказали как о своем первом воспоминании. Остальные говорили о том, что помнят «саму атмосферу», «отрывочные куски», связанные с «ощущениями», некий «поток» воспоминаний, несколько воспоминаний, которые невозможно выстроить в хронологическом порядке, но которые относятся к самому раннему возрасту. В ходе исследования было отмечено, что сюжетных нарративов удалось записать крайне мало. Была замечено также, что записанные нарративы не являются устойчивыми. В докладе характеризуются отличительные черты такого нарратива.

«Я старой деревне хочу поклониться»:

семантика жестов на современном деревенском празднике

Поспелова Александра Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Ю. Ю. Мариничева

Празднование Дней деревни в селах и деревнях Лешуконского района началось в конце 1990-х гг. Материал исследования охватывает 12 праздников с 1998 по 2012 г. Созданию нового праздника, который по своей задаче должен был стать преемником утраченной традиции съезжих праздников, сопутствовала проблема канона сценария. Рукописные сценарии праздника представляют собой реплики ведущих (исторические и статистические заметки, прозаические и стихотворные поздравления) и тексты песен хора с указанием площадок действия, участников и их жестов. По словам наших информантов, составители сценария заимствуют из книги А. В. Новикова «Лешуконье» исторические сведения, которые являются смысловым ядром торжественной части праздника. День деревни стал праздником, который создает и закрепляет новый дискурс — об истории деревни. В докладе выдвигается предположение, что основой для конструирования изобретенного (термин Э. Хобсбаума) Дня деревни послужил праздник День победы. Из всего репертуара современных праздников, организуемых работниками деревенского клуба, именно 9 Мая является принятой и разделяемой всеми моделью осмысления исторических событий и памяти. Прямое цитирование сценария Дня Победы происходит в первой части Дня деревни — на митинге у обелиска в центре Белощелья. Слова с корнем -клан-/-клон- становятся продолжением цитирования праздника-источника в основной торжественной части Дня деревни, которая проходит в клубе. Часто употребление таких слов отражает значения, фиксируемые словарями: приветствие, просьбу, благодарность, уважение. Причем глагол «кланяться» используется исключительно в приветственной речи ведущих. Как правило, дискурсивный поклон обращен или к собеседнику (в случае приветствия), или предкам, или погибшим воинам. Поклоны на празднике День деревни адресуются также женщинам, овдовевшим во время войны. Наибольший интерес вызывают случаи, когда адресатом поклона становится сама деревня. Строчка из постоянной песни в репертуаре хора — «Я старой деревне хочу поклониться» — даже выносится в название одного из дней всего праздника. По отношению к воинам, предкам, вдовам и деревне используются глагол «поклониться», фразеологизм «склонить голову» или существительное «поклон». Таким образом, деревня ставится в

один ряд с предками и героями Великой Отечественной войны. Примечательно, что треть словоупотреблений личных форм глагола «поклониться» в газетном корпусе НКРЯ приходится на цитаты песни «Поклонимся великим тем годам». В припеве этой песни содержится и список возможных адресатов поклона, а сам поклон, судя по проанализированным материалам, становится культурным императивом.

СЛАВИСТИКА

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Готический роман Витезслава Незвала «Валерия и неделя чудес»

Колянов Алексей Юрьевич

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. С. И. Николаев*

Роман Витезслава Незвала (1900–1958, Nezval) «Валерия и неделя чудес» («Valerie a týden divů») был написан в 1935 г. и впервые опубликован только через десять лет. К периоду создания произведения относится отход Незвала от поэтизма к сюрреализму. Уже в манифестах «Proušek na motocyclu» (1924) и «Kafka inkoustu» (1928) Незвал говорил о необходимости использования метода свободных ассоциаций, освобождении новых идей и смыслов из глубин сознания. Известно, что Незвал встречался с основателем сюрреализма Андре Бретоном в Праге и в Париже.

Один из немногих положительных отзывов на роман был дан Людвиком Кундерой, братом Милана Кундеры. Критик заметил, что источниками вдохновения для автора послужили тексты готической традиции французского и немецкого романтизма, а также французская «серийная новелла» XIX в., известная в отечественном литературоведении как «роман-фельетон». Джузеппе Диерна в статье «О Валерии, Незвале, Максе Эрнсте и коллаже: вариации на тему» анализирует довольно обширный перечень источников, вдохновивших Незвала. Помимо упомянутых выше немецкого и французского черного романтического романа и «романа-фельетона», большое влияние на автора, безусловно, оказали английские готические романы. Как утверждает Диерна, любимым готическим романом Незвала был «Монах» Мэтью Грегори Льюиса. Из этого произведения Незвал заимствовал некоторые типажи, к примеру, образ монаха-совратителя, превратившегося у чешского писателя в похотливого миссионера. Свою роль сыграли

и сюрреалистические романы того времени. Так, Незвал отдал дань роману Андре Бретона «Надя», взяв у главной героини некоторые черты для своих персонажей. Весьма интересным при анализе системы образов «Валерии» представляется влияние, которое оказали на Незвала работы немецкого художника-сюрреалиста Макса Эрнста, в частности, его графический роман «Неделя доброты» («Une semaine de bonté», 1934), жанр которого сам автор охарактеризовал как «роман-коллаж». Впечатленный картинами Эрнста, Незвал практически дословно использовал некоторые сюжеты коллажей в тексте своего романа. Например, главный отрицательный персонаж — констебль — периодически появляется с головой хорька, а в образной проповеди миссионера прозаическими средствами создано изображение белой руки, выглядывающей из дома на фоне мужчин с головами животных.

Роман «Валерия и неделя чудес» является модернистским многослойным произведением, сотканным из множества реминисценций к готическим и сюрреалистическим мотивам, а действие романа под влиянием психоанализа помещено автором как минимум в две плоскости — реальности и сна.

Жизнь сербских пословиц в век интернета

Перич Кристина

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Ю. Котова*

В последнее время большое внимание уделяется исследованию пословиц, выявлению паремиологического минимума и созданию паремиологических словарей разных языков. Если говорить о сербской паремиологии, то нельзя не упомянуть работы Й. Мушкатировича, В. С. Караджича и Е. Йованович. Все эти авторы выпустили словари сербских пословиц. На материале социолингвистического паремиологического эксперимента М. Ю. Котовой, в котором участвовали носители сербского языка, мы выявили пословицы с абстрактными существительными. Посредством анализа их содержания, мы разделили пословицы на несколько тематических групп. Они указывают на эмоции и душевное состояние человека (например, *Од љубави до мржње линија је танка*), на характер человека (*Колико људи толико ћуди*), на отношения между людьми (*У свакој шали пола истине*), на статус человека (*Богатство никад није сито*) и др. Обладая экспрессивностью и дидактичностью, пословицы употребляются в интернете в качестве вывода при описании различных ситуаций. В интернет-пространстве они чаще всего встречаются в заглавиях статей, в качестве описания фотографий и

названий песен и фильмов. В социальных сетях пословицы популярны у молодежи, которая с их помощью описывает свои впечатления и опыт. Таким образом, пословицы являются не только национальным достоянием, представленным в книгах и сборниках, но и мудростью, которая живет и в век технологий и интернета.

«Женское письмо» в рассказе Петры Соукуповой «Medůza»

Токаревских Софья Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: ст. преп. Н. В. Штакельберг

Доклад представляет собой часть исследования, в котором рассматривается сборник рассказов «Dámská jízda» (2016) с позиций гендерного литературоведения и феномена «женского письма».

Термин «женское письмо», впервые введенный Э. Сиксу в эссе «Хохот медузы» («Le Rire de la Méduse», 1975), впоследствии приобрел и иные толкования, нежели заложенное в нем изначально. Сиксу подразумевала акт письма, призванный раскрыть подавленный потенциал женщин, освободить их от мужского типа языка и деконструировать его. В современном гендерном литературоведении этот термин используется скорее для обозначения неких формальных стилистических особенностей, обусловленных в определенной мере гендерной идентификацией автора.

Особенно интересно наблюдать гендерную проблематику в контексте чешской литературы, так как авторы-женщины и женская литература всегда играли важную, а иногда и доминирующую роль в чешском литературном процессе. Сборник «Dámská jízda» был выбран неслучайно: в нем представлены рассказы современных чешских писательниц, как известных, так и начинающих. Составленный подобным образом, сборник позволяет наиболее точно и разносторонне отобразить ситуацию и наметить тенденции женского письма последних лет. Доклад посвящен первому рассказу сборника со знаковым названием «Medůza» П. Соукуповой (род. 1982, Soukupová) — писательницы, сценаристки, лауреатки самой престижной чешской литературной премии Magnesia Litera 2010. В этом рассказе Соукупова отступает от безэмоционального сценарного стиля повествования, свойственного ее романам. Она пользуется простыми конструкциями, простой лексикой для яркого описания эмоционального состояния героини. Тема, однако, является сквозной для всего творчества писательницы — дисфункция традиционной семьи и глубокий упадок межличностных отношений, подчиненное положение женщины в современном обществе.

Начало славяноведения в России

Семенов Федор Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. З. К. Шанова

В России начало славяноведения связывают с именем А. Х. Востокова (1781–1864). Востоков с 1801 г. принимает участие в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, в журналах этого общества публикуются его первые стихи. В работе «Опыт о русском стихосложении» (1812) Востоков дает обзор разных форм русского фольклорного стиха. Впервые в России переводит на русский язык ряд произведений сербской народной поэзии из собрания В. Караджича. В 1818 г. он избран действительным членом Общества любителей российской словесности. Важнейший труд Востокова – «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820), где он предложил периодизацию старославянского (церковнославянского) языка: древний язык (X — середина XIV в.), средний язык (XV — XVI вв.), новый язык (язык печатных церковных книг), определил носовое звучание юса большого и юса малого, доказал отсутствие в древний период деепричастий и существование двух форм неопределенного склонения — инфинитива и супина. Востоков пришел к выводу, что старославянский язык строится на древнеболгарской основе, выделил три группы славянских языков: западославянские, южнославянские и восточнославянские. «Русская грамматика» Востокова выдержала 12 изданий. В 1841 г. Востоков становится академиком Санкт-Петербургской академии наук. Много внимания уделяет словарной работе, редактирует «Опыт областного великорусского словаря» (1852). Значительным вкладом в развитие отечественной славистики является его «Словарь церковнославянского языка» (в двух томах), который выходил с 1858 по 1861 гг. Интерес к славяноведению в обществе возрастает. В 1835 г. в соответствии с новым университетским уставом Министерства народного просвещения в Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском университетах были открыты кафедры по истории и литературе славянских наречий. Первым руководителем кафедры в Петербургском университете был П. И. Прейс (1810–1846), рано ушедший из жизни, а с 1847 г. — И. И. Срезневский (1812–1880), который стал первым в России доктором славяно-русской филологии. Кафедра в эти годы получила название кафедры славянской филологии.

Проблемы развития цивилизации в романе Карела Чапека «Война с саламандрами»

Иванова Регина Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. Е. Аникина

Карела Чапека, одного из самых влиятельных писателей чешской литературы 1-й половины XX в., относят к числу основоположников современной фантастики. Обращаясь в своих произведениях к теме развития человечества, он с помощью ярких метафор и аллегорий изображал современное состояние общества, а в своих фантастических сюжетах оценивал будущее жизни на земле и уже в перспективе дальнейшего развития цивилизации выносил приговор тем или иным моральным системам. Фантастика в произведениях Чапека является способом проверки состоятельности господствующих в обществе устоев и возможности жизнедеятельности в условиях этих основ. Творческим методом автора, проходящим через всю его литературную деятельность, была сатира, с помощью которой писатель обличал тенденции развития современного общества. Сочетание фантастики и сатиры в самом значительном произведении Чапека — романе «Война с саламандрами» — позволяет на примере описания мира, где господствует уже не человек, а развивающееся земноводное, показать состояние современной писателю жизни всего земного шара накануне фашизма. Героем романа выступает всё человечество, происходящие события влияют на все слои общества и на все сферы жизнедеятельности человека. Чапек обращает внимание читателя на то, что именно человек был образцом, следуя которому саламандры могли научиться бездушию, жестокости, что приводит к обесцениванию личности, исчезновению духовных начал и прославлению материальных интересов. Именно существо, у которого отсутствует душа, может служить реализацией сатирической идеи, олицетворяющей черты современной человеческой цивилизации. Так автор, изображая антиутопический мир, в основе которого лежит дегуманизация общества, пытается предостеречь человечество от возможной гибели и вырождения. В сюжетной линии «Войны с саламандрами» воплощена не только антифашистская направленность, поэтому произведение и в наши дни служит предостережением человечеству.

Польские пословицы с компонентом-этнонимом Żyd (еврей), Cygan (цыган) (на материале сборника Ю. Кшижановского «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich»)

Шестакова-Стукун Алена Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. В. Раина*

Пословицы содержат концепты, характерные для национальной языковой картины мира. В паремиологическом фонде хранятся данные о различных стереотипах: гендерных, социальных, этнических. Эти упрощенные образы, которые возникли вследствие языкового и культурного взаимодействия народов друг с другом, становятся объектом паремиологических исследований. В качестве этностереотипов были изучены представления поляков о евреях и цыганах. Большую роль играет экстралингвистический фактор, который явился предпосылкой для неоднозначного отношения поляков к представителям данных наций. Оба эти народа исторически не проживали на территории Польши — этот факт позволяет полякам трактовать их как народы «чужие».

Для характеристики стереотипа еврея из сборника «Nowa księga przysłów polskich» под ред. Ю. Кшижановского было выбрано 90 пословиц, для цыган — 20. Главным в представлении о евреях является любовь к деньгам, проявляющаяся в жадности, которая отрицательно трактуется людьми: *Gdzie są Żydzi, tam człek grosza nie widzi; Gdzie chłop traci, tam się Żyd bogaci; Mają pieniądze Żydzi, ale ich nikt nie widzi; Nie orali Żydzi roli i orać nie będą*. Подобные оценки можно заметить и в пословицах с этнонимом «цыган»: *Co Cygan, to szalbierz; Niedźwiedź tańcuje, a Cygan pieniądze bierze; Cygan bez drumli jako dziad bez jeża*. Выявление общих характеристик разных стереотипов помогает не только понять историю их взаимодействия и спрогнозировать дальнейшее развитие межэтнических отношений, но и глубже понять осмысление польского автостереотипа, что в свою очередь позволяет выстроить беспрепятственную межкультурную коммуникацию.

Раскрытие темы сексуальности в творчестве Милана Кундеры

Баранова Маргарита Васильевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. Е. Аникина*

Основанием для исследования темы человеческой сексуальности в творчестве М. Кундеры (род. 1929, Kundera) явилось авторское нова-

торство, проявившееся в раскрытии этой темы для чешского и мирового читателя. Писатель придает особое значение сексуальному аспекту взаимоотношений героев, что позволяет рассуждать об авторской уникальности раскрытия психологии героев его произведений.

Обилие научных исследований конца XIX — начала XX в., касающихся сексуальной жизни человека, позволяют нам разделить их по принципу характера изучения на три основных аспекта: анатомико-биологический (физиологический), психологический (психоаналитический) и философский. Примечательно то, что, умышленно не наделяя героев определенными физиологическими характеристиками, писатель делает сексуальность одной из отличительных черт, определяющих их характер, поведение и судьбу, что наводит на мысли о частичном литературном воплощении психоаналитических идей З. Фрейда. Физиологические особенности автор упоминает непосредственно в контексте эротической сцены, однако чаще всего они не выполняют сугубо описательную функцию, но служат психологическим фактором, определяющим и дополняющим поведение и ход мыслей героя. Таким образом, само сексуальное взаимодействие автор не рассматривает с точки зрения анатомико-биологического аспекта, обращая физиологию «на служение» психологическому (психоаналитическому) и философскому подходу изучения эротической составляющей жизни человека. Именно в этом для Кундеры проявляется творческий потенциал сексуальности — в полном раскрытии героя, в его духовном обнажении. Интересно подчеркнутое автором различие между физическим актом, даже не лишенным взаимного платонического влечения, и любовью. Подобное разделение плотского и духовного перекликается с идеями таких философов, как А. Шопенгауэр, В. Соловьев, Н. Бердяев, Э. Фромм.

Примечателен также уникальный авторский нарратив, используемый Кундерой при описании эротических сцен. Кундера часто позиционирует рассуждения не как отвлеченный авторский монолог или сухое описание происходящих событий, но как откровение главного героя. В подавляющем большинстве романов Кундеры повествование ведется от третьего лица, однако его специфика позволяет читателю смотреть на происходящее своими глазами и глазами героя одновременно.

Таким образом, М. Кундера раскрывает психологию героев, пропуская ее через призму эротических желаний персонажей и их удовлетворения, литературно воплощая фундаментальные философские и

психоаналитические воззрения на сексуальность человека при помощи особого типа нарратива.

Сказочные мотивы в повести Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и в ее переводах на польский язык

Светлова Анна Сергеевна

Ягеллонский университет (Польша), магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. К. Заяс (Zajas)

Понятие интертекстуальности играет значительную роль при анализе художественного перевода. Оно требует от переводчика не только языковых компетенций, но и знаний различных культурных и литературных кодов, сопровождающих оригинальный текст. Кроме того, наличие в тексте интертекстуальных элементов наталкивает на размышление о степени их узнаваемости представителями принимающей культуры, что позволяет рассматривать процесс художественного перевода как «испытание чужого» (термин А. Бермана).

При таком подходе повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу» вызывает особый исследовательский интерес. Данное произведение, относящееся к жанру научной фантастики, наполнено различными литературными и культурными аллюзиями, которые имеют большое значение для русских читателей при восприятии ими оригинального текста. Это непосредственно цитаты из известных читателю произведений, многочисленные отсылки к общественно-культурным реалиям СССР, а также «игра» с различными литературными жанрами, в первую очередь с романтической интерпретацией сказочных и фольклорных элементов. На польский язык повесть была переведена дважды, при этом стоит отметить, что разница между переводами составляет почти 50 лет — за этот период значительно изменилась культурно-политическая ситуация в мире, в том числе в отношении межкультурной коммуникации между Россией и Польшей, а кроме того, поменялась специфика издательского рынка фантастической литературы. Вышеперечисленные факторы могли оказать непосредственное влияние на принятие переводчиками той или иной стратегии при работе с текстом.

В докладе мы обращаем особое внимание на элементы, заимствованные Стругацкими из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», поскольку их узнавание может значительно повлиять на интерпретацию произведения, а читательский опыт представителей польской культуры в данном случае кардинально отличается от опыта носителей куль-

туры оригинала. Анализируя избранные фрагменты повести, мы прослеживаем процесс исчезновения интертекстуальных элементов и появление новых — эквивалентных и стараемся ответить на вопрос, почему при передаче сказочных и фольклорных аллюзий польские переводчики стараются придерживаться стратегии «остранения». В заключение мы поднимаем вопрос об универсальности замеченной тенденции: действительно ли русская культура настолько малоизвестна современному польскому читателю, что, несмотря на схожесть языков и богатый опыт межкультурных контактов, воспринимается им как «экзотическая» и «чужая»?

К вопросу о терминологическом определении существительных в функции «присчётных слов».

Данилова Анастасия Владимировна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. Ю. Иванова*

Доклад посвящен выявлению терминологического аппарата, необходимого для описания лексем типа *метр, пучок, вагон* в таких сочетаниях, как *пять метров клеенки, два пучка петрушки, три вагона книг*. Данные слова, выступая в специфическом нереферентном значении, не могут использоваться без собственно исчисляемого. В связи с этим возникает вопрос о возможности трактовать подобные существительные как обычные исчисляемые. В ходе исследования были проанализированы концепции российских и ряда зарубежных авторов. Выяснилось, что определить с термином для обозначения исследуемых слов не так просто. В работе показаны преимущества и недостатки возможных определений для этих единиц. Так, данные существительные в ряде лингвистических работ предлагается называть нумеративами. Однако этот термин указывает на количественное значение, и поэтому его чаще используют для обозначения счетных слов, а не интересующих нас единиц. Термин «счетное слово», применяемый к данной лексике по аналогии с особой частью речи, имеющейся в языках Юго-Восточной Азии и некоторых других, не является однозначным в русской лингвистике. Так, согласно «Русской грамматике» (1980), к счетным словам относятся слова, называющие количество предметов, признак по месту в считаемом ряду, количественные характеристики. Исследуемые же нами существительные не имеют количественного значения. Распространенный для обозначения данных слов как частей речи в ряде языков термин «классификатор» является для русской линг-

вистики слишком многозначным. Понятие «количественный квантификатор» включает в себя только те имена, которые, грамматикализуясь, приобретают смысл неопределенно большого или неопределенно малого количества с дополнительным компонентом субъективной оценки. Следовательно, оно не охватывает весь класс исследуемых нами слов. Итогом работы стало решение использовать для обсуждения данных существительных термин «присчетные слова» (вслед за Н. Р. Добрушиной), так как все остальные понятия в той или иной степени применяются по отношению к другим языковым явлениям.

Wielki współczesny pisarz rosyjski: Юрий Трифонов и Польша

Шершнев Сергей Сергеевич

*Российский государственный гуманитарный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Д. М. Магомедова*

Юрий Трифонов был одним из самых популярных прозаиков СССР оттепельной и постоттепельной эпохи. Знали его и за рубежом. Творчество Трифонова очень высоко ценили в Польше 1970-х и первой половины 1980-х гг. Так, критик Томаш Лубеньски называл его «великим русским писателем современности». Рецензии на произведения советского прозаика публиковали такие выдающиеся польские критики, как Анджей Дравич, Флориан Неуважный, Рене Сливовский и другие. В 1980 г. славист Земовит Федечки перевел самую известную повесть Трифонова «Дом на набережной». Перевод стал лучшим за год по версии польского журнала «Зарубежная литература» («Literatura na świecie»). Этот факт свидетельствует не только о высоком мастерстве Федечки, но и о важной роли советского писателя в литературном процессе Польши того времени. Тот же тезис подтверждают высокие тиражи книг Трифонова. Рекордным стало второе издание повести «Обмен» 1979 г., вышедшее в 130 тысячах экземпляров.

Во времена Трифонова Польша была социалистической страной. В связи с этим особенный интерес представляет не только описание рецепции творчества писателя в Польше, но и ее компаративный анализ. Сравнение восприятия трифоновских текстов в СССР и Польше может дать ответ на вопрос не только о польском взгляде на литературу во второй половине XX в., но и об особенностях исторического процесса эпохи.

Рецепция поэзии Николы Вапцарова в России

Устинова Ирина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. З. К. Шанова

Никола Вапцаров (1909–1942) — один из самых ярких, незаурядных болгарских поэтов XX в. Он оставил сравнительно небольшое творческое наследие, при жизни Вапцарова был опубликован только один сборник стихов, но его произведения переведены более чем на 50 языков. Его творчество высоко ценили литературные критики многих европейских и других стран, в том числе таких далеких, как Мексика, Бразилия, Индия. Несмотря на то что в историю болгарской литературы Вапцаров вошел прежде всего как поэт-революционер, его жизненной позицией и творчеством восхищались и продолжают восхищаться и люди, далекие от политики. В его стихах каждый находит что-то свое, то, что близко ему — поиск справедливости и равенства, любовь к Родине и народу, нежность к любимой. Доклад посвящен рецепции творчества Вапцарова в Советском Союзе и в современной России, истории переводов его стихотворений на русский язык. Дан анализ трех переводов на русский язык одного из самых известных лирических стихотворений Вапцарова «Прощално» («Прощальное»). Произведения Вапцарова не теряют своей актуальности. Его стихотворения и в наши дни издаются в переводах на русский язык в России. В интернете можно найти более двадцати любительских и полупрофессиональных переводов на русский язык, осуществленных любителями поэзии — нашими современниками.

Общее и различное в названиях восточнославянских месяцев, связанных с миром природы

Квашнина Дарья Сергеевна

Ивановский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. В. Суворова

Жизнь древних славян была тесно связана с природными циклами: по ним определялось время посева зерновых культур, сбора урожая, подготовки земли к сельскохозяйственной деятельности. В связи с этим становится понятно, почему славянский календарь отражает не только установки на сезонные виды деятельности, но и природные условия, определяющие их.

Названия месяцев, связанные с миром природы, имеют разную мотивацию. Среди них большую часть составляют названия, связанные

с растительным миром. В данной группе обнаруживаются соответствия между украинским и белорусским языками. Так, в обоих языках одиннадцатый месяц года носит название *листопад*, указывающее на время опадания листьев. Эта лексема унаследована от древнерусского языка, где она обозначала десятый месяц года — октябрь. Кроме сходств, в восточнославянских названиях месяцев есть и различия. Так, внутренняя форма украинской лексемы *березень* связана с появлением почек на березе, тогда как белорусской *сакавік* — с процессом начала движения сока в этом дереве. Пример показывает, что в этих языках осуществляется разный подход к обозначению одного явления. Интересно, что в русском языке нет ни одного названия, связанного с растительным миром.

Названия месяцев, связанные с погодными условиями, указывают на климатические особенности различных сезонов, прежде всего зимы. Так, в украинском и в белорусском языках название второго месяца календарного года отражает особенности февральской погоды — жестокие морозы и лютые метели: *лючень* (укр.) и *люты* (белорус.). Однако наряду с общими названиями в этих языках есть и специфические. Так, в основе номинации белорусского названия первого месяца года лежит указание на студеную пору — *студзень*, а украинского *січень* — на время вырубki деревьев. В эту группу входит только одна русская лексема *апрель*, заимствованная из латинского языка и обозначающая теплое, солнечное время.

Украинские и белорусские лексемы со значением «шестой месяц года» *червень* (укр.) и *чэрвен* (белор.) — единственные в группе названий месяцев, связанных с животным миром. Они связаны со словами «червец» или «червень» и обозначают время появления красивого червя, из которого добывали пурпурную краску. Данные лексемы восходят к древнерусской традиции. Однако остальные древнерусские названия месяцев, связанные с животным миром (*изок* «июнь», *ревун* «сентябрь»), не сохранились.

Сопоставительный анализ названий славянских месяцев, связанных с миром природы, показал, что между восточнославянскими языками есть как сходства, так и различия. Белорусский и украинский языки во многом сохраняют традиции древних славян в отличие от русского языка, который перенимает латинские названия. Однако украинские и белорусские названия месяцев имеют и свою специфику, обусловленную самостоятельным развитием каждого из языков.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Воссоздание исторического колорита оригинала в переводе (на материале переводов романа Г. Сенкевича «Пан Володыёвский» на болгарский и английский языки)

Конушкина Дарья Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. З. К. Шанова

Исторический колорит — использование в художественном произведении определенных лексических единиц, художественных образов, деталей, воспроизводящих историческое прошлое. Предметом доклада является не только описание лексических единиц, отображающих исторический колорит, и анализ их соответствий в переводе на английский и болгарский языки, но и сравнение переводческих приемов. Роман Генрика Сенкевича «Pan Wołodyjowski» («Пан Володыёвский») был создан в трудное для поляков время социального и национального гнета с целью поддержать нацию и показать на примерах героев, живших в XVII в., в период борьбы с турками, что даже в самые тяжелые времена польский народ преодолевал трудности.

В ходе работы из романа Сенкевича «Pan Wołodyjowski» были выписаны лексические единицы, отражающие национально-исторический колорит, их значения были выверены по польским словарям (Słownik W. Doroszewskiego, PWN, Wielki Słownik Języka Polskiego, Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku) и распределены по группам: органы власти, люди по национальности, по роду занятий, по социальному положению, военная лексика, названия предметов быта, одежды, обращения и т. д. Были выявлены соответствия этим польским лексическим единицам в переводах на английский язык Дж. Кёртина «Pan Michael: An Historical Novel of Poland, the Ukraine, and Turkey» (1894) и С. Д. Биньона «Pan Michael (Pan Volodiyovski) a historical tale» (1896) и в переводе Д. Икономова на болгарский язык «Пан Володиовски» (1969), их значения были выверены соответственно в английских словарях (Oxford Dictionaries, Longman, Cambridge, Collins) и в болгарских словарях (Речник на българския език, Речник за редки, остарели и диалектни думи), были описаны способы перевода польской лексики, отражающей исторический колорит, на английский и болгарский языки.

Перевод сказок братьев Гримм на польский язык

Белых Яна Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. В. Гусева

«Детские и семейные сказки» (Kinder- und Hausmärchen, КНМ, 1812) братьев Гримм переведены на многие языки мира и до сих пор остаются ценным источником знаний о своеобразии культуры и быта немецкого народа. Среди основных задач исследования — анализ и сравнение переводов сказок братьев Гримм на польский язык, сопоставление их с немецкими оригиналами и изучение методологии перевода имен собственных, «говорящих имен» и топонимов. Наиболее раннее доступное издание сказок братьев Гримм на польском (Bracia Grimm, Bajki domowe i dziecinne, Cz. 1–2, Warszawa, 1896) послужило главным материалом для исследования. В ходе работы было установлено, что польские переводчики не всегда ставили перед собой задачу полностью сохранить иноязычный образ. В переводе сказок преобладает частичное изменение этого образа на более доступный и близкий польскому читателю. Были выявлены и случаи полной замены образности, что указывает на определенную динамичность в методологии перевода сказок на иностранные языки.

Специфика перевода «Слова о полку Игореве» на немецкий язык (на примере перевода Р. М. Рильке).

Курбатова Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. В. Тоичкина

В докладе исследуется специфика переводов на немецкий язык памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». «Слово» — памятник огромного значения, своеобразие и уникальность которого во все времена привлекали переводчиков, и не только славянских. Существует несколько сотен переводов «Слова о полку Игореве» на различные языки мира. Интерес к произведению в Германии возник почти в то же время, что и в России. О большом интересе в Германии к этому памятнику говорят многочисленные научные и научно-популярные работы немецких филологов, посвященные «Слову», а о высокой оценке немецких читателей и о популярности этого шедевра древнерусской литературы — семнадцать переводов «Слова» на немецкий язык. Исследователи единодушны во мнении, что из всех переводов «Слова» на немецкий язык перевод Рильке является наиболее

ценным по своим художественным достоинствам. В докладе рассматривается ряд проблем и художественные особенности перевода «Слова» Рильке. Так, при оценке этого перевода с точки зрения точности, Брутцер и А. фон Гроника указывают на целый ряд контекстов, в которых наблюдается расхождение перевода и оригинала. Однако в большинстве случаев эти разночтения объясняются тем, что Рильке подошел к переводу поэмы не как ученый, а как художник, главная задача которого — сохранение поэтической выразительности.

Роль элементов русской культуры в романе Либуше Мониковой «Die Fassade» («Фасад»)

Болдырева Анна Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Ю. Котова

Объектом исследования является роман Либуше Мониковой (1945-1998, Moníková) «Die Fassade» («Фасад»), выпущенный в Германии в 1987 г. История чешских друзей-реставраторов, работающих над восстановлением фасада старинного замка в Чехии, представляет собой «реставрацию» истории: всемирной, немецкой, чешской, русской. Поэтому обилие в романе реалий, цитат, упоминаний других культур, среди которых особую роль играет русская, является вполне закономерным.

Помимо упоминания русских реалий, автор приводит в тексте множество цитат из русской классической литературы, военных песен; называет различные предметы русского искусства. Особый интерес представляет маркирование этих элементов в романе.

Формально обозначение элементов русской культуры в романе можно разделить на четыре типа:

1) оформленные по правилам немецкого языка, уже вошедшие в язык и употребляемые с артиклем по правилам немецкой грамматики (например, *mit der Nagaika*) или переведенные на немецкий язык (например, *Die toten Seelen*);

2) транскрибированные по правилам немецкого языка и взятые в кавычки (например, строка из песни: *Schiroka strana moja rodnaja*);

3) транскрибированные по правилам чешского языка и взятые в кавычки (например, *Putj dorožka, frontowaja*);

4) русские вкрапления (например, *Чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст*).

Эти формальные особенности, использованные автором, служат для достижения различных целей. Вкрапление элементов русской культуры не только усиливает национальный колорит, сколько раскрывает характеры и способствует самоидентификации героев, выбирающих удобный для себя язык, вариант произношения или написания. К тому же данный прием указывает на близость того или иного элемента русской культуры к культуре Германии и Чехии или, наоборот, его отдаленность от них. Таким образом, реалии, цитаты, наименования предметов искусства, связанные с русской культурой, важны в романе не только сами по себе; на их функцию в тексте романа влияет их формальное обозначение, что значимо для понимания сюжета.

Игра в сновидения: раскрытие приемов чешского сюрреализма в фильме Я. Шванкмайера «Něco z Alenky»

Лакомова Дарья Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Ю. Котова*

Первый полнометражный фильм Я. Шванкмайера (род. 1934, Švankmajer) «Кое-что из Алисы» («Něco z Alenky»), выпущенный в 1987 г., представляет собой сюрреалистическое прочтение ряда образов сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» («Alice's Adventures in Wonderland»). Посредством анализа созданного визуального пространства возможно установить соответствие между отдельными компонентами фильма и ключевыми понятиями и методами пражской группы сюрреалистов «Surrealistická skupina» и обосновать место картины в национальной культуре.

С середины 1960-х гг. среди чешских сюрреалистов распространяется обращение к темам сна и галлюцинаций. С этой точки зрения выбор произведения Кэрролла в качестве основы визуальной фантазии видится неслучайным. Однако, в отличие от оригинального текста, пространство в картине Шванкмайера нельзя однозначно разделить на реальность и сновидение, так как на образном уровне происходит их взаимопроникновение. В начале фильма рот девочки, выступающий в роли рассказчика, произносит: *Вы должны закрыть глаза, иначе вы ничего не увидите*. Это намекает зрителю на то, что весь фильм — переказ сна с участием девочки Аленки, что напоминает одну из основных техник сюрреалистов — запись сновидений (Йиндржих Штирский, Милан Направник и др.).

По мнению теоретика сюрреализма В. Эффенбергера, игра наряду со сном явилась наиболее значимым для чешской традиции понятием. Игра как метод заключает в себе деконструкцию реальных связей. Постоянный мотив смены роли вещей, трансформация «Я» главной героини, создание качественно иного мира в процессе игры воображения, повторы — все эти элементы вписываются в рамки игрового метода. Немаловажно и то, что функциональному изменению подвергаются только окружающие героиню предметы повседневности (например, в роли белого кролика предстает чучело зайца, шляпник и мартовский заяц — игрушки Аленки, гусеница на грибе — носок на грибке для штопки), что подчеркивается режиссером в первых сценах фильма при помощи крупных планов. Бытовой аспект отсылает к практике коллективных игр членов группы «Surrealistická skupina», в процессе которых поэты и художники стремились через смену точки зрения вербально или визуально зафиксировать эфемерные фантазии, возникающие при взгляде на обыденные явления.

Таким образом, в фильме «Něco z Alenky» видится последовательное воплощение Шванкмайером компонентов эстетики и основных методов чешского сюрреализма и также, вероятно, результат своего рода интерпретационной игры, задачей которой была деконструкция сложившегося в культурной традиции образа Страны чудес.

«Президент» и «демократия» в русском, сербском и американском общественно-политическом дискурсе

Прийма Александра Ивановна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. В. Троценкова*

С помощью психолингвистических экспериментов выявлены стереотипные ролевые ожидания относительно социальной роли ПРЕЗИДЕНТ, а также получены данные об объеме и содержании ценностного концепта ДЕМОКРАТИЯ у представителей русского, сербского и американского социумов.

Подобное межсоциумное сопоставление позволило более полно раскрыть лингвокультурные особенности ментальных репрезентаций рассматриваемых ценностей у представителей каждого социума.

Результаты двух экспериментов соотносимы друг с другом. Так, внутри каждой языковой группы респонденты продемонстрировали высокую степень согласия во мнениях относительно ДЕМОКРАТИИ и ПРЕЗИДЕНТА, в то время как при межкультурном анализе были выяв-

лены существенные различия, определенные, прежде всего, экстралингвистическими факторами.

На втором этапе исследования проведен дискурсивный анализ ряда соответствующих по тематике форумов и комментариев к интернет-статьям.

Как показали результаты анализа, большая часть комментариев содержит апелляцию к тем стереотипным представлениям о ДЕМОКРАТИИ и ПРЕЗИДЕНТЕ, которые были выявлены в ходе эксперимента. Наиболее часто стереотипные представления используются участниками дискуссий в коммуникативных стратегиях аргументации и убеждения.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Моделирование лексико-семантического пространства понятия «высшее образование» во французском языке

Чепорухина Мария Георгиевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. П. Иванова

В задачи исследования входит описание этапов моделирования лексико-семантического пространства понятия «высшее образование» во французском языке и выявление трудностей, возникающих при понимании связанных с ним терминов. Материалом исследования послужили корпуса текстов на французском и русском языках. Русский корпус использован в качестве вспомогательного для установления соответствия между французскими и русскими терминами, вызывающими затруднения при переводе и толковании в силу своей многозначности. Тексты были обработаны в программе текстового анализа T-Lab, для обоих корпусов был составлен частотный словарь. Из полученных частотных словарей мы выбрали такие единицы, как *formation*, *enseignement*, *éducation*, *diplôme*, *domaine*, *mention*, *spécialité*, *filière*, *подготовка*, *обучение*, *образование*, *программа*, *направление*, *специальность* и т. д., которые употребляются в разном лексическом окружении и в каждом случае имеют разный смысл, называют разные реалии. В докладе представлены примеры использования многозначного термина *formation* как самого частотного в корпусе французских текстов. С помощью программы T-Lab получено ассоциативное поле термина, извлечены типичные элементарные контексты и выбраны самые частотные словосочетания, для которых приведен перевод на русский язык и/или параллельный пример использования соответствующего термина на русском языке. В частности, установлено, что термин *formation* может иметь значения 'образование как процесс' (*formation professionnelle continue*), 'образование как совокупность знаний' (*des*

musiciens déjà dotés d'une solide formation artistique), 'подготовка', 'обучение', 'образовательная программа' (*offre de formation*), а следующие словосочетания интерпретируются как 'повышение квалификации' или 'профессиональная переподготовка' (*formation continue*), 'отделение' (*unité de formation*).

Имена собственные в интернет-среде (на материале итальянского и русского языков)

Давыдова Нина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. С. А. Кокошкина

Виртуальная ономастика — относительно новое и активно развивающееся научное направление, предметом изучения которого являются онимы интернет-среды. Важнейшая задача, стоящая перед виртуальной ономастикой, заключается в исследовании совокупности имен собственных, имеющих отношение к кибер-среде, с последующим выделением непосредственно разрядов виртуальных онимов.

В докладе представлена одна из возможных классификаций ономастических единиц интернет-среды, основанная в первую очередь на уникальных характеристиках каждой из них. Кроме того, рассматривается ряд спорных вопросов, касающихся определения ономастического статуса таких единиц, как никнейм, логин, доменное имя, имя сайта, адрес (имя) электронной почты, сетевое имя, ip-адрес, а также любых других имен собственных, встречающихся в виртуальном пространстве.

Особенность исследования заключается в том, что оно занимает пограничное положение между двумя науками — лингвистикой и информатикой. Привлечение данных последней необходимо, чтобы понять суть называемого явления (виртуального онима) и наиболее точно обозначить его.

Исследование выполнено на материале итальянского и русского языков.

Полисемия глаголов чувственного восприятия в румынском языке

Журавлева Елизавета Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Д. Н. Семенова

Исследование посвящено изучению семантики глаголов чувственного восприятия в румынском языке. Одним из рассмотренных

нами аспектов была полисемия глаголов этой лексико-семантической группы. Полисемия является языковой универсалией, поэтому был проведен сопоставительный анализ семантики данных глаголов в языках разных групп (романской, германской и славянской). Материал исследования — литературные произведения на румынском языке Й. Бэешу (1933-1992, Băieșu), О. Палера (1926-2007, Paler), переводы повести А. П. Чехова «Степь» на румынский и немецкий языки, корпус румынской прессы, а также двуязычные румынско-русские и немецко-русские толковые словари. Были рассмотрены контексты употребления глаголов чувственного восприятия, отражающих разные способы восприятия: зрительный (*a se uita* 'посмотреть', *a vedea* 'видеть', *a se vedea* 'виднеться, видеться', *a privi* 'взглянуть', *a zări* 'увидеть'), слуховой (*a auzi* 'слышать', *a asculta* 'слушать'), осязательный (*a atinge* 'трогать', *a pipăi* 'щупать', *a bâjbâi* 'пробираться на ощупь'), обонятельный (*a mirosi* 'чуть').

Проведенный анализ позволил выявить ряд дополнительных значений глаголов чувственного восприятия, сходства и различия их употребления в румынском, немецком и русском языках.

Метафора в современной шведской прозе

Федорова Серафима Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. В. Савицкая*

При изучении метафоры исследователи часто обращаются именно к художественным текстам, поскольку в художественной литературе наиболее полно реализуются лингвистические, риторические, когнитивные и другие функции метафоры.

Материалом исследования послужил вышедший в 2011 г. роман «Вороны» («Korparna») Т. Баннерхеда (род. 1966, Bannerhed), получивший высокие оценки критиков и удостоившийся престижной премии им. А. Стриндберга. Язык романа отличается тонкой лиричностью и яркой иносказательностью, придающей роману особую патетику, которая в то же время восходит к богатой традиции скандинавской литературы. Целью исследования было выяснить, какие функции выполняет метафора в системе языка и какими способами те или иные функции метафоры реализуются в конкретном тексте. В результате стало очевидно, что художественная проза может изобиловать как языковыми (лексикализованными), так и художественными (авторскими) метафорами. В первом случае имеется в виду метафора, функцией которой является номинация предметов и явлений на основе их сходства с уже извест-

ными вещами и понятиями. Такие метафоры чаще всего встречаются в сферах, которым присуще постоянное развитие — наука, медицина, технологии и т. д. В отличие от языковой художественная метафора обладает ярко выраженной экспрессивной функцией, ее роль в основном эстетическая. Часто художественные метафоры лексикализуются и из окказионализмов превращаются в устойчивые элементы языка. Примеры метафорических выражений в романе Баннерхеда показывают, что тематика и пафос произведения тесно связаны с тем, между какими сферами производится метафорический перенос. В романе наиболее яркие художественные метафоры служат для описания природы и человеческих ощущений. Активно используется такой прием, как олицетворение, и зачастую автор обращается к наименованиям не только частей тела, действий и чувств человека, но и предметов человеческого быта. Также автором заимствуются наименования из метафизических сфер: повествование изобилует метафорическими переносами из области религии, мифологии и потустороннего мира. Возвышенный мистический тон в романе поддерживается генитивными метафорами (включающими существительные в родительном падеже), поскольку подобные выражения характерны для религиозных текстов. Для описания телесно-психических переживаний героя автором в основном используются универсальные сравнения человеческих ощущений с температурными и физическими явлениями.

Языковые метафоры в шведском языке во многом универсальны, однако существуют и специфические ее особенности, что необходимо учитывать при переводе шведских текстов на русский язык. В целом же метафора в шведской прозе выполняет экспрессивную функцию, которая выражается как семантическим, так и грамматическим способами.

Пейоративные косвенные номинации лица в современной прессе Германии

Зарайский Алексей Сергеевич

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. Д. Миловская*

Косвенные номинации лица (КНЛ) в разное время привлекали внимание многих лингвистов (В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, В. И. Телия, А. А. Уфимцева, Ф. И. Карташкова, Н. Д. Миловская). Под КНЛ понимается новая номинация для некоторого лица (номината), созданная на базе готового материала в результате приспособления уже существующих языковых единиц к выражению номинативной функции, несвой-

ственной им изначально. В результате этого одно и то же лицо (номинант) может быть названо по-разному.

КНЛ, зафиксированные в текстах прессы, отражают стремление номинанта не только назвать номинат новым именем, но и передать свое отношение к нему: КНЛ оказываются способны передавать как мелиоративную, так и пейоративную оценку номината. Особую роль среди КНЛ играют косвенные номинации, содержащие пейоративную оценку номината. В период с 2015 г. по 2016 г. пейоративные КНЛ все чаще встречаются в текстах современной прессы Германии (174 из 350 рассмотренных примеров). При этом в период с 2013 г. по 2014 г. наблюдалось существенное превалирование мелиоративных КНЛ (75% случаев против 25%). Группа КНЛ, содержащих пейоративную оценку, составляет чуть менее половины от числа обработанных примеров. Наиболее употребительными КНЛ в данной группе являются *Marionette, Monster, Teufel, Parasit, Schwein*.

В общей массе пейоративных КНЛ в ходе анализа материала удалось выделить пять групп: КНЛ, содержащие имена объектов неживой природы (85 примеров); КНЛ, содержащие имена объектов живой природы (69); КНЛ, содержащие абстрактные имена (14); КНЛ, содержащие имена собирательные (4); КНЛ, содержащие имена собственные в функции нарицательных (2). Данная классификация наиболее полно отражает КНЛ, зафиксированные в прессе современной Германии.

Рассматриваемые пейоративные КНЛ в половине случаев выступают в текстах политического характера, при этом номинатами выступают известные политические деятели. Возрастание частотности использования пейоративных КНЛ в современной прессе Германии можно объяснить смещением вектора развития отдельных общественно-политических процессов в негативном направлении.

Косвенные номинации лица пейоративной оценки (на материале произведений Э. М. Ремарка)

Никитенко Юлия Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. Д. Миловская*

Под косвенными номинациями лица (КНЛ) подразумеваются номинации, создаваемые на базе готового, уже существующего в языке и используемого для называния других объектов языкового материала. В основе данного процесса лежит приспособление языковых единиц, не

предназначенных изначально для номинации, к нехарактерной для них номинативной функции.

Анализируя косвенные номинации лица в романах Э. М. Ремарка, мы принимали во внимание тот факт, что одной из их важнейших особенностей является оценочный характер. Косвенные номинации способны оказывать перлокутивный эффект как со знаком (+), так и со знаком (-), то есть отражать положительные или отрицательные черты номината. Анализ материала показал, что в произведениях Ремарка пейоративные КНЛ превалируют над мелиоративными. Пейоративные косвенные номинации представлены различными группами номинаций:

а) номинации с использованием имен живой природы: *der Hund, der Ochse, das Krokodil, die Tomate* и т. д.;

б) номинации с использованием имен неживой природы: *lebendige Briefmarkensammlung, Rabattmaschine, schießender Automat, Kompressor* и т. д.;

в) номинации с использованием имен собственных в качестве нарицательных: *der Topfkuchen-Casanova, Nachkommen des streitbaren Judas Makkabäus, Don Quichote* и т. д.

В ходе исследования было установлено, что группа пейоративных КНЛ с использованием имен живой природы является самой многочисленной. Косвенные номинации лица, выражающие отрицательную оценку номинанта, отражают негативные качества героев, такие как: алкоголизм, болтливость, бесчувственность, безнравственность, неопрятность, глупость, ограниченность.

Реалии как отражение лингвокультурных особенностей в текстах анекдотов Померании

Галяминских Алина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Ковтунова

Идея антропоцентричности языка является одной из ключевых в современной лингвистике. Сегодня в лингвистическом дискурсе всё более актуальным является изучение проблем взаимосвязи языка, культуры и человека, которые рассматриваются в рамках лингвокультурологии. В центре изучения находится человек и его отношение к языку, а язык, в свою очередь, интерпретируется как главная форма выражения и существования национальной культуры.

В ходе исследования были изучены особенности региональных анекдотов с точки зрения лингвокультурологии. Материалом для исследования послужили 245 анекдотов из сборника «Witze aus Pommern» (сост. Карл Будих), среди которых 123 анекдота на нижненемецком диалекте и 122 анекдота на литературном немецком языке. При изучении региональных анекдотов рассматриваются различные виды реалий. Сюда относятся названия предметов материальной культуры, присущие определенным народам и нациям, факты истории, названия государственных институтов, имена национальных героев, предметов быта, названия блюд национальной кухни, географические названия. В каждом анекдоте исследуемого сборника присутствует название местности. Стоит отметить, что многие географические названия имеют славянские корни, потому что ранее эти территории населяли славянские племена. Кроме того, в ходе исследования были отмечены кулинарные (*Königsberger Klotz*), бытовые («*Hotel zum Löwen*», «*Gust's Hotel*»), военные (чины в прусской армии) и другие реалии. Имена собственные также играют значимую роль в изучении лингвокультурных особенностей. Часто героями региональных анекдотов Померании становятся слуги с именами *Frida* и *Krischan*. В ходе исследования было выявлено, что это типичные имена для нижненемецкого ареала, имеющие определенное значение.

Проведенное исследование показало, что для понимания комических текстов другой лингвокультуры нужны политические, исторические, социальные фоновые знания, отраженные в разных типах реалий.

Метафоры-существительные в немецком молодежном сленге

Кудряшова Марина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук., доц. Т. В. Пономарева

Доклад основан на исследовании, посвященном созданию метафор в современной немецкой разговорной речи. Внимание автора сфокусировано на словообразовательных метафорах, т. е. таких словах, которые образованы с помощью словосложения, деривации, конверсии или сращения и обладают только образным значением.

Актуальность рассмотрения метафоры обусловлена двумя факторами: во-первых, этот феномен языка и мышления находит всё новые сферы применения, т. е. функционирует в разных терминологических системах; во-вторых, состав метафорической лексики языка постоянно изменяется и пополняется.

Метафора выполняет целый ряд важных в речевой коммуникации функций и потому часто используется в разговорной речи. Особый интерес вызывает роль метафоры в молодежном сленге. В качестве источников материала исследования использовались электронные и печатные словари разговорной лексики современного немецкого языка, а также списки слов года (Wort des Jahres), «антислов» года (Unwort des Jahres) и молодежных слов года (Jugendwort des Jahres) в Германии. В общей сложности было проанализировано 170 лексических единиц.

Метафора разговорной речи имеет антропоцентрический характер, что подразумевает не только ее связь со знанием и стереотипами человека об окружающем мире, но и тот факт, что в качестве основного объекта метафорической номинации выступает сам человек, предметы и явления, имеющие особую важность для него. В соответствии с этим были выделены две группы метафор-существительных (122 из 170 отобранных лексем): «Человек» (71 пример) и «Предметы и явления, окружающие человека» (51 пример). В рамках каждой группы можно выделить тематические подгруппы, например, для группы «Человек» это «Внешность» (19 примеров; *das Feinkostgewölbe* 'большой живот', букв. 'подвал, набитый деликатесами'), «Поведение и характер» (30 примеров; *der Beckenrandschwimmer* 'трус', букв. 'тот, кто плавает у бортика бассейна'), «Способности» (7 примеров; *die Evolutionsbremse* 'недалекий человек', букв. 'тормоз эволюции'), «Профессиональная деятельность» (10 примеров; *der Drehstuhlpilot* 'клерк', букв. 'тот, кто управляет вращающимся креслом').

Приведенные примеры свидетельствуют об умении молодежи дать лицу, предмету или явлению краткую, но точную метафорическую характеристику (обычно неодобрительную), зачастую юмористическую.

Лексико-стилистические средства выражения оценки в шванках Эдмунда Гюнтера

Шнайдемиллер Кристина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Л. Н. Пузейкина

Оценка является универсальной категорией для большинства языков, но способы ее выражения чрезвычайно разнообразны. Шванк как жанр немецкого фольклора пользуется широким спектром средств выражения оценки и потому является ярким отражением быта жителей местности, в которой он создавался.

Целью работы является выявление и анализ средств выражения оценочных значений в произведениях известного шванкиста Э. Гюнтера (1922–1982). Рассмотренные средства выражения анализируются с точки зрения их семантики, структуры и частотности употребления.

Актуальность проведенного исследования заключается в отсутствии достаточного числа работ, рассматривающих шванк с лингвистической точки зрения. Новизна работы обусловлена материалом исследования, в качестве которого послужили шванки российско-немецкого автора середины XX в. Эдмунда Гюнтера. Писатель был носителем гессенского диалекта, широко распространенного среди немецкого населения Поволжья. Поскольку для жанра шванка в целом характерно использование местного диалекта, в произведениях Гюнтера встречается много диалектно окрашенной лексики, которая служит в том числе для выражения оценочных значений.

В работе применялся метод компонентного анализа лексического значения слова и метод лексико-стилистического анализа текста. Лексемы и словосочетания, обладающие оценочным значением, были разделены по морфологическим и стилистическим признакам, что дало основание для подтверждения выдвинутой гипотезы о том, что шванк российских немцев отличается обилием оценочной лексики и является богатым источником окказионализмов. Большинство слов с оценочным значением относится к прилагательным (*weltkluuchr* ‘самый умный на свете’, *wunnrscheenes* ‘чудесная’), реже это существительные (*Hex* ‘ведьма’, *Geizhals* ‘жадина’), почти не встречаются глаголы (*trillilieren* ‘напевать, как птица’). С точки зрения стилистики наиболее частотным является сравнение (*wie frischgefangne Fisch uf 'm Glatteis* ‘как свежельовленная рыба на льду’), реже — метафора, эпитет. Важную роль при выражении оценки играют фразеологизмы (*losst die Köpp net hänge* ‘не вешай нос’).

Проведенное исследование может оказаться полезным для дальнейшего изучения и анализа особенностей лексики носителей немецких диалектов, а также для более успешной интерпретации и понимания художественных текстов.

Лингвостилистический анализ рассказа Дж. Джойса «Мертвые»

Стрельцова Анастасия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. В. Панасюк

Целью исследования является анализ лингвостилистических особенностей рассказа Дж. Джойса «Мертвые». Текст произведения можно

разделить на три части: прибытие гостей в дом сестер Моркан, праздничный ужин и отъезд. Трехчастная композиция во многом определяет логику повествования. Тема жизни и смерти находит выражение в самом названии благодаря ассоциациям, обусловленным выбором лексики (*my wife here takes three mortal hours to dress herself, she must be perished alive, viand* — от лат. *vivere, gravely* — ассоциация с *grave*), и благодаря использованию символов (имя дочери сторожа — Лили). Цветок лилии, с одной стороны, ассоциируется с похоронами, с другой — с благой вестью о непорочном зачатии, которую архангел Гавриил сообщил Деве Марии. В рассказе прослеживаются и другие библейские аллюзии: имена героев Габриэля (*Gabriel*) и Майкла (*Michael*) выбраны автором неслучайно — в агиографических текстах архангелы Гавриил и Михаил часто упоминаются вместе.

Тема любви неразрывно связана с темой жизни и смерти. Стилистически эта связь часто выражается с помощью метафорического противопоставления: Джулия Моркан, пожилая женщина, которая, по мнению ее племянника, скоро умрет, поет «*Arrayed for the Bridal*».

Музыкальная тема звучит на протяжении всего рассказа. В первых двух частях состояние Габриэля часто выражается именно с помощью музыкальной лексики: *He had taken up a wrong tone, He was discomposed by the girl's bitter*. В последнем примере прослеживается игра слов, основанная на многозначности глагола *compose*.

Образ снега является определяющим для текста. Частое употребление глагола *to cover* свидетельствует о его принципиальном значении для автора. Снег может символизировать как смерть, так и воскрешение, предвещая новую жизнь.

Интересно использование военных метафор в описании еды и бала. Возможно, таким образом выражается связь бытового и мифологического уровней рассказа: архангел Михаил — воинствующий ангел. Сервировка стола, разрезание гуся показаны автором как организованный процесс. Создается впечатление ритуала, которое усиливается тем, что бал проводится ежегодно. Праздничный ужин можно трактовать как акт причащения. После ужина к герою медленно приходит осознание того, что всех присутствовавших на ужине, как и всех людей вообще, объединяет смерть.

Проведенный анализ показывает, что сложное, многоплановое смысловое содержание рассказа передается автором с использованием целого комплекса лингвостилистических средств: метафор, аллюзий, лексических повторов и игры слов.

Лингвистические средства экспликации концептов «Art» и «Beauty» в сказке О. Уайлда «День рождения Инфанта»

Найлз Вероника Давидовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. А. Аствацатуров

Автор художественного произведения создает текст в соответствии со своей сложившейся концептуальной картиной мира и ценностными ориентациями. Информация, заложенная в тексте, актуализируется при помощи языковых единиц и связывающих их отношений, которые могут образовать лексико-семантическую сетку. Лексико-тематическая сетка формируется на основе отношений, возникающих между лексическими единицами в процессе развертывания текста. Анализ текста методом тематической сетки, разработанным И. В. Арнольд, позволяет выделить сквозные темы, превалирующие в тексте сказки «День рождения Инфанта», и установить, насколько авторская эстетическая позиция находит отражение в анализируемом тексте. Максимальной частотностью употребления в сказках О. Уайлда обладают слова, содержащие семы «artificial», «beautiful», «ugly», «real», «natural», объединяющиеся в тематические сетки «Art» и «Beauty».

Тематическую сетку «Art» в тексте сказки образуют лексико-семантические варианты (ЛСВ), входящие в тематические группы «Performance» — «Garden» — «Palace» и включенные в оппозицию «artificial — natural».

В тематическую сетку, актуализирующую концепт «Beauty», входят тематические группы, описывающие внешность персонажей и артефакты, находящиеся в дворцовых интерьерах. ЛСВ, входящие в эти тематические группы, контрастируют с ЛСВ, содержащими сему «ugly». Обнаруживаются тесные семантические связи между обеими тематическими сетками.

Исследование внутритекстовых лексико-семантических связей подтверждает, что основными темами сказки Уайлда «День рождения Инфанта» являются взаимоотношение искусства и реальности, прекрасного и безобразного. Исследование позволяет глубже проникнуть в текст и более точно его интерпретировать, помогает читателю увидеть мир произведения глазами писателя и его персонажей.

Анализ и описание языковых репрезентаций концептов «Art» и «Beauty» методом тематической сетки позволяет сделать вывод о большом влиянии индивидуально-авторской картины мира и его философской позиции на выбор языковых средств художественного текста.

Особенности создания и функционирования окказионализмов в романе Дж. Джойса «Улисс»

Маврина Елена Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. К. Р. Новожилова

Целью исследования является определение места окказионализмов в терминологической системе неологии, анализ моделей создания и функционирования окказионализмов в романе Дж. Джойса «Улисс» («Ulysses»). При разъяснении значения языковых примеров используется перевод, выполненный С. Хоружим. В работе использованы описательный и аналитический методы исследования, метод теоретического анализа и систематизации.

В языкознании не существует единства мнений относительно лингвистического статуса окказионализмов, что приводит к терминологическому разнобою. Окказиональность как нарушение семантической валентности (*almosting* ‘постепенькаю’, *underdarkneath* ‘подчернотю’, *yogibogeybox* ‘йогобогомуть’) противопоставлена узуальности. Понимание смысла окказионализмов часто контекстуально обусловлено. Принадлежность окказионализма конкретному автору, экспрессивность и безэквивалентность осложняют процесс декодирования значения окказионализма. Окказионализм всегда является производным словом и представляет результат свободной комбинации морфем. В отличие от неологизмов, новизна которых со временем исчезает, особенностью окказионализмов является их постоянная новизна.

Уникальные окказионализмы Джойса чаще всего создаются с помощью таких способов словообразования, как словосложение, словослияние, суффиксация (*anythingarian* ‘всяковер’, *nutarians* ‘бобрианцы’, *horseness* ‘лошадность’, *whatness* ‘чтойность’), ономотопея в сочетании с приемами аллитерации, ассонанса и редупликации. В результате словосложения и словослияния возникают слова-саквоязы, смысловые блоки (*hoofirons* ‘цокопыт’, *shellcocoacoloured* ‘цвета шелухи от бобов какао’, *glareblareflare* ‘ревоотресковой’, *groangrousegurgling* ‘визготрескоскрипучий’, *stickumbrelladustcoat* ‘плащезонтрость’, *helterskelterpelterwelter* ‘скулежгалдежвсемневтерпеж’, *mooncarole* ‘лунаролы’, *womoonless* ‘бездамный’, *Brutish empire* ‘Бритадская империя’).

Текст романа отличается неординарной музыкальной аранжировкой, сотканной из звуковых комплексов (*lugugugubrious* ‘угугугрюмый’, *doggybowwowsuwowsy* ‘собачка-гавгавгавчик’, *greaseaseabloom* ‘сальнозасаленный’, *jiggedy jiggedy* ‘ногами на месте возит-возит’, *pigeons roocoocoed* ‘гургургулили голуби’).

Окказионализмы демонстрируют возможности словообразовательной системы, являясь средством воплощения нешаблонных образов. В художественном произведении окказионализмы могут быть результатом намеренного отклонения автора от фонетической, лексической и грамматической норм литературного языка. Окказионализмы в романе Джойса производят эпатазирующий, фасцинирующий эффект на читателя и составляют неотъемлемую часть техники «потока сознания», идиостиля и языкового новаторства писателя.

Средства речевой выразительности в современных рекламных текстах (на примере женских англоязычных журналов)

Герасимова Алена Петровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, студент 5 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. А. Хафизова

Стремительное развитие языка рекламы и рост ее влияния на жизнь общества обусловили наш интерес к стилистическим особенностям рекламных текстов. Актуальность исследования определяется развитием рекламной индустрии и возрастающим воздействием языка рекламы, его выразительных средств на представителей отдельных групп населения. Главной задачей, поставленной в исследовании, стал анализ наиболее распространенных экспрессивных языковых средств в рекламном тексте женских журналов *Glamour*, *Cosmopolitan*, *Vogue*, *InStyle*, *Glam*, *Nylon* и др., которые и послужили материалом исследования. Средства речевой выразительности широко применяются в сфере рекламы и делают текст рекламы наглядным, так как оказывают на реципиента образное воздействие. Правильный подбор экспрессивных средств в рекламном тексте обеспечивает его выразительность и популярность.

Одним из наиболее эффективных средств придания образности и выразительности рекламному слогану является метафора: *The butterfly effect*. Частотны приемы употребления метонимии и синекдохи: *Pineapple shampoo* (рекламный каталог Avon); *Apple for a smothed and plumred skin!* Распространенным средством выразительности является сравнение, которое оформляется при помощи слов *like*, *as* и т. д. В англоязычной рекламе нередко можно встретить такой стилистический прием, как олицетворение: *So smart, it knows what your skin needs*. Наибольшая частотность эпитетов наблюдается в рекламе косметических средств для женщин, что, по-видимому, обусловлено психологическими особенностями женского мышления: *Vibrant colors*. Гипербола —

преувеличение каких либо свойств предмета — также встречается в женских журналах: *The gift of kings*. Параллелизм конструкций, усиленный анафорическим или эпифорическим повтором, создает определенный ритм повествования, сближающий его с поэтической речью: *Maybe She's Born With It. Maybe It's Maybelline. Beauty is our being. Beauty is our dialect. Beauty is our being. Beauty is our dialect*. Эффективным средством воздействия на реципиента в рекламном тексте является антитеза: *Adult acne isn't child's play*. Известны также случаи употребления градации: *Love the color. Adore the shine. Crave the feel*. В анализируемых примерах были отмечены явления умолчания, риторические вопросы, риторические восклицания. Зачастую авторы текстов намеренно нарушают границы предложения с помощью приема парцелляции, что подчеркивает смысловые и экспрессивные оттенки высказывания: *I want candy. For eyes*.

Таким образом, изучение приемов создания экспрессивности вносит определенный вклад в раскрытие механизма создания эффективного рекламного текста, а также определяет средства воздействия на конкретные группы людей.

Стилистические функции личных местоимений в английском языке (на материале современных песен)

Сердитова Дана Алексеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. В. Панасюк*

Актуальность работы состоит в том, что на сегодняшний день степень изученности личных местоимений недостаточна. Работы, посвященные данной части речи, в основном описывают функционирование местоимений с грамматической точки зрения и особенности их образования. Нами предпринята попытка выявить стилистические особенности личных местоимений. В докладе приведена возможная классификация использования личных местоимений в английских песнях. Использование личных местоимений рассматривается на примере произведений Sting & The Police, Pink Floyd, The Who, Yes и др.

Местоимения обладают широким стилистическим потенциалом, передают различные эмоции, помогают определить статус человека, его общественное положение и принадлежность к социальному классу. Использование личных местоимений дает автору возможность абстрагироваться от негативных эмоций и оценить ситуацию со стороны. В других случаях личные местоимения позволяют говорящему сконцен-

трироваться на себе и своих внутренних переживаниях. Читатель же или слушатель может более точно уловить суть произведения, эмоциональное состояние автора благодаря правильному пониманию применения форм личных местоимений. Личные местоимения позволяют выразить отношение как к определенному человеку (и не только, через них можно также выразить свое отношение к Богу), так и к большой группе людей. Местоимение *we* может скрывать намерения автора. Существуют также «королевское “*we*”», «*we*», выражающее сопричастность, исключаящее «*we*» и др. Формы личных местоимений (*ye, ya*) позволяют точнее охарактеризовать жанр произведения. Личные местоимения помогают подчеркнуть противопоставление, протест (ср. наиболее известное — *us and them*).

Исследование показало, что личные местоимения обладают широким стилистическим потенциалом, в высокой степени многозначны, могут заключать в себе смысл всего произведения, раскрывают личность автора и тип его мышления.

Антонимия как явление текста на примере прилагательных *good* и *bad*

Власова Ассоль Александровна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. И. В. Толочин*

Прилагательные *good* и *bad* считаются характерным примером антонимической пары, при том что антонимия понимается как противоположность значений слов в языковой системе. Наблюдения над использованием этих слов в текстах показывают, что эти прилагательные могут находиться в различных отношениях, которые не сводимы к традиционному пониманию антонимии.

В задачи работы входит рассмотрение семантической природы прилагательных *good* и *bad* и случаев их совместного функционирования в контексте. Анализ словарных статей в ходе работы показал, что ни полисемия прилагательного *good*, ни полисемия прилагательного *bad* не представлены в словарях корректно, лексические значения не раскрываются в дефинициях в достаточной степени, принципы выделения определенных лексико-семантических вариантов вызывают вопросы. При помощи контекстологического анализа удалось выделить интегральную категорию прилагательного *good* (*ability to produce a basic feeling of ultimate fulfillment and complete harmony*) и прилагательного *bad* (*ability to generate a fundamentally unpleasant and depres-*

sive feeling because of a destructive impact that makes a desirable outcome unattainable).

Далее выясняется, что в тексте могут реализоваться различные лексико-семантические варианты прилагательных, которые не всегда противопоставляются, что значительно усложняет картину их контекстуального взаимодействия.

В докладе предлагается рассматривать антонимию как контрастную оценочность в тексте (*So, the answer to the question posed on the title of this essay is that forgiveness is not always a good thing, and indeed, it may be a bad thing when it poses obstacles to the attribution of justice*), при том что структура значения прилагательных *good* и *bad* предполагает и другие варианты смысловой соотнесенности в реальных контекстах, обусловленные комплементарной природой их значений в языковой системе (*My dear, dear friends, whether your minister be good, bad or indifferent, you can sit in church for a thousand years and if you are not seeking the Lord, you will never find Him*).

Таким образом, антонимия представляется элементом текстовой структуры и поэтому не может быть выявлена или распознана за рамками конкретного текста. Комплементарность, в свою очередь, видится как принцип взаимосвязи словесных значений в языковой системе.

Аббревиация в интернет-коммуникации

Бондарь Владислава Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Павленко

Исследование посвящено анализу аббревиатур в интернет-коммуникации. Актуальность исследования обусловлена прогрессивным ростом аббревиатурной лексики и постоянным переосмыслением уже существующих в компьютерной коммуникации аббревиатур. Целью исследования стало установление структурно-семантической специфики аббревиатур современного английского языка на материале языка интернет-коммуникации. Материал исследования был собран методом сплошной выборки из современных англоязычных словарей и справочников. Также исследование проводилось на материале англоязычных форумов («Reddit», «Craigslist», «Offtopic», «4chan»).

В ходе исследования было установлено, что в современном английском интернет-языке преобладают аббревиатуры с ярко выраженным графическим эффектом (структурная специфика), который, в свою очередь, способствует выполнению одной из основных функций аббревиации в интернет-языке — эмоциональной (семантическая спе-

цифика). Исследование показало, что аббревиация восполняет пробелы интернет-языка и выполняет ряд функций, помимо эмоциональной: функции компрессии текста, номинации, кодирования информации. Ведущими среди них являются функция компрессии текста и эмоциональная функция.

Нами также были изучены основные особенности интернет-аббревиации и был сделан вывод о том, что аббревиация отражает не только состояние языка, но и актуальные аспекты жизни англоговорящих пользователей сети. Исходя из этого мы составили классификацию аббревиатур и выделили восемь типов аббревиатур по функции (в зависимости от того, что сокращается): имена собственные и личные местоимения, предлоги, приветствия, устойчивые выражения, описания внешности и характера, инвективная лексика, эмоциональная оценка, отношения между людьми. Выяснилось, что самые частотные сокращения — это сокращения местоимений, имен собственных и вспомогательных глаголов (26%), которые чаще всего подвергаются структурным трансформациям. Лексика, обозначающая отношения между людьми, подвергается сокращению менее всего (4%).

В дальнейшем предполагается сужение данной темы до исследования специфики структурных преобразований в аббревиатурах интернет-языка и изучение аббревиации в области профессиональной компьютерной коммуникации.

Природа и особенности консубстанциональных терминов

Фаустова Анастасия Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. В. Елисеева

1. Консубстанциональные термины представляют собой термины, в семантике которых сосуществуют терминологическое и общелексическое значения. Происходит совпадение по форме простых однокорневых терминов с единицами общеразговорного языка. Сейчас понятие «консубстанциональный термин» стало шире и включает также межпредметную полисемию терминов.

2. Особенно часто консубстанциональные единицы встречаются в терминосистемах общественно-гуманитарных циклов, к которым относится, в частности, экономическая терминосистема (примерами могут служить термины *demand, marketplace*). Данное исследование основано на анализе экономического текста — осеннего обзора Международного валютного фонда «The World Economic Outlook» (2016).

3. Существует две точки зрения на происхождение консубстанциональных терминов. По одной версии, все слова в момент своего происхождения были терминами, но с течением времени могли утратить специальное значение; это означает, что возникновение большинства слов общепотребительного языка является результатом детерминологизации. По другой версии, происходит обратный процесс — терминологизация, при котором термины заимствуются из бытовой речи.

4. Пополнение терминологических систем терминами происходит в том числе путем семантического способа терминообразования. Он заключается во взаимодействии специального и общепотребительного понятий на основе близости, схожести или второстепенных признаков. Образование терминов семантическим путем является единовременным явлением.

5. В ходе анализа выявленных двухкомпонентных терминов было обнаружено, что либо один (*financial flow*), либо оба (*risk management*) элемента в таких терминах являются консубстанциональными. Проблем при переводе в этом случае, как правило, не возникает, поскольку соединение компонентов в одной единице делает ее смысл однозначным.

6. Исследование однокомпонентных консубстанциональных единиц показало, что они представляют собой яркий пример межпредметной полисемии (*security, bank*), что, в частности, значительно усложняет выбор стратегии их перевода. Обилие односоставных консубстанциональных единиц демонстрирует, что практически любое существительное на сегодняшний день может быть как частью общепотребительного языка, так и обозначать предмет исследования определенной науки.

7. Проведенный анализ консубстанциональных терминов позволил сделать общий вывод о том, что граница между общепотребительной и терминологической лексикой крайне нестабильна.

Структурный и словообразовательный анализ английских терминов в сфере авторского права (на материале английского языка)

Рист Марика

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Е. А. Павленко

Авторское право является понятием интеллектуальной собственности, и на протяжении последних десятилетий его изучение привлекает внимание многих отечественных и зарубежных ученых не только

в сфере юриспруденции, но и лингвистики. Термины определяют суть научных открытий, отражают содержание развивающихся областей знания, передают вновь созданные и уже существующие в науке понятия. Существование и развитие любой современной науки невозможно без терминов. Проблема слабой изученности языка законодательства заключается в том, что не уделяется достаточно внимания исследованию проблем законодательного языка как особого функционального стиля литературного языка. Необходимость изучения английской терминологии в сфере авторского права обусловлено также тем, что переводная литература по данной тематике практически отсутствует. Целью исследования является комплексный структурный и словообразовательный анализ терминологических единиц в сфере авторского права. Английские термины в сфере авторского права рассматриваются с позиции словообразования, исследуется процесс формирования английской терминологии и выявляются структурно-семантические особенности терминологических единиц, а также определяются характерные для данной области знания способы и модели терминообразования. Для выявления структурных и словообразовательных особенностей английских терминов авторского права нами был проведен анализ состава данной терминологии в нескольких аспектах. Первым этапом стало выявление функциональных типов терминов. Мы использовали классификацию, предложенную Т. В. Соколовой, в соответствии с которой были выделены следующие структурные типы исследуемых терминов: 1) простые термины: однокомпонентные (*Right*); аффиксальные (*Encryption*); 2) сложные термины (*Copy-related right*); 3) двух- и более компонентные терминологические словосочетания (*Owner of copyright, performing rights*); 4) аббревиатуры (*UCC, WIPO*). Проведя анализ составленной нами терминологической базы в 300 лексических единиц, мы получили результаты, по которым можно сделать вывод, что основным способом терминообразования в английском авторском праве является словосложение. В нашем материале этим способом образовано 44 % терминов. Вторыми по продуктивности стали терминологические словосочетания — 27,7 %. Далее по продуктивности идут фразовые термины (18 %), простые термины (8 %) и аббревиатуры (2,3 %).

Виды межъязыковой эквивалентности в таможенной терминологии

Земляник-Фогель Наталья Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов

Для любой профессиональной сферы актуальна проблема языка как средства адекватного отражения и передачи логически систематизированного специального знания. Объект исследования — терминосистема таможенного дела. Актуальность определяется прежде всего материалом исследования: терминологическая лексика современного таможенного законодательства, отраслевой справочной, научной и учебно-методической литературы до настоящего времени не была объектом системного изучения в лингвистике. Язык, используемый для целей профессиональной коммуникации в сфере таможенного дела, отличается определенными характеристиками. Основу языка для специальных целей составляют термины — наименования специальных понятий отраслей знания и производства. Таможенная терминология — совокупность профессиональных терминов, употребляемых в правовых актах, регулирующих порядок управления таможенным делом, а также в процессе практической реализации таких актов. Представляется необходимым решение следующих задач.

1. Рассмотрение случаев полной эквивалентности терминов, используемых в сфере таможенного дела. К таким терминам относятся *Инкотермс (Incoterms)* — международные правила в формате словаря, обеспечивающие однозначные толкования наиболее широко используемых торговых терминов в области внешней торговли и сфере таможенного дела. Другой пример: *книжка МДП или Carnet TIR* — транспортный документ на одну международную перевозку.

2. Рассмотрение случаев частичной (неполной) эквивалентности терминов, используемых в сфере таможенного дела. Некоторые английские термины имеют несколько терминологических эквивалентов в русском языке, что является следствием различного употребления терминов в исходном языке и языке перевода. Например, термин *freight forwarder*, которое можно перевести как *грузовое транспортно-экспедиционное агентство, экспедитор, международный грузовой экспедитор*.

3. Рассмотрение случаев отсутствия эквивалентного термина. Есть термины, характерные для отрасли таможенного права Европейского Союза и называющие понятия, которые отсутствуют в российской таможенной терминологии, например *Общая декларация прибы-*

тия (*Entry Summary Declaration*), *Общая декларация убытия* (*Exit Summary Declaration*).

Исследование разноязычных терминосистем и поиск вариантов перевода является ключевой задачей для обеспечения решения проблем перевода терминов в области их применения.

Термины-фразеологизмы в области интернет-рекламы

Холманская Екатерина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов

В настоящее время с проблемами специальной лексики сталкиваются не только ученые и специалисты, в чью компетенцию всегда входили вопросы, касающиеся дефинирования терминов, их выбора и применения, но и обычные пользователи сети Интернет. Интернет-реклама, появившаяся сравнительно недавно, сегодня является одной из наиболее перспективных и динамичных отраслей рекламы и находится на пересечении непосредственно самой рекламы, маркетинга и разных областей интернет-технологий. Данная тема широко освещается в литературе, научных статьях и профессиональных блогах. Тем не менее до сих пор не существует общей теории интернет-рекламы, практика которой меняется, модифицируется и развивается вместе с развитием сети Интернет и дает новые технологические возможности для доставки рекламного контента потребителю. Терминология интернет-рекламы представлена в многочисленных отраслевых глоссариях, которые включают термины интернет-технологий (*crawling, spider, cookie, conversion rate*) и термины маркетинга (*ad, advertising, acquisition appeal, audience*). Собственный терминологический фонд интернет-рекламы состоит из терминов, именующих специфические для интернет-рекламы понятия:

- 1) объекты, размещаемые на веб-сайтах;
- 2) технологии размещения таких объектов;
- 3) формы пользовательского поведения, связанные с такими объектами.

Значительный процент «собственных» терминологических единиц области интернет-рекламы составляют термины-фразеологизмы. Цель исследования состоит в анализе типов терминов-фразеологизмов в терминологии данной области. На основе проведенного анализа строится классификация терминов-фразеологизмов с точки зрения слитности компонентов: термины — фразеологические единства (*rich media*), термины — фразеологические сращения (идиомы) (*bread*

crumbs, long tail), термины — фразеологические сочетания (*banner blindness, long click*), термины — фразеологические выражения (*Internet advertising, online marketing*). В заключение делаются выводы о статистическом преобладании фразеологических сочетаний и фразеологических выражений в области интернет-рекламы.

Фразеологические единицы в русской и английской народной сказочной литературе

Гиздатова Эльза Гегелевна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, студент 3 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, асс. Я. А. Быйык*

В докладе рассматриваются в сопоставлении английские и русские фразеологические единицы (ФЕ), встречающиеся в народной сказочной литературе. Актуальность темы связана со значительным ростом сопоставительных исследований ФЕ разносистемных языков. Научная новизна исследования состоит в том, что ФЕ в рамках народных сказок до нас не изучались и не рассматривались в сопоставлении. Материалом послужили русские и английские народные сказки, данные фразеологических словарей, словарей фразеологических синонимов. Предметом исследования являются ФЕ и их использование в русских и английских сказках. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в лексикографической практике.

В ходе сопоставительного анализа около 300 ФЕ были сделаны следующие выводы: герои английских сказок ограничены в пространстве и во времени, чего нельзя сказать о героях русских сказок; скорее всего, это связано с географическими размерами Великобритании и России (*Not far away; go a little farther; in a few days — Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли; три дня, три ночи*). Наблюдается противопоставление в отношении размеров и количества (*A great big; as much as you can — Мал мала меньше; ни много ни мало*). Темы счастья, удачи, любви, встречаются в английских сказках чаще (*As happy as could be ever afterwards; (to clap hands) in great joy; to burst into laugh — добыть счастья*). Напротив, русские ФЕ чаще отражают тему грусти, страха, смерти (*Нести напасть; втянуться в беду; с испуга язык отнялся; головы домой не привезешь! — Burst into tears*). При описании внутренних качеств английских героев встречается слово «лучший», тогда как русские герои часто оказываются умственно не очень способными (*С твоим умом догадаться! — Better than anyone else*). Русские герои (чаще

всего девушки) — герои несравненной красоты, в то время как во внешности английских персонажей обычно ничего не подчеркивается (*Ни в сказке сказать ни пером не описать; диво дивное*). ФЕ, выражающие степень осведомленности, говорят о самоуверенности английских и «беззаботности» русских героев (*Know very well — А бог его знает*). Для английских героев характерен сознательный поиск путей выполнения задачи, а русские герои «хватаются за дело», но результаты могут оказаться неудовлетворительными (*To try (every) way; go farther — пойти вквивь да вкось; пустить нехорошую славу*). Будущее героев в сказках обоих народов находит отражение в ФЕ с положительной окраской (*Жить-поживать да добра наживать — Live happily all one's life*).

Таким образом, при жанровом сходстве английских и русских народных сказок между ними можно заметить существенные внутренние различия.

ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Способы выражения прогнозируемого в английском языке

Асамбаева Алина Темирбековна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук., доц. В. Н. Пилатова

Исследование посвящено изучению способов выражения прогнозируемого. Его актуальность определяется прямой связью с проблематикой анализа дискурса и когнитивистики. Сочетание этих направлений позволяет предложить новую трактовку некоторых мыслительных форм построения дискурсивного пространства. В работе определяется понятие «прогнозируемое», его границы и маркеры, описывается эксплицитно и имплицитно выраженное прогнозируемое, изучается экспликативная валентность исследуемых текстов, исследуются основные способы выражения прогнозируемого. Материалом исследования послужили 200 примеров, полученных методом сплошной выборки из восьми современных произведений англоязычной художественной прозы общим объемом 3000 страниц.

Прогнозируемое представляет собой умозаключение о предстоящем развитии событий, основанное на данных, знаниях или опыте; оно

может быть ограничено во времени и в объеме. Объем прогнозируемого обусловлен личностной идентичностью, под которой мы понимаем знания, опыт, убеждения, практический интерес и другие характеристики, присущие человеку. К маркерам прогнозируемого относятся формы будущего времени Future Indefinite, Future Continuous, Future Perfect; модальные глаголы *may, might, should, will, would, shall*; конструкции *to be going to, to be about to, to be on the verge of, to be on the brink of, to be likely / unlikely to, to be sure to, to be bound to*; конструкция *had better do*; вводные конструкции; начальные придаточные предложения условия и времени; такие случаи наличия высокой экспликативной валентности, как вопросительные предложения, незаконченные высказывания, отрицательные структуры. Под экспликативной валентностью понимается потребность высказывания в пояснении. Для высказывания прогноза также могут быть использованы стереотипы. Анализ примеров позволил выявить, что формы настоящего времени также могут выражать прогнозирование.

В 65 % случаев прогноз выражен эксплицитно. Наиболее частотными оказались форма Future simple, конструкция *to be going to* и модальный глагол *might*. Среди имплицитно выраженного прогнозируемого чаще всего встречаются начальные придаточные предложения, конструкция *had better do* и отсылки к общепринятым истинам и опыту. Встречались случаи комбинации эксплицитных и имплицитных способов.

The way I figure it, everyone gets a miracle. Like, I will probably never be struck by lightning, or win a Nobel Prize... (J. Green) В данном примере прогноз выражен как эксплицитно при помощи формы Future Simple, так и имплицитно при помощи отрицательной конструкции, вводного слова и упоминания общепринятой, по мнению героя, истины, что чудо случается с каждым, а значит, и с ним оно произойдет.

К вопросу о переводе отрицательных высказываний с английского языка на русский

Шепелюк Александра Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. В. Куралева

В докладе рассматривается концепция общего и частного отрицания, которая является ключевой при переводе отрицательных высказываний, а также способы перевода отрицательных высказываний с английского языка на русский. Цель исследования состоит в том, чтобы

выделить основные способы перевода отрицательных высказываний, а также рассмотреть самые интересные случаи их перевода.

Отрицание — одна из фундаментальных категорий языка. Она присутствует во всех языках и является одним из древнейших языковых явлений. Это языковое явление может быть выражено различными способами. Согласно А. М. Пешковскому, отрицательные предложения делятся на общеотрицательные и частноотрицательные. Такое разделение зависит от позиции отрицательной частицы в предложении: в общеотрицательном она стоит при сказуемом, в то время как в частноотрицательном — при другом члене предложения. Однако при переводе текстов с английского языка на русский можно заметить, что тип отрицательного предложения может меняться, а отрицание может передаваться разными способами или опускаться вообще.

Большое значение имеют также способы выражения отрицания как на русском, так и на английском языках. Если английский язык отличается своей монологичностью, то для русского языка характерно употребление предложений с полинегативными конструкциями.

Намек как вид имплицитного воздействия на примере интервью англоязычных представителей шоу-бизнеса

Терещенкова Диана Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. Х. Абдульманова

В коммуникации намек является как средством передачи косвенной информации, так и тактикой скрытого речевого воздействия. Однако до настоящего момента изучению намека как вида речевого воздействия в английской коммуникативной культуре не уделялось детального внимания, что и определяет новизну настоящего исследования. Актуальность работы заключается в ее прагматической направленности, в интересе лингвистов к изучению поведения человека в коммуникативном процессе. Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых: И. А. Стернина, Н. А. Качаловой, В. В. Дементьева, В. Н. Кондрашовой, R. M. Martin, K. Bach и др.

В современной лингвистике отсутствует единое определение понятия «намек», однако чаще всего оно толкуется через слово «догадка». Тем самым понятие «намек» трактуется как «слово (а также жест, поступок), предполагающее понимание по догадке» (С. И. Ожегов). Исходя из данного определения, намек следует относить к явлениям импли-

цитного речевого воздействия. Так как имплицитный смысл проявляется лишь в рамках речевого общения и не совпадает с семантикой отдельных высказываний, в прагмалингвистике выделяются следующие цели намеков: побудить собеседника к совершению тех или иных действий, вызвать у собеседника определенную эмоциональную реакцию на сказанное, указать на те или иные качества коммуниканта и т. д. Собеседник, в свою очередь, дешифрирует намеки, опираясь на личные знания и экстралингвистическую информацию. Реализация намека в речи англоязычных представителей шоу-бизнеса происходит посредством применения следующих тактик: возражения, указания, упрека, убеждения, просьбы, согласия и т. д. Анализ материала показал, что наиболее частотным употреблением пользуются такие типы намека, как возражение и осуждение, наименьшей популярностью — согласие и убеждение.

Настоящее историческое в английском и русском языках при переводе

Федорова Мария Германовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. Г. Поспелова*

Настоящее историческое (*praesens historicum*) является одним из типов переносного употребления форм настоящего времени. При таком употреблении формы настоящего времени повествуют о событиях, которые имели место в прошлом. Считается, что этот тип употребления свойствен как английскому, так и русскому языкам и распространен в художественной и разговорной речи. Сопоставление оригиналов и переводов текстов художественной литературы показывает, однако, что переводчики не считают эти типы употребления эквивалентными: во многих случаях настоящее историческое переводится формами прошедшего времени; также отмечаются обратные случаи, когда формы прошедшего времени заменяются настоящим историческим. Такие случаи перевода глагольной формы другой формой, которая, с формальной точки зрения, принадлежит другому временному плану, в данной работе называются переключениями временных форм.

Целью исследования было выявить различия между настоящим историческим в английском и русском языках и объяснить причины применения данного типа переключения временных форм. Материалом исследования послужили примеры, отобранные из произведений

русской и английской художественной литературы XIX и XX вв. и их переводы.

На основании изученного материала были сделаны следующие выводы:

1) в русском языке настоящее историческое обладает более широкой сферой употребления;

2) редкое использование настоящего исторического в английском языке свидетельствует о большей экспрессивности и стилистической функциональности этого типа употребления;

3) отмечаются случаи переключения формы прошедшего времени на настоящее историческое при переводе с английского на русский, но они отсутствуют (в изученном материале) при переводе с русского на английский;

4) в русском языке настоящее историческое используется для выдвижения некоторых действий или ситуаций на первый план (в том числе при переводе).

Языковая игра как способ реализации коммуникативных установок в американском речевом общении

Рыбакова Наталия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доцент В. Н. Кондрашова

Языковая игра сопровождает речь человечества с древних времен и является частью карнавальской культуры, однако детальное изучение данного феномена в науке началось относительно недавно. Все определения языковой игры имеют схожий элемент, а именно указание на создание комического эффекта. В исследовании рассматриваются ситуации использования языковой игры в американской лингвокультуре, в которых данный прием используется не только ради забавы и шутки, но и с целью реализации иных намерений говорящего.

Цель исследования — выявить зависимость между использованием коммуникативной установки и намерениями говорящего, а также проанализировать приемы языковой игры, характерные для каждой установки. Материалом для данного исследования послужили сценарии к современным американским сериалам. Классификация материала производится по системе коммуникативных установок В. В. Богданова, модифицированной Т. Е. Добровой. Установки делятся на межличностные и внеличностные. К межличностным установкам относятся установки на себя, на адресата, на третьих лиц, к внеличностным — на

действительность и на языковые средства. Наиболее частотным в ситуации языковой игры является использование установок на себя и на адресата. Установки на себя характеризуют такие намерения говорящего, как похвала себя, возвышение себя над другими и др. Установка на адресата используются для реализации различных намерений говорящего: упрек, унижение, заигрывание, просьба, дружеская шутка и др. Однако наиболее интересными для изучения являются ситуации, в которых происходит смена установки или смешение нескольких установок, так как они выходят за рамки принятой классификации.

Среди приемов языковой игры можно выделить: словообразование, омонимию, паронимию, полисемию, аллюзии и др. Наиболее оригинальным и требующим детального изучения является прием аллюзии, так как для его понимания и выявления нужны определенные фоновые знания. Использование языковой игры характеризует лингвокреативную языковую личность. Более того, результаты исследования показали, что использование языковой игры помогает достичь не только комического эффекта, но осуществления различных коммуникативных интенций говорящего, среди которых просьба, комплимент, хвастовство, издевка, угроза и т. д. Перспективным видится дальнейшее исследование проблемы перевода высказываний с языковой игрой с английского на русский язык с целью сохранения прагматических намерений языка оригинала.

О некоторых случаях реализации вторичных значений Futur Antérieur в современной художественной литературе и прессе: сравнительный анализ

Кадыкало Мария Олеговна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. А. Хуторецкая*

Видо-временная форма французского глагола Futur Antérieur, помимо основных значений предшествования и видовой завершенности, реализуемых в плане будущего, имеет ряд вторичных значений, относящихся к плану прошлого. Нам показалось интересным выяснить, какие именно вторичные значения Futur Antérieur используются в современных художественных и публицистических текстах, а также проанализировать частотность реализации этих значений в исследуемых типах текстов.

Проведенный анализ показал, что в плане прошлого Futur Antérieur может употребляться:

- 1) в качестве экспрессивно нагруженной замены *Passé Composé*;
- 2) в функции подытоживания фрагмента текста;
- 3) со значением гипотезы о действии, совершённом в прошлом;
- 4) в функции медиатива, подобно аналогичному употреблению форм *Conditionnel*.

Было установлено, что употребление *Futur Antérieur* в значениях подытоживания и медиатива значительно более частотно в прессе, нежели в художественной литературе, в которой самым распространенным является использование *Futur Antérieur* в качестве экспрессивно нагруженной замены *Passé Composé*.

Способы перевода на русский язык французских сложноподчиненных предложений, включающих союз *avant que*

Тимофеева Екатерина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. П. Макарьева

Французские придаточные предложения с союзом *avant que* отражают семантику опережения. Союз *avant que* является одним из наиболее частотных союзов подобного типа. Семантическая активность этого союза определяет богатство и разнообразие способов перевода придаточных временных предложений, включающих *avant que*.

Цель доклада — рассмотреть особенности перевода придаточных предложений с союзом *avant que* на русский язык. Исследование проводится на материале произведений французских авторов конца XX — начала XXI в. и их переводов на русский язык. В работе используется метод контекстуального анализа.

В большинстве случаев в переводе сохраняется тип предложения, присутствующий в оригинале. Самыми интересными на наш взгляд оказались случаи использования глагола *успеть* в составе придаточного: *avant que je n'arrive à l'essentiel* 'прежде чем я успею дойти до самого главного'. В ходе исследования, помимо эквивалентов союза *avant que*, предлагаемых французско-русскими словарями ('пока', 'до того как'), нами был выявлен целый ряд способов передачи семантики союза *avant que* при помощи других средств. Сложноподчиненное предложение может претерпевать трансформации, которые приводят к тому, что придаточное предложение передается предложным словосочетанием: *avant que je parte* 'перед отъездом'. При этом круг глаголов, используемых в предложениях, подверженных такой трансформации, весьма

ограничен. Сложноподчиненному французскому предложению с придаточным времени при переводе может соответствовать:

- а) сложносочиненное предложение с союзами *и; а; но*;
- б) сложное бессоюзное предложение;
- в) два независимых предложения.

Часто в двух последних случаях семантику следования отражает наречие *потом* (*позже, после* и т. п.), с которого начинается предложение, передающее французское придаточное. Выбор способа перевода зависит от семантики предикатов главного и придаточного предложений, а также от лексического наполнения предложения. В определенной степени этот выбор также может быть обусловлен макроконтекстом.

Особенности национального варианта испанского языка в Экваториальной Гвинее

Наумов Илья Игоревич

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. П. Сытников*

С каждым годом в мире возрастает число исследовательских работ, посвященных национальным вариантам испанского языка, в которых делается попытка объяснить возникновение тех или иных лингвистических феноменов, несвойственных основному, кастильскому варианту. Однако, по большому счету, внимание уделяется лишь тем вариантам языка, которые возникли в процессе романизации Латинской Америки, в то время как языковая ситуация в бывшей африканской колонии Испании Экваториальной Гвинее (далее — ЭГ) остается на периферии научных исследований в области испанистики.

В исследовании мы поставили перед собой ряд задач, которые позволяют составить относительно ясное представление о положении испанского языка в ЭГ, а именно: проследить историю проникновения языка на территорию о. Биоко и дальнейшее распространение испанского в островной и материковой части ЭГ, проанализировать немногочисленные труды лингвистов, обращавшихся к данной теме как в колониальный, так и в постколониальный период, а также сделать собственные выводы о состоянии национального варианта испанского языка в ЭГ, рассмотрев ряд примеров современной устной и письменной речи.

Исследование базируется на материале, полученном при анализе гвинейских СМИ, среди которых как ведущие печатные издания госу-

дарства, так и видеофрагменты с примерами живой речи жителей ЭГ, размещенные на гвинейских и зарубежных каналах сервиса YouTube. На первом этапе исследования мы рассматриваем те фонетические, морфосинтаксические и лексические явления, характерные для изменения испанского субстандарта, которые отмечали в своих работах другие испанисты, а затем на указанном материале устанавливаем, какие тенденции сохранились в испанском языке ЭГ, какие оказались искорененными, а какие появились с течением времени и еще не были зафиксированы нашими предшественниками в данной области. В результате удалось выявить ряд отклонений от пиренейского варианта испанского языка, среди которых можно выделить регулярные и нерегулярные явления, частично характерные и для других вариантов испанского языка, а частично — являющиеся уникальными для гвинейского испанского. Дальнейшее исследование позволит установить природу возникновения данных особенностей и использовать полученные знания для составления пособий и словарей национального варианта испанского языка в ЭГ.

Сравнение как выразительное средство в итальянском и русском языках

Кузнецова Дарья Алексеевна

Московский городской педагогический университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. А. Быстрова

Сравнение — это одно из самых ярких средств языка, которое устанавливает связи и отношения между предметами и явлениями действительности. Эти связи помогают наглядно представить сравнимые предметы и явления и глубже понять и познать их. Сравнение обладает функцией интенсификации, усиления, акцентирования признака или комплекса признаков объекта посредством сопоставления с эталоном. При переводе основной задачей является передача сравнительных конструкций без потери смысловой нагрузки.

При разборе произведений Луиджи Пиранделло (1867–1936, Pirandello) и их переводов было отмечено, что в итальянском языке в большей степени преобладают образные сравнения по аналогии (le comparative di analogia), которые, как правило, передаются с помощью союза *come* или более редко при помощи выражений со словом *modo* (*nel modo in cui*). Также имеются метаслова со сравнительной семантикой (глаголы *parere*, *sembrare* и др.) и конструкции с конъюнктивом (le comparative ipotetiche). Это значительно отличается от разнообразия

сравнительных конструкций в русском языке. Грамматическое выражение сравнений при переводе на русский язык может быть представлено следующими формами: сравнительный оборот; метаслова со сравнительной семантикой; конструкции с творительным падежом сравнения; сравнение через отрицание; сравнительные конструкции с союзом *как бы*; предикативные сравнения; присоединительные сравнительные конструкции; сравнение в сложносочиненном предложении; сравнение в сложноподчиненном предложении; микротексты со сравнительной семантикой. Таким образом, в своей работе переводчик художественного текста должен реализовать разного рода грамматические преобразования, используя конструкции разных языков для передачи богатства и разнообразия структурных потенциалов языка.

Грамматические средства выражения аргументации в художественном диалоге (на материале англоязычной литературы)

Макимова Ирина Вячеславовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. С. Вахрамеева*

Доклад представляет собой исследование особенностей выражения аргументации в английском художественном диалоге. В работе рассмотрены методы обоснования утверждений и проанализированы грамматические способы их передачи в речи, а также выявлены особенности аргументации мужских и женских персонажей.

Под аргументацией понимается социальная деятельность, направленная на убеждение собеседника в (не)правильности высказанного мнения путем доказательства с применением пропозиций (аргументов) или их сочетаний. Аргументы можно разделить на два типа: логические, которые направлены к разуму человека (научные законы, аксиомы, факты, статистика); и психологические, которые обращены к чувствам и эмоциям человека и основаны на традициях, интуиции, верованиях и страхах. К методам аргументации относятся: аргумент к здравому смыслу, вера, аргумент к авторитету, аргументация дефинициями, которые не тождественны словарным дефинициям, аргументация путем объяснения, аргументация путем иллюстрации, псевдоаргументация, прямое подтверждение и косвенное подтверждение.

Проведя анализ способов выражения аргументации на конкретных примерах англоязычной литературы, мы выявили, что в художественном диалоге каждый из рассматриваемых методов имеет свои собственные приемы передачи в английском языке. В общей сложности

в художественном диалоге наиболее распространено применение следующих методов:

— аргумент к здравому смыслу, который обычно вводится при помощи рефлексивных вопросов (*Where in the tropics could an English army doctor have seen much hardship and got his arm wounded?*), риторических вопросов (*Maybe it had merely seemed that way?*), противопоставления, инверсии, предикативных конструкций;

— аргументация путем объяснения, которая чаще выражается в сложноподчиненных предложениях, где доминируют придаточные причины, следствия, условия и дополнения, вводимые соединительными союзами *and, either*; противительными союзами и наречиями *but, however, nevertheless, although, only, yet*, причинными союзами *because, as, for, so, since*;

— аргументация путем иллюстрации, представленная такими средствами, как вводные конструкции, придаточные, выражающие причинно-следственные отношения, сравнение (*Perhaps they set up some kind of device that operates over and over again, like a gramophone record*), параллельные конструкции.

Наряду с этим нами были отмечены особенности обоснования утверждений мужских и женских персонажей, которые показали, что женщины в художественном диалоге чаще используют психологические аргументы, в то время как в речи мужчин наблюдаются преимущественно логические аргументы.

Дискурсивные границы ответных высказываний в ходе интервью

Афанасьева Анастасия Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. Н. Пилатова

Целью работы является доказать, что дискурсивные границы ответов респондентов зависят от речевого поведения участников беседы и индивидуальных особенностей интервьюируемых. Актуальность исследования определяется ее прямой связью с проблематикой дискурса и диалогической речи. Сочетание этих направлений позволяет нам предложить новую трактовку дискурсивных границ, возникающих в ходе интервью. Научная новизна исследования состоит в том, что в фокус рассмотрения попадают дискурсивные границы в ходе интервью, которые исследуются с точки зрения когнитивистики.

Объектом изучения избраны ответы респондентов, занимающихся различной деятельностью — от политики до литературной деятельности. В исследовании мы рассматриваем категорию времени и про-

странства с точки зрения мыслительной деятельности человека. Временная дискурсивная граница подразумевает быструю или медленную реакцию респондента на вопрос интервьюера, то есть узкую или широкую временную границу соответственно. Если респондент решил уйти от ответа, тогда временная дискурсивная граница становится бесконечной. В пределах пространственной дискурсивной границы мы рассматриваем объем мыслей, который составляет ответ респондента. Пространственная граница может быть узкой (и в таком случае состоять из лаконичного ответа без добавления дополнительной информации) или широкой (и тогда включать распространенный ответ). Обе границы обусловлены самобытностью респондента и интервьюера.

Так, во время интервью Дональд Трамп не дает договорить интервьюеру, а прерывает его вопрос по некоторым причинам.

Interviewer: *So you won the ratings war in the last night. Hillary Clinton's speech...*

Donald Trump: *By millions, George. By millions.*

Исходя из данного ответа, можно предположить, что быстрая ответная реакция (узкая временная дискурсивная граница) интервьюируемого связана с эксцентричным и независимым характером респондента.

Таким образом, мы выделяем две категории: временную и пространственную дискурсивные границы, обусловленные речевым поведением интервьюера и временную и пространственную дискурсивные границы, обусловленные личностными характеристиками интервьюируемого. Существенными критериями при анализе дискурса во время интервью послужили личностные и социальные характеристики собеседников и их степень заинтересованности в обсуждаемой теме.

Прагматические функции гендерно-ориентированных высказываний в современной англоязычной художественной литературе

Барская Мария Вадимовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. С. Вахрамеева*

Исследование посвящено изучению прагматической роли гендерно-ориентированных высказываний в художественном дискурсе, а также их языковому наполнению в речи мужских и женских персонажей. Гендерно-ориентированные высказывания — высказывания мужчин и женщин о представителях своей и противоположной гендерной идентичности. Гендерно-ориентированные высказывания были рас-

смотрены с точки зрения прагматики, а также с точки зрения их лексического и грамматического наполнения. Анализ гендерно-ориентированных высказываний в речи мужских и женских персонажей показал, что женщины в общении с представителями противоположной гендерной идентичности преимущественно произносят гендерно-ориентированные высказывания с целью аргументации и убеждения собеседника в своем мнении. Подобные высказывания отмечены сравнительной оценочностью, где мужчины описываются негативно, а женщины — положительно. В общении с представительницами своей гендерной идентичности женские персонажи произносят гендерно-ориентированные высказывания преимущественно с целью оказания эмоциональной поддержки, установления контакта и поддержания разговора. Подобные высказывания были отмечены особой экспрессивностью, которая достигается использованием различных лексических интенсификаторов, а также использованием малораспространенных синтаксических структур. Мужчины в диалоге с женскими персонажами по большей части используют гендерно-ориентированные высказывания с целью упрека и опровержения мнения собеседницы. Нам также встретились примеры, где подобные высказывания произносятся мужскими персонажами с целью оказания эмоциональной поддержки.

Синтаксическая структура английских пословиц с отрицательной семантикой

Гречкосеева Наталья Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. С. Вахрамеева

Исследование посвящено изучению грамматических способов выражения отрицания на примере английских пословиц, а также распределению данных фразеологических элементов по тематике. Корпус исследования составили пословицы английского языка в количестве 30 примеров. Исследование показало, что среди способов отрицания выделяются следующие:

- грамматическое отрицание с помощью частицы *not* (70%) — *Man does not live by bread alone;*
- лексическое отрицание с помощью местоимения (22%) — *There's no such thing as a free lunch;*
- лексическое отрицание в обстоятельствах времени (8%) — *A watched pot never boils.*

Тематический анализ позволил выявить употребление пословиц в следующих областях: наибольшее количество пословиц относится к теме характера / внешности (*Old birds are not caught with chaff*); второй областью по численности пословиц является семья / дом (*There's no place like home*); не менее часто встречаются пословицы о дружбе (*A friend to all is a friend to none*); важное место отведено теме денег / благосостояния (*Beggars can't be choosers*); далее в равном объеме присутствуют пословицы о здоровье (*Health is not valued till sickness comes*), любви (*Love cannot be forced*), труде (*Success is never blamed*) и времени (*There's no time like the present*).

Пословицы с отрицательной семантикой являются инструментом нейролингвистического программирования, выполняющим функцию поучения и ограничения. Они провозглашают нормы морали, собранные старшим поколением, и помогают более молодому поколению принимать правильное решение.

Восприятие пространства на примере предлогов и наречий в немецком эпосе в лингвокультурном аспекте

Рыбакова Вероника Романовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Л. Ф. Бирр-Цуркан*

Темой исследования является восприятие пространства представителями русской и немецкой культур эпохи Средневековья. Основное внимание уделяется тому, как предлоги и наречия помогают данной категории найти свое воплощение в средневерхненемецком и древнерусском языке, какие отличия в представлении об этой категории выступают при этом на передний план.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящей работе рассматриваются предлоги и наречия с пространственной семантикой в лингвокультурном аспекте. До сих пор акцент делался на исследованиях существительных и глаголов и, как правило, в рамках одного языка. Кроме того, в работе учитывается контекстное взаимодействие данных речевых единиц.

Исследование проводится на материале немецкой средневековой эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах», написанной в конце XII — начале XIII в., и древнерусского литературного произведения «Слово о полку Игореве», созданного в конце XII в.

При изучении материала использовались следующие методы: метод целенаправленной выборки для выделения предлогов и наречий,

обладающих пространственной семантикой, дискурсивный метод, а также контекстуальный анализ и лингвокультурологический анализ для описания взаимодействия исследуемых частей речи с другими и установления пространственных предлогов и наречий, характерных для средневрхненемецкого и древнерусского языка.

В ходе исследования было выявлено, что на языковое выражение локальных отношений в «Песни о Нибелунгах» и «Слове о полку Игореве» через предлоги и наречия влияют различные факторы восприятия пространства, к которым относятся культурные особенности и географическое положение. Можно выделить следующие перспективы для дальнейшей работы в пределах данной темы: семантические особенности пространственных наречий в немецком и русском языке, пространственные значения предлогов в русском языке и способы их передачи на немецкий язык, факторы, влияющие на восприятие пространства представителями различных культур, и их отражение в языке и др.

Высказывания со значением возможности в контексте научной аргументации (на материале русско- и немецкоязычных лингвистических статей)

Данилкина Екатерина Алексеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. С. Т. Нефёдов*

Доклад опирается на исходную рабочую гипотезу о том, что автор-исследователь использует целый спектр прагматических стратегий, чтобы в контексте научной коммуникации с различной целью модализировать содержание высказываемых утверждений. Среди них важную роль играют такие стратегии, как стратегия смягчения категоричности утверждения, стратегия подстраховки от возможных возражений оппонента, стратегия предвосхищения его аргументов и др. В рамках проведенного исследования выяснялась степень участия высказываний со значением возможности в реализации стратегий научной аргументации и изучались способы передачи разных семантико-прагматических смыслов возможности средствами русского и немецкого языков. При этом была предпринята попытка обнаружить систему соответствий и расхождений между коммуникативными нормами в дискурсивных практиках российской и немецкой науки в рамках коммуникативного жанра «лингвистическая научная статья». В качестве приоритетных ставились следующие задачи: представить общие количественные данные о соотношении различных средств выражения

модального значения возможности в русскоязычных и немецкоязычных научных статьях; выявить и описать систему соответствий между средствами выражения возможности в изучаемых научных текстах на русском и немецком языке; рассмотреть результаты исследования сквозь призму прагматических целей автора, направленных на модализацию содержания научного текста с использованием различных модальных типов высказываний. К анализу были привлечены эмпирические данные, полученные на материале корпуса, составленного методом сплошного обследования 31 статьи из ведущих лингвистических журналов на русском и немецком языках. На материале 25 статей из этого корпуса был проведен сопоставительный анализ частотности средств выражения возможности, который показал, что к наиболее частотным средствам выражения возможности в немецкоязычных статьях относятся модальные глаголы (прежде всего глагол *können*), лексемы с модальным суффиксом *-bar*, конъюнктив и модальные слова; в русскоязычных статьях к наиболее частотным относятся модальный глагол *мочь*, модальные предикативы, модальные слова, прилагательные, видо-временные формы. С учетом контекстов употребления этих средств в докладе предпринимается попытка установить систему соответствий между ними. Как выяснилось, использование средств выражения модальности возможности связано с различными стратегиями научной аргументации. Можно выделить шесть основных типов прагматических целей авторов, предполагающих употребление высказываний со значением возможности: убеждение читателя, «подстраховка» от возможных возражений, вежливое формулирование, достижение некатегоричности утверждений, стремление к объективности и создание интересубъективности в научной коммуникации.

Грамматические средства выражения совета в руководствах для путешественников (на примере «Rathgeber für junge Reisende» von J. G. Heinzmann, 1793)

Турбина Мария Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, асс. Д. Е. Нифонтова

«Rathgeber für junge Reisende» («Справочник для юных путешественников») был написан немецким писателем и букинистом Й. Г. Хайцманом и является ярким примером произведения жанра «аподемики», зародившийся в эпоху Просвещения. Этот исторический период характеризуется в первую очередь развитием научной, философ-

ской и общественной мысли, отказом от диктата религиозного мировосприятия, обращением к разуму как к единственному критерию познания. Именно поэтому основной целью ученых этой эпохи стала популяризация знаний. Их было необходимо донести до простых людей и сделать доступными для всех слоев общества. В новой литературе важную роль играли справочники различной тематики, одним из видов которых и является «аподемика». Произведения данного жанра представляют собой руководства для путешественников с подробными инструкциями для идеальных путешествий, сборниками рекомендаций и советов. В связи с этим на материале «Rathgeber für junge Reisende» рассматривается речевой акт совета и его основные способы выражения в немецком языке, такие как, например, императив, модальные конструкции, конъюнктив, конструкции типа *Es ist notwendig*.

Средства экспрессивного синтаксиса в русских и немецких юмористических интернет-текстах

Иванова Анна Дмитриевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Л. Ф. Бирр-Цуркан*

Изучению явлений и проблем экспрессивного синтаксиса (далее ЭС) в художественных, рекламных текстах, а также в текстах СМИ посвящен ряд научных исследований как на русском (Н. Д. Арутюнова, Ю. М. Малинович, О. А. Александрова), так и на немецком (У. Энгель, Х.-В. Эромс) языках. Задача данного исследования состояла в выявлении наиболее частотных средств ЭС в юмористических интернет-текстах, а также в сопоставлении полученных результатов с точкой зрения интернет-пользователя. В качестве материала были выбраны юмористические интернет-записи на русском и немецком языках, разделенные на «тексты» и «иллюстрации» в зависимости от степени влияния картинка на передачу основной идеи записи и авторского отношения. Исследование было разделено на три этапа, включающих в себя отбор средств ЭС (традиционных и используемых в интернет-пространстве), анализ частотности употребления, сопоставление с ожиданиями интернет-пользователей. В ходе исследования были проанализированы особенности системы пунктуации, используемой в интернет-записях. Выяснилось, что вспомогательную функцию разделения / выделения смысловых отрезков текста выполняют не только традиционные знаки препинания, но и иные графические неалфавитные средства. В употреблении некоторых традиционных знаков препи-

нения была также обнаружена тенденция к изменению. В результате было выявлено 12 наиболее распространенных средств ЭС, используемых в русско- и немецкоязычных юмористических интернет-текстах (9 традиционных и 3 используемых в контексте интернет-пространства), а именно восклицательные предложения, парцелляция, эллипсис, парантетические внесения, вопросно-ответные конструкции, параллелизм, риторический вопрос, повтор, инверсия, а также предложения с эмотиконом, с использованием средств интернет-пунктуации и предложения, оформленные с использованием особых параметров компьютерного шрифта (выделение, изменение размера / цвета шрифта). После сравнения полученных данных с ожиданиями интернет-пользователей выяснилось, что рейтинги частотности употребления средств ЭС не совпадают с мнением опрошенных, однако показатели частотности употребления выбранных синтаксических средств в русском и немецком языках, основанные на статистике, достаточно схожи, что говорит об общих закономерностях в процессе создания интернет-записей в России и Германии.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Прагматическая эквивалентность в кинопереводе: проблемы перевода английских междометных высказываний отрицательной оценки типа *Oh, God!, Oh, man!, Goddamn!* на русский язык

Орлова Ксения Антоновна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Т. П. Третьякова*

В настоящее время киноперевод находится в центре внимания исследователей-переводоведов. Достижение прагматической эквивалентности при передаче междометных высказываний отрицательной оценки составляет отдельную проблему. Эта проблема в докладе связывается с определением функциональной семантики междометных высказываний отрицательной оценки исходного языка и переводящего языка. Междометное высказывание отрицательной оценки — это устойчивое высказывание отрицательного отношения говорящего ко всей ситуации или его элементу. Цель доклада — показать основные

способы достижения прагматической эквивалентности при переводе английских междометных высказываний отрицательной оценки на русский язык на примере киноперевода. В кинотексте плотность междометных высказываний отрицательной оценки крайне высока: как показал анализ частотности употребления, в среднем на каждые четыре минуты звуковой дорожки фильма приходится одно междометное высказывание отрицательной оценки. Материалом исследования послужили примеры, собранные из следующих комедийных фильмов: «Криминальное чтиво» («Pulp Fiction»), 1994; «Отпуск по обмену» («The Holiday»), 2006; «Всегда говори "да"» («Yes Man»), 2008. Комедийные фильмы были выбраны потому, что они наиболее полно отражают современный эмоциональный диалог. В результате прагматического и переводоведческого анализа удалось установить следующие закономерности киноперевода междометных высказываний.

1. Для достижения прагматической эквивалентности при переводе английских междометных высказываний отрицательной оценки на русский язык главным образом применяется культурная адаптация (например, *Oh, damn!* переводится как *О, черт!*) и перевод прямым эквивалентном (например, английское *Oh, God!* в подавляющем большинстве случаев переводится как *О, господи!*, *О, боже!*), значительно реже — функциональная компенсация лексическими и / или грамматическими средствами (например, реакция на неприятное физическое ощущение *Esophageal spasm. Oh, God, it's a big one* передается как *Ох, спазм пищевода. Да еще какой*).

2. В некоторых случаях прагматическая эквивалентность не достигается, в основном это происходит, когда междометные высказывания переводятся буквально, например, *Oh, man!* переводится как *Ох, мужчины!* Данная работа открывает перспективы для дальнейшего исследования прагматической эквивалентности при переводе междометных высказываний отрицательной оценки.

Трансформации как способ достижения прагматической эквивалентности в англоязычном переводном дискурсе (на материале переводов речей В. В. Путина).

Камнева Лариса Эдуардовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Т. П. Третьякова*

1. Доклад посвящен проблеме создания прагматической эквивалентности в англоязычном переводном политическом дискурсе. Этот

тип эквивалентности связан с сохранением интенциональной направленности высказываний в исходном языке (ИЯ) и языке перевода. В рамках политического дискурса интенциональность связана с появлением экспрессивных высказываний, маркированных модальными частицами, коммуникативными клише, эмоционально-оценочной лексикой. При переводе возникают проблемы поиска эквивалентов, позволяющих сохранить прагматическое значение высказываний ИЯ.

2. Цель доклада — определить наиболее распространенные виды переводческих трансформаций, которые используются при передаче интенциональных значений высказываний в английских переводах речей В. В. Путина. Материалом исследования послужили три наиболее известные речи президента РФ Путина (выступление в Мюнхене, обращение Президента РФ Федеральному собранию, выступление по случаю 70-й годовщины Генеральной Ассамблеи ООН) и их официальный перевод на английский язык. Выбор текстов был обусловлен их репрезентативностью, а также спецификой выражения оратора эмоционально-оценочного отношения к обсуждаемой теме, что в полной мере позволило отобрать необходимый материал.

3. Для проведения исследования использовался метод сопоставительного анализа выбранных сегментов исходного текста и текста перевода с последующим анализом способов установления функционально-эквивалентных отношений между оригиналом и переводом на коммуникативно-прагматическом уровне.

4. В ходе работы было установлено, что для достижения коммуникативного эффекта переводного текста переводчиком были использованы приемы замены (... *силы, ввергающей мир в пучину следующих один за одним конфликтов — force that is plunging the world into an abyss of permanent conflicts*), а также добавления, членения и объединения предложения. Наличие в тексте ИЯ частиц, релятивов, эмоционально-оценочных наречий, экспрессивных единиц с ироничной коннотацией, цепочек уточняющих высказываний и устойчивых словосочетаний сниженного регистра представляет сложность для перевода.

5. Количественные параметры исследования показали, что наиболее характерными приемами перевода единиц с интенциональной направленностью были выбраны приемы генерализации, нейтрализации и опущения. Анализ показал, что данные переводческие трансформации передают референциальное значение высказываний, но не позволяют воспроизвести необходимый уровень коммуникативной тональности в переводном тексте и передать его прагматический потенциал.

Юридическая терминология в аспекте киноперевода

Абдрахманова Эльфия Тальгатовна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Н. П. Силюнская

Проблемы, связанные с переводом терминов и поиском соответствий для терминов, изучаются, как правило, применительно к специальным текстам. Однако такого рода тексты являются не единственной сферой употребления и функционирования терминологии. Можно утверждать, что термины встречаются в текстах любых жанров, в том числе в художественных текстах.

С. И. Влахов и С. П. Флорин указывают на различие функций, которые выполняют термины в специальном и художественном текстах. Так, в научном тексте это наименование, номинация понятий, «в то время как в художественном произведении он исполняет, прежде всего, поставленную автором стилистическую задачу». Эти различия напрямую влияют на выбор способов перевода терминов.

Применительно к сфере права мы можем выделить два типа текстов, где термин выполняет свою непосредственную номинативную функцию: перформативные тексты, которые относятся к официально-деловому стилю, и информативные тексты, которые относятся к научному стилю.

Выделяются следующие способы перевода терминов в такого рода текстах: перевод эквивалентным термином, беспереводное заимствование, калькирование, трансформационный перевод, описательный перевод. В художественном тексте, как было сказано выше, термины выполняют, в первую очередь, стилистическую задачу, и функции терминов могут быть различны.

1. Термины выполняют функцию непосредственного отображения действительности и выступают в своем номинативном значении.

2. Термины используются как средство речевой характеристики персонажей.

3. Термины используются переносно, образно, что невозможно при их специальном употреблении.

4. Термины используются как средства создания комического.

Основной принцип перевода терминов является единым и для специальных, и для художественных текстов. Термин переводится термином, если термин в исходном языке (ИЯ) имеет эквивалент в языке перевода (ПЯ). При этом при переводе художественных текстов возможны отклонения от данного принципа.

Если эквивалент термину ИЯ в ПЯ отсутствует, в художественном переводе предпочтительнее иные стратегии, а именно: замена другим термином, замена родового понятия видовым, перевод с помощью синонимичного термина, замена приблизительным соответствием, перевод соответствием-нетермином, а также нулевой перевод.

На выбор того или иного способа перевода терминов в кинотексте также оказывают влияние особенности аудиовизуального перевода:

1) необходимость укладки текста под артикуляцию актеров и, как следствие, необходимость сокращения текста при переводе;

2) в отличие от художественного перевода формат киноперевода не позволяет подробно раскрывать значение того или иного термина или явления, что накладывает ограничения на использование ряда способов перевода.

Специфика передачи языковых средств игрового дискурса постмодернизма (на примере переводов на русский язык романов Ж. Эшноза «Un an» и «Au piano»)

Эсебуа Мариам Александровна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. П. Никитина*

В докладе рассматриваются проблемы и способы передачи языковых особенностей игрового дискурса постмодернизма с французского языка на русский на примере романов современного писателя Ж. Эшноза (род. 1947, Echenoz) «Один год» и «У рояля» в оригинале и в переводе на русский язык.

Языковая игра собственно в постмодернистском дискурсе имеет специфический характер, что побуждает обратить особое внимание на переводческие возможности в данной области. Особенность игрового дискурса постмодернизма заключается в имплицитности игровых единиц в текстовом пространстве. Сама эстетическая система мотивирует элемент игры, главным образом отражающий ее деконструкцию и плюрализм смыслов. В подобных условиях переводчик сталкивается с проблемой выявления игровых единиц, что может привести к попытке «улучшения» текста оригинала под предлогом языковой адаптации. Помимо этого, плюрализм смыслов значительно затрудняет оценку качества перевода. В рамках данной эстетической системы справедливо опираться на философию деконструкции в переводе Ж. Деррида, согласно которой ценность оригинального и переводного текстов равно-

значны. Следовательно, основной задачей переводчика является деконструирование текста на уровне языковых единиц. Среди языковых приемов французского игрового дискурса постмодернизма, требующих внимания переводчика, можно выделить несочетаемость однородных членов, специфическое использование грамматических времен, замену компонента в языковых моделях, лексический повтор, параллелизм языковых структур, нарушение логического деления предложения, постоянное введение языковых средств с семантикой вероятности и неопределенности и номенклатурной лексики и др.

Все исследованные приемы, за исключением игры с грамматическими временами, так или иначе поддаются переводу на русский язык посредством методов подбора эквивалента, адаптации, описательного перевода или калькирования. Следует отметить, что последний зачастую приводит к самому адекватному результату, что невозможно в традиционной системе перевода.

Ребенок: инструкция по применению.

О стратегиях перевода различных средств стилизации

Павлова Ангелина Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. В. Н. Корнев

В XX в. лингвисты наряду с изучением художественной литературы обратили внимание на типы текста, которые позже были названы утилитарными. Была произведена классификация и выделены характерные признаки для каждой из групп таких текстов в разных языках, что значительно облегчило работу переводчиков.

Однако при относительной универсальности разработанных классификаций существуют тексты, которые нельзя с определенностью отнести к какой-либо группе.

Книга, послужившая материалом для настоящего исследования — «Baby: Betriebsanleitung. Inbetriebnahme, Wartung und Instandhaltung», по содержанию является пособием по уходу за детьми, а по форме близка к инструкции пользователя, что позволяет говорить об этом тексте как о стилизации.

Возникает проблема адекватного перевода текста, которая решается на разных уровнях его организации по-разному.

1. Лексические особенности. Авторы заменяют некоторые понятия, связанные с уходом за ребенком на те, которые обычно используются при описании бытовой техники. Так, слово *ребенок* практически

не употребляется в тексте и заменено на *Modell* («модель»), а вместо *врача* используется слово *Service-Provider* («технический специалист»). При переводе необходимо обращать внимание на подобные лексические замены и подбирать в русском языке адекватные синонимы из технической сферы.

2. Грамматические особенности. Авторы в оригинале используют структуры, наиболее характерные для директивных текстов, в данном аспекте максимально приближая книгу к инструкции по применению. Переводчику следует повторить данный прием, используя грамматические конструкции, наиболее употребительные в данном типе текстов в русском языке.

3. Экстралингвистические факторы. Текст книги четко организован с использованием схем с подписанными частями конструкций, таблиц и рисунков. При переводе и адаптации книги на русский язык данные элементы следует сохранять и передавать как можно ближе к оригиналу.

Перевод сленга и сниженной лексики английского языка на русский язык (на материале художественного фильма)

Курбаева Анастасия Петровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. Ю. Амурская

Роль сленга особенно значима в индустрии кино и телевидения, так как она направлена на большую аудиторию, в том числе иностранную. Однако употребление сленга в чистом виде едва ли возможно. Цель нашего исследования — определить место единиц сниженной лексики и сленга в системе языка, выявить способы перевода стилистически сниженных единиц в кинодиалоге на материале художественного фильма и его переводов на русский язык, выполненных разными способами, а также оценить каждую версию с точки зрения адекватности и передачи колорита произведения и стиля автора. Материалом исследования послужил фильм Г. Ричи «Карты, деньги, два ствола» и 3 версии перевода кинодиалога на русский язык: профессиональный закадровый перевод, авторский «гоблинский» перевод и перевод с помощью субтитров. Осуществляя теоретический анализ данной проблемы, мы опирались на труды В. Н. Комиссарова и Я. И. Рецкера. Мы выяснили, что сниженная лексика противопоставлена литературной и включает следующие группы слов: диалектизмы, сленг и вульгаризмы. Мы проанализировали 188 единиц сниженной лексики кинодиалога,

отмеченные в специальных словарях пометами: sl, vulg sl, derog sl, vulg, tab. При анализе трансформаций, применяемых для перевода единиц сниженной лексики, мы опирались на классификацию Рецкера: дифференциация и конкретизация значений, генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, добавление, опущение, компенсация потерь в процессе перевода, а также перевод эквивалентом и функциональным аналогом. Согласно результатам анализа одним из преобладающих способов перевода единиц и выражений сниженной лексики в рамках кинодиалога во всех трех версиях является перевод с помощью эквивалента. Однако с точки зрения стилистического соответствия колорит произведения в наибольшей степени передает закадровый перевод, так как в 46% случаев переводчик подобрал эквиваленты в русском языке, соответствующие стилю единиц оригинала. В «гоблинском» переводе 48% оригинальных единиц переведены при помощи дисфемизации; на наш взгляд, переводчик злоупотребляет использованием единиц табуированной лексики. В переводе титрами переводчик нашел соответствия для 33% единиц и пошел по пути эвфемизации и дисфемизации в 38% и 11% случаев соответственно. Таким образом, наиболее адекватными и приближенными по стилю к языку оригинала, являются перевод, выполненный при помощи субтитров, и профессиональный закадровый перевод.

Стилеобразующая функция трансформаций английских фразеологических единиц в произведениях жанра фэнтези и их перевод на русский язык (на примере серии романов К. Паолини «Наследие»)

Кудрявцева Елена Анатольевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. В. Варламова

Исследование посвящено выявлению трансформаций фразеологических единиц (далее ФЕ) и определению их стилеобразующей функции в серии романов американского писателя К. Паолини (род. 1983, Paolini) «Наследие» («Inheritance Cycle», перевод на русский язык И. А. Тогоевой). «Наследие» — тетралогия в жанре фэнтези.

Актуальность работы обусловлена тем, что трансформации ФЕ и их влияние на стиль текстов оригинала и перевода на русский язык до сих пор являются не до конца изученной проблемой. Новизна работы заключается в том, что в произведениях современной детской литературы в жанре фэнтези исследование трансформаций ФЕ и их стилеб-

разующая функция является малоизученным аспектом. Предметом исследования стали 983 ФЕ, выявленные в тексте произведения. ФЕ были выбраны методом сплошной выборки. При идентификации ФЕ использовались словари: Кунин А. В. *Англо-русский фразеологический словарь*; Richard A. Spears. *McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*; Cambridge International Dictionary of Idioms. Исследуя ФЕ в тетралогии Паолини «Наследие» («Inheritance Cycle»), мы обратились к классификации, предлагаемой Е. Ф. Арсентьевой: фразеологический каламбур, замена лексического компонента / компонентов, вклинивание, разорванное использование ФЕ, добавление переменного компонента, эллипсис, фразеологическая аллюзия, фразеологический повтор, расширенная метафора, фразеологическое насыщение контекста. Рассмотрев все трансформации ФЕ, обнаруженные в романах (95), мы попытались определить наиболее употребительные способы трансформации ФЕ. Анализ показал: вклинивание (41) составило 43% от общего числа трансформаций ФЕ, замена лексического компонента (24) — 25%, добавление переменного компонента (8) — 9%, фразеологическая аллюзия (7) — 8%, фразеологический повтор (7) — 7%, фразеологическое насыщение (3) — 3%, эллипсис (3) — 3%. Проведенный анализ позволил определить, что наиболее употребительными способами трансформации ФЕ в романах являются вклинивание и замена лексического компонента.

Воссоздание лингвокультурного типажа «шотландец»: типология трансформаций

Тонкопеева Марина Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. С. Петрова

Цель данного исследования — выявить типы переводческих трансформаций, которые используются при передаче особенностей и характеристик лингвокультурного типажа «шотландец» на русский язык. Под лингвокультурным типажом (ЛКТ) мы понимаем представителя определенной этносоциальной группы, типизируемую языковую личность, узнать которую можно через специфические характеристики вербального и невербального поведения, разновидность концепта и персонажа художественного произведения. Под воссозданием ЛКТ «шотландец» понимается совокупность единиц перевода, функционально аналогичных текстовым единицам разных уровней оригинала, которые отражают авторское видение ЛКТ. Материалом исследования

послужили произведения британского автора И. Рэнкина. В ходе работы мы пришли к выводу, что для передачи особенностей ЛКТ «шотландец» используется переводческая трансформация, которая предполагает многочисленные и разнообразные межъязыковые преобразования. Для анализа типов трансформации была использована классификация Ж. Дарбельне и Ж.-П. Вине, основанная на таксономической теории перевода. В рамках исследования удалось выяснить, что группа прямых способов перевода включает следующие типы трансформации: дословный перевод, калькирование, заимствование. Группа непрямых способов состоит из эквиваленции, транспозиции, адаптации, модуляции. Также были выделены еще несколько типов трансформаций, характерных для лингвокультурных аспектов перевода. В их число входят пояснение и опущение. В ходе анализа материала были выявлены случаи использования комплексной трансформации, например: транспозиции и пояснения, опущения и транспозиции, калькирования, опущения и пояснения.

Полюса стратегии доместикации

Оболдина Евгения Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: к. филол. наук., доц. Е. С. Петрова*

Концепция переводческого дуализма давно привлекала внимание исследователей. В процессе перевода происходит столкновение культуры оригинала и культуры перевода, что ставит перед переводчиком непростую задачу выбора стратегии перевода, выбора между очуждением и культурным освоением (доместикацией и форенизацией). Вопрос выбора стратегии перевода был и остается актуальным как в теории и практике перевода, так и в смежных областях знания, таких как межкультурная коммуникация и философия языка, поскольку затрагивает проблемы взаимодействия языка и культуры, языка и мышления. Цель работы — выявить на основе сопоставительного анализа оригинала и текстов перевода основные особенности проявления стратегии доместикации при переводе мужской речи. Использовались метод сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода и метод обратного перевода языковых единиц текста перевода, послуживший диагностическим признаком для отбора высказываний с доместикацией. Основное внимание уделяется анализу мужской речи, которой в целом свойственна некоторая вульгаризация и этическая сниженность высказываний по сравнению с подлинником.

Исследование показывает, что применение стратегии доместикации имеет градуальный характер и проявляется на нескольких ступенях или стадиях. Низшая стадия проявления стратегии доместикации встречается, прежде всего, на морфологическом уровне. Высшая стадия — на лексико-грамматическом уровне в переводе нейтральной лексики, когда переводчик модифицирует текст без видимых на то причин. В ходе исследования был выявлен основной критерий отбора: естественность звучания, которая достигается за счет стереотипных выражений, креативных образований и заполнения лакун номинаций в переводящем языке.

Результаты работы открывают перспективу для дальнейшего исследования в смежных областях, таких как изучение противоположной стратегии — форенизации, а также исследований женской речи в этом направлении.

О переводе иронии в художественном тексте (на материале современной британской литературы)

Козырева Наталия Владимировна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Т. А. Казакова*

Ирония как сложное явление представляет особую актуальность для переводоведения в силу лингвокультурных различий при использовании этого тропа.

Цель доклада — рассмотрение языковых средств выражения иронии в современном британском романе, а также описание особенностей ее актуализации в оригинале и переводе. Материалом исследования послужили романы «Headlong» М. Фрейна и «A History of the World in 101/2 Chapters» Дж. Барнса и переводы на русский язык. Выявленные иронические высказывания были рассмотрены с применением лингвостилистического анализа и метода переводоведческого анализа.

В переводоведческой литературе представлены следующие трансформации, используемые при переводе иронии: полный перевод; добавление, эксплицирующее иронию; культурно-ситуативная замена; переводческий комментарий; антонимический перевод. Как показывает анализ переводческих стратегий, избираемых при переводе иронии в художественном тексте, разные механизмы реализации иронического смысла в тексте произведения требует различных стратегий при переводе.

Распространены случаи, когда ироническая интерпретация основывается на контрасте с широким контекстом. Как следствие, перевод иронического высказывания возможен посредством полного перевода, поскольку необходимый эффект достигается за счет противоречия между высказыванием и ситуацией в целом. Сходным образом, если ирония явным образом выражена в виде антифразиса или в непосредственном контексте содержатся указывающие на нее маркеры (противоречивость, несоответствие хорошо известным социальным стереотипам), она редко вызывает трудности при переводе:

At least we haven't sat through all this delightfulness for nothing.

По крайней мере, мы не просто так наслаждались прекрасным общением.

Перевод иронии в ряде случаев осложняется использованием в целях создания или усиления иронического эффекта разнообразных тропов, таких как литота, оксюморон, гиперболола, эвфемизм, метафора и аллюзия, игра слов. Так, включение в иронический контекст реалий и непереводаемой игры слов представляет для переводчика трудную задачу и может привести к нежелательной утрате иронического эффекта в переводе. Например, переводчик может прибегнуть к антонимическому переводу и пожертвовать иронией текста, передавая при этом имплицитный смысл, ср.:

It's not as if he were above taking a personal interest in the prosecution of religious offenders.

Обычно он проявлял живейший интерес к расправе над религиозными отступниками.

Литота, создающая иронический эффект в исходном тексте, теряется при антонимическом переводе, что лишает высказывание иронической окраски.

Особенности перевода безэквивалентной лексики с русского языка на английский (на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»)

Атаманова Арина Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. пед. наук, доц. М. К. Кабакчи

Исследование посвящено проблеме перевода различных классов русскоязычной безэквивалентной лексики на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» и его переводов на английский язык. Безэквивалентная лексика — это слова, которые нельзя семантизировать с помощью перевода. Они не имеют устойчивых соответствий в других

языках, не имеют смысловых соответствий в плане содержания, свойственных другому языку. Это слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Причинами безэквивалентности являются отсутствие предмета, явления в жизни народа, отсутствие в переводящем языке тождественного понятия, а также различие лексико-семантических характеристик. Анализ перевода безэквивалентной лексики позволил сделать следующие выводы. Во-первых, в переводе романа наблюдаются случаи опущения безэквивалентной лексики, что ведет к неполной передаче всей информации, заложенной в значении культурно-маркированной единицы (*Что проку от этого звона? — How it would help?*). Во-вторых, по частотности употребления различных приемов передачи безэквивалентной лексики чаще всего употребляется гипонимический перевод (40%), далее следует опущение реалий (26%), транскрипция с комментарием (22%) и полукалька (12%). В-третьих, каждый из приемов перевода имеет свои достоинства и недостатки, поэтому следует использовать комбинированные способы перевода культурно-маркированных единиц, например транскрипцию и описательный перевод (*Прокофий раскидал шестерых казаков и, вломившись в горницу, сорвал со стены шашку. — Prokofy flung off six Cossacks, burst into the gornitsa (living room) and grabbed the shashka (Cossack's sword)*). Таким образом, перевод романа «Тихий Дон» признан адекватным, однако в переводе текста романа присутствует достаточно много примеров опущения безэквивалентной лексики, что приводит к частичной утрате национального и культурного колорита оригинального произведения.

Анализ степени соответствия русского переводного научного текста оригинальному источнику на французском языке

Марьяскина Екатерина Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, профессор М. А. Марусенко

В докладе рассматривается проблема адекватности переводного научно-технического текста оригинальному источнику. Эта тема чрезвычайно актуальна в наши дни, когда вследствие развития инновационных технологий появляется множество новых единиц специальной лексики в различных областях. При этом в языке перевода не всегда можно найти точный эквивалент тому или иному термину, который был бы зафиксирован в словаре. Предполагается, что в идеальной ситуации для каждого термина в рамках заданной терминосистемы воз-

можно найти одно-однозначное соответствие в другом языке. Однако на практике мы сталкиваемся как с одно-однозначными, так и с одно-многозначными и с много-однозначными соответствиями. Следовательно, при переводе специальных текстов необходимо прибегать к различным переводческим приемам. В тех случаях, когда речь идет об идеальном термине, перевод представляется несложной задачей, но даже в такой ситуации объем и содержание терминологических единиц оригинального текста могут не соответствовать объему и содержанию терминов в переводе. Цель исследования состоит в том, чтобы определить степень этого соответствия, сопоставив целостные терминосистемы двух текстов.

В ходе работы были поставлены следующие исследовательские задачи:

- 1) проанализировать теоретическую базу по вопросам дефиниции понятия «термин»;
- 2) подобрать материал для проведения исследования и составить список ключевых слов для каждого текста;
- 3) выделить из текстов на основе полученного списка все терминологические единицы при помощи метода опорных слов;
- 4) произвести корреляционный анализ сформированных перечней терминов французского и русского текстов;
- 5) проанализировать результаты и представить их в графической форме.

Материалом исследования послужил труд Н. Бурбаки «Théorie des ensembles» и его перевод на русский язык. Из обоих текстов с помощью опорных слов были выделены терминологические единицы, установлены соответствия между терминами оригинального и переводного источников. Далее была рассчитана корреляция между количеством полных слов в терминах во французском тексте и соответствующей переменной для терминов в русскоязычном источнике. Полученное значение коэффициента показывает, что одновременно с изменением количества слов в терминах первой группы пропорционально изменяется этот же показатель для второй группы.

Таким образом, были сопоставлены объем и содержание всей совокупности понятий текста на языке оригинала с объемом и содержанием понятий переводного текста и были получены данные, свидетельствующие о высокой степени соответствия этих характеристик.

Специфика перевода реалий советской культуры на английский язык

Дымникова Александра Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. пед. наук, доц. М. К. Кабакчи

Цель исследования заключается в выявлении наиболее частотных способов перевода, используемых переводчиком при передаче реалий в художественном тексте. Данная цель предполагает решение ряда следующих задач.

1. Проанализировать научную литературу, посвященную проблеме реалий как слов, имеющих культурный компонент в значении, а также проблемам передачи реалий при переводе.

2. Определить роль реалий в создании культурно-исторического фона художественных произведений.

3. Выявить культурно-маркированные единицы произведений «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

4. Проанализировать способы передачи культурно-исторических реалий в переводах художественных произведений, выявить преобладающий прием передачи фоновых слов.

В качестве материала исследования были использованы тексты романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» и их переводы на английский язык. На первом этапе работы были выявлены реалии, характерные для советского периода 20–30-х гг. На втором этапе был проведен сравнительный анализ оригинала и перевода данных реалий. На третьем этапе были описаны способы, использованные при их переводе. На заключительном этапе был сделан вывод о специфике перевода реалий. Проведенное исследование выявило ряд искажений при передаче реалий русской культуры в англоязычном переводе, что может создать у читателя ложное представление о русской культуре данного периода. Приведем несколько примеров. Лексема *валенки* в английском переводе передается как *felt boots* т. е. переводчик использует описательный метод перевода. В данном случае перевод реалии с помощью описательного метода ведет к частичной потере национального колорита. При передаче реалии *нарзан* была применена транскрипция вместе с определением *Narzan mineral water*, что позволило передать семантику реалии и сохранить ее колорит. В случае с переводом реалии *кефир* произошло искажение, так как в переводе она передана как *mare's milk*, а что является названием кумыса. В данном случае переводчик исказил картину действительности, заменив одну реалию другой. В некоторых случаях реалии при переводе со-

всем опускаются. Таков, например, случай с реалией *субботник*. Такой подход к переводу может нанести вред национальному колориту, так как субботники являлись важным элементом культуры советской реальности. Особую сложность составляет перевод сложносокращенных слов, таких как *Пищетрест*, *Маслоцентр*, *Комбанк*. В эпизодах текста, где фигурируют реалии такого рода, переводчик часто ограничивается их кратким пересказом и опускает реалии. Часть сокращений передана в тексте перевода с помощью слов, объясняющих семантику таких сокращений.

В результате был сделан вывод о том, что национально-исторический колорит произведений был в значительной степени утерян.

Прагматическая эквивалентность при переводе конфронтационного диалога с английского языка на русский (на материале речевых ситуаций, содержащих упрек)

Данилкина Мария Алексеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. С. В. Шилова*

Доклад посвящен проблемам перевода конфронтационного диалога с английского языка на русский, связанным с передачей речевой ситуации упрека в переводе при реализации прагматической эквивалентности. Конфронтационный диалог (далее КД) определяется как тематически ограниченное диалоговое единство (или речевое событие), в центре которого находится иницирующая реплика одного из коммуникантов, выражающая вербальное противодействие другому коммуниканту. Поскольку в КД на первый план выступает интенциональность, особую актуальность приобретает именно прагматическая эквивалентность перевода. Под прагматической эквивалентностью в докладе понимается такой перевод, в котором сохраняется прагматическая составляющая оригинала, прежде всего его интенция при обязательном сохранении структуры оригинала. Речевая ситуация упрека определяется как компонент интерактивного дискурса, включающий иницирующую реплику адресанта (выражающую интенцию упрека) и ответную реплику адресата.

Целью исследования явилось установление закономерностей перевода упреков в КД с английского языка на русский. В рамках исследования была поставлена задача сопоставить способы передачи упрека в КД в русском и английском языках, а также распределить лингвистиче-

ские способы выражения упрека по степени интенсивности выражаемой интенции. Также потребовалось выяснить, в каких случаях в переводных текстах производится отступление от структуры оригинала при реализации прагматической эквивалентности. Материалом исследования послужили 70 примеров КД, которые отражают речевую ситуацию упрека и были собраны методом сплошной выборки из 1800 страниц текста произведений художественной прозы и драматургии английских авторов XX и XXI вв., а также их переводы на русский язык. В результате применения метода прагматического анализа удалось выделить 13 прагматических форм выражения интенции упрека в английском языке и 12 прагматических форм выражения интенции упрека в русском языке. Как в английском, так и в русском языке прагматические формы выражения интенции упрека в целом делятся на речевые акты ассертивного, директивного и интеррогативного типа. Анализ переводов 70 диалогов показал, что в некоторых случаях при переводе происходит переход из ассертивной или директивной формы выражения упрека в интеррогативную или, наоборот, из интеррогативной формы в ассертивную или директивную. Для оценки прагматической эквивалентности таких трансформаций потребовалось провести анализ интенсивности упрека, выражаемого при помощи той или иной прагматической формы, что было сделано при помощи опроса носителей русского и английского языков.

Способы перевода окказиональных лексических единиц (на материале романа Джаспера Ффорде «Дело Джен, или Эйра немилосердия», «The Eyre Affair»)

Казарина Елизавета Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. В. Елисеева

Окказиональные лексические единицы (ОЛЕ) являются важной стилистической составляющей жанра научной фантастики, к которому принадлежит роман Джаспера Ффорде (род. 1961, Fforde) «The Eyre Affair». Перевод ОЛЕ непосредственно влияет на воссоздание художественного своеобразия оригинала. Задачей исследования является классификация ОЛЕ и установление связи между видом ОЛЕ и способом ее перевода.

В романе ОЛЕ представлены следующими группами: имена нарицательные, используемые для обозначения «псевдотерминов»; имена собственные, идентифицирующие человека (антропонимы); имена

собственные, обозначающие организации; имена собственные, отражающие реалии языка. ОЛЕ, созданные для обозначения «научных» понятий, образованы по нормативным словообразовательным моделям языка. В языке перевода «псевдотермины» создаются методом калькирования по аналогии с истинными терминами. Для передачи большинства антропонимов используется метод создания авторского неологизма в языке перевода, так как многие из них являются «говорящими» и содержат в себе характеристику героя. В некоторых случаях применяется метод калькирования и транслитерации. Имена собственные, обозначающие организации и компании, в большинстве своем переводятся методом калькирования с намеренной деформацией внешней формы слова. Особое внимание при переводе уделяется именам собственным, содержащим в себе отсылку к реалиям, существующим в языке оригинала. Для передачи таких ОЛЕ в романе применяется метод создания нового окказионализма, ориентированного на читателя перевода и его фоновые знания.

Проблема перевода рекламных слоганов (на материале романа В. О. Пелевина «Generation “П”»)

Орлова Евгения Алексеевна

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
студент 4 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Кравченкова

Рекламный слоган — лаконичная фраза, выражающая суть рекламного сообщения. Сложность перевода слогана заключается в необходимости не только сохранения оригинальности идеи и воздействующей функции, но и отображения или воссоздания особых средств выразительности, свойственных текстам рекламы.

Слоганы из романа В. О. Пелевина «Generation “П”» (англ. «Babylon») можно поделить на четыре группы: точно переведенные, модифицированные, воссозданные и непереведенные.

1. Точно переведенных слоганов («Деньги пахнут!» / «Money does smell!») в романе большинство. Это может объясняться как простотой их формулировки, так и иными факторами, например отсылкой к тексту, являющемуся прецедентным для обеих культур, общеизвестной исторической аллюзии.

2. Модифицированными слоганами в данном исследовании считаются те, которые по ряду причин подверглись деформации, но сохранили часть, буквально соотносимую с оригиналом («Пока не начался

джаз» / «All that jazz»). Причинами изменений могут быть упоминание реалий, непонятных носителю иной культуры, использование английской и русской лексики в русском слогане или передача русских слов латиницей. В модифицированной цитате часть, не поддающаяся буквальному переводу, может быть опущена, заменена семантически близкой или «допереведена», как в случае использования разноязычной лексики.

3. Воссозданные слоганы («Акции тампоко! / Сегодня — лист бумаги, / А завтра — ведра сока!» // «There's always somebody who cares! Put your trust in Tampoko shares!») сохраняют воздействующую функцию оригинальной фразы, но не отображают ее буквального смысла в связи с непереводаемостью ее языковых или формальных особенностей. Например, для перевода одного из стихотворных слоганов переводчик использует совершенно иной образ, а для сохранения аллитерации и игры слов оригинала заново придумывает соответствующую концепцию рекламного ролика.

4. Причины, по которым слоган остается без перевода, — это невозможность воссоздания средствами языка перевода поговорок, игры слов, а также подбора семантических эквивалентов к аллюзиям и афоризмам, существующим только в рамках культуры исходного текста. Например, «Пусть нету ни кола и ни двора. Спрайт. Не-кола для Нико-лы». В данном случае переводческие потери неизбежны.

Таким образом, главную сложность при переводе слогана представляют такие средства языковой выразительности, как игра слов, тропы, поговорки и афоризмы, обыгрывание омонимии, а также включение реалий, цитат и аллюзий, значимых только для носителей одной культуры, и формальное своеобразие исходной фразы.

Способы перевода стилистически сниженной лексики с английского языка на русский (на материале романа Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»)

Кононова Елена Викторовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. В. Иванова*

Традиционным для английского языка является разделение лексики на нейтральную и стилистически окрашенную, включающую в себя пласт литературной и нелитературной, или сниженной, лексики. Стилистически маркированная лексика характеризуется тем, что наряду с денотативным значением имеет также коннотативное значение,

которое складывается из эмоционального, экспрессивного, оценочного и функционально-стилистического компонентов. Лексика сниженного регистра отличается высоким экспрессивным потенциалом и при использовании в художественных текстах является активным эмоционально-экспрессивным средством воздействия на читателя и средством выразительности. Обладая национальной специфичностью и эмоциональной насыщенностью, стилистически сниженная лексика представляет определенные трудности при переводе. Необходимо принимать во внимание художественную роль данного пласта лексики в литературном произведении: лексика сниженного регистра может быть использована в качестве речевой характеристики героев, как средство оценки персонажей или создания комического эффекта.

Творчество одного из наиболее значимых в американской литературе писателей К. Воннегута получило широкое освещение в трудах литературоведов и критиков. Однако собственно лингвистические особенности языка его произведений, в частности романа «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», до сих пор остаются без внимания. Одной из наиболее ярких характеристик идиостиля писателя является использование лексики сниженного регистра. На основе анализа языкового материала можно заключить, что наиболее часты слова, отмеченные в словаре как разговорная (*buddy, hell, fart* и т. д.) и ненормативная лексика (*shit, bitch* и т. д.). Для анализа способов передачи сниженной лексики в переводе романа «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» было осуществлено сопоставление подлежащих анализу языковых средств с соответствующими единицами текста перевода. Согласно результатам исследования, перевод разговорной лексики произведен с использованием слов и выражений разговорного и нейтрального стиля, в то время как для передачи ненормативной лексики использована, как правило, грубо-просторечная и разговорная лексика. При переводе предложений, содержащих сниженную лексику, переводчик применяет следующие виды трансформации: калькирование, компенсация, замены.

Перевод русской безэквивалентной лексики на английский язык (на примере перевода романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди»)

Карева Мария Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. пед. наук, доц. М. К. Кабакчи

Безэквивалентная лексика, широко употребляемая в художественной литературе, вызывает трудности при переводе. Целью данной работы является выявление оптимальных способов перевода единиц безэквивалентной лексики, используемых при переводе с русского языка на английский. К задачам исследования относятся: определение термина «безэквивалентная лексика», выявление способов ее перевода и их частотность. Материалом исследования были выбраны роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» и его перевод «Poor People», выполненный Хью Аплином (Hugh Aplin) в 2011 г.

В рамках исследования проводится сопоставительный анализ данных произведений с целью выявления безэквивалентной лексики и определения способов ее перевода. Примеры показывают, что некоторая степень искажения текста и утеря значений в некоторых случаях неизбежно сопутствует переводу художественного произведения, но в то же время определенная часть культурно-исторического содержания текста все же сохраняется. Были выявлены такие способы перевода безэквивалентной лексики, как калькирование, опущение элементов словосочетаний, транслитерация, а также приближенный перевод. Наиболее частотными из них оказались транслитерация (*Gostiny Dvor* 'Гостинный двор') и калькирование (*Voskresensky Bridge* 'Воскресенский мост'), которые зачастую используются вместе.

Авторские и трансформированные пословицы в романе «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина как переводческая проблема (на материале русских переводов)

Афанасьев Владимир Алексеевич

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(филиал в Нижнем Новгороде), студент 2 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. В. Г. Зусман

Среди многочисленных проблем перевода романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» отдельно следует выделить вопрос передачи пословиц. Главная трудность заключается не столько в их количестве (108), сколько в происхождении: около 70% пословиц в тексте — ав-

торские и еще 15% — трансформированные традиционные пословицы. В зарубежной толкинистике пословичный фонд «Властелина Колец» изучен мало — Т. Шиппи (род. 1943, Shippey) и А. Тернер (род. 1949, Turner) ограничиваются лишь общими сведениями о толкиновских пословицах; отечественные же исследователи рассматривают лишь несколько пословиц в разных переводах (А. Хананашвили) или анализируют только два русских перевода (А. Фаер). Возникает необходимость более серьезного подхода к анализу таких искусственных паремий, обусловленная их исключительной значимостью в тексте романа.

Пословицы выполняют множество общих функций (стилистическую, эстетическую, дидактическую) и контекстных (сюжетомоделирующую, функцию комментария и оценки, культуuroбразующую). Кроме того, все паремии во «Властелине Колец» наделены важной иллюзионирующей функцией, заключающейся в поддержании иллюзии реальности художественного мира романа. При воспроизведении авторских и трансформированных пословиц предпочтительным методом перевода представляется «псевдопословичное» соответствие (в классификации В. С. Виноградова), предполагающее творческое воссоздание паремии. При этом насущно учитывать не только дидактическое и образное содержание пословицы, ее стиль и лексические особенности (связанные в основном с архаизмами), но и эвфонические характеристики. Также в некоторых случаях пословицы связаны друг с другом на лексическом и генетическом уровнях, что должно быть отражено и в переводе. В докладе кратко описываются особенности пословиц в романе «Властелин Колец»; подробно анализируются три паремиологические единицы: *Where will wants not, a way opens; Where there is a whip, there is a will; Oft hope is born when all is forlorn*. Рассматриваются варианты их воспроизведения в пяти русских переводах, и предпринимается попытка использования метода переводческого окказионализма, призванная найти формально, семантически и стилистически адекватный оригиналу перевод рассматриваемых пословиц.

В существующих русских переводах «Властелина Колец» для многих пословиц не найдено или не изобретено таких соответствий, которые отражали бы особенности оригинальных паремий на должном уровне, что, наряду с другими нерешенными проблемами, обуславливает необходимость создания нового перевода. Кроме того, более обстоятельный анализ толкиновских пословиц способен внести вклад в изучение феномена авторской пословицы, а рассмотрение их переводов — в малоизученный вопрос воспроизведения искусственной и трансформированной фразеологии в художественном переводе.

Исследование стратегии локализации видеоигр (на примере «World of Warcraft»)

Мухаркина Владислава Сергеевна

Челябинский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. культурологии, доц. Н. Ф. Герман

Современные видеоигры — это масштабное социокультурное явление в области развлечений, которое в последние 10–15 лет перестало быть просто способом приятно провести время. В отношении перевода видеоигр чаще всего используется понятие «локализация», и это подразумевает необходимость вносить определенные лингвистические и культурные изменения в продукт для соответствия целевой аудитории, говорящей на данном языке.

Исследование посвящено проблемам локализации видеоигр на примере массовой многопользовательской ролевой онлайн-игры «World of Warcraft». Выбор темы обусловлен тем, что, несмотря на большой объем накопленного опыта локализации видеоигр на русский язык, этот опыт до сих пор практически не рассматривался отечественными исследователями, в то время как исследование локализации является актуальным направлением за рубежом. В качестве гипотезы нашего исследования мы выдвигаем предположение, что переводчик, выбирая определенную стратегию перевода, воздействует на пользователя локализованного продукта таким образом, что пользователь воспринимает локализацию так, как если бы она была создана в его лингвокультурной среде. Успешность восприятия пользователями игрового продукта зависит от применения переводчиками-локализаторами тех или иных переводческих стратегий.

Специфика процесса локализации видеоигр накладывает определенные ограничения на работу переводчика. Так, часто переводчик видит лишь код игры и текст оригинала, не зная контекст происходящего на экране, или переводчику требуется вместить большой объем текста в небольшое диалоговое окно. Для компенсации подобных ограничений переводчику предоставляется большая свобода, и его задача, в первую очередь, передать удовольствие от игры, а не добиваться полной эквивалентности. Эту же цель преследует т. н. транскреация, допускающая трансформацию и пересоздание текста перевода с целью адаптации к реципиенту в данном языке.

Анализ внутриигровых текстов «World of Warcraft» показал тщательный подход к сохранению атмосферы игры. В результате работы были отобраны наиболее часто используемые переводческие стратегии:

- 1) в переводе имен собственных наблюдается тенденция к доместикации;
 - 2) в случаях, где возможно подобрать эквивалентное сочетание, используется стратегия компенсации (например, для перевода шуток);
 - 3) в прочих спорных моментах (например, при передаче акцента речи персонажей), используется стратегия нейтрализации;
 - 4) помимо этого были замечены единичные случаи транскреации.
- В заключение мы делаем вывод, что следование определенным стратегиям перевода позволяет избежать чрезмерно вольного перевода и сохранить единообразие текстов при работе большой команды переводчиков. Перспективой исследования является возможность включения обучения локализации в программу обучения переводу.

Стилистическое использование английских идиом в ораторской речи и проблемы их перевода на русский язык

Михайлова Анастасия Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Н. Лапшина*

1. Ораторская речь представляет собой устное выступление, имеющее целью информирование аудитории и воздействие на нее. Ораторские выступления характеризуются тщательным отбором лексики, чередованием элементов разговорного и книжного языка, использованием различных стилистических приемов.

2. Роль особым образом организованных и взаимодействующих друг с другом в тексте языковых средств представляет собой их стилистическую функцию. Она обеспечивает передачу экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации. Результатом актуализации стилистической функции является стилистический эффект.

3. Ощутимый стилистический эффект в ораторской речи может создаваться за счет употребления идиом — фиксированных сочетаний слов, характеризующихся целостным значением. Идиомы сохраняют образность и осуществляют не только функцию номинации, но и выразительно-изобразительную функцию. Компоненты идиом полностью изменяют свое значение под влиянием друг друга, поэтому замена компонента или компонентов внутри идиомы невозможна без разрушения смысла всей единицы. При этом намеренное нарушение норм употребления идиом может создавать дополнительный стилистический эффект.

4. В докладе рассматриваются идиомы, встречающиеся в современных общественно-политических речах британских и американских ораторов. Выделяются следующие стилистические функции идиом в ораторских выступлениях: функция создания образности, оценочная функция, дескриптивная функция, функция создания интертекстуальности.

5. Для передачи рассмотренных идиом на русский язык применяются фразеологические (перевод с полным сохранением образа, с частичной заменой образа, с полной заменой образа) и нефразеологические (описательный перевод, функциональная замена, калькирование) способы перевода. Встречаются случаи опущения идиомы при переводе (нулевой перевод).

6. Наиболее адекватно передать смысловое значение и стилистическую функцию идиом позволяет использование различных фразеологических способов перевода. Однако при отсутствии эквивалентов идиом в русском языке, нарушении традиционных норм употребления идиом либо в случаях, когда стилистическая функция связана непосредственно с языковой формой исходного фразеологизма, используется нефразеологический перевод, т. е. выбор делается в пользу передачи смыслового значения идиом и адекватной реализации информативной функции текста.

Способы и проблемы перевода звукоподражательных слов на материале русского и немецкого языков

Иванова Анна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Т. В. Пономарева

Углубленному изучению звукоподражательных междометий и производных слов посвящен ряд научных исследований. На основании работ по изучению структурных и семантических особенностей звукоподражательных слов в русском (Е. В. Тишина, З. А. Петкова, С. В. Воронин) и немецком (С. А. Филимоненко, О. А. Хабибуллина) языках было проведено изучение звукоподражаний с позиций переводоведения. Задачей исследования явилось формирование методики перевода звукоподражательных слов с сохранением звукоподражательного элемента в языке перевода, а также выявление факторов, препятствующих осуществлению перевода звукоподражаний с сохранением исходного звукоподражательного элемента языка оригинала. Материалом для исследования послужили звукоподражательные слова русского и немецкого

языков, взятые из диссертации С. А. Филимоненко «Звукоизобразительная лексика в немецком языке», детских книг по методике развития речи с использованием звукоподражаний, а также примеры к статье по звукоподражаниям в «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий. Русский язык» под общей редакцией А. Н. Тихонова и Р. И. Хашимова. В ходе исследования были выявлены характерные особенности звукоподражательных слов в немецком и русском языках, а также их общие функции в тексте, на основании которых была развита идея о нетождественности понятий «звукоподражание» и «междометие». Также был проведен анализ и отбор наиболее эффективных для передачи звукоподражаний переводческих стратегий, описанных в работе Р. К. Миньяр-Белоручева «Теория и методы перевода». В результате исследования для звукоподражаний в чистом виде были отобраны такие методы перевода, как транскрипция, описательный перевод, нахождение эквивалента, конкретизация понятий, метод компенсации, также была рассмотрена возможность заимствования, для звукоподражаний в составе слов были подобраны стратегии нахождения эквивалента, создания неологизма, описательного перевода, антонимического перевода с подбором звукоподражательного антонима, целостного преобразования, а также метод компенсации. Препятствующими достижению максимальной эквивалентности при переводе звукоподражательных слов были признаны такие факторы, как несовпадение артикуляционных баз в русском и немецком языках и, как следствие, различия в фонетических системах, особенности географической среды и культуры народа, говорящего на определенном языке, выбор каждым языком различных составных частей исходного звука как образца для подражания по причине его сложной природы и нередко по причине невозможности точной его имитации средствами определенного языка, а также возможное отсутствие в языке перевода соответствующего звукоподражательного слова, обозначающего данное действие или объект в языке оригинала.

Bad или не bad — вот в чем вопрос!

К аксиологической составляющей концепта «bad taste»

Курова Екатерина Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук., проф. Т. А. Казакова

Ценностный принцип — фундамент культуры. Особой функцией эстетической оценки является ценностная предметность, то есть, по

Ю. В. Мещеряковой, «способность объекта быть значимым для человека», которая отражается и в языковом сознании, и в коммуникативном поведении людей, порождая субъективную интерпретацию ценности — сравнение оцениваемого с неким идеалом или эквивалентом. Применительно к плохому эстетическому вкусу таким эталоном выступает вкус хороший. В данном исследовании термин «bad taste» эксплицирует следующая словарная дефиниция: «Poor, indelicate, or undiscriminating judgement, especially with regard to what is aesthetically pleasing, polite, socially appropriate, or fashionable; (hence) something which results from or embodies this» [Oxford Dictionaries]. Примеры употребления концепта взяты из англоязычных научно-популярных публицистических текстов об актуальных проблемах современного искусства и теории культуры, таких как «Avant-garde and kitch» К. Гринберга, «Notes On “Camp”» С. Зонтаг и т. п. Выбор текстов определен их репрезентативностью: в них содержатся ценные идеи, как укоренившиеся в народном сознании, так и забытые, искаженные или получившие новую неожиданную интерпретацию. Целью исследования является систематизация этих идей и формирование упорядоченного представления о ценностной составляющей концепта «bad taste», создание классификации значений этого концепта. Исследование проводилось в русле функционально-семантического подхода (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф). В работе использованы следующие методы: когнитивно-дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ с учетом лингвокультурной парадигмы, количественный анализ. В результате проведенного анализа аксиологической составляющей концепта «bad taste» мы выделили следующие аспекты:

1) плохой вкус нередко связывают с его популярностью у части населения с низким уровнем образованности (*popular, mass-level, smth. that accedes to the wishes of the masses*);

2. плохой вкус — в некотором смысле продукт индустриальной революции, нечто ненатуральное, неестественное (*artificial, 1. simulacra, imitation, faked sensations*);

3. о плохом вкусе свидетельствует массовость производства того или иного продукта (*1. commercial, consumption, slick and pulp fiction, Hollywood movies, magazine covers, rotogravure sections, calendar girls*);

4. плохой вкус суть нежелание или невозможность сделать над собой усилие и выбрать нечто лучшее (*[Kitsch]pretends to demand nothing of its customers except their money — not even their time; enjoy without effort*).

Виды эквивалентности при передаче терминов в синхронном переводе

Березникова Екатерина Николаевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. Н. Лапшина*

1. Одной из основных трудностей в работе переводчика, как устного, так и письменного, является перевод терминологической лексики. Современная тенденция к детерминологизации терминов, т. е. к всё большему их проникновению в общелитературный язык и, как следствие, сближению по признакам и функциям со словами общелитературного языка, делает задачу по передаче терминов при переводе еще более сложной и неоднозначной.

2. Традиционно лучшим способом перевода термина является поиск прямого терминологического эквивалента, то есть термина в языке перевода, который называет то же понятие, что и термин на языке оригинала. Однако, поскольку термины приобретают новые компоненты значения, в т. ч. стилистические и оценочные, поиск формального компонента не всегда дает желаемый результат.

3. Более того, в условиях работы синхронного переводчика, в связи с жесткими временными рамками, практической невозможностью обращения к справочным источникам и часто ограниченным временем на подготовку данный способ перевода не всегда адекватен поставленной задаче.

4. В исследовании поставлена цель проанализировать стратегии, применяемые в синхронном переводе, с точки зрения типа эквивалентности, которого они позволяют достигнуть.

5. Изучение выступлений политических деятелей на английском и русском языках и их синхронных переводов на русский и английский языки соответственно позволило выделить несколько типов эквивалентности при устном переводе терминов.

6. Можно выделить четыре типа эквивалентности: формально-лексическая эквивалентность (термину языка оригинала соответствует термин языка перевода), семантическая эквивалентность (передача смысловой составляющей термина), прагматическая эквивалентность (воспроизведение эффекта сообщения на слушателя перевода) и стилистическая эквивалентность (переводчик уделяет основное внимание передаче значимого стилистического компонента терминологической единицы).

7. Наиболее часто встречается формально-лексическая и семантическая эквивалентность, что отражает основную направленность

синхронного перевода на передачу исходного сообщения. Первый вид эквивалентности требует знания переводчиком обширного круга терминологии из различных специальных сфер, в то время как второй — умения оперативно применять трансформации для передачи смысла.

8. В докладе также анализируются случаи, когда термин, вне контекста языка для специальных целей, приобретает дополнительную экспрессивную функцию, выражение которой требует сочетания семантической, прагматической и стилистической эквивалентности для сохранения образности высказывания оратора.

9. Анализ приемов устного перевода терминологической лексики и достигаемого эффекта позволяет разработать более четкий подход к специальной лексике в условиях детерминологизации.

Понятийная симметрия терминогрупп «witness» и «свидетель»

Пономаренко Екатерина Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов

Область права представляет собой особую сферу общественной жизни человека, имеющую интернациональное значение, но сохраняющую национальные традиции, специфический язык и культурные особенности. Как и любой другой ЯСЦ (язык для специальных целей), язык юриспруденции представляет собой сложную терминосистему, подразделяющуюся, в свою очередь, на более мелкие терминогруппы.

Единицы, входящие в состав терминогрупп «witness» и «свидетель», были выбраны из нормативных и доктринальных источников, а затем исследованы с помощью метода контрастивного анализа, целью которого является выявление сходств и различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Такой анализ позволил выявить не только языковые особенности терминогрупп, но также и национальную специфику сравниваемых терминологических единиц в русском и английском языках. Различия в объемах рассматриваемых терминогрупп обусловлены специфическими особенностями правовых систем. В странах общего права состязательность является неотъемлемой частью процесса. Фактически именно адвокаты, а также собранные ими доказательства и показания вызванных ими свидетелей формируют фундамент судебного дела. Поскольку исход процесса в странах англосаксонского права зачастую напрямую зависит от квалификации адвокатов, особенности ведения процесса являются актуальным предметом исследований правоведов. Свидетели, как одни из ключевых участников

процесса, также представляют собой интерес для исследователей. Некоторые термины, используемые для обозначения свидетелей в странах общего права, можно условно подразделить на группы, классифицировав свидетелей в зависимости от выполняемой ими роли:

- 1) по стороне, пригласившей свидетеля (*prosecution witness, defence witness*);
- 2) по типу даваемых показаний (*character witness, alibi witness*);
- 3) по допустимости показаний (*competent witness, incompetent witness*);
- 4) по способу получения ими информации (*eyewitness, hearsay witness*);
- 5) по их важности в рамках данного процесса (*material witness*) и т. д.

Российский же процесс изначально построен как процесс судейский, в котором главную роль играет судья, что обуславливает отсутствие необходимости классификации свидетелей по какому-либо из вышеперечисленных параметров, за исключением первого (*свидетель защиты, свидетель обвинения*). Подробная классификация в доктринальных источниках отсутствует.

Таким образом, для рассматриваемых терминогрупп характерна значительная асимметрия. Хотя в правовых терминосистемах обоих языков присутствуют термины, описывающие одинаковый участок правового поля, различие в правовых системах приводят к разному подходу к их членению, в то время как разница между правовыми системами обуславливает появление языковых и понятийных лакун.

Приемы генерализации и конкретизации при переводе Nursery Rhymes

Тимофеева Инна Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. Н. Русецкая

Стихотворения жанра Nursery Rhymes (далее — NR) представляют собой обширный пласт английской литературы и культуры. Несмотря на это, приемы перевода текстов данного жанра малоизучены. NR также являются богатым источником интертекстуализмов, что делает наше исследование еще более актуальным. Научная новизна доклада заключается в постановке проблемы. Несмотря на то что некоторые исследования в области переводов Nursery Rhymes были проведе-

ны, проблема применения генерализации и конкретизации при переводе этого жанра затронута не была.

Целью исследования являлись выявление, классификация и обоснование выбора лексических трансформаций, к которым прибегали переводчики NR. Материалом послужили оригинальные тексты и их переводы, выполненные С. Я. Маршаком, Г. М. Кружковым, О. Г. Битовым и др. Количество примеров в корпусе исследования — 100. В ходе исследования нами был проведен сопоставительный анализ оригинальных текстов и их переводов на русский язык. В результате мы пришли к выводу, что наиболее частой причиной применения трансформаций является необходимость прагматической адаптации текста и сохранения особенностей стихотворной формы. Были также отмечены следующие закономерности. Конкретизация является наиболее частотной лексической трансформацией в наших примерах. При этом часто встречаются привычные для переводческой практики приемы конкретизации глаголов широкой семантики *to say, to do* и существительного *man* (*Here sit his two men — А вот его советник и друг*). Были выявлены и специфические особенности: в изученном корпусе примеров чаще других конкретизации подвергаются обширные видовые понятия *tree, dishes* (*on the tree top — на еловой ветке, wash the dishes — мой тарелки*). К генерализации же авторы переводов данного жанра чаще всего прибегают для передачи культурных реалий (*hot cross buns — пирожочки*), а также в тех случаях, когда системы языков расходятся и слово не имеет точных аналогов (*cobbler — сапожник*) или информация нерелевантна для читателя (*Robert Barnes, my fellow fine — Эй, кузнец, молодец*).

Таким образом, исследование позволяет определить некоторые тенденции в переводе NR и выявить оптимальную стратегию перевода тех NR, которые еще не переведены на русский язык.

Проблема перевода венгерских бытовых реалий на английский язык

Кулагова Людмила Вадимовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов*

Вопрос о передаче бытовых реалий при переводе является актуальным в рамках проблемы перевода единиц безэквивалентной лексики. Реалии, которые, согласно классификации С. Влахова и С. Флорина, можно отнести к категории «быт», включают в себя пищу и напит-

ки, одежду, жилье, мебель, посуду, транспорт и другое. Особый интерес к данной проблеме объясняется в частности и тем, что мы рассматриваем данную проблему в контексте венгерского и английского языков. Исследования реалий для данной пары языков практически не проводились. Целью проводимого исследования является выявление основных тенденций в передаче венгерских реалий на английский язык, а также влиянии выбора переводчика на весь переводной текст.

Анализ примеров бытовых реалий позволил выявить, что при передаче венгерских реалий на английский язык переводчики используют в основном следующие приемы: 1) перевод при помощи функционального аналога: *haricskapuliszka* (кукурузно-гречневая каша) — *stirabout* (каша ирландского происхождения, приготовленная из овсяной и кукурузной муки); 2) генерализация: *pálinka* (венгерская фруктовая водка, палинка) — *drink / booze*.

Результаты анализа примеров показали, что перевод при помощи функционального аналога является частотным, но фактически представляет собой замену реалии одного языка на реалию другого, то есть приводит к искажению содержания реалии, внося смысл, который не подразумевался в оригинале. Данный прием приводит к потере национального колорита за счет употребления аналогов, более понятных носителям языка перевода. С другой стороны, данная стратегия делает текст более доступным носителям языка перевода. Прием генерализации, заключающийся в переходе от частного к общему, встречается реже. Под ним понимается отказ от передачи специфики реалии, употребление более широкого понятия, которое будет понятнее носителям языка перевода, нежели конкретная реалия венгерского быта.

Перевод цветowych эпитетов в поэзии Георга Тракля на примере стихотворения «Im roten Laubwerk voll Guitarren»

Ращупкина Дарья Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: доц. А. В. Елисеева*

Исследование направлено на изучение цветowego компонента в поэзии Г. Тракля (1887–1914, Trakl), а также на анализ передачи этого компонента на русском языке. Эта проблематика уже затрагивалась в работах Е. В. Безмен, Н. В. Пестовой, И. Г. Мальцевой. Доклад продолжает заданную линию исследований в этой области. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на результаты существующих работ, выяснить, какими способами цветowych эпитеты передаются на русский язык в рамках

художественного мира Тракля, насколько адекватны уже существующие варианты переводов, а также какие изменения в поэтической картине Тракля вызывают те или иные переводческие стратегии. В качестве материала исследования взято стихотворение Тракля «Im roten Laubwerk voll Gitarren» (1913). Рассмотрены переводы этого произведения на русский язык, выполненные А. Прокопьевым и Ю. Куимовым.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: дедуктивный, индуктивный, сопоставительный анализ, а также частные лингвистические методы и приемы: метод интерпретации текста, методы лингвостилистического и компонентного анализа и литературоведческий подход.

Основные положения доклада:

1) в тексте стихотворения использованы следующие цветонаименования: *rot, gelb* (2 раза), *golden, braun, grau, grün*;

2) цветонаименования в анализируемом стихотворении являются составной частью эпитетов и метафор;

3) при переводе стихотворения преобладают такие переводческие приемы, как компенсация и частеречная замена, а также использованы конкретизация, метафоризация, присутствуют случаи утраты цветообозначения, в том числе с искажением смысла.

В рамках исследования также представлен авторский перевод стихотворения.

Понятие локализации при переводе пользовательских соглашений

Смоляков Александр Максимович

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. В. И. Шадрин

Пользовательские соглашения являются неотъемлемой частью современного мира. Они определяют права и обязанности пользователей, владельцев и третьих лиц относительно какого-либо программного обеспечения. Нередко пользовательские соглашения составляются на английском языке для продуктов, распространяемых в разных странах, в том числе и в России, что определяет необходимость их адекватного перевода на русский язык. Для удачного сохранения прагматической цели исходного текста, благодаря которой достигается адекватность перевода, переводчики занимаются локализацией.

Основные трудности, возникающие при переводе пользовательских соглашений, заключаются в понимании того, что такое «пользовательское соглашение», знании понятия локализации, а также способов перевода встречающихся трудностей. Решение этих вопросов предпо-

лагает анализ понятия «пользовательское соглашение», изучение того, чем является локализация текста, а также сравнительного анализа проблем локализации на примере пользовательского соглашения.

Под пользовательским соглашением допустимо понимать договор, заключаемый между владельцем программного обеспечения и пользователем копии этого программного обеспечения, в котором указываются права и обязанности обеих сторон. Согласно определению LISA, локализация — это процесс, во время которого осуществляется подходящая к определенному региону лингвистическая и культурная обработка продукта. С точки зрения переводоведения локализация включает в себя как перевод текста на язык целевой аудитории с изменением языковых стандартов, так и адаптацию экстралингвистического материала, сопровождающего продукт.

Локализованным можно считать любой текст, при переводе которого была произведена хотя бы одна трансформация, нацеленная на определенную группу читателей. Сравнительный анализ пользовательского соглашения указывает на то, что в процессе локализации изменяются не только данные, подходящие одной целевой аудитории, но и разнообразные элементы оформления документа в случае необходимости. Результаты проведенных исследований дают основание утверждать, что рассмотренные решения поставленных в работе вопросов помогут переводчику во время локализации пользовательских соглашений.

Анализ лексических переводческих трансформаций с помощью метода булевой алгебры и логических врат при переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Лифшиц Екатерина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. И. В. Недашков

В работе описан метод исследования лексических переводческих трансформаций с помощью приемов булевой алгебры на материале переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» М. Гленни (M. Glenny) и Р. Пивера и Л. Волохонской (R. Pevear and L. Volokhonsky). Автор теоретически обосновывает метод, описывает его процедуру, поясняет примерами и доказывает актуальность.

Лексические трансформации — это приемы логического мышления, их можно лаконично и точно описать с помощью математической логики. В работе для этого применяется метод булевой алгебры и ло-

гических врат. С помощью этого метода трансформации анализируются на трех основных присущих роману Булгакова «ценностных» уровнях — стилистическом, философском и культурологическом. Используемый метод — с учетом этих уровней — заключается в анализе и сопоставлении формы и значения выражения в переводе. В зависимости от оценки их адекватности им присваивается значение «1» или «0». Затем по определенным правилам составляется таблица значений на всех трех ценностных уровнях. На основании таблицы выводятся общие логические закономерности оценки адекватности трансформаций, а также специфические особенности анализа на отдельных уровнях. На последнем этапе все три уровня складываются на основе логических врат AND. В итоге получается таблица значений, по которой оценивается адекватность перевода в целом и количество необходимой компенсации. Метод, описанный теоретически, в работе иллюстрируется на примерах трансформаций в переводах романа Булгакова:

Пример 1: *Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!* — *three years in Solovki asylum* (Glenny) ... *a three-year stretch in Solovki* (PV). В переводе Glenny и форма, и значение — «0», так как *asylum* — ‘психбольница’, а Соловки — лагерь заключенных. Поэтому фактор реалий (культурологический) получает «0»: перевод неадекватен. В переводе PV соблюдены и форма, и значение: он адекватен.

Пример 2: *(Иван) Бездомный* — *Homeless* (PV) *Bezdomny* (Glenny) У PV: форма — «1» (калькирование), значение — «1». Булгаков, дав своему герою именно такое имя, подчеркнул его неприкаянность. Значит философский фактор (идея) передана здесь адекватно («1»). У Glenny форма сохранена с помощью транслитерации («1»), а значение — «0», так как *Bezdomny* — лишь набор букв для англоязычного читателя и не отражает идей, вложенных Булгаковым в имя.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что с помощью описанной простой модели анализа трансформаций можно обработать большие массивы данных и получить статистически достоверные выводы. Дальнейшая разработка метода приблизит переводческий анализ трансформаций к логическим принципам программирования и созданию компьютерной программы анализа адекватности художественного перевода.

Специфика актуализации концепта «современная женщина» в переводческой перспективе (на материале произведения Н. Вульф «Миф о красоте»)

Егорова Мария Сергеевна

Московский городской педагогический университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. М. Иванова

Исследование специфики актуализации концепта «современная западная женщина» в переводческой перспективе проводится на материале произведения Наоми Вульф (род. 1962, Wolf) «Миф о красоте» («The Beauty Myth», 1990). Главной идеей книги является то, что в современном обществе женщину воспринимают как красивый объект, ее задачами является воспитание детей, зарабатывание денег и сохранение мира в семье. Вульф, яркий представитель феминизма «третьей волны», отмечает, что, несмотря на то что к XXI в. женщины получили гораздо больше прав, они все равно остаются ограниченными в своих действиях — если женщина пытается отклониться от сложившихся гендерных стереотипов, она так или иначе подвергается наказанию.

Актуальность исследования определяется как оригинальным материалом, так и значительным общим интересом к изучению способов концептуализации действительности в различных языках и культурах и, в особенности, к гендерным концептам. Если лингвокогнитивный концепт понимается как инструмент, при помощи которого в сознании индивида обрабатывается и систематизируется информация, поступающая из внешней среды и структурируются смыслы, то лингвокультурный концепт, рассматриваемый в рамках лингвокультурологии, отличается национальной маркированностью и несет в себе культурные смыслы. В задачи настоящего исследования входит описание структуры и содержания концепта «современная западная женщина», установление сходств и различий в восприятии образа женщины в английской и русской лингвокультурах, а также анализ перевода фрагментов книги на русский язык, представляющих собой случаи использования переводческой адаптации, обусловленные гендерными несовпадениями в английской и русской языковых картинах мира.

Применение методик сопоставительного анализа, контекстуального анализа и контент-анализа позволило собрать более 400 контекстов с гендерной лексикой и распределить собранный материал по нескольким тематическим классам, которые предположительно представляют собой ключевые признаки концепта «современная западная женщина», в их числе внешний вид (*lean as the model* 'такой же худой,

как модель'), общественная функция (*the working woman is **visible*** 'работающая женщина становится заметной'), ожидаемый характер (*woman being **loosened*** 'влияние на женщин ослабевает'), социальный статус (*the affluent, educated, liberated women* 'материально обеспечены, образованны и обладают прежде недоступными для них правами') и др. Лексика, используемая Вульф для вербализации того или иного признака, включает в себя оценочные лексемы, которые позволяют получить представления о современных западных гендерных стереотипах, ср.: *a **flawless** beauty / thin **ideal** / sick religious **babies***, и провести соответствующие сравнения с представлениями о женщине в русской языковой картине мира.

Прецедентные имена и их перевод (на материале компьютерных игр)

Пономарев Гавриил Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Л. Н. Григорьева

1. Материалом исследования послужила компьютерная игра *The Witcher 3: Wild Hunt* (рус. «Ведьмак 3: Дикая Охота»), созданная на основе серии рассказов «Ведьмак» польского писателя-фантаста А. Сапковского (1986). В 1995 г. по мотивам его книг появился ряд комиксов. В 2001 г. вышел телесериал из 13 серий. Игра *The Witcher* (2007) как мультимедийный проект была запущена М. Ивински и М. Кичински. За перевод и локализацию на каждый конкретный язык отвечали отделы локализации местных представительств CD Projekt RED. В России этот проект осуществляется под руководством Н. Шведа.

2. В качестве объекта изучения выступают прецедентные имена из вышеуказанной игры и способы их перевода (к сравнению привлекаются варианты игры на русском, польском, английском и немецком языках). Под прецедентными именами понимаются широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб (Е. А. Нахимова).

3. Образ титульной фигуры ведьмака встречается в славянской мифологии: «Ведьма́к — I. м. разг. Человек, связанный — по народным поверьям — с Дьяволом и способный вредить людям, насылать болезни, портить скот, урожай и т. п.; колдун. II. м. разг. Человек, обращенный или — по мифологическим представлениям — способный превра-

щаться с помощью волшебства в какое-либо животное или в какой-либо предмет; оборотень» (Т. Ф. Ефремова. Современный толковый словарь русского языка).

4. Перевод имени главного героя данной компьютерной игры на английский язык осуществлен с помощью слова *witcher*, ассоциирующегося исключительно с данной игрой. Крупные словарные издания, например «Dictionary of mythology, folklore and symbols», как и многие англоязычные интернет-ресурсы, не содержат подобной словарной статьи. Перевод данного слова на немецкий язык осуществляется с помощью *Hexer*, при этом данная лексема также отсутствует в «Wörterbuch der Mythologie aller Völker» и прочих источниках. Ведьмак как мифологическое существо представлен в англоязычной Википедии, статья о нем называется «Vedmak» со ссылками на русскоязычные и белорусскоязычные словари и источники.

Англо-русские терминологические эквиваленты в области локализации веб-сайтов

Губина Мария Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов*

Увеличение объема интернет-услуг и роли сети Интернет как средства коммуникации и маркетинга обусловили интенсивный рост индустрии локализации веб-сайтов в последнее десятилетие. Следствием развития услуг локализации в разных локалях стало формирование терминологии этой индустрии на разных национальных языках. Отраслевая терминология указанной области находится в процессе активного развития, чему способствует в том числе межъязыковое взаимодействие в рамках индустрии.

Анализ англо-русских эквивалентов в области локализации веб-сайтов осуществлялся на основе сопоставительного и компонентного анализа терминологических дефиниций на разных языках, собранных из отраслевых глоссариев. В процессе анализа было обнаружено три общих случая межъязыкового соотношения понятий — полная эквивалентность, частичная эквивалентность и безэквивалентность. Преобладающим типом эквивалентности анализируемой области является частичная эквивалентность, наблюдаемая нами в 10 из 22 проанализированных примеров, при этом в 7 примерах было отмечено отсутствие терминологического эквивалента в русском языке. Результаты исследования позволили нам сделать вывод о том, что терминология индустрии

стрии локализации веб-сайтов находится на этапе активного развития, вследствие чего наблюдается недостаток стандартизации и полной эквивалентности терминологических единиц данной области.

ДИСКУРС И ТЕКСТ

Коммуникативные интенции участников интернет-коммуникации: отражение базовых культурных ценностей

Шестопалова Анна Михайловна

Московский городской педагогический университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. О. А. Сулейманова

В докладе рассматриваются коммуникативные интенции участников интернет-коммуникации на тему путешествий, определенные системой ценностных ориентаций. Несмотря на наличие ряда работ, посвященных изучению интернет-коммуникации в рамках различных сфер (социология, политика, медицина, лингвистика и др.), а также работ, направленных на изучение коммуникативных интенций, установок и поведения участников коммуникации, в настоящее время коммуникативные интенции участников интернет-коммуникации на тему путешествий не представляются достаточно изученными.

В докладе отмечается, что, опираясь на теорию человеческой мотивации А. Маслоу, можно предположить, что в основе коммуникативных интенций лежат определенные потребности, желания, которые индивид стремится удовлетворить. Например, в рамках интернет-коммуникации участники делятся информацией о своем опыте, проявляют стремление найти общие интересы, поддержать контакт с собеседником и др. Таким образом, можно выделить несколько типов коммуникативных интенций в рамках данного вида интернет-коммуникации. Анализ комментариев пользователей на тему путешествий с опорой на теорию речевых актов показал, что большинство комментариев сопровождалось фотографиями, что помогало выделить имплицитную перформативность. Например, комментарий одного из пользователей *Admiring so much beauty here in Costa Rica!* сопровождался фотографией, изображающей человека, явно пребывающего в радостном настроении. Опираясь на данное сопровождение, представляется возможным «развернуть» данное предложение в высказывание *I*

am admiring ... с отчетливой перформативностью: то есть пользователь в момент воспроизведения данного высказывания осуществлял соответствующее действие, описываемое глаголом *to admire*.

В докладе отмечается, что языковое поведение участников коммуникации отражает базовые культурные ценности. Следовательно, можно предположить, что наряду со стремлением удовлетворить определенные потребности, коммуникативные интенции также отражают базовые культурные ценности участников коммуникации.

Вербальные и невербальные составляющие воздействия в блоге: феномен цвета

Ильин Михаил Игоревич

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Е. И. Варгина*

Целью исследования стало выявление особенностей взаимодействия вербальных и изобразительных компонентов в постах, включенных в среду английских блогов, в рамках исследования феномена цвета и с той точки зрения, что авторы текстов стремятся целенаправленно воздействовать на читателей. Актуальность исследования связана с тем, что при сегодняшнем активном развитии компьютерных технологий и интернета изучение процессов коммуникации в новых средах, в частности в среде блога, представляется крайне важным. Материалом для исследования стали посты, размещенные в английских блогах, основанных на платформе «Blogspot».

Результатом исследования стали следующие выводы.

1. В зависимости от того, стремится ли автор поста сообщить факты или выразить чувства, ориентируется ли больше на читателей или на себя, он по-разному организует взаимодействие вербальных и изобразительных компонентов и использует феномен цвета.

2. Цвет и его вербальное представление играют важную роль в осуществлении комплексного воздействия на читателя поста.

3. Прослеживается определенная взаимосвязь между разными способами воздействия на читателя и разными вариантами использования феномена цвета.

В дальнейшем планируется продолжить исследование постов в блогах.

Эмотивные побудительные высказывания

в речах американских политиков

Попова Татьяна Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. К. Вьюнова

Выступления политиков направлены либо на широкую публику, либо на ограниченный круг лиц. Целью данных выступлений является не только передать информацию, но также побудить слушающего к действию или не допустить его совершения. Отмечается, что одним из самых сильных способов воздействия на слушающего является передача ему сообщения, имеющего дополнительную эмоциональную нагрузку. Реализуемая с помощью языковых средств эмоция, является эмотивной составляющей высказывания. Целью доклада является выявление основных способов реализации побудительности и эмотивности в речах американских политиков. С помощью метода компонентного анализа из выступлений американских политиков были отобраны высказывания, имеющие побудительное значение и эмотивную составляющую. В результате было выявлено, что как эмотивность, так и побудительность в большинстве высказываний определяется семантикой используемых слов. Высказывания с глаголами в повелительном наклонении, а также традиционно ассоциируемая с побудительностью конструкция «Let + дополнение + глагол» используются реже, чем лексика, обозначающая просьбу или предложение (*I ask you to live your lives, and hug your children*), модальные глаголы (*So we must maintain defenses of unassailable strength*). Также стоит отметить, что значительная часть высказываний включает в себя сложноподчиненные предложения с придаточными условия, в которых указывается, что для достижения положительного результата либо недопущения отрицательного результата требуется выполнение или невыполнение какого-либо условия (*If we take bold steps to better the lives of women, we will be taking bold steps to better the lives of children and families too*). Большинство высказываний направлены на то, чтобы вызвать у слушающего тревогу / страх, возмущение, воодушевление.

Английские номинативные рекламные слоганы:

синтаксис и прагматика

Михалькова Оксана Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. С. Петрова

Среди английских рекламных слоганов наиболее распространены являются номинативные рекламные слоганы. Под номинативными рекламными слоганами мы понимаем слоганы, представляющие собой структуры, основным элементом которых является существительное. Данная группа слоганов разделяется на две крупные подгруппы: слоганы, состоящие из единичных номинативных структур, и слоганы, состоящие из парцеллированных параллельных номинативных структур. Синтаксический строй слогана и реализуемые в нем стратегии находятся во взаимной зависимости.

Большинство слоганов, состоящих из единичной номинативной структуры, в силу своей краткости реализуют эмоциональные рекламные стратегии, такие как: стратегия «имидж марки», «резонанс» и стратегия уникального торгового предложения. Слоганы данного типа метафоричны: используемые образы отождествляются с рекламируемым объектом, имплицитно наделяя его рядом положительных характеристик. В слоганах, состоящих из параллельных номинативных структур, реализуются как эмоциональные, так и рациональные стратегии: стратегия позиционирования (указание на свойства товара, результат его применения или на предназначенность товара для определенной категории людей), контактоустанавливающая стратегия, а также стратегия преимущества. Реализация рациональных стратегий становится возможной благодаря наличию причинно-следственных связей между парцеллированными частями слогана. Отметим, что в большинстве случаев данные связи являются имплицитными, а части слогана воспринимаются как указание на несколько отдельных преимуществ рекламируемого товара.

Подавляющее большинство слоганов сочетает в себе сразу несколько стратегий, некоторые из которых выражены эксплицитно, а некоторые — имплицитно. Совмещение нескольких стратегий в одном слогане позволяет повысить убедительность слогана и расширить аудиторию, на которую он оказывает воздействие.

Особенности языковой репрезентации погодно-климатических явлений (на материале англоязычных газет)

Токмаков Данила Вячеславович

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Э. И. Мячинская

Языковая картина мира представляет собой совокупность всех знаний о мире, запечатленных в языковой форме. Языковая картина мира репрезентируется средствами языка, отражается в сознании носителя и находит свое воплощение в разного рода текстах. В нашем случае в качестве источников языкового материала выступают следующие англоязычные печатные издания: *The New York Times*, *Los Angeles Times*, *The Boston Globe*, *The Guardian*, *The Daily Telegraph*, *The Times of India*, *Hindustan Times*, *The Hindu*. Необходимо отметить, что анализу подвергается материал, связанный с погодно-климатическими явлениями (статьи, прогнозы погоды). Целью работы является изучение особенностей языковой репрезентации погодно-климатических явлений. Задачи исследования: 1) изучить методы презентации информации, связанной с погодно-климатическими явлениями; 2) проанализировать используемые языковые средства; 3) выделить все необходимые дополнительные компоненты, встречающиеся при описании погодно-климатических явлений. Пример №1: *It was the worst in Italy since a 6.9-magnitude earthquake struck Eboli, south of Naples, in 1980, killing more than 2,700 people*. В данном примере в качестве специальных лексических изобразительно-выразительных средств языка выступает сравнение, выраженное превосходной степенью прилагательного *bad*. Превосходная степень «*the worst*» показывает, что данный признак природной катастрофы проявляется в наибольшей степени. Пример №2 (комментарий, сделанный очевидцем событий): *I was so scared I climbed under the mattress*. Необходимо отметить, что употребление такого эмотивного глагола, как «*to scare*», демонстрирует наличие эмотивной составляющей высказывания. В статьях встречается эксплицитное лексическое средство градации, выраженное интенсификатором («*completely*» в словосочетании *completely dark*). Наличие эмфатической конструкции «*all by herself*» в примере *It's just her alone now, lying in the morgue all by herself* заставляет реципиента задержать свое внимание на высказывании, придавая ему большее значение. Присутствует также информация, связанная с мерами, направленными на ликвидацию последствий катаклизмов. Необходимо отметить и факт наличия в статьях статистических данных, таблиц и информации, свойственной научному и научно-популярному стилям. Выводы: 1) из-за наличия

различного рода элементов, свойственных научному стилю, наблюдается смешение научного и публицистического жанров повествования; 2) статьям характерна экспрессивная окраска, которая обусловлена и выбором языковых средств (эмфатические конструкции, эмотивные глаголы), и содержанием событий; 3) можно выделить три компонента, которые формируют газетную статью (погодно-климатическое явление; комментарии очевидцев; последствия, выраженные действиями, направленными на ликвидацию последствий катаклизмов).

Лексико-стилистические средства убеждения в английской ораторской речи

Зайцев Александр Андреевич

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. В. Елисеева*

1. Изучение особенностей ораторской речи в англоязычной среде позволяет проследить динамику употребления языковых единиц, участвующих в образовании ряда общественно важных дискурсов. При исследовании ораторской речи в аспекте лингвистической прагматики важное место занимает изучение прагмалингвистической категории выбора. Проблема сознательного и мотивированного выбора говорящим определенных языковых единиц занимает особое место в контексте прагмалингвистического анализа публичной речи.

2. Публичная сфера коммуникации предъявляет особенно высокие требования к отбору говорящим необходимых средств из набора языковых единиц, являющихся равнозначными с точки зрения языковой системы, то есть вне конкретного коммуникативного контекста.

3. В рамках публичной речи наравне с информационной функцией языка важную роль играет воздействующая функция. Эффективность речевого воздействия определяется использованием речевых средств и стилистических приемов, обладающих повышенной степенью экспрессивности, а также выбором из ряда возможных лексических единиц тех, которые содержат коннотативные семы, повышающие выразительность речи оратора.

4. Категория выбора тесно связана с эмоционально-оценочной лексикой, которой ораторы зачастую отдают предпочтение. В контексте публичной коммуникации ораторы уделяют особенное внимание лексическим единицам с ярко выраженным коннотативным значением, позволяющим им выразить свою оценку эксплицитно и экспрессивно. Именно эмоционально-оценочная лексика содержит наиболее ярко

выраженные коннотации, повышающие степень выразительности, которая позволяет более активно влиять на эмоциональное восприятие информации реципиентами.

5. Используя в публичной речи эмоционально-оценочную лексику, ораторы могут выбирать лексические единицы с той или иной степенью интенсивности оценки. Представляется интересным проследить за тем, как в зависимости от контекста англоязычные ораторы употребляют в речи лексические единицы со слабой, средней или интенсивной степенью оценки.

Сопоставительный анализ новогодних обращений глав государств к народу (на материале немецкого и русского языков)

Невская Ольга

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Л. Н. Григорьева*

1. Новогоднее обращение главы государства к народу представляет собой особую разновидность или тип текста, который отличает смешанный жанровый характер, поскольку ему присущи черты, с одной стороны, политического, а с другой, поздравительного текста.

2. К особенностям политического текста можно отнести денотативное содержание и отбор тем, получающие отражение, в частности, в лексическом наполнении, характерном для политического дискурса.

3. К особенностям текста поздравлений относится наличие непосредственного обращения к адресату, перформативных поздравительных формул и пожеланий.

4. В качестве материала для сопоставительного анализа послужили тексты новогодних обращений на русском и немецком языках накануне 2017 г. глав государств России (В. В. Путин), Белоруссии (А. Г. Лукашенко), Германии (А. Меркель), Швейцарии (Д. Лойтхард).

5. В процессе исследования в данном типе текста были выделены следующие коммуникативные блоки: обращение к адресату, итоги уходящего года, планы на будущий год, благодарность, пожелания / наставления; некоторые из них являются обязательными, а некоторые — факультативными.

6. На основании изученного текстового материала были выявлены свойственные данному типу текста коммуникативная цель, описание образа автора и адресата, образ прошлого и будущего.

7. В результате проведенного анализа были установлены черты сходства и отличий между сравниваемыми образцами текстов ново-

годних обращений глав различных русскоязычных и немецкоязычных государств, что позволяет сделать вывод о наличии в сравниваемых языках как прототипических средств данного типа текста, так и идиоэтнических моментов, отличающих эти типы текста друг от друга и отражающих культурно-специфические особенности каждой из стран.

Образ России в англоязычном публицистическом дискурсе (лингвистический аспект)

Баранова Анна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. И. В. Недялков

Исследование посвящено лингвистическим приемам репрезентации современного образа России в англоязычном публицистическом дискурсе. Актуальность обуславливается тем фактом, что национальный образ, тиражируемый в СМИ, непосредственно связан с международной политической и социально-экономической обстановкой и формирует отношение читателей к иностранному государству. Цель исследования — выявление и изучение лингвистических приемов репрезентации образа России в СМИ Великобритании и США. Для достижения цели решались следующие задачи: 1) рассмотреть понятие национального образа с точки зрения имагологии; 2) охарактеризовать основные черты западного образа России; 3) выявить способы лингвистической репрезентации образа России; 4) исследовать приемы описания образа России с точки зрения лексикологии и стилистики; 5) провести лингвистический анализ англоязычного образа России по основным тематическим направлениям. Исследование проводилось на материале английских веб-сайтов BBC и The Guardian и американских сайтов CNN и The New-York Times за 2015-2016 гг. В ходе работы отбирались статьи, связанные с Россией, после чего проводился лингвистический анализ текстов статей. Отобранные примеры подпадают под собственно лингвистическую или тематическую классификацию. Лингвистическая классификация включает в себя четыре уровня анализа: 1) денотативный, связанный с использованием безэквивалентной лексики (*the Kremlin, babushka, intelligentsia* и т. д.); 2) коннотативный, включающий в себя коннотативно окрашенную лексику (*The accumulation of recent Russian provocations is **daunting***); 3) ассоциативный, использующий устойчивые ассоциации с Россией (*The **post-cold war era** is over, and a new era has begun. **Cold war 2.0***); 4) метафорический, связанный со всевозможными средствами выразительности и стилистическими прие-

мами (*Russia will always have some success in trying to sow political divisions among the EU's 28 member states*). Тематическая классификация лексем необходима для лингвистической характеристики следующих аспектов образа России: 1) внешняя и внутренняя политика; 2) образ президента; 3) российские СМИ; 4) международные спортивные события с участием России; 5) российская культура. В результате исследования выявляются основные приемы, используемые в англоязычных СМИ для формирования и тиражирования образа России. Показано, что на современном этапе лингвистические средства играют существенную роль в реализации негативного имиджа России в англоязычных странах.

К вопросу о концептуализации миграционного кризиса в Европе 2015–2017 гг.

Бузыкина Анастасия Алексеевна

Московский городской педагогический университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. Г. Лукошус

С позиций когнитивной лингвистики рассматривается концептуализация миграционного кризиса на материале англоязычной и русскоязычной версий сайта BBC. Одной из задач исследования концептуализации является изучение основных подходов к интерпретации данного явления, а также определение средств концептуализации объектов внеязыковой действительности. Отметим, что в настоящее время существует несколько подходов к интерпретации понятия «концептуализация». Наиболее разработанными из них являются лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Несмотря на существование двух подходов к определению концептуализации, между ними не наблюдается существенных противоречий. Автор рассматривает концептуализацию как процесс образования и формирования концептов в сознании, осмысление новой информации.

В ходе исследования были выявлены следующие средства концептуализации: а) лексические средства, позволяющие рассматривать номинацию самого миграционного кризиса и его характеристик с использованием лексических единиц разной частеречной принадлежности, например, *Полиция отмечает, что из-за этого мигранты задерживаются в Македонии и оказывают **негативный** эффект на жизнь в стране*; б) грамматические средства концептуализации, где задействованы морфологические (формы степеней сравнения прилагательных и наречий) и словообразовательные (префиксы *un-*; *in-*; *im-*; *ir-*; *over-*; *il-*;

re- и суффикс *-less*) механизмы, например, *Mr Orban has previously described the quotas as «illegal and unreasonable», saying they «could redraw Europe's cultural and religious identity»*. — Мистер Орбан уже заявлял, что квота мигрантов является **незаконной** и **неразумной**, а сами мигранты могут **нарушить** европейское культурное и религиозное самосознание; в) стилистические средства, среди которых можно выделить метафору как политический инструмент убеждения, например, *Меркель также делала большую ставку на Турцию: в обмен на 3 млрд евро и перспективу отмены виз для турецких граждан Анкара обязалась затормозить **поток мигрантов** через узкие проливы в Грецию*. Известно, что различные виды метафор являются средством политической пропаганды с возможностью воздействия на восприятие мировых событий и действий политиков.

Техники речевой манипуляции в судебном состязательном дискурсе

Черненко Инна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. Н. Кондрашова

Доклад посвящен исследованию приемов языкового манипулирования как одного из видов косвенного речевого воздействия в судебном состязательном дискурсе. Судебная коммуникация рассматривается в работе как вид институционального, статусно-ориентированного общения, которому присуща высокая степень конвенционализации и регламентированности. Судоговорение происходит в контексте, который строго детерминирован судебными процессуальными нормами, однако участники судебного разбирательства преследуют цели, выходящие за пределы непосредственно состязательного дискурса. Борьба, конфронтация, агональность являются неизменными составляющими судебного спора и предоставляют широкий простор для выбора тех или иных речевых приемов и уловок. В связи с этим представляет собой интерес исследование того инструментария стратегий, которые позволяют участникам правового процесса манипулировать информацией для достижения собственных прагматических целей.

Цель работы — идентификация и анализ механизмов реализации речевого манипулирования в условиях судоговорения. В ходе исследования применяются методы прагмалингвистического, семантического и контекстуального анализа, эмпирическим материалом для которых являются аутентичные фрагменты судебных заседаний Верховного Су-

да США, а также отрывки из оригинальных текстов произведений Джоди Пиколт, Эрла Гарднера и Джона Гришема, содержащих эпизоды судебного состязательного процесса.

В ходе анализа различных таксономий способов речевого воздействия были выделены ключевые параметры речевой манипуляции и ее конститутивные элементы, а именно было установлено, что:

— манипулятивный потенциал дискурса обусловлен не столько наличием специфических единиц лексического, грамматического и синтаксического уровней, сколько особой интенциональностью, неявным воздействующим характером высказывания и коммуникативным контекстом;

— языковые механизмы, лежащие в основе манипулятивных высказываний, задействуют неявный, завуалированный пласт лингвистических данностей, который не всегда возможно отделить от собственно информационного содержания;

— манипулятивные высказывания апеллируют к иррациональному и эмоциональному в психике реципиента, воздействуют на него путем активизации бессознательных образов, ассоциаций и эмоций и не подвергаются критическому суждению.

В результате анализа эмпирического материала были выделены такие техники речевого манипулирования, как: коммуникативный саботаж; навязывание умозаключений; предвосхищение выводов; конструирование подозрений; софизмы (подмена понятий и тезисов; логическая диверсия); эристические уловки (просеивание фактов; селекция и акцентирование информации; «чтение в сердцах»; подведение под противоречие и др.); техники психологического давления.

Жанр «Abschiedslied» в немецкой фольклорной традиции и его параллели в русском фольклоре

Королева Анна Витальевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Л. Н. Пузейкина*

Народная песня является предметом изучения не только музыковедения, но и лингвистики. Немецкая фольклорная традиция представлена многообразием песенных жанров, к которым относятся старинные баллады, песни о любви, военные, солдатские, шуточные, застольные песни и многие другие. Для данного исследования особый интерес представляет жанр «Abschiedslied», который объединяет прощальные песни, связанные с расставанием в том или ином его виде.

Наша задача в рамках доклада состоит в том, чтобы проанализировать развитие этого жанра в немецком фольклоре и выявить его параллели в русской фольклорной традиции.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью данной темы в лингвистике, а также тем, что анализ устного народного творчества с точки зрения лингвокультурологии может способствовать более глубокому пониманию особенностей мировоззрения людей, принадлежащих к разным культурам.

В качестве материала исследования привлекались немецкие и русские народные песни из песенных сборников середины XIX — середины XX вв. В работе применялся описательный метод, включающий сбор, обработку и интерпретацию материала, сравнительно-сопоставительный метод, а также метод лингвокультурологического анализа для изучения особенностей проявления мотива прощания в песнях русской и немецкой традиции.

В русском песенном фольклоре, в отличие от немецкого, прощальные песни не принято выделять как особый жанр. Однако в ходе исследования было установлено, что мотив прощания является универсальным для обеих культур. Тема прощания чаще всего возникает в немецком фольклоре в песнях странствующих подмастерьев, что обусловлено многовековыми традициями немецкого народа, в военных песнях и песнях жанра «Auswandererlied», распространенных среди немцев, эмигрировавших в Америку, а также исполнявшихся немецкими колонистами на территории России. Сопоставительный анализ немецкого и русского песенного фольклора дает возможность расширить рамки исследуемого жанра и обратиться к более широкому пониманию мотива прощания — как этапа перехода человека от старого к новому, из одного состояния в другое. В связи с этим можно утверждать, что данный мотив присутствует в русской и немецкой традиции также в ритуалах прощания с умершими и в рамках свадебного фольклора.

Анализ русских и немецких народных песен с мотивом прощания можно продолжить как с целью более подробного изучения культурного и исторического фона возникновения данного жанра, так и в рамках лингвистического исследования, концентрируя внимание на специфике лексического и грамматического оформления прощальных песен в русском и немецком фольклоре.

Метаязыковая характеристика «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1757) и ее перевода на немецкий язык («Rußische Grammatick», 1764)

Рычкова Анастасия Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: проф. К. А. Филиппов*

В ходе исследования был проведен анализ текстов «Российской грамматики» М. В. Ломоносова на русском и немецком языках на предмет его метаязыковых особенностей. При сравнительном анализе следует учитывать тот факт, что, хотя оригинальный текст был написан на русском языке, нельзя оставлять без внимания влияние немецкой научной традиции на работу Ломоносова (Ломоносов проходил обучение за границей под руководством Х. Вольфа).

Анализ предполагает обращение к тексту в разных аспектах: лексическом, структурно-синтаксическом, семантико-прагматическом. На лексическом уровне были подробно рассмотрены закономерности использования терминов в русской и немецкой традиции, а также особенности терминологии при переводе. Основной тенденцией в терминологии XVIII в. считается постепенный отказ от использования латинского языка в качестве языка научной коммуникации. В связи с этим наблюдается непоследовательное использование тех или иных терминов. Например, интересно проследить соотношение значений таких терминов, как «слово» и «речение», на языке оригинала и языке перевода. «Словом» в лингвистической терминологической традиции того времени обозначался язык общения или речь. Для обозначения современного понятия «слово» использовался термин «речение». На немецкий язык данные термины переводятся как «Sprache» / «Rede» и «Wort» соответственно, что характеризует немецкий текст грамматики как более приближенный к требованиям современной терминологии. Синтаксический аспект исследования включает в себя выявление и последующую классификацию метатекстовых включений, которые служат средством коммуникации между читателем и автором. Последовательная структура текста создается благодаря конструкциям, которые определяют порядок подачи информации («первые называем» — «erstere heißen», «к последним принадлежат» — «zu den letzteren gehören»). Стоит отметить, что за счет подобных метавключений создается связность не только внутри одного параграфа, но и во всем тексте («как выше показано» — «wie schon oben gezeigt wurden»). Еще одной группой метатекстовых включений являются конструкции, передаю-

щие отношение автора к сказанному («скучные повторения одного предложения» — «die verdrießlichen Wiederholungen einerlei Wörter»).

Таким образом, выбор того или иного термина и использование метатекстовых вставок определяют особенности коммуникации между автором и читателем, характерные для научного дискурса XVIII в., и отражают отличительные черты научной коммуникации в Германии и России того времени.

Художественные особенности индивидуального стиля

Давида Фонкиноса на примере романов «Нежность» и «Шарлотта»

Малкова Дарья Антоновна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: ст. преподаватель Р. Г. Загидулина

При изучении индивидуального стиля писателя исследователям приходится выходить за границы лингвистики и иметь дело с проблемами, не относящимися к языковедению (биографическими, психологическими или историко-литературными). Именно поэтому нам представляется актуальным изучение данного вопроса на примере творчества современного французского писателя Давида Фонкиноса (род. 1974, Foenkinos). Объектом исследования послужили два произведения писателя: роман «Нежность» («La Délicatesse»), написанный в 2009 г., и роман «Шарлотта» («Charlotte»), вышедший в 2014 г. Методология исследования включает описание, синтез, стилистический и сравнительный анализ.

Крайне интересным представляется сравнительный анализ «Нежности» и «Шарлотты» по схеме Новикова (идея — композиция — язык), то есть выделение в тексте идейно-эстетического (идеологического), жанрово-композиционного и языкового уровня. Очевидно, что на идеологическом уровне «Шарлотта» противопоставлена «Нежности»: если в последнем романе цель автора — развлечь читателя, то в «Шарлотте» писателю важно заставить читателя задуматься, развлекательная функция литературы отходит на второй план. С точки зрения жанра оба произведения являются романами, тем не менее если «Нежность» можно назвать романом-комедией, то «Шарлотта» определенно является романом-трагедией. На композиционном уровне выявлены различия в степени детализированности персонажей, моделях их введения в повествование, построении сюжета, конструировании образа автора и его интерференции с читателем. Самый обширный раздел сравнения произведений — это их анализ на языковом уровне. Раз-

ветвленность, многоуровневость, перенасыщенность однородными членами, диалогичность, полемичность и экспрессивность синтаксиса «Нежности» противопоставлены рубленому, схематичному, лаконичному, однотипному синтаксису в «Шарлотте». Лексический и стилистический подуровни также противопоставлены друг другу. Индивидуальные авторские метафоры, фразеологизмы, лексемы романа «Нежность» сменяются нейтральными, лишенными экспрессивности, сосредоточенными вокруг лексического поля страдания языковыми единицами в «Шарлотте». Стоит также отметить разноуровневую интертекстуальность романов. Сравнительный анализ позволил выявить основания своеобразия представленных произведений. Сопоставив романы, мы пришли к выводу, что Фонкинос создал тексты, максимально отличающиеся стилистически и идеологически. Если роман «Нежность» является традиционным и понятным читателю, то «Шарлотта» требует внимательного и вдумчивого чтения.

Высказывания с маркерами общеизвестности в сопоставительном аспекте (на материале статей из журналов «Zeitschrift für germanistische Linguistik» и «Вопросы языкознания»)

Кондратенко Полина Игоревна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. С. Т. Нефёдов*

Применение высказываний с маркерами общеизвестности обусловлено нормами ведения научной профессиональной коммуникации: (1) необходимостью поддерживать преемственность и опираться на «старое знание» — используется для презентации сообщаемого автором положения как закрепленного в коллективном сознании научного сообщества; (2) строить логичное рассуждение — способствует последовательному развертыванию авторской мысли в аргументации (сначала автор апеллирует к устоявшемуся научному знанию, затем сообщает новое); (3) придерживаться объективности в изложении — формально указывает на универсальный характер высказывания. Помимо этого, исследуемые маркеры можно рассматривать как средства выражения коммуникативной направленности научной речи. Отсылая читателя к общепринятой информации и к фонду его собственных знаний, автор косвенно обращается к адресату и вовлекает его в оценивание достоверности фактов, сообщаемых в тексте. Научная коммуникация, однако, имеет специфические различия в каждом конкретном лингвокультурном сообществе, что отмечается в работах ряда исследователей

(A. Breitkopf, G. Graefen, H. Kotthoff и др.). Поэтому мы считаем целесообразным проводить сопоставительный анализ частотности и особенностей функционирования маркеров общеизвестности. В ходе исследования было проанализировано 15 научных статей из журнала «Zeitschrift für germanistische Linguistik» (2010-2016) на немецком языке и 15 статей из журнала «Вопросы языкознания» (2010-2012) соответственно. Установлено использование маркеров общеизвестности в следующих функциях: (1) апелляция автора к общеизвестному факту для его дальнейшего подтверждения и использования в аргументации в качестве опоры на авторитетное, признанное научным сообществом знание; (2) апелляция автора к общеизвестному положению для его последующего опровержения и актуализации собственной позиции: в связи с оспариванием общепризнанного знания и аргументацией в пользу нового знания возникает научная дискуссия; (3) ввод определения, понятия или примера; (4) обобщение положений научной статьи: сообщаемое новое знание аргументируется в тексте статьи и приобретает статус общеизвестного положения. Выяснено, что функции (1)–(3) представлены в двух корпусах примеров, в то время как употребление маркеров общеизвестности в функции (4) подтвердилось лишь в корпусе русскоязычных текстов. Функциональной асимметрии сопутствует частотная: более активное использование исследуемых маркеров выявлено в текстах статей из журнала «Вопросы языкознания». Данные анализа позволяют предположить, что в русскоязычном лингвистическом дискурсе более широко, чем в немецкоязычном, распространена практика эксплицитного маркирования высказываний, отсылающих читателя к общеизвестным фактам.

Язык как способ выражения идентичности героя в романе

Ю. Х. Кемири «На красном глазу»

Асеева Наталья Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. А. Пресс*

В романе Ю. Х. Кемири (род. 1978, Khemiri) «На красном глазу» представлен уникальный вариант шведского языка, сконструированный автором с целью наиболее полно отразить идентичность главного героя — Халима, его мировоззрение и образ мыслей. Роман написан в форме дневника, что дает Кемири полную творческую свободу в выборе и комбинировании различных стилистических средств и приемов, в совокупности создающих единственный в своем роде вариант швед-

ского языка. Данный вариант сочетает в себе особенности разговорного стиля шведского языка, так называемого мультиэтнического языка молодежи и интеръязыка, характерные черты которых Кемири модифицирует и гиперболизирует для максимально полного отражения идентичности Халима. Среди основных приемов, используемых автором, можно выделить нарушение правила порядка слов в шведском языке: *I dag det var sista sommarlovsdagen och därför jag hjälpte pappa i affären* 'Сегодня последний день летних каникул, поэтому я помогал папе в магазине'; использование лексики мультиэтнического языка молодежи: *shunne* 'парень'; нарушение целостности фразеологизмов: *fast jag var oskyldig som värsta lamm* 'хотя я был невинен как чистейший ягненок'; ошибочное употребление предлогов: *vänja sig av* 'привыкнуть с'; использование шведской разговорной лексики: *grymt bra* 'дико круто' и др.

Язык является для Халима неисчерпаемым источником, позволяющим выразить свою индивидуальность посредством конструирования новых слов и выражений и отклонения от нормы шведского языка. При помощи различных стилистических приемов и средств Кемири отражает желание главного героя противопоставить себя традиционному шведскому обществу и выразить свою принадлежность к мультикультурной среде.

Имплицитные высказывания в английском драматургическом дискурсе (на материале современных англоязычных пьес)

Шаньгина Полина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. Х. Абдульманова

Доклад посвящен исследованию имплицитных высказываний и анализу способов кодирования разговорных имплицатур в речи персонажей английского драматургического дискурса на материале современных англоязычных пьес (Т. Стоппард, П. Марбер, Л. Уэйд, П. Тил, Дж. Фитч, Р. Уильямс, М. Эдсон). Целью исследования является дискурсивный анализ текстов различных англоязычных пьес, выявление в них имплицитных высказываний и описание их свойств в рамках английского драматургического дискурса.

Под имплицатурой понимается единица дискурса, содержащая в себе смыслы, буквально не выражаемые в речевых актах предложениями, словами и словосочетаниями, а выводимые с помощью опреде-

ленных процедур интерпретации. В ходе исследования были выявлены следующие способы создания разговорных импликатур:

- хеджирование, или так называемое языковое дефокусирование;
- различные тропы и фигуры речи (метафоры, гиперболы, ирония и т. д.);
- формирование подтекста и связанные с ним ассоциативные ключи (якоря);
- намеки;
- недосказанность, некатегоричность, преуменьшение (understatement);
- тавтологии;
- интертекстуальные включения;
- риторические вопросы;
- диффузные выражения, в которых фокусным элементом является эврисемичная лексема или словосочетание.

Использование перечисленных способов свидетельствует о нарушении участниками дискурса принципа кооперации, предложенного в 1975 г. английским философом Г. П. Грайсом — комплекса правил, регулирующих ход речевого обмена в идеальных условиях. Поскольку во время повседневной коммуникации условия не всегда идеальны, в диалоге участники речевого обмена по тем или иным причинам нарушают его, полностью или частично, что и приводит к созданию разговорных импликатур. Отдельное внимание в исследовании уделено принципу вежливости как одному из главных мотивов кодирования имплицитной информации в речи.

Дескрипция как способ языковой репрезентации эмоции тревоги в английском языке

Лупич Дмитрий Николаевич

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. С. Петрова*

В докладе рассматривается использование описания (дескрипции) для репрезентации эмоции тревоги. Исследование выполнено в русле эмоциологии текста и семиотики. Материалом послужили произведения С. Кинга. Вопрос изучения тревоги и ее репрезентации средствами языка представляет большой интерес в силу сложности изучаемого предмета и актуален в связи с развитием эмоциологии. За время изучения явления тревоги в психологии единой точки зрения на опре-

деление этого явление не выработалось; например, О. А. Черникова называет тревогу «страхом ожидания»; по К. Изард, тревога является комбинацией состояния страха с одной или несколькими другими эмоциями. В нашем понимании тревога — негативное переживание, испытываемое экспериенцером при осознании существования какой-либо потенциальной угрозы; оно отнесено к предполагаемым будущим событиям, связанным с опасностью разной степени определенности. В отличие от других способов репрезентации эмоций в тексте (прямой номинации, выражения и метафорического представления), описание, или дескрипция, концентрирует внимание на внешних проявлениях, происходящих с экспериенцером в процессе переживания эмоции: изменения мимики, речи, вегетативных и двигательных реакций. Ввиду отсутствия однозначных связей между эмоциями и их внешним выражением важную роль в понимании процесса имеет контекст. В рассматриваемом материале широко представлены ситуации, сопряженные со страхом и тревогой. При описании тревоги автор использует 1) соматическую лексику (*His heart was thudding harder again*); 2) кинематические речения (*Herb sat down heavily, his face doughy and stunned*); 3) сравнения и метафоры (*He swallowed and his throat still felt as if it was lined with mitten wool; Now his throat was choked with wool mittens*). Таким образом, для описания тревоги в основном используются лексические и стилистические средства. В докладе отмечены случаи комбинаторики этих средств в англоязычном художественном тексте для создания эффекта саспенса.

Лингвостилистические особенности итальянской авторской песни (на примере песен Фабрицио Де Андре и Джорджо Габера)

Изотова Анеля Игоревна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. С. А. Кокошкина*

Стремительное изменение языка и тенденция к его наполнению не всегда оправданными заимствованиями и жаргонизмами объясняют актуальность рассмотрения лингвостилистических особенностей жанра авторской песни, в котором сочетаются языковые традиции и новаторство. Авторская песня представляет собой уникальное явление современной культуры, своеобразие которого заключается в его причастности к синтезу поэзии, музыки и театра. При этом главенствующее значение в данном песенном жанре имеет поэтический текст.

Целью исследования является анализ особенностей языка итальянской авторской песни на примере творчества авторов-исполнителей Фабрицио Де Андре (1940-1999, De André) и Джорджо Габера (1939-2003, Gaber), которые являются одними из наиболее ярких представителей авторской песни в Италии. Новизна исследования заключается в том, что языковой аспект итальянской авторской песни в научных работах почти не представлен. Источниками языкового материала послужили собранные методом сплошной выборки тексты песен вышеуказанных авторов-исполнителей, отражающие разные темы их творчества и, таким образом, объективно представляющие их язык.

В ходе анализа текстов исследуемых песен была проведена их тематическая и жанровая классификация. Кроме того, были выявлены особенности данных текстов на фонетическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. Сравнительный компонент работы, выраженный в анализе текстов песен, принадлежащих двум авторам-исполнителям, обусловил репрезентативность полученных в результате исследования данных, что позволило сделать выводы о языке итальянской авторской песни в целом, а также о ее тематике и жанровом разнообразии.

Контекстный сопоставительный анализ пар «British» и «English» в современном британском медиадискурсе

Балова Александра Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. И. В. Толочин

Британия — уникальная страна, в состав которой на протяжении многих лет входят четыре территории, являющиеся, по сути, самостоятельными государствами. Каждую из них населяет определенный этнос, обладающий собственным языком (ни один из которых не исчез с распространением английского), имеющий собственную культуру и собственные органы управления. Однако эти четыре этноса, несмотря на различия, совместно существуют и составляют одну нацию — британцы. Довольно долгое время для описания культурной идентичности этой нации в этнографии употреблялся термин «britishness». Как в британском языковом сообществе, так и за его пределами сформировались определенные культурные и поведенческие стереотипы относительно граждан Великобритании. Этот термин, включающий в себя ряд характеристик, продолжает существовать и сейчас, однако правомерность его использования ставится автором исследования под вопрос.

Стимулом к проведению данного исследования послужил кризис национальной идентичности британцев, который легко проследить при изучении современных геополитических событий. Одним из ярких примеров является процесс, известный в массовой культуре как «Brexit». На проходившем в Соединенном Королевстве референдуме о выходе из Европейского Союза количество голосов «за» и «против» оказалось примерно равным, что свидетельствует о наличии в нации двух обширных групп, обладающих диаметрально противоположными мнениями. Тем самым ставится под вопрос возможность рассмотрения британцев как единой нации, очевидно возникновение кризиса национальной идентичности.

Автор поставил перед собой задачу на языковом материале изучить последствия этого кризиса для нации британцев; проследить изменения, произошедшие в значении слов «British» и «English» как маркеров идентичности; выявить интегральные категории значений данных лексических единиц; сопоставить и сравнить репрезентацию этих понятий в современном британском медиадискурсе; а также установить, можно ли в контексте современных событий говорить о наличии единой идентичности у всего населения Соединенного Королевства.

В результате выявлено, что на данный момент в британском языковом сообществе слово «English» является более частотным маркером национальной идентичности, чем слово «British». Слово «British» же теряет это значение и чаще употребляется для обозначения географической территории или принадлежности к определенному государству, нежели как маркер идентичности. Можно сказать, что слово «English» перенимает оттенки значения, которые раньше были свойственны «British», однако эти оттенки теперь уже относятся к определенной этнической группе, а не ко всему государству.

Дискурсивный анализ синонимов Lied и Song (на материале статей о популярной музыке)

Андреева Анастасия Дмитриевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Ковтунова*

В работе рассматривается употребление специальных слов *das Lied* и *der Song* в дискурсе популярной музыки. Выбор музыкальной сферы в исследовании неслучаен: с одной стороны, специальный дискурс позволяет рассмотреть именно специальные значения выбранных единиц в различных контекстах, с другой стороны, целевой аудиторией

текстов о популярной музыке являются не только специалисты, но и публика, не обладающая специальными знаниями по данной теме, благодаря чему употребление специальных слов приобретает особый интерес для лингвистики. Материалом исследования послужили актуальные статьи как специализированных музыкальных («*Neue Musikzeitung*», «*Laut*»), так и неспециализированных немецких изданий («*Der Spiegel*», «*Die Zeit*», «*Das Bild*»).

В связи с тем, что обе рассматриваемые единицы отражают специальное понятие «песня», цель исследования заключается в определении различия в их семантической природе, в первую очередь на основе сопоставления контекстов их употребления. Сравнительный анализ предполагает не только выявление семантических различий в данной паре синонимичных специальных слов, но и обнаружение случаев семантического совпадения и взаимозаменяемости. Дискурсивный анализ лексики позволяет проследить значение единиц в контексте и проанализировать их роль и функции в дискурсе популярной музыки (например, на интратекстуальном и на транстекстуальном уровнях). Также проводится анализ словообразовательного потенциала обеих единиц.

(1) «*Dieses **Lied** ist für ihn, seine Familie und alle Familien, die an jenem Abend einen geliebten Menschen verloren haben*», sagt der Sänger, und singt den **Song** «*The Empty Chair*» (*Die Zeit*, 13.11.2016).

(2) *Selten hat eine **Songwriterin** solch sorgenvolle, verzweifelte **Lieder** über ihren Nachwuchs **geschrieben**, wie es Wainwright auf Goodnight City tut* (*Die Zeit*, 10.11.2016).

В данных контекстах можно обнаружить синонимичное употребление лексем *das Lied* и *der Song* не только как отдельных слов в предложении, но и как компонентов сложных слов и устойчивых сочетаний (*die Songwriterin, Lieder schreiben*).

Характеристика персонажа через его речевые особенности (на материале пьесы Альфреда Жарри «Убю король»)

Власова Екатерина Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: ст. преп. А. Н. Смирнова

Художественное наследие Альфреда Жарри (1873–1907, Jarry) оказало влияние на развитие театрального авангарда Европы. Знаковым произведением Жарри стала пьеса «Убю Король» (*Ubu Roi*), премь-

ера которой 19 декабря 1896 г. вызвала настоящий скандал в обществе и спровоцировала дебаты об эстетике театра на рубеже веков.

Особый интерес представляет речь персонажей драматического произведения, так как диалоги в драматическом тексте являются не только способом построения повествования, но и практически единственным способом выявления характеристики персонажа. Речь — это индивидуальное явление, активное использование кода языка в соответствии с мыслью говорящего. Речь персонажей в драматическом произведении стремится воссоздать живую разговорную речь, следовательно, через речь героя драматического произведения раскрывается его характер.

Жарри в гротескной драме «Убю король» создал персонажей с выразительной речью. Был проанализирован образ Папаши Убю, речевой портрет которого был описан на лексическом, семантическом уровне и уровне коммуникационных ролей. Речь персонажа характеризуется наличием сниженных, просторечных грамматических форм и конструкций, вульгарной, эмоционально-экспрессивной лексики, смешением лексики и грамматических конструкций, принадлежащих к высокому и фамильярному стилям речи, а также избытком авторских неологизмов.

Наделение персонажа подобными речевыми характеристиками тесно связано с идеей текста и замыслом автора. Действительно, не столько сюжет «Убю Короля», который зачастую неверно трактуется исключительно как политическая сатира, сколько характеры героев представляют особый интерес для исследования. Прimitивные, гротескные, ведомые низменными желаниями и стремлением физического насыщения, папаша и мамаша Убю предстают как архетип, черты которого прослеживаются в любом человеке. Обнажить алчность, жадность, низменность человеческой натуры — вот что важно для Жарри. Именно благодаря актуальности проблематики, высокой степени интертекстуальности, острой сатире и умелому сочетанию трагического и комического это произведение до сих пор очень популярно во Франции и за ее пределами. От имени героя (Папаши Убю) во французском языке было образовано прилагательное «ubièsque», прочно вошедшее в язык и обозначающее человека, характеризующегося деспотизмом, жестокостью, цинизмом, излишним хвастовством и мелочностью убеждений.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Способы словесного маркирования ослабления конфликта в Илиаде

Волошина Алла Владимировна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. М. Савельева

На примерах описания словесных конфликтов в I и VII песнях «Илиады» можно выделить особые лексические средства, которыми маркируются стадии развития этих конфликтов.

1. В речах Афины и Идея (I, 206-214; VII, 279-282) оба имеют сходную роль — вестника богов, который должен не допустить дальнейшего кровопролития, что отражается близкими по значению лексикой и синтаксическими конструкциями. Внимание сторон конфликта акцентируется на том, что об обоих героях заботится божество: *ἄμφω θυμῶ φιλέουσα* и *ἀμφοτέρω φιλεῖ*. Отмечены следующие смысловые особенности: необходимость подчиниться объективной силе *πεῖθεο δ' ἡμῖν* и *νυκτὶ πιθέσθαι*; некоторые сходные синтаксические позиции: I, 209 и VII, 280 мест. Dual + частица/союз + форма от *φιλέω* (I, 214) и форма от *πεῖθω* в конце предложения (VII, 282).

2. Речи Нестора, Гефеста (I, 254-284; I, 573-594). В тексте поэмы выделяется определенная схема конфликта: две конфликтующие стороны и их «примиритель». Так, Агамемнона и Ахилла пытается успокоить Нестор, а Геру и Зевса — Гефест. Обращает на себя внимание: акцент на «совместности» действия, (местоимения и двойственное число); грамматически аналогичные выражения *ὁ γε φέρτερός ἐστιν* и *ὁ γὰρ πολὺ φέρτατός ἐστιν* передают семантическую градацию. *Φέρτερός* относится к Агамемнону, а *φέρτατός* — Зевсу; начало обеих речей построено

по схеме: «если вы двое ссоритесь, то...», далее говорится о негативном последствии.

3. Речь Гектора (VII, 288-302). Отдельного внимания заслуживает эпизод конфликта Гектора и Аякса, где речь Гектора отличается от предыдущих тем, что здесь сам участник конфликта выступает в роли примирителя. Стоит выделить несколько смысловых линий: как и в предыдущих случаях подчеркивается сила противника (*φέρτατός ἐσσι*), а контекст VII, 288 уместно сопоставить с I, 279 по объединяющей их идее.

4. Выводы. Семантика «ослабления конфликта» занимает значительное место в рассматриваемых песнях (I, VII) поэмы «Илиада», и для ее выражения применяются следующие лексические и грамматические средства:

— императив «сдерживающих» глаголов *σὺ δ' ἰσχεο; πείθεο δ' ἡμῖν;*

— Conjunctivus adhortativus выражает призыв к объединению для совместного действия: *παυσώμεσθα; μαχησόμεθ';*

— двойственное число *σφῶϊν; σφῶ;*

— причастия и причастные конструкции *μεν βουλέων; παύσουσα; φιλέουσα; κηδομένη;*

— степени сравнения прилагательных как средство семантической градации *φέρτατός ἐστιν; φέρτατός ἐσσι;*

— условные предложения *εἰ σφῶϊν τάδε πάντα πυθοίατο μαρναμένοϊν; εἰ δὴ σφῶ ἔνεκα θνητῶν ἐριδαίνετον ὧδε;*

— предложения причины *ἀλλ' ὃ γε φέρτερός ἐστιν ἐπεὶ πλεόνεσσιν ἀνάσσει; ἀντιβίην, ἐπεὶ οὐ ποθ' ὁμοίης ἔμμορε τιμῆς;*

— параллельные конструкции *ἄμφω ὁμῶς θυμῷ φιλέουσα; ἀμφοτέρω γὰρ σφῶϊ φιλεῖ.*

От Ненависти к Любви?

Учение Эмпедокла о возникновении живых цельных существ

Пименова Александра Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. Л. Верлинский

В докладе рассматривается один из вопросов, связанных с учением Эмпедокла о возникновении живых существ. 4 стадии возникновения живых существ в учении Эмпедокла кратко резюмирует Аэтий (V 19, 5 [Dox. 430] = 31 A 72 DK): (0) Предварительная стадия — изготовление «материала»; (1) отдельные части тел; (2) смешанные, ги-

бридные существа; (3) цельные существа; (4) нормальные люди. Симпликий в комментарии к «Физике» (Phys. 381, 29) цитирует фрагмент поэмы Эмпедокла «Περὶ φύσεως» (31 В 62 DK), на который ссылается Аристотель (Phys. В 8. 199b 7): в нем более подробно описывается третье поколение — цельнорожденные существа. Ученые при сопоставлении трех поколений живых организмов относят цельные существа к переломному моменту космогонии Эмпедокла, когда Любовь утрачивает свое влияние и действующей силой космоса становится Ненависть. В докладе приводятся доводы, что третья стадия происходит при возрастании силы Любви, которая оказывается, таким образом, доминирующей силой при формировании всех четырех поколений.

Литературная оценка Вергилия в «Сатириконе» Петрония

Павлова Анастасия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Д. В. Кейер

В романе «Сатирикон» важное место отведено литературе и литературной критике. Среди авторов, которые безусловно важны для понимания текста Петрония, одним из первых следует назвать Вергилия. О его величии и литературном мастерстве говорит сам автор устами одного из персонажей (см. Sat. 118, 4-5). В комментариях (см., например, Schmeling, 2011) приводятся многочисленные параллели и отсылки к их произведениям. Наряду с цитатами и реминисценциями из Вергилия в романе можно встретить и прямое указание на то, что поэзия Вергилия является образцовой и обязательной для изучения, а сам Вергилий сопоставим с Гомером (см. Sat. 118). С другой стороны, в тексте «Сатирикона» можно увидеть и следы ироничного отношения к популярности Вергилия и обязательности знакомства с его творчеством: в одной из сцен пира Тримальхиона «Энеиду» цитирует хозяин (Sat. 39, 3), в другой — Вергилия читают актеры (Sat. 68, 6). Творчество Вергилия оказывается важным также для анализа поэм, которые читает Эвмолп: Troiae halosis и De bello civili. Первая из них повторяет содержание второй книги «Энеиды», что позволяет некоторым исследователям видеть здесь попытку состязаться с классиком (Sullivan, 1968). В случае с De bello civili, как представляется, абсолютное большинство исследователей склонны сосредоточиться на ее сходстве и различиях с «Фарсалией» Лукана. Однако если соотносить поэму с предпосланным ей вступлением, то окажется, что альтернативой чрезмерно риторичной поэзии, которую критикует автор, оказывается возвращение к Вергилию. Таким образом, De bello civili должна была подразумевать и отсылки к

поэзии Вергилия. Но и здесь все оказывается сложнее, поскольку автор не следует принятому за образец Вергилию в том, что сам называет существенным (например, в разработке божественного плана в своей поэме).

Залог или наклонение?

Чернышева Влада Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. В. Желтова

Цель доклада — проанализировать две традиции категоризации безличности в трудах латинских грамматиков с I по VI вв. н. э.

Римские грамматики, ориентируясь на опыт греческих предшественников, выделяли у глагола такие грамматические категории, как наклонение и залог. Однако не все они были едины в трактовке этих понятий и выделяли различное число наклонений и залогов. В докладе мы рассматриваем безличный пассив в контексте данных двух категорий, то есть прослеживаем, как менялось представление о наклонении и залоге у римских грамматиков. Далее мы фокусируемся на безличном, или имперсональном, пассиве, а именно на глагольных формах типа *itur, ventum est*. Безличность понималась античными учеными неоднозначно. Такие грамматики, как Элий Донат, Харисий, Псевдо-Проб, Кледоний, вписывали безличность в систему наклонений. Другие же, например Сакердот, Помпей, Консенций, выделяли безличный залог (*genus impersonale*).

Таким образом, на примере исследуемого нами явления латинского языка можно проследить развитие лингвистической мысли в античности.

Первая Сатира Джона Донна, Гораций и Персий

Антипова Диана Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. В. Зельченко

Многие исследователи сатир Джона Донна пишут о том, что мотив прогулки с надоедливым спутником был навеян девятой сатирой из первой книги Горация, однако никто не проводит более глубокий сравнительный анализ двух текстов, из которого можно утверждать, что Донн не просто позаимствовал мотив прогулки, но и в определенной мере использовал девятую сатиру Горация как образец. Мы предлагаем подробнее рассмотреть фигуру спутника, который у обоих сати-

риков представлен назойливым человеком, ищущим покровительства, а также отношение главного героя к нему. Особенно интересна неожиданная развязка в обеих сатирах. Помимо девятой сатиры Горация, мы рассмотрим вызывающие сомнения параллели с третьей сатирой Персия, приводимые И. Ш. Эдди и Д. П. Джеклом. Опираясь на ряд аргументов (двухчастная структура, «стратегия неясности», а также явно выраженная в обеих поэмах стоическая доктрина), исследователи утверждают, что Донн «смоделировал» первую сатиру на основе третьей сатиры Персия. Мы попытаемся проанализировать оба текста и понять, какое влияние оказали на первую сатиру Донна и Гораций, и Персий.

БИБЛЕИСТИКА

Эсхатология книги пророка Исайи: ее элементы в масоретском тексте и тексте Септуагинты

Горбунова Вера Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. истор. наук, ст. преп. К. А. Битнер

Доклад посвящен изучению книги пророка Исайи. После наставлений, предсказывающих бедствия для множества конкретных народов (Моава, Египта, Тира и т. д.), последовательно идут четыре главы (главы с 24-й по 27-ю включительно), в которых предсказывается чрезвычайное бедствие для всей земли. Эти главы являются примером того, что называется «апокалиптической» (с греч. *ἀποκάλυψις* 'откровение') литературой. Такая литература описывает то, что могло стать известно человеку только благодаря богодухновенному откровению. Богословская интерпретация конца времен или мира называется эсхатологией (с греч. *ἔσχατος* и *λόγος* 'последняя вещь' или 'последнее слово'). Большая часть апокалиптических писаний являются, в сущности, эсхатологическими. В докладе анализируются наиболее интересные элементы эсхатологии как главной составляющей апокалиптического жанра, которые нашли отражение в книге пророка Исайи. При сравнении текста LXX и масоретской версии Библии было выявлено, что некоторые из эсхатологических элементов имеют разную смысловую нагрузку. Так, картина мессианского пира (Ис 25:6) в масоретской версии текста занимает ключевое место и представляет собой эсхатологическую трапе-

зу, символизирующую заключение договора Бога с человеком на горе Сион: «И приготовит Господь Саваоф для всех народов пир на этой горе из тучных лакомств, пир из вина, из тука перетертого и вина очищенного». В версии LXX мы видим только короткое упоминание о трапезе, которая представлена как награда и возможность насытиться после голода и засухи на земле. Так, отрывок 24:4 рассказывает о засухе: «Рыдает, иссыхает Земля: иссох земной шар», которая и является признаком ожидания грядущего эсхатологического пира: «И вот что приготовит Господь Саваоф для всех народов: будут пить на радость, пить вино, умащиваться миром».

О передаче еврейской конструкции «абсолютный инфинитив» в Септуагинте

Шишкин Валерий Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Дружинина

Доклад посвящен тому, каким образом переводчики Септуагинты передавали древнееврейскую конструкцию «абсолютный инфинитив + глагол в личной форме». Автор пытается определить основные способы перевода абсолютного инфинитива на материале Септуагинты, провести классификацию вариантов перевода, а также выяснить, зависит ли перевод этой конструкции от времени создания той или иной книги Писания.

В результате проведенного исследования можно выделить следующие виды передачи вышеназванной конструкции в Пятикнижии.

А. Личная форма глагола + однокоренное существительное в дательном падеже (74 примера употребления).

Б. Личная форма глагола + причастие (31 пример употребления).

В. Просто личная форма глагола (26 примеров употребления).

В книге Бытие все три способа представлены примерно на равных, способ В лишь немного уступает первым двум. В остальных книгах Пятикнижия абсолютный приоритет остается, кроме книги Исход, за способом А, способ же Б употребляется намного реже. Э. Тов предполагает, что причиной этому могло послужить то, что ранние переводчики находились в поиске того, как лучше перевести оборот оригинала, что и видно в книге Бытие. Последующие переводчики приняли в качестве основного способа передачи А. Тем не менее все равно не ясно, почему тип А не стал покрывать все случаи. С точки зрения Э. Това, это проис-

ходило из-за того, что данный тип не везде применим: там, где переводчики находились в затруднении, они использовали способ Б.

Обращает на себя внимание то, что способ А имеет подавляющее большинство только в книгах Пятикнижия. Примерно в половине остальных библейских книг на первое место, как правило, выступает Б: Суд. (А и В) — 22, 1-2 Сам. — 39, 1-2 Цар. — 13, Ис. — 13, Иер. — 25, Мал. Пр. — 12, Плач. — 4 (по данным Э. Това). Способ А хотя и остается широко распространенным, но он уже не имеет подавляющего превосходства. Способ В представлен практически лишь единичными примерами, имея 10 употреблений лишь в книге пророка Исайи. Возможно, это одно из свидетельств того, что вначале была переведена именно Тора, затем уже все остальные книги Библии.

Причиной колебания может служить то, что после перевода книги Бытия более или менее выработалась концепция передачи конструкции оригинала, но либо переводчики разных книг и частей Пятикнижия позволяли себе в некоторой степени вольность при переводе, либо могла иметь место правка текста, сделанная книжниками позднее. Такие наблюдения над текстами перевода интересны, поскольку противоречат предположению о том, что древний библейский перевод должен соответствовать букве оригинала, «поскольку язык оригинала считается священным или во всяком случае сам порядок изречения слов имеет Божественное происхождение».

Особенности представления женских образов в Библии

Базарная Марина Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. А. Алексеев

В докладе рассматривается, как в книгах Библии (на примере книг Притч, Судей, Руфь, Песнь Песней) изображены женские персонажи, какими характеристиками они обладают и как представлены в нарративе. Выделяются несколько определенных типов образов: хорошей и дурной жены, соблазнительницы, народной героини; в отдельной категории оказываются такие героини, как Премудрость и Девора. Автор доклада пытается выяснить, какие средства выразительности использованы в различных текстах, обращаясь при этом к текстам как прозаическим, так и поэтическим.

Библейские тексты, обладая определенным единством, создают ограниченную палитру женских персонажей, доступных нашему анализу: многие героини выбранных текстов даже не имеют имен, что является одной из важных особенностей их представления в данном корпу-

се. В выбранных текстах автор обращает внимание на лексику, характерную для создания художественного образа, структуру текста, а также пытается определить, какие существующие героини (в особенности это касается образа Премудрости) и традиции, а также социально-экономические реалии (в случае портрета Доброй жены) могли повлиять на появление подобных героинь в библейском тексте.

Песни субботнего всеожжения в современной научной литературе

Кочерга Полина Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. истор. наук, К. А. Битнер

«Песни субботнего всеожжения» — литургический текст, написанный на древнееврейском языке вероятнее всего около I в. до н. э. Произведение дошло до нас в десяти копиях, девять из которых были найдены в двух пещерах Кумрана на берегу Мертвого моря в составе свитков Мертвого моря в 1950-х гг., а одна копия была обнаружена в Масаде. Самые ранние рукописи датируются 75 г. до н. э., самые поздние — 50 г. н. э. Памятник дошел до нас фрагментарно, однако благодаря наличию десяти копий исследователям удалось реконструировать его текст.

Текст состоит из тринадцати песен, каждая из которых приходится на одну субботу года, в сумме текст покрывает первую четверть года. Название памятника «Песни субботнего всеожжения» дано произведению по первой строчке каждой из песен, которые начинаются словами *šîr 'ôlathasšabbât*, однако из-за того, что текст описывает субботнее богослужение ангелами в небесном храме, произведение также известно под названием «Ангельская литургия».

Существует несколько мнений насчет происхождения текста. Некоторые ученые (Д. Чарльзворт, К. Ньюсом) считают, что, несмотря на то что большинство копий было найдено в Кумране, текст не является произведением кумранской общины из-за лексических различий с документами, написанными сектантами. Другие исследователи (Д. Давила) на основании того факта, что текст опирается на солнечный календарь, а также содержит в себе термины, используемые общиной в других произведениях, предполагали, что текст был написан в Кумране. Тем не менее, основываясь на том, что одна копия сочинения была найдена в Масаде, мы можем предположить, что с большой долей вероятности текст был широко распространен и использовался различными еврейскими общинами в литургических целях.

Таргум книги Малахии: особенности перевода

Шестопалов Александр Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. истор. наук, ст. преп. К. А. Битнер

Перевод книги пророка Малахии на арамейский язык при сравнении его с древнееврейским оригиналом обнаруживает достаточно большое количество разночтений. Их появление может быть обусловлено большим количеством факторов. Одним из таковых является разница в составе синтаксических и грамматических конструкций двух языков. Вариант подобного разночтения представлен в отрывке из шестого стиха первой главы, который переводится на русский язык как «И если Я — отец, то почему же никто не прославляет меня», но при этом передается в древнееврейском и арамейском вариантах текста при помощи различных языковых элементов. Сравните данный отрывок в оригинальном тексте — 1:6 *w'm 'b 'ny 'yhkbwdu* 1:6 «И если отец Я, где же прославление Мое?» — с его переводом на арамейский язык — 1:6 *w'm k'b 'n' 'n d'twnmyqrynqdmu* 1:6 «И если Я — как отец, где же среди вас те, кто прославляет передо Мною?».

Достаточно часто в тексте на арамейском языке встречаются разночтения, которые могут носить экзегетический характер. Их появление могло быть вызвано изменениями в культурной и духовной среде, произошедшими в религиозной общине Древнего Израиля на момент создания перевода, а также какими-то особенными целями, которые преследовали его создатели. Примером подобных изменений может послужить отрывок, которым начинается четвертый стих первой главы. Сравните его переводы, выполненные с древнееврейского языка — «Ибо говорит Эдом: “Мы были разбиты” — и с арамейского — «И скажут тогда жители Эдома: “Были мы бедными, зато теперь — богатые”».

Фрагменты Книги Юбилеев в византийских хрониках

Лапенкова Дарья Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. истор. наук, проф. Е. Н. Мещерская

В докладе идет речь о заимствованных фрагментах из апокрифического сочинения «Малое Бытие» или «Книга Юбилеев», использованных такими византийскими хронистами, как: Георгий Кедрин (Σύνοψις ἱστοριῶν), Георгий Синкелл (Ἐκλογὴ Χρονογραφίας), Иоанн Зонара (Ἐπιτομὴ ἱστοριῶν), Михаил Глика (Τοῦ κύρου Μιχαήλ τοῦ Γλύκα βίβλος

хроник). В работе представлены фрагменты «Книги Юбилеев», впервые переведенные с древнегреческого языка на русский. Речь идет как о лингвистической характеристике заимствованных фрагментов, так и об историческом содержании некоторых из них, соотносении с библейским материалом.

Доклад посвящен нескольким вопросам: во-первых, описана «Книга Юбилеев», во-вторых, дана краткая характеристика трудов византийских хронистов, в-третьих, определена специфика заимствований из апокрифа, в-четвертых, дан анализ заимствованных фрагментов «Книги Юбилеев» и установлены общие закономерности их использования византийскими хронистами.

Опыт обзора библейской темы зла в отечественной словесности Нового времени

Арцева Анастасия Николаевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. А. Алексеев*

В докладе предпринимается попытка обзора библейской темы зла в русской литературе Нового времени. Наиболее полно исследовалось наследие Золотого и Серебряного века. Задачей исследования, представленного в докладе, является не только обзор, но и выявление взаимосвязей с европейскими литературами: например, какое отражение в отечественной словесности нашел «Потерянный рай» Джона Мильтона, «Фауст» Иоганна Вольфганга Гете или «Мельмот Скиталец» Чарльза Роберта Метьюрина. Кроме того, мы рассматриваем динамику интереса авторов к теме зла и его служителей. В исследовании также осуществляется классификация последних (как то: фольклорный черт-служитель, черт-двойник и т. д.). В ходе работы было обнаружено значительное число произведений авторов второго ряда, ныне забытых, которые являются замечательными примерами обращения к библейской теме зла и свидетельствуют о неподдельном интересе к ней в течение всего XIX в. — от романтизма до символизма. Однако задачей работы является не только обнаружение сюжетов с обозначенной темой, но и понимание позиции автора. Таким образом, еще одним результатом является авторология наиболее часто обращавшихся к теме литераторов — разумеется, строго в ракурсе данного исследования.

БАЛКАНИСТИКА. ВИЗАНТИНИСТИКА. НЕОЭЛЛИНИСТИКА

Сравнительный анализ репрезентации авторского начала в разных версиях «Эпоса о Дигенисе Акрите»

Онуфриева Елизавета Сергеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. В. Тресорукова

В работе проводится сравнительный анализ репрезентации авторского начала в текстах трех версий «Эпоса о Дигенисе Акрите»: Гротта-Ферратской (G), Эскориальской (E) и Трапезундской (T).

Авторское начало в текстах версий представлено:

1) глаголами в 1 лице ед. или мн. ч.;

Τὴν Ἀγκυραν λέγω τε καὶ πᾶσαν Σμύρνην (G1,11).

2) обращениями;

Βλέπετε, οἱ ἀναγινώσκοντες, τοὺς ἀριστεῖς ἐκείνους (E 712).

3) побудительными предложениями;

Καὶ τοῦτο μηδεὶς ἄπιστον ἐξ ὑμῶν λογισθῆτω (G4,19).

4) риторическими вопросами;

τὴν δὲ χαρὰν τὴν ἄπειρον τὴν τότε γινομένην

τίς λόγος φράσαι δυνηθῆ ἢ ὄλωσ ἐξεικάσαι; (T2,163-164).

5) восклицаниями;

Ὡ πόδες ὠραιότατοι, ἐφάμιλλοι πτερύγων (G4,152).

6) фрагментами текста, выражающими авторскую рефлексию;

Ἐπεὶ δὲ πάντα τὰ τερπνὰ τοῦ πλάνου κόσμου τούτου

θάνατος παραδέχεται, ἄδης παραλαμβάνει,

ὡς ὄναρ δὲ παρέρχεται πλοῦτος καὶ δόξα πᾶσα,

κ' ἡ τελευταῖα τοῦ Διγενοῦς κατέλαβεν Ἀκρίτου,

καὶ εἰς βιβλίον δέκατον τούτου τὸ τέλος θῶμεν. (T10,3130-3134).

Отметим, что именно авторскими комментариями представлена большая часть авторского начала в текстах рассматриваемых версий.

7) высказываниями с функцией авторизации;

κόρος γὰρ λόγου, ὡς φησὶν ὁ ἐμὸς θεολόγος,

ταῖς ἀκοαῖς πολέμιος διὰ παντὸς ὑπάρχει. (G4,1090-1093).

8) авторскими вставками-уточнениями (обычно выделены в тексте скобками);

φιλαῖς δὲ πρῶτον ταῖς χερσὶ τὰς χορδὰς ἐκτινάξας

(κάλλιστα δ' ἐπεπαίδευτο ἐν μουσικοῖς ὀργάνοις) (G4,398-399).

Проведено сопоставление аналогичных по сюжету или идентичных текстовых фрагментов исследуемых версий.

Выводы:

1. Сравнение удельного веса авторского начала в рассмотренных версиях затруднено в связи с большими лакунами в текстах (Т) и (Е), хотя очевидно, что в (Е) авторское начало представлено меньше.

2. Авторское начало распределено равномерно в текстах (G) и (Т) и неравномерно в (Е) (сконцентрировано в начале жизнеописания главного героя и в конце версии).

3. Разнообразие способов репрезентации авторского начала наиболее полно представлено в версиях (G) и (Т), что делает их более сложными в литературном отношении. В (Е) авторское начало представлено слабо в отношении не только объема, но и способов репрезентации. Особенностью (Е) является большее количество обращений к адресату (читателю) по сравнению с двумя другими версиями. Это придает тексту (Е) диалогичность.

4. Сравнение мотивов авторских комментариев показало их совпадение в (G), (Т) и частично в (Е): преобладают мотивы любовной страсти, счастья, семьи, встречи, разлуки, верности, героизма, непрочности всех радостей земной жизни, смерти. Однако в авторских комментариях (Е) не отражены мотивы счастья, семьи, встречи, разлуки, верности. В целом в (Е) меньше представлена рефлексия автора.

Скифия и скифские племена в текстах ранневизантийских историков V века

Цветков Артем Алексеевич

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. истор. наук, доц. П. В. Шувалов*

Несомненный интерес для исследования представляет из себя проблема интерпретации сведений позднеантичных и ранневизантийских авторов конца IV — V вв. о территории к северо-востоку от Дуная, т. н. «Скифии», и населяющих ее племенах, преимущественно объединенных под этнонимом «скифы». В качестве материала для исследований были использованы, по большей части, исторические труды авторов IV-V вв.: Евнапия Сардского, Олимпиодора Фиванского, Приска Панийского, Зосима и др. В ходе исследования данного вопроса мы пришли к следующим выводам.

1. Границы «Скифии» в представлении жителей Римской империи V в. достаточно размыты активизировавшимися передвижениями и

столкновениями варварских племен, в том числе и на территории Римской империи;

2. Сам этноним «скиф» к концу V в. становится еще более неопределенным и вбирает в себя, по сути, практически все племена, появляющиеся из-за дунайской границы. Главными факторами такого смешения следует признать не только активизацию перемещений различных германских, гуннских, ираноязычных племен на территории Римской империи, но и неизменную ориентацию византийских авторов на классическую традицию в лице таких авторов, как Геродот, Фукидид и др.

Особенности албанского поэтического языка в период становления литературной нормы: на материале поэзии Лясгуша Порадеци

Клименченко Кристина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. Ю. Русаков

Процесс формирования литературной нормы в Албании начался в XIX в. и продолжался быстрыми темпами до середины XX в. Изначально особенностью этого процесса было существование двух литературно-языковых форм на базе основных албанских диалектов, южного (тоскского) и северного (гегского). Лишь в 1972 г. была утверждена унифицированная литературная норма албанского языка, основанная на тоскском диалекте.

Исследование представляет собой попытку анализа лингвистических особенностей поэтического языка Лясгуша Порадеци (1899–1987, Poradeci), южноалбанского поэта, писателя и переводчика, творчество которого относится к периоду становления современной литературной нормы (1930–1970-е гг.). Главными источниками являются ранние сборники стихов Порадеци, написанные под влиянием символизма: «Vallja e ujve» («Танец звезд», 1933) и «Ylli i zemrës» («Звезда сердца», 1937). Задачи исследования включают выявление, типологизацию и анализ отклонений от современной литературной нормы в языке Порадеци. На данном этапе найденные нами примеры разделены на следующие группы (при этом использована классификация, предложенная А. Ю. Русаковым и М. С. Морозовой в статье ««Italo-Albanian Literary Corpus: Preliminary Remarks», 2015):

- 1) орфографические варианты (написание *j* вместо *i*: *qjell* < *qiell*);
- 2) морфологические варианты (словоформы с морфологическими показателями, отличающимися от стандартных);

3) диалектные леммы, отражающие фонетические особенности северо-восточных тоскских говоров, например выпадение смычного в группе согласных: *nër < ndër, mi < mbi*; переход /θ/ в /f/: *fell < thell*;

4) диалектные лексемы, у которых нет соответствий в стандартном албанском языке (например, локальные заимствования из греческого языка).

На основании полученных результатов сделаны предварительные выводы о лингвистических особенностях поэзии Порадеци. Результаты работы могут быть впоследствии использованы для создания словаря языка Порадеци и при оценке роли творчества авторов середины XX в. в становлении современной литературной нормы албанского языка.

Механизмы фонетических процессов в арумынской спонтанной речи (на примере перехода аффрикат в щелевые и смычных в аффрикаты)

Харламова Анастасия Вадимовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. Н. Соболев*

Доклад представляет собой продолжение нашего исследования арумынского консонантизма на материале спонтанной речи арумын, проживающих в с. Турья (Греция), г. Ресен (Македония) и г. Эльбасан (Албания). На предыдущих этапах исследования был выявлен инвентарь аффрикат в данном материале ([ts], [dz], [t's'], [d'z'], [tʃ], [dʒ], [tʃ] и [dʒ]), а также были установлены основные затрагивающие их фонетические процессы:

а) выпадение смычной фазы у дентальных аффрикат;

б) появление щелевой фазы у [t] перед гласными переднего ряда.

Для описания механизмов данных процессов имеющиеся в нашем материале аффрикаты систематизированы по следующим параметрам:

а) длительность смычной и щелевой фаз аффрицированных согласных, щелевой фазы после выпадения смычки, щелевой фазы, появляющейся у смычного согласного;

б) фонетическое окружение аффрикат;

в) происхождение, частотность и стилистическая окраска лексем, в которых присутствуют аффрикаты.

На основании проведенного анализа сделаны предположения относительно факторов, влияющих на рассматриваемые фонетические процессы.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Метафоры, которыми живет студент

Опалева Наталья Николаевна

Зарубалова Анна Андреевна

Викулова Анна Геннадьевна

Московский городской педагогический университет, студенты 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. О. А. Сулейманова

Метафора, с когнитивной точки зрения, представляет собой наиболее яркий дискурсивный феномен, отображающий языковые явления в их связи с познавательной деятельностью человека. Отличительным свойством человеческого мышления является способность осмыслить явления одного рода в терминах явлений другого, то есть его метафоричность. Метафоры стали частью ежедневного общения студентов, преподавателей и исследователей, которые нередко перестают замечать, что используют их в своей речи. Что касается классификации метафор, она различается от автора к автору. В работе были проанализированы метафоры из образовательного дискурса — собранные на лекциях и семинарах в различных вузах.

Анализ материала позволил выделить несколько тематических групп. Наиболее частотные метафоры, собранные на лекциях, входят в группу «Метафоры физического движения». Данная группа включает несколько подгрупп: такие как «Движения руками» (*раскрыть данную тему, взять пример*), «Движения ногами» (*знаться за первым местом, лекция шла два часа*), «Движения в каком-то направлении» (*двигаться по пути развития, вуз стремится к ежегодному росту*), «Движения вокруг / около чего-то» (*переходить на новый учебник, обходить важные темы*), «Борьба, трудности, препятствия» (*сталкиваться с трудностями, бороться за баллы*), «Опущение» (*опускать факт, упустить некоторые моменты*), «Погружение» (*погружаться в тему, впадать в*

восторг), «Течение» (отсюда вытекает основное противопоставление), «Объединение» (проблема объединяет множество наук), «Связывание» (темы тесно переплетаются между собой). Не менее частотной является группа «Биологические метафоры», в ее состав входят такие подгруппы, как «Зарождение» (данное исследование подготовило почву для...), «Рост и развитие» (вращивать молодые кадры). Также были выделены группы: «Речевое сообщение» (обращаться к теме, ВУЗ заявляет), «Зрительное восприятие» (рассматривать проблему, это обстоятельство показывает), «Количество» (кусочек темы, банк знаний, армия студентов). К отдельной группе были отнесены метафоры, описывающие «жизнь» книги (книга выходит в свет, книга ищет своего читателя). Некоторые метафоры не составили определенную группу и требуют дальнейшего изучения.

Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: наиболее частотной группой метафор академического дискурса являются метафоры физического движения. Это может быть обосновано стремлением и студента, и преподавателя к получению новых знаний, то есть их движением по пути развития, что в свою очередь порождает невольное, но частое использование именно метафор физического движения.

Стратегии выражения критики в академических рецензиях советского и постсоветского периодов (на материале рецензий журнала «Вопросы языкознания»)

Крюкова Алиса Владимировна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Е. Л. Вилинбахова*

Интерес к изучению рецензий с лингвистической точки зрения зародился в 1980–1990-е гг. в рамках появившейся в то время новой области исследований — «академического английского» (English for academic purposes). В настоящее время анализ рецензий включает описание их структурных и содержательных характеристик, а также сравнение рецензий, принадлежащих к различным областям знаний, культурно-языковым сообществам и временным периодам.

В докладе рассматриваются рецензии советского (1980-е гг.) и постсоветского периодов (2010-е гг.); на основании изучения этих текстов предпринимается попытка выявить возможные изменения в традициях русскоязычного научного сообщества. Основные задачи исследования можно сформулировать следующим образом: 1) на основа-

нии изучения существующих методик анализа академических рецензий выработать методику собственного исследования; 2) отобрать материал для исследования, изучить его и провести сопоставление рецензий двух периодов.

В качестве материала были отобраны рецензии из журнала «Вопросы языкознания» как одного из самых авторитетных русскоязычных изданий в области лингвистики. Для достижения максимальной однородности исследуемого материала были использованы только рецензии на монографии, где автор и рецензент относятся к одному научному (советскому или российскому) сообществу. После выбора рецензий и фиксирования в них всех случаев выражения критики рецензии были проанализированы по нескольким параметрам: (а) соотношение критической части рецензии и остального текста, (б) объект негативной оценки в каждом критическом акте, (в) тактики смягчения и усиления оценки, используемые рецензентом.

Результаты сопоставления рецензий двух периодов показывают, что в целом в 2010-е гг. встречается больше критики, чем в 1980-е гг., при этом чаще происходит усиление отрицательной оценки. Произошло также некоторое изменение в частотности использования различных смягчающих тактик, в то время как частотность использования средств усиления оценки не претерпела значительных изменений. Кроме того, несмотря на то что уровень смягчения оценки в 2010-е гг. немного ниже, чем в 1980-е, и в тот, и в другой период большинство критических актов высказывается косвенно. В докладе также представлена классификация объектов критики и тактик смягчения отрицательной оценки, обнаруженных в рецензиях сопоставляемых периодов.

Роль дискурсивных маркеров в организации художественного текста (на материале повести Шолом-Алейхема «Тевье-Молочник»)

Рец Юлия Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. В. Федченко*

Дискурсивные маркеры наряду с прочими стилистическими средствами являются мощным инструментом воздействия на восприятие и способом управления фокусом внимания. Считается, что употребление дискурсивных маркеров в большей степени присуще спонтанной устной речи. Однако в художественных текстах дискурсивные маркеры используются авторами не только при имитации устной речи. В докла-

де предлагается на конкретном примере рассмотреть, каким образом дискурсивные маркеры участвуют в организации художественного текста. Предлагаемый для рассмотрения текст «Тевье-молочник» характеризуется утрированно частотным использованием дискурсивных маркеров. Наряду со «стандартным» набором дискурсивных маркеров эмоциональной и логической разметки в нем присутствует большое количество маргинальных элементов («проклятия» и «благословения», иноязычные вставки), которые в результате частого использования приобретают «паразитарный» характер и также участвуют в организации текста наравне с дискурсивными маркерами. Анализ материала показывает, что ряд дискурсивных маркеров используется автором намеренно для создания стилистического эффекта. В то же время в тексте неизменно присутствуют элементы, необходимость которых с прагматической точки зрения (с точки зрения авторской стратегии) является менее очевидной и, по-видимому, имеет отношение к законам построения метатекста. Функция дискурсивных маркеров, таким образом, выходит за рамки исключительно стилистических задач воздействия на читателя. В связи с этим предлагается (вслед за Д. Шифрин) рассматривать художественный текст как многоуровневый дискурс, в котором дискурсивные маркеры, располагаясь линейно в повествовательной ткани текста, действуют на разных уровнях, осуществляя связи между удаленными клаузами и смысловыми блоками текста. В докладе также делается предположение, что расположение дискурсивных маркеров разных типов не спонтанно и имеет определенную закономерность, базирующуюся не только на особенностях грамматического строя языка, но и на особенностях построения текста как единицы дискурса.

Испанский язык в свете морфологической акцентологии

Олишевская Валерия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. В. Андронов

С точки зрения лингвистической типологии испанский язык должен быть отнесен к языкам со свободным ударением, то есть ударением, место которого определяется с учетом морфологического строения словоформы. Расхожее представление об испанском ударении как о фиксированном формируется на основе используемого в преподавании языка правила: «Ударение падает на предпоследний слог, если слово оканчивается на гласный или же на *n* или *s*, и на последний слог, если слово заканчивается на согласный; остальные случаи помечаются на

письме». По нашим наблюдениям, в грамматиках испанского языка описанию места ударения не уделяется достаточного внимания.

В качестве теоретического основания для описания испанского ударения нами используется подход, изложенный П. Гардом в монографии «Ударение»: место ударения определяется контурным правилом, опирающимся на акцентологические характеристики морфем, составляющих слово. Исследование проводится на материале словника словаря Королевской академии испанского языка, полученного с сайта (<http://www.listapalabras.com/>; 89 299 слов; дата обращения 24 февраля 2017 г.) и организованного в порядке *a tergo*. Описание испанского ударения предполагает классификацию морфем по акцентной силе: сильные морфемы (обозначаются заглавными буквами) получают ударение в сочетании со слабыми, а в ряду сильных морфем ударение (показано полужирным шрифтом) получает последняя (*TARDE* 'поздний' → *TARD-ÍSIM-o* 'самый поздний'). Это господство последующей «сильной» морфемы над предшествующей Гард считает фундаментальным свойством акцентологии романских языков. При акцентологической классификации морфем достаточно составить список слабых, поскольку акцентологически сильных морфем существенно больше (все корни и некоторые суффиксы и окончания).

Отдельного внимания требует соотношение морфемы и слога. Для многосложных морфем должен быть указан ударный слог (например, *sábad-o* 'суббота', *lápiz* 'карандаш' и *naríz* 'нос'). В вопросе о наличии неслоговых морфем в испанском языке акцентология дает дополнительный аргумент в их пользу: выделение тематического гласного позволяет не только унифицировать систему показателей глагольного словоизменения, но и сократить число слабых морфем (ср. *BUSC-a-R* 'искать', но *BUSC-a-s* 'ищешь', *BUSC-a-n* 'ищут'; *ESCRIB-i-R* 'писать', но *ESCRIB-e-s* 'пишешь', *ESCRIB-e-n* 'пишут' и т. д.). Сильные неслоговые морфемы реализуют свое ударение на предшествующем слоге.

О литературности языков коренных малочисленных народов Ленинградской области

Кузнецов Максим Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Я. В. Мызникова

В докладе рассмотрены особенности истории и современного положения литературных норм языков коренных малочисленных народов Ленинградской области (КМН ЛО) с целью составить представле-

ние о сложной ситуации в этом вопросе и обозначить дальнейшую стратегию их развития.

Финский язык — используется как литературный ингерманландцами, в настоящее время в России на нем выходят газеты «Inkeri» (СПб), «Karjalan Sanomat» и журнал «Carelia» (оба — Петрозаводск).

Карельский язык — в настоящее время имеет две (собственно карельскую и ливвиковскую) литературные нормы и третью (людиковскую) в процессе становления. Единая норма функционировала в Карелии в 1932–1940-х гг., после этого (до 1989 г.) все национально-официальные функции в республике выполнял финский язык (может быть отнесен к языкам КМН ЛО, так как имеется группа тихвинских карел).

Вепский язык — литературная норма существовала в 1930-е гг. и возобновлена с 1989 г. Бурно развивается. Важнейшая роль в становлении новой вепской литературной нормы принадлежит Н. Г. Зайцевой.

Ижорский язык — существовавшая в 1930-е гг. норма документально не возобновлена, серьезных текстов, претендующих на литературность, нет. Осуществляющийся ныне перевод старой грамматики 1936 г. может начать возобновление ижорской нормы.

Водский язык — самый малочисленный, но имеющий свою литературную норму с 2015 г. благодаря книге для чтения «Vad'd'a sõnakorittõja». В 2016 г. вышло ее «исправленное» издание.

Из проведенного обзора становится ясно, что все языки народов Ленинградской области к настоящему моменту находятся на разных ступенях по степени «приведенности в литературный вид» (учитывая особенности ситуации с каждым языком, их можно расположить на следующей шкале: финский — карельский (2 / 3 нормы) — вепский — водский — ижорский). Для того, чтобы литературную форму приобрел ижорский язык, предлагается издать перевод его старой грамматики 1936 г., что и осуществляется автором доклада, и опубликовать текст, претендующий на литературность. На всех остальных языках необходима публикация текстов (не обязательно художественно-литературного характера), которые могли бы вызвать интерес у их носителей и прочих заинтересованных лиц. Основным «проводником в мир» языков КМН ЛО представляется пресса, но на водском языке, в силу его малочисленности, она невозможна.

Атрибут в пиджинах на русской основе:

соотносимость с родовыми формами русского прилагательного

Дмитриева Анастасия Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, О. В. Блинова

Вопрос проявления категории рода в русских пиджинах не рассматривался учеными-креолистами достаточно подробно. Известно, что именная морфология русских пиджинов довольно скудна и что как таковой грамматической категории рода в русских пиджинах нет. Но отдельные случаи проявления этой категории представляют интерес. В докладе рассматриваются атрибутивные сочетания (существительное + атрибут) и собственно формы в функции атрибутов. Большая часть материала взята из книги Е. В. Перехвальской «Русские пиджины». Пиджин руссенорск в данном докладе не рассматривается, так как в материалах по нему атрибутивные сочетания встречаются редко; кроме того, много слов заимствовано не из русского, а из норвежского языка, поэтому исследовать проявления русского рода в руссенорске, по-видимому, невозможно.

В базилектном сибирском пиджине глаголы прошедшего времени, как правило, имеют показатель *-ла*, соотносимый с русским окончанием прошедшего времени женского рода, например, *укалаинза сюда пришола* 'сюда приехали украинцы'. Этот показатель также может быть возведен к китайскому показателю перфектива, как отмечает Перехвальская. В 1884 г. Г. Шухардт выдвинул гипотезу, что наличие гласной финали — чисто фонетическое явление, связанное с законом открытого слога. С этим же явлением можно связать представленные в сибирском пиджине личные местоимения (*мая твая гавалила* 'я тебе сказал') и атрибуты, ср. сочетание *varëna malako* 'кипяченое молоко'. При этом в мезолектном варианте пиджина можно найти другие примеры финалей атрибутов, соотносимых с окончаниями русских прилагательных — например, слова с финалью *-э*; или с финалью *-ой*, заимствованные из русского в форме мужского рода (*запэршэ годэ* 'позапрошлый год', *большой Надя* 'большая Надя'). В таймырском пиджине подавляющее большинство атрибутов соответствует русским прилагательным в форме мужского рода (*вчерашний работа* 'вчерашняя работа', *телогрейка маленький* 'маленькая телогрейка'). В докладе рассматривается также русско-финский жаргон, который на данном этапе его развития нельзя назвать пиджином. В нем, как и в таймырском, финали прилагательных соотносимы с русскими формами мужского рода

(*большой опера* ‘большое здание оперы’, *фински машина* ‘финская машина’).

Тавтологии в относительных предложениях в русском языке

Крушинская Кристина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Е. Л. Вилинбахова

В докладе рассматриваются тавтологии в относительных предложениях, см. (1–2):

(1) *Кто знает, тот знает,*

(2) *Я сказал то, что сказал.*

Тавтологии изучаются уже более 40 лет, но основное внимание уделяется тавтологиям, устанавливающим тождество вида *Друзья есть друзья* или *Кошка — это кошка*. Остальные разновидности тавтологий изучены гораздо меньше, хотя отдельные наблюдения по рассматриваемой нами теме представлены в работах А. Вежбицкой 1991 г. и Б. Зоненхаузер 2016 г.

Анализ проводился на материале основного подкорпуса Национального корпуса русского языка. В ходе работы выяснено, что тавтологии в разных типах относительных предложений представлены в русском языке в неравной степени. Например, для коррелятивных конструкций типа (1) в НКРЯ находится всего 19 примеров, а для конструкций типа (2) — 324. На месте повторяющихся элементов в большинстве случаев используются глаголы прошедшего времени, а соответствующие конструкции передают значение ‘нельзя изменить того, что было’. В докладе освещается вопрос, насколько данная интерпретация зависит от структурных характеристик, а насколько от контекста. Также в работе рассмотрены устойчивые обороты (3–5), поскольку в их описаниях встречаются расхождения. Например, конструкция *Что было, то было*, по мнению Ю. Д. Апресяна, призывает забыть о прошлом в интересах будущего, в то время как, по мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, она скорее указывает на необходимость помнить о прошлом.

(3) *Что правда, то правда.*

(4) *Что есть, то есть.*

(5) *Что было, то было.*

В работе сделаны предварительные выводы о том, что интерпретация, данная Апресяном, встречается в реальных текстах чаще, и изложены аргументы в ее пользу.

Релятивизация обстоятельства времени в русском языке

Пучкова Анастасия Ильинична

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. С. С. Сай

В докладе рассматриваются относительные клаузы, в которых релятивизируется позиция обстоятельства времени (1).

(1) *Катя всегда будет помнить год, когда она вышла замуж.*

В русском языке существуют две основные стратегии релятивизации обстоятельства времени: с помощью местоименного наречия *когда* и с помощью относительного местоимения *который*. Предложению (1) может составить конкуренцию предложение (2).

(2) *Катя всегда будет помнить год, в который она вышла замуж.*

Варианты с наречием и местоимением не являются равноправными. Данные Национального корпуса русского языка показывают, что, в отличие от релятивизации других типов сирконстантов, обстоятельство времени релятивизируется значительно чаще с помощью наречия (1482 случая из 1524). При этом данные корпуса показывают, что на употребление местоимений накладываются некоторые ограничения. Так, местоимения присоединяют в основном рестриктивные клаузы ($\chi^2 = 12,885$, $p < 0.01$). Местоименные относительные клаузы, в отличие от наречных, не склонны присоединяться к вершинам, выполняющим функцию обстоятельства в главной клаузе ($\chi^2 = 7,954$, $p < 0.01$). Это может быть вызвано стремлением избежать дублирования предложно-падежной конструкции, а также способностью наречий отсылать не только к вершине релятивизации, но ко всей предложной группе.

С точки зрения прагматики, можно говорить о том, что в местоименных клаузах актуализируется метафора «время как пространство». В примере (3) вершиной является существительное *миг*, обозначающее короткий промежуток времени, но употребление местоимения указывает на то, что у этого промежутка есть граница и продолжительность «внутри» этой границы. Интересно, что падежное оформление местоимения не совпадает с падежом существительного в независимом предложении.

(3) *А тот миг, в котором мы действительно живем, <...>*[Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)]

(4) *Мы действительно живем в (этот) миг* (Асс).

Такой интерпретации также соответствует сказуемое зависимой клаузы. В 29 случаях сказуемое выражено глаголом несовершенного

вида, при этом в 11 случаях это так называемые глаголы «существования».

В докладе также уделяется внимание обсуждаемой в ряде работ проблеме разграничения относительных и обстоятельственных придаточных предложений. Примеры типа (5), традиционно определяемые как предложения с обстоятельственными придаточными, могут быть трансформированы в примеры типа (6) с относительными придаточными.

(5) *Я зашла в кафе, когда начался дождь.*

(6) *Я зашла в кафе в тот момент, когда начался дождь.*

В пользу относительной трактовки придаточных времени говорит также то, что придаточные места редко встречаются без вершины (*живу там, где хочу [i]* / *я живу, где хочу*). В докладе показано, почему такая трактовка мало приемлема для русского языка.

ФОНЕТИКА

Влияние переходных процессов на естественность речевого сигнала

Холявин Павел Андреевич

Мамушина Анна Дмитриевна

Захарченко Евгения Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студенты 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. В. Евдокимова

Цель работы — исследовать влияние индивидуальных голосовых характеристик на восприятие, выяснить, какие из них наиболее значимы для опознавания конкретного диктора и в целом для того, чтобы речь была понятной и легко воспринимаемой на слух. Для этого были использованы записи фонетически представительного текста двух дикторов (мужчины и женщины), сделанные на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. Обработка данных речевых сигналов производилась в программе WaveAssistant в соответствии с принципами, описанными в работе П. А. Скредина «Сегментация и транскрипция». Таким образом, была проделана следующая работа: сегментация сигналов на звуки с подписью каждого звука по системе, описанной в таблице основных аллофонов, разработанной на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков. Да-

лее проводилась поэтапная замена: гласных в записи мужского голоса на соответствующие гласные из записи женского голоса и наоборот; сонантов в записи мужского голоса на соответствующие сонанты из записи женского голоса и наоборот; звонких согласных в записи мужского голоса на соответствующие звонкие согласные из записи женского голоса и наоборот. Также был выполнен слуховой анализ полученных сигналов, сравнение их с исходными записями.

Проведенное исследование показало, что чем меньше участков, где присутствует голос исходного диктора, остается в обрабатываемой записи, тем более звучание приближается к речи второго диктора. Таким образом, можно сделать вывод, что именно основной тон в наибольшей степени формирует представление о речи конкретного человека и позволяет распознать его голос. Тем не менее полного соответствия не наблюдается, так как в полученном сигнале по-прежнему присутствуют глухие согласные исходного диктора, а также такие индивидуальные характеристики, как длительность звуков.

Таким образом, данная тема требует дальнейшего исследования и проведения экспериментов (например, сравнение обработанного сигнала с исходным и выяснение степени схожести, отнесение обработанного сигнала к исходному / второму диктору / ни одному из них) с участием носителей русского языка, а также дальнейшей обработки сигнала (главным образом, основного тона) с целью выяснить влияние мелодики на опознавание диктора другими носителями языка.

Русская часть многоязычного параллельного корпуса фраз с просодической выделенностью

Морозова Наталья Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Т. В. Качковская

На данный момент существует множество речевых корпусов, описывающих интонацию разных языков. Эти корпуса включают, по большей части, нейтральную интонацию. Корпус SP2 Speech Corpus, «Multilingual Database Containing Prosodically Rich Sentences» («База данных, содержащая предложения с просодической выделенностью на разных языках») является одним из немногих ресурсов, позволяющих изучать экспрессивную интонацию. Данный корпус основан на фразах, в которых одно или несколько слов просодически выделены. Он включает на данный момент записи дикторов 6 языков (английского, французского, немецкого, сербского, венгерского и македонского). Русский

язык в корпусе пока не представлен. Таким образом, целью данной работы является дополнение существующего корпуса материалом на русском языке. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: 1. Запись чтения предложений диктором-носителем русского языка. 2. Аннотация фраз. 3. Размещение результатов в открытом доступе. В ходе работы предложения, составляющие материал корпуса, были переведены на русский язык, с сохранением места выделения. Таким образом, получилось 50 предложений, разделенных на 5 групп: 1) предложения с выделенностью на одном слове, занимающем неначальную позицию; 2) предложения с выделенностью на первом слове; 3) фразы, содержащие противопоставление между двумя элементами, и соответственно с выделенностью на обоих этих элементах; 4) фразы с контрастом в вопросительных предложениях; 5) предложения с выделением не на одном слове, а на большей части высказывания. Диктору были предложены для прочтения 100 предложений: предложения с выделенностью и эти же предложения с нейтральной интонацией (которые диктор читал парами, то есть за каждым нейтральным предложением следовало такое же предложение, но с выделенностью). Результатом данной работы является аннотированная, согласно инструкциям корпуса, запись предложений с выделенностью на русском языке. Результаты работы позволят проводить дальнейшие исследования в области интонации выделенности русского языка. Материал также может быть использован для изучения и сравнения особенностей реализации выделенности в разных языках и для исследования различных типов выделенности. Результаты работы могут быть полезны и в практических целях, в первую очередь для автоматического распознавания выделенных слов.

Предсказание акцентного выделения во фразе на основе лексической и синтаксической информации

Ефимова Ксения Радиковна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук., доц. В. В. Евдокимова*

В отличие от синтагматического или фразового ударения, место которого определяется стандартным положением ядра высказывания, для акцентного выделения характерен нетипичный синтаксический состав фразы или наличие лексических маркеров, меняющих положение ядра высказывания. Объектом исследования является возможность предсказания акцентного выделения во фразе на основе лексиче-

ской и синтаксической информации. Предметом исследования является влияние лексических маркеров и порядка слов на локализацию выделенности и ее наличие во фразе. Акустически данный речевой компонент выражен изменением направления движения частоты основного тона. В ходе исследования были созданы 10 гипотетических синтаксических моделей акцентного выделения с различным порядком главных и второстепенных членов предложения. Предполагается, что инверсия главных членов предложения, разделенных или не разделенных второстепенными, может обуславливать наличие акцентного выделения, локализующегося на тех или иных членах предложения. Также были созданы 13 гипотетических моделей с лексическими маркерами, которые могли бы указывать на положение акцентного выделения во фразе. В список лексических маркеров входят усилительные и отрицательные частицы, указательные местоимения и другие виды акцентных единиц, предположительно способствующих смещению ядра фразы. Для каждой модели были подобраны примеры с контекстом и без него. Были получены 142 примера, которые зачитывались испытуемыми. Предварительный анализ акустического эксперимента показал, что реализация акцентного выделения в моделях с исследуемыми лексическими маркерами встречается более чем в 80% примеров, а в синтаксических моделях с инверсией главных членов предложения — менее чем в 70% примеров. Таким образом, была подтверждена гипотеза о существовании определенных лексических и синтаксических преобразований, приводящих к акцентному выделению во фразе. В рамках исследования был создан алгоритм предсказания акцентного выделения во фразе, позволяющий проанализировать порядок членов предложения и найти лексические маркеры и синтаксические модели, обуславливающие наличие акцентного выделения. Алгоритм был реализован с помощью Python и библиотеки `rumoqhu`. Одним из предполагаемых этапов исследования является проверка реализации созданного алгоритма и анализ его точности.

Универсальное и специфическое в вопросительной интонации татарского языка

Нурисламова Майя Ахатовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. Б. Вольская

На материале казанского (т. н. среднего) диалекта татарского языка детальное исследование такого рода проводится впервые, что

определяет новизну исследования. Актуальность исследования определяется современной языковой ситуацией среди носителей татарского языка, в речи которых под влиянием русского языка происходят отклонения от норм татарского языка. Ситуация осложняется отсутствием детальных системных описаний татарского языка, прежде всего на супрасегментном уровне. Для исследования используется запись речи восьми носителей нормы татарского языка, в качестве объекта исследования выступают вопросительные синтагмы. Звуковой материал был взят из различных телевизионных программ на татарском языке (телесериалов, ток-шоу). Из записей были вырезаны и обработаны с помощью программы WaveAssistant отрезки речи, включающие разные типы вопроса, после чего был проведен слуховой, акустический и статистический анализ данных. В результате удалось создать подробное описание интонации вопроса в татарском языке. Особое внимание было уделено такому компоненту, как движение основного тона в предцентровой части и ядре. Интонация вопроса в татарском языке подверглась сравнению с реализациями интонации в таких языках, как русский, английский и французский. Было выяснено, что интонация вопроса в татарском имеет ряд универсальных характеристик, но обладает и специфическими особенностями. Так, в татарском языке, как и в других разносистемных языках, можно выделить два типа вопроса (общий и специальный), реализация которых в речи различна. Основным типом движения тона в ядре является падение, что также характерно для многих языков. В речи современных носителей татарского языка реализуется падение в ядре в общих вопросах, в то время как в специальных при преобладающей тенденции к реализации падения, все же можно встретить подъем. Предцентровой части свойственно постепенное повышение частоты основного тона.

Редукция гласных в русской речи жителей кавказского региона

Князева Камилла Карлосовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. С. О. Тананайко

Интерференция звуковых систем продолжает оставаться актуальной темой для теоретических и прикладных исследований. Функционирование русского языка в условиях мультилингвизма на территории Кавказа (и на остальной территории России в речи выходцев с Кавказа) обладает рядом специфических особенностей, известных в обиходном понимании как «кавказский акцент». Интерференция может в разной степени проявляться в чтении и спонтанной речи. Однако де-

тальное рассмотрение конкретных реализаций гласных в акцентной речи носителей кавказских языков ранее не осуществлялось, было проведено лишь небольшое количество сравнительных исследований по специфике редукции гласных в разных языках и в разных типах речи.

Цель исследования — выявление и сравнение акустических характеристик гласного /a/ в речи дикторов, чьими родными языками являются грузинский, армянский и азербайджанский. Задачи исследования: 1) подробно описать по имеющимся научным данным вокалические системы грузинского, армянского и азербайджанского языков; 2) провести запись речи русскоговорящих дикторов, для которых армянский, грузинский, азербайджанский языки являются родными; 3) провести первичный слуховой и затем акустический анализ полученных записей; 4) сравнить полученные сегментные характеристики гласных в речи носителей разных кавказских языков при реализации разных типов речи. Основным методом исследования являлся акустический анализ, в качестве дополнительного использовался слуховой анализ. Материалом исследования послужил фонетически представительный текст (411 слов) и пятнадцатиминутная запись спонтанной речи в диалоге. В записи материала приняли участие три диктора, по одному носителю каждого из языков.

Спектр нарушений редукции /a/ был выявлен по данным акустических характеристик (особенности формантной структуры и значения 1-й и 2-й форманты) исследованных аллофонов и включает следующие особенности:

недостаточная редукция и удлинение безударного гласного /a/, нередуцированный гласный нижнего подъема [a] вместо более заднего [ʌ] и более закрытого [ɤ] — для всех языков;

излишне дифтонгоидный гласный [a] после мягких согласных и в безударной позиции абсолютного исхода — для грузинского языка;

произношение буквосочетаний «ан» как носовых /ã/ — для армянского языка;

более передний гласный [a] перед и под ударением после переднеязычных согласных, излишняя дифтонгоидность гласного после мягких согласных, сокращение гласного [a] первого предударного слога 2-сложных и 3-сложных слов между глухими согласными (вплоть до выпадения) — для азербайджанского языка.

Эти особенности более заметны в чтении, чем в спонтанной речи, что связано с невозможностью для диктора при чтении выбрать более знакомые и комфортные для него единицы верхних уровней языковой системы.

Vocalization of velarized lateral [ɫ] in the Germanic variety of Wilamowice — an attempt of areal analysis

Żak Andrzej Stanisław

Варшавский университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. А. Д. Даугавет

In the Germanic variety of Wilamowice, called *Wymysorys* (used by about 20 people in a single town in southern Poland), velarized laterals [ɫ] (< Middle High German *l*) are turned into [w] in all positions. This shift occurs in various languages of the world and can be explained by some acoustic similarities between these two sounds (it seems to be especially due to their amplitude value and distribution).

The occurrence of the velarized lateral consonant in *Wymysorys* was considered to be a result of Polish influence. However, a similar consonant is found in certain German dialects, but it does not occur in the same positions. The shift [ɫ] > [w] is observed in most Polish dialects (including the standard Polish variety) since the 15th century and also in the dialects surrounding Wilamowice.

It seems that the shift [ɫ] > [w] is a result of a recent and strong Polish influence. The Polish language has influenced *Wymysorys* for a long time, as far as both vocabulary and grammar are concerned. This conclusion can be confirmed by some older records from Wilamowice, where the sound [ɫ] is still noticeable. Moreover, vocalisation of velarized laterals is also found in other Germanic varieties that came under the influence of adjacent languages.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Ошибочное согласование в категории лица: экспериментальные исследования

Симдянова Александра Дмитриевна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
студент 3 курса*

Научный руководитель: м. н. с. А. К. Лауринавичюте

В работе рассматривается феномен ошибочного глагольного согласования (agreement attraction): «The key to the cabinets are rusty» (Ключ к шкафам заржавели). При данном типе ошибок сказуемое согласуется не с подлежащим (ключ), а с другим существительным — аттрактором (шкафы). Предыдущие исследования показали, что больше

ошибок согласования возникает в предложениях с аттракторами во множественном числе и женском роде по сравнению с единственным числом и мужским родом соответственно. Предполагается, что причиной является морфологическая маркированность множественного числа и женского рода. Эта гипотеза была проверена на согласовании в лице. В двух экспериментах мы сравнили ошибочное согласование в 1-м и 2-м (122 участника) и во 2-м и 3-м лице (121 участник). Пример экспериментального предложения: «**Ты**, как и **он**, снова с этими людьми общаться будешь / будет» (2-е / 3-е лицо). Участники читали предложения, которые появлялись на экране пословно со скоростью 300 мс/слово, при этом последнее слово в предложении они должны были выбрать. Выбор всегда осуществлялся между двумя формами глагола «быть», которые согласовывались с подлежащим и аттрактором. В каждом эксперименте было 32 экспериментальных предложения и 64 отвлекающих. Мы регистрировали правильность и скорость выбора. В эксперименте, сравнивающем согласование во 2-м и 3-м лице, была найдена разница между условиями: аттрактор во 2-м лице вызывал в два раза больше ошибок, чем аттрактор в 3-м лице (9.1% против 4.9%, $z=-2.98$, $p=0.002$), а время реакции было выше ($t=2.55$). Более маркированное 2-е лицо является более сильным аттрактором, чем 3-е. В эксперименте, сравнивающем согласование в 1-м и 2-м лице, не было найдено разницы между условиями: в предложениях с аттрактором 1-го лица и аттрактором 2-го лица было одинаковое количество ошибок и время выбора глагольной формы не отличалось, т. е. гипотеза о том, что более маркированное 1-е лицо будет более сильным аттрактором, не подтвердилась.

Экспериментальное исследование восприятия синтаксических актантов в позиции прямого дополнения в русском языке

Алексеева Мария Алексеевна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
студент 4 курса*

Научный руководитель: м. н. с. А. К. Лауринавичюте

Особое внимание в современной лингвистике уделяется синтаксическим актантам, так как они подчиняются не всем синтаксическим правилам, которым подчиняются именные актанты. В нашем исследовании восприятие синтаксических актантов в сравнении с отглагольными существительными изучалось экспериментально. В норме именные и синтаксические актанты должны обрабатываться по-разному:

сентенциальные актанты могут считаться более сложными с точки зрения синтаксической структуры, чем именные группы, поэтому предположительно первые будут обрабатываться тяжелее и дольше. Для того чтобы замерить время, которое испытуемый тратит на обработку текста, использовалась методика чтения с саморегуляцией скорости.

Эксперимент состоял из 48 экспериментальных наборов и 75 отвлекающих предложений. В экспериментальный набор вошло прямое дополнение (сентенциальный актант, именная группа с отглагольным существительным) в трех синтаксических позициях (начальная, срединная, конечная). Помимо времени, в эксперименте фиксировалась оценка приемлемости. Ее анализ показал, что наиболее предпочтительная позиция — конечная, что соответствует гипотезе о ее «базовости». Наименее предпочтительной позицией оказалась начальная. Возможно, это говорит о том, что нам удобно воспринимать актант глагола после самого глагола.

Обнаружено, что именные группы получили более высокие оценки. Из-за отсутствия всего объема свойств прямого дополнения сентенциальные актанты менее предпочтительны в роли прямого дополнения. Однако неожиданным результатом стали такие же высокие оценки для сентенциального актанта, как и для именной группы в конечной позиции. Это можно объяснить тем, что именная группа, выбранная для сравнения в данном эксперименте, содержит отглагольное имя, которое имеет глагольные корни и может утяжелять группу. Несмотря на то что самой приемлемой позицией именной группы стала конечная, быстрее всего обрабатывались именные группы в начальной и срединной позиции. Для сентенциальных актантов наблюдается такая же ситуация. Дольше всего читались конечные позиции, как для именных групп, так и для сентенциальных актантов, несмотря на их «базовость». Причиной может служить неучтенный эффект замедления чтения к концу предложения — *wrap up effect*, что должно быть учтено в последующих экспериментах.

«А он ли мальчик?» — некоторые аспекты обработки анафорических зависимостей

Никифорова Александра Ильинична

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. В. К. Прокопеня

В психолингвистических исследованиях анафорических механизмов при восприятии речи важную роль играет так называемая активированность (*prominence, salience*) референта в рабочей памяти говорящего. Считается, что наиболее активированный участник ситуации требует минимальных усилий при обработке языковых выражений, являющихся его анафором (М. Арнольд, О. Федорова, А. Кибрик).

В докладе рассмотрен эксперимент, проведенный по методике регистрации движений глаз при чтении текста, в котором на материале русского языка проверялось влияние двух факторов активации референта в дискурсе: позиции потенциального антецедента в синтаксической и информационной структуре предложения. Вслед за Х. Роде, Э. Келлером и др. мы полагали, что позиция подлежащего в совокупности с первым порядком его упоминания, а также статус топика будут факторами, увеличивающими суммарную активацию референта в дискурсе.

Варьируя синтаксическую характеристику целевого референта и его позицию в информационной структуре, мы предполагали обнаружить влияние рассматриваемых факторов активации референта на скорость и качество обработки анафора. Количество и длительность фиксаций на участниках ситуации после возникновения анафора целевого антецедента, регрессионные саккады на всех потенциальных референтах после предъявления целевого предложения, а также время прочтения стимула являлись наблюдаемыми зависимыми переменными.

Испытуемым последовательно предъявлялись для чтения отрывки текстов, состоящие из трех предложений, специально сконструированных для исследования. Считалось, что упоминание участника ситуации в первом предложении (ввод в контекст) по умолчанию обеспечит преимущественную его топиализацию в предложении-условии и облегчит обработку анафорической зависимости. Более того, так как предложения составлялись с базовым порядком слов во избежание характерной для русского языка контрастной рематизации дополнения в начале предложения, ожидалось, что первая позиция подлежащего при формально свободном порядке слов в русском языке активирует упомянутого в этой синтаксической позиции референта. Логично предположить, что в ожиданиях носителя языка левый полюс данной шкалы будет тяготеть к прономинализации в целевом предложении, в то время как правый предпочтет именную группу в качестве референциального средства. Следовательно, в случаях, когда прогнозирование испытуемого относительно наиболее вероятного фигуранта следующего

предложения текста и используемого анафора будет совпадать с конструкцией стимула, будут ожидаться поведенческие показатели более легкой, чем в противном случае, обработки анафорической зависимости: меньшее время прочтения, меньшее количество саккад на обоих участников, а также большая длительность фиксации на целевом участнике.

А упало, Б пропало: о сохранности морфологической информации в русской спонтанной речи

Смирнов Александр Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. И. Риехакайнен

Неотъемлемым признаком спонтанной речи является редукция. Это явление представляет собой качественное или количественное изменение звукового элемента слова. Редукция характеризуется своего рода хаотичностью, то есть может проявляться на разных участках слова. В естественной русской речи наиболее подвержена редукции заударная часть словоформы, и часто именно в заударной части находится флексия, в которой заключена морфологическая информация. В связи с этим возникает вопрос, как в русской спонтанной речи редукция соотносится с сохранностью морфологической информации.

В докладе представлены результаты анализа фонетического облика флексий в словосочетаниях существительных с зависимыми от них словами в русской спонтанной речи. Были рассмотрены 304 словосочетания, в которых главным словом является существительное, а зависимым — прилагательное, местоимение, порядковое числительное или причастие. Все примеры были извлечены из радиопередачи «Утренний гость», представляющей собой интервью ведущего с приглашенным гостем (продолжительность звучания около 27 минут). Эта радиопередача входит в разрабатываемый сотрудниками Санкт-Петербургского государственного университета речевой корпус, записи в котором снабжены орфографической расшифровкой и фонетической транскрипцией (поиск по расшифровкам доступен по адресу: <http://narusco.ru/search/trn-search.php>). Все словосочетания были отобраны по орфографической расшифровке, а затем прослушаны с целью проверить правильность имеющейся транскрипции.

Чаще всего в проанализированном материале встречаются словосочетания, в которых редукция затрагивает окончание только зависимого слова (38,03%). Редукция в окончании только главного слова

представлена в 15,41% примеров. В 31,15% примеров ни одна из флексий не редуцируется, в 15,41% примеров редуцируются обе флексии. В качестве факторов, которые могут оказывать влияние на сохранность окончания главного и зависимого слов, в докладе рассмотрены падеж и порядок следования главного и зависимого слов. Для тех примеров, в которых наблюдается редукция обеих составляющих словосочетания, проанализирован более широкий контекст с целью выявления тех его элементов, которые позволяют восстановить морфологические характеристики именной группы.

Влияние формально-грамматических показателей на оценку перцептивной модальности лексических единиц (на материале русских глаголов)

Хохлова Анна Андреевна

Томский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Шилиев Константин Сергеевич

Исследование предполагает целью создание психолингвистической базы данных по русским глаголам, которая отражает субъективную оценку перцептивной модальности (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус). Проверяется гипотеза о том, что формально-грамматические показатели (а именно приставка, суффикс, постфикс) и связанные с ними категории вида и возвратности влияют на восприятие лексических единиц.

На материале Национального корпуса русского языка создана база данных, содержащая 624 глагола девяти лексико-семантических групп. Выделено 156 гнезд, содержащих однокоренные глаголы со следующими характеристиками: 1) глагол несовершенного вида (без приставки, видообразовательного суффикса, постфикса); 2) глагол совершенного вида (с приставкой, без видообразовательного суффикса, без постфикса); 3) глагол несовершенного вида (с приставкой, суффиксом, без постфикса); 4) возвратный глагол. На основе созданной базы данных будут составлены анкеты для проведения опроса с целью выявления оценки перцептивной модальности единиц. Для получения количественных данных планируется использовать психолингвистический метод шкалирования (шкала Ликерта). Испытуемым будет предложено оценить связь единицы с одной из перцептивных модальностей, например, насколько глагол *бежать* связан со зрением (по шкале от 1 до 7). Полученные числовые данные будут проанализированы с использованием статистических методов с целью выявления корреляций

и зависимостей, подтверждающих или опровергающих поставленную гипотезу. Предполагаются следующие результаты: несовершенный вид без приставки (самая низкая оценка) — несовершенный вид с приставкой (более высокая оценка) — совершенный вид с приставкой и/или постфиксом *-ся* (самая высокая оценка). Вероятно также наличие зависимости между оценками и лексико-семантическими группами. Так, ожидается, что глаголы движения получат более высокую оценку, чем глаголы мыслительной деятельности.

Экспериментальное исследование семантики:

субъективные оценки и контекстная сочетаемость

Пилатова Ольга Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. И. Риехакайнен

В докладе представлены результаты экспериментального исследования содержания понятий, целью которого являлось получение сведений о семантической информации, релевантной для распознавания речевого сигнала. Участники психолингвистического эксперимента (90 носителей русского языка) должны были записать существенные признаки каждого из 10 конкретных понятий: «собака», «рубашка», «человек», «книга», «ребенок», «кровать», «дверь», «деньги», «купальник» и «ножницы». Первичная обработка данных заключалась в подсчете частоты встречаемости различных признаков для каждого из понятий. Исходя из наблюдаемых особенностей ответов, а также с целью максимально объективного представления полученных данных в качестве главных критериев группировки признаков были выбраны следующие: 1) разделение ответов на составляющие их отдельные признаки (как правило, выраженные той или иной лексемой) и 2) ориентация на корневые морфемы лексем и словоформ, использованных при обозначении признаков. Таким образом, ответ типа «его воспитывают родители» (для понятия «ребенок») был отнесен и в группу «родители», и в группу «воспитание». Признаки «игра», «играет», «любит играть», «игрушки» и т. п. были объединены, а признаки с различными корнями, даже близкие по значению (например, «интересная и увлекательная для понятия книга»), попадали в разные группы.

Были составлены ранжированные по частоте списки признаков для каждого из понятий и проведено их сравнение с данными ассоциативного и толкового словарей. Полученные списки признаков отличаются по структуре и содержанию от набора свободных ассоциаций и от

словарных определений. С одной стороны, их можно квалифицировать как семантические ассоциации, так как семантическая информация в условиях речи не может быть передана иначе, чем с помощью тех лексических единиц, которые связаны с понятием такими отношениями, которые характеризуют его значение. С другой стороны, выявленные существенные признаки можно интерпретировать как описание типичного представителя понятия, включающее и перечисление типичных вариантов признаков по некоторым параметрам.

Анализ контекстов употребления исследуемых понятий в устной речи показал, что большинство частотных признаков, полученных в эксперименте, обнаруживается среди ближайшего лексического окружения этих понятий, что свидетельствует в пользу возможности актуализации зафиксированных в эксперименте семантических связей при распознавании естественной речи.

Анализ уровней ассоциативных реакций русскоязычных и англоязычных испытуемых на наименования лиц по профессии

Гулевая Анастасия Николаевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», магистрант 1 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. С. Ю. Степанова

Цель исследования — анализ ассоциативных реакций, полученных в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) на десять наименований лиц по профессии (НЛП). В САЭ приняли участие носители русского и английского языков. На 10 НЛП нами было получено 6000 словесных реакций, 75% из которых являются русскоязычными, 25% — англоязычными. Анализ подтвердил, что ассоциативная семантика НЛП как в сознании носителей русского языка, так и в сознании носителей английского языка многоаспектна. Многоуровневое восприятие НЛП проявляется в том, что каждое НЛП может быть охарактеризовано широкой системой ассоциативно возникающих смысловых значений — от универсальных до индивидуально-специфических.

Стратегии ассоциативного поведения как англоговорящих, так и русскоговорящих испытуемых оказалась схожа. Анализ показал, что ответы испытуемых можно подразделить на десять категорий. Участники САЭ соотносили стимульные НЛП (1) с реалиями окружающей действительности, которые характерны для осуществления профессиональной деятельности того или иного специалиста; (2) с положитель-

ными / отрицательными личностными качествами, присущими тому или иному специалисту в понимании испытуемого; (3) с половой принадлежностью; (4) с социальными и/или национальными характеристиками; (5) с уровнем дохода или материальным положением; (6) с местом работы; (7) с речевым поведением, характерным для того или иного специалиста, или с речевым поведением, характерным для испытуемого в отношении того или иного специалиста. В отдельные группы могут быть вынесены (8) культурные и прецедентные ассоциации; (9) ироничные или шуточные реакции; (10) экстрасигнальные реакции, где связь между стимульным НЛП и ассоциатом не ясна для исследователя, но отражает индивидуальный опыт испытуемого или то, что его волнует в настоящее время.

Таким образом, в работе был проведен анализ ассоциативного поведения испытуемых, в результате которого был сделан вывод, что ассоциативное значение НЛП является многоуровневым. Оно включает предметные, эмоционально-оценочные, метафорические, культурные, прецедентные, шуточные и другие ассоциации, причем ядром ассоциативного поля являются реакции, непосредственно связанные со стимулом.

Роль жестикуляции в преодолении трудностей лексического доступа у пациентов с моторной афазией

Кшняскина Виктория Владиславовна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
сотрудник*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. В. Драгой

Исследование направлено на изучение влияния спонтанной жестикуляции на эффективность лексического поиска при одном специфическом виде афазии — эфферентной моторной. Цель исследования — выделить части речи, лексический поиск которых был затруднен; провести анализ успешности лексического доступа в зависимости от наличия жестов; установить типы жестов, способствующие лексическому доступу на групповом и индивидуальном уровне. В исследовании приняли участие пять носителей русского языка как родного (четыре — с ведущей правой рукой, один — с ведущей левой рукой; возраст: от 40 до 56 лет (средний — 50); 3 женщины), все из которых пострадали от инсульта головного мозга. В качестве материала был использован нарративный корпус «Russian CliPS» с видеозаписями пациентов, пересказывающих содержание немого шестиминутного видеоролика

«О Грушах». Разметка видеозаписей производилась в программе — лингвистическом аннотаторе «ELAN» послойно (транскрипция в стандартной орфографии, описание жеста, тип жеста, другие части тела). Результат лексического доступа был поделен на неудачу; замену (парафазия, фонетическое искажение, циркумлокуция); успех.

Наиболее частотным оказался поиск существительных и глаголов. С использованием жестов лексический доступ чаще был успешным. Успешному лексическому доступу на групповом уровне способствовали указательные жесты, жестовые ударения и ритмические жесты, на индивидуальном уровне результат зависел от степени афазии (легкая: все жесты (1 пациент), остальные 2 — жестовые ударения, изобразительные жесты; средняя: ритмические жесты, жестовые ударения).

Особенности реализации правополушарного когнитивного стиля в детском дискурсе

Пискунова Ольга Владимировна

Южный федеральный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Ф. Г. Самигулина

Когнитивный стиль — это совокупность личных установок в процессе познания, выражающихся в исследовательских стратегиях. Основным фактором, влияющим на его характер, является асимметрия полушарий головного мозга. Гемисферы выполняют качественно разные функции, в зависимости от которых выделяют левополушарный когнитивный стиль (формально-логический и абстрактно-аналитический тип мышления) и правополушарный когнитивный стиль (способность к чувственному и наглядно-образному восприятию, интуитивному подходу). В настоящее время накоплен большой эмпирический материал, который демонстрирует различия в использовании когнитивных стилей не только в мышлении, но и в речевой деятельности. Они проявляются в онтогенезе не одновременно (правополушарный предшествует левополушарному), хотя противоположные типы мышления не исключают, а дополняют друг друга. Это подтверждается общепринятой периодизацией онтогенеза мышления, где представлены следующие этапы: 1) наглядно-действенный (до 2–3 лет), 2) наглядно-образный (с 2–3 до 6–7 лет), 3) вербально-логический (окончательно формируется к 14–15 годам). Первые два этапа характеризуются большим участием правого полушария в речемыслительной деятельности, что последовательно отражается в специфике детского дискурса: протослова и звукоподражания на первом этапе, антропо-

морфизм, словотворчество и буквализм на втором. Возрастные рамки детского дискурса можно ограничить временным периодом от 2,5 до 6 лет, исходя из особенностей развития речемыслительной деятельности человека, так как в речи детей именно этого возраста особенно явно проступают черты правополушарного типа мышления.

Был собран и проанализирован языковой материал, источником которого послужил опрос 50 детей в возрасте от 3 до 6 лет. Была предпринята попытка категоризации полученного эмпирического материала на четыре группы в соответствии с их семантическим наполнением: наглядность (*Луна как хвост для собаки*), образность (*Я объявил микробам Отечественную войну*), антропоморфизмы (*кораблю пропорол бок*) и буквализм (*недалекие люди*, т. е. 'близкие люди').

Особенности адресации в рекламном дискурсе

Бабаян Елена Вадимовна

Московский городской педагогический университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Л. А. Борботько

Целью работы является выявление конститутивных признаков и особенностей функционирования категории адресации в рекламном дискурсе, а также классификация основных стратегий, используемых в процессе адресации сообщения в рекламном дискурсе. Исходя из поставленной цели, выделяется ряд исследовательских задач: определить конститутивные признаки рекламного дискурса на основании печатной рекламы; рассмотреть понятие рекламного текста, который является составляющей рекламного дискурса; сконструировать и описать модель адресанта и адресата в рекламном дискурсе; определить лингвистические средства репрезентации адресации в рекламном дискурсе; рассмотреть экстралингвистические средства, обеспечивающие репрезентацию механизмов адресации в дискурсе рекламы. Ход исследования предполагает наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию. Материалом исследования являются печатные носители рекламы. Количество рассматриваемых рекламных постеров составило 130 единиц. На основе постеров рассматриваются вербальные (слоган) и невербальные (визуальный ряд) средства воздействия, используемые в рамках рекламного дискурса. Приведем пример (политическая реклама): *If you don't register to vote, you're taking the colour out of Britain*. Местоимение *you*, сообщаемое адресату адресантом, является индикатором процесса адресации. Адресантом данного сообщения являются политические агитаторы, адресатом — лица афро-американского происхождения. Существительное *colour* носит двойственный характер,

поскольку имеет несколько смысловых оттенков. С одной стороны, оно может обозначать людей с иным цветом кожи. С другой стороны, *colour* может одновременно отражать идею о многообразии, т. е. интернациональности культуры. Другими словами, адресант прибегает к игре слов, которая также является лингвистическим средством воздействия. На постере представлена известная личность афро-американского происхождения с черной и белой сторонами лица. Черная сторона символизирует этническое многообразие, присущее английской культуре. Белая же означает «обесцвечивание» культуры, т. е. лишение ее интернационального характера. Данная реклама пропагандирует идею этнического равенства, тем самым предупреждая конфликты, вызванные расовыми предрассудками.

В результате было выяснено, что лингвистические средства служат для прямого вербального воплощения идеи рекламного слогана. Экстралингвистическими средствами выступают художественные образы, символы, цветовая гамма и т. д., используемые адресантом. Невербальные средства дополняют лингвистические. Подобное взаимодействие обуславливает успешность процесса адресации в рекламном дискурсе.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Инструмент количественных типологических исследований

Шакурова Елена Ивановна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
студент 4 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Б. В. Орехов

Исследование посвящено разработке инструмента для решения задач по лексической типологии. Существует дистрибутивная гипотеза, согласно которой лингвистические единицы имеют близкие значения, если они встречаются в схожих контекстах. В современной лингвистике стоит вопрос о существовании прилагательных, различающихся исключительно по степени проявления признака. Например, считается, что синонимы *влажный*, *мокрый*, *сырой* различаются по количеству содержания влаги. Если это верно, тогда, согласно дистрибутивной гипотезе, существительные, сочетающиеся с такими прилагательными, бу-

дут иметь одинаковое количественное распределение и схожую сочетаемость.

Чтобы проверить, действительно ли различия между исследуемыми прилагательными сводятся только к степени проявления признака, было написано две программы для анализа сочетаемости лексических единиц. Первая программа на языке Python позволяет на основе анализа биграмм из Google Ngrams составлять сравнительные таблицы, в которых показано, сколько раз с каким существительным встретилось каждое из исследуемых прилагательных. Используя вторую программу на языке R, с помощью полученных сравнительных таблиц можно построить сравнительные графики, показывающие количественное распределение сочетаемости прилагательных с существительными, разбитыми на семантические группы. С помощью полученной таблицы и графиков анализ окружения лексических единиц и различия в сочетаемости становится удобнее. Например, изучая, с какими группами прилагательных сочетается одно существительное и не сочетается другое, можно делать выводы о семантике существительных (поскольку в семантике имени содержатся ограничения на сочетаемость). Инструмент поддерживает три языка: русский, немецкий и английский. Благодаря написанным программам было проведено исследование, проверяющее гипотезу о том, что противопоставление между лексемами не может сводиться исключительно к идее степени. Полученные с помощью скриптов таблицы и графики анализировались с точки зрения ограничений, которые семантика существительных накладывает на семантику изучаемых прилагательных. Вышеописанные программы — удобный инструмент лексико-типологических исследований. Код программ можно найти по ссылке <https://github.com/Shakurova/ngrams>.

Построение структуры тональных значений прилагательных в рамках проекта интеграции RussNet — YARN

Решетникова Арина Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. В. Азарова*

Главная задача исследования — создание структуры тональных значений прилагательных для русского языка, удовлетворяющей всем требованиям WordNet-словарей. Необходимо построить синонимические ряды, между которыми заданы определенные семантические связи. Основной проблемой на первом этапе является выявление того, ка-

кие существительные или группы существительных могут определяться прилагательными в данных тональных значениях и каким образом связать их семантическими отношениями, предусмотренными в структуре тезауруса. При тональном анализе текстов эта информация будет использована для оформления объектности оценки. Кроме того, тональные значения подразделяются на три группы: прагматические, эстетические и морально-нравственные, что обеспечивает характеристику субъектности оценки, представленной в текстах. В рамках исследования разрабатывается способ фиксации тональных значений, поскольку они не имеют четкого оформления в общей структуре тезауруса. Дополнительную проблему представляет вопрос иерархической организации тональных значений существительных, мотивированных прилагательными, в структуре компьютерного тезауруса. В результате работы будет получен словарь тональных значений, который будет использован для интеграции тезаурусов RussNet и YARN, а также для автоматического тонального анализа русских новостных текстов.

Принципы работы русскоязычного чат-бота «Театрал» для обслуживания интернет-афиш

Чертоусова Евгения Вячеславовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. В. Митренина*

В докладе рассказывается о технологиях и проблемах создания чат-бота «Театрал» для общения с клиентами, которых интересует расписание театров и концертных залов. Чат-бот получает сообщение пользователя, упрощает синтаксис предложения, затем анализирует получившиеся данные, сравнивает их с введенными разработчиком шаблонами и подбирает максимально подходящий ответ.

«Театрал» использует четыре основные темы: ~place (для той части беседы, где бот узнает от пользователя, хочет ли он пойти в кино, театр, цирк и т. д.), ~genre (для того чтобы узнать, выбирает ли он комедию, драму, мюзикл, ледовое шоу и т. д.), ~date (для того, чтобы подобрать удобный день недели) и ~booking (для бронирования билета онлайн). Кроме того, используется порядка десяти вспомогательных подтем, которые помогают сделать чат-бот более гибким в общении с пользователем.

Для обработки нестандартных реплик созданы дополнительные темы: ~help (если пользователь попросит помочь с выбором — эта тема учитывает наличие детей, желаемое время и т. п.) и ~small_talk

(если пользователь попытается завести беседу, не связанную с выбором спектакля).

Каждой теме присвоены свои ключевые слова, с помощью которых чат-бот выбирает нужный ответ. Кроме того, был написан контрольный скрипт и несколько гамбитных правил на случай, если в реплике не встретится ни одного ключевого слова. Они помогают чат-боту решить, какое правило использовать, или выводят дополнительные вопросы.

При разработке чат-бота необходимо использовать сторонние ресурсы, словари и тезаурусы, чтобы максимально точно учесть запрос пользователя. В частности, широко используется тезаурус WordNet и встроенный парсер. Для решений неоднозначностей (например, в теме ~help драмой может быть и театральная постановка, и фильм) используются гамбитные правила.

Компьютерная грамматика непосредственных составляющих и зависимостей для анализа предложений с неоднозначными обстоятельственными детерминантами

Федюкова Екатерина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. А. В. Добров

В работе исследуется проблема совмещения грамматик непосредственных составляющих и зависимостей для предложений с неоднозначными обстоятельственными детерминантами. Для эффективного автоматического семантического анализа текста может быть необходимо учитывать все возможные варианты синтаксического разбора каждого предложения, что делает важным исследование анализа неоднозначных предложений.

В модели непосредственных составляющих любая сложная грамматическая единица складывается из двух более простых и непересекающихся единиц. Благодаря этому предложение можно представить в виде дерева, отражающего связи между частью и целым. Особенностью грамматик зависимостей является предположение, что между словами есть подчинительные связи, которые устанавливаются непосредственно между словоформами. Структуры зависимостей, в отличие от структур непосредственных составляющих, могут быть легко применены (без дополнительных допущений) к более разнообразному материалу, но неспособны объяснить деривацию предложения. Поэтому в некото-

рых случаях представляется необходимым объединить две структуры для более эффективного разбора предложений.

Обстоятельственный детерминант — это член предложения, который распространяет предложение в целом, не связан с определенным его членом и определяет предложение со стороны тех или иных обстоятельств. Например, *В порядке опыта магазин работает без продавцов со следующей недели*. Структура зависимостей здесь будет одна — *в порядке опыта* будет относиться к глаголу *работает*. В грамматике непосредственных составляющих версий будет две, однако для комбинации вида «детерминант плюс предложение» невозможно будет установить, относится ли значение детерминанта к значению всего предложения или только его вершины, глагола. В то же время в предложении имеет место неоднозначность типа «детерминант / обстоятельство»: первое значение подразумевает, что обычно магазин работает с продавцами, а второе — что обычно он работает без продавцов, но на следующей неделе это будет осуществляться в порядке опыта. В существующих моделях данная неоднозначность отражается не вполне корректно. Эту проблему можно решить, совместив два вида грамматик.

Для работы используется платформа Natural Language Toolkit, позволяющая создавать грамматики различных видов для синтаксических анализаторов на языке программирования Python. Материал — созданный для исследования корпус предложений с неоднозначными обстоятельственными детерминантами на русском языке объемом около трехсот единиц. Созданная в рамках исследования формальная грамматика отражает наблюдаемые в корпусе явления синтаксической неоднозначности более корректно, чем модель непосредственных составляющих или модель зависимостей, что подтверждает гипотезу о целесообразности комбинирования этих моделей для данной задачи.

Опыт разрешения синтаксической неоднозначности однородных именных групп в новостных текстах

Кондюрин Иван Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. А. В. Добров

Снятие синтаксической неоднозначности до сих пор остается одной из главных проблем автоматической обработки текста, и ее решение актуально не только для дальнейшего повышения точности синтаксического анализа, но и для корректного семантического анализа.

Существует ряд подходов к разрешению этой неоднозначности, среди них формально-грамматические, психолингвистические, вероятностно-статистические и семантические (в том числе основанные на ограничениях сочетаемости).

В исследовании для решения проблемы используется онтологическая семантика. Онтологию в науках об информации можно определить как формализацию абстрактного, упрощенного представления о некоторой предметной области, включающую концепты (формальные модели понятий) этой области и логические выражения для описания отношений между ними. Следует отметить, что лингвистическая онтология отличается от компьютерного тезауруса: она должна содержать все атрибуты и отношения, необходимые для построения семантической структуры текста. Использование тезауруса (к примеру, WordNet) для снятия неоднозначности показало свою недостаточную эффективность из-за недостатка существенной для анализа информации об отношениях между элементами.

Использование онтологий в АОТ началось только в 1991 г., но тогда они применялись преимущественно для разрешения морфологической неоднозначности. Попытки же адаптации метода к синтаксическому уровню начались значительно позже, в 2009–2011 гг., и для текстов на русском языке такой подход использовался лишь в немногих работах.

Для исследования были выбраны типы неоднозначности, порождаемые однородными именными группами: именно они, наряду с обстоятельственными детерминантами, наиболее существенны при анализе насыщенных фактической информацией новостных сообщений. Например, в предложении *Традиционная лекция выдающегося лингвиста, академика, ученого с мировым именем Андрея Анатольевича Зализняка (...) прошла 1 октября* однородные именные группы создают более 10 возможных трактовок, по одной из которых лекцию прочли *ученый и мировое имя Зализняка*. Исследование проводится на специально созданном корпусе из 500 неоднозначных предложений информационного типа, отобранных из НКРЯ. Для работы использовалась существующая онтология АИРЕ. Затем была произведена попытка модифицировать онтологию для повышения точности и полноты анализа.

Проделанная работа показывает, что привлечение онтологической семантики действительно позволяет улучшить качество анализа неоднозначных предложений.

Проблема разработки системы оценки тональности сообщений на украинском языке на примере системы SentiStrength

Васильева Анна Станиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. В. Митренина

Программа SentiStrength, созданная как часть проекта CyberEmotions, автоматически производит анализ тональности коротких текстов. Она основана на использовании словаря эмоциональной лексики и корректирующих правил. Система была изначально создана для английского языка. Так как подобные системы отсутствуют для украинского языка, мы предприняли попытку настроить SentiStrength на украинский язык путем изменения файлов исходных данных. Исходные файлы на русском языке были переведены на украинский. Перевод производился автоматически, затем проверялся двумя экспертами и по возможности пополнялся синонимами. Был создан словарь из 877 единиц, в котором представлены как полные слова, так и их основы. Словарь был дополнен данными, извлеченными с помощью машинного обучения из обучающей выборки объемом 1000 сообщений. Данные на разных этапах работы оценивались автоматически на основе тестовой выборки объемом 200 сообщений. Параллельно проводилась оценка результатов с помощью экспертов.

Исследование значимых лингвистических характеристик в задаче автоматического определения типа автора

Плетнева Анастасия Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. М. В. Хохлова

Многие люди выбирают международные стажировки как способ получения волонтерского и бытового опыта. Описывая свои впечатления, стажеры начинают вести интернет-блоги. Их анализ с помощью статистических и лингвистических методов интересен для исследования языка интернет-блогов как определенного разговорного жанра, а также в задаче автоматического распознавания типа их автора.

В докладе описывается эксперимент по изучению значимых лингвистических характеристик текстов интернет-блогов волонтеров.

Основные задачи эксперимента: создание корпуса интернет-блогов волонтерских стажировок на русском языке; создание списков ключевых слов с указанием их частот; графематическая обработка текстов: замена всех графических эмодиконов в текстах блогов на тексто-

вые; выделение и группировка эмотиконов в соответствии с обозначаемой эмоцией, составление частотного списка полученных элементов; анализ тональности слов и предложений и сопоставление их со словарем тональности LINIS Crowd SENT; определение взаимосвязи между частотой употребления определенных эмотиконов с полученными оценками тональности слов и предложений блогов.

В ходе исследования были получены следующие результаты: тексты волонтерских стажировок отличается большая эмоциональность. Она выражается по большей части в текстовых (55%), графических (25%) эмотиконах и в эмоционально-окрашенных словах (10%). При этом отмечается, что предложений с положительной тональностью большинство (55%). Отмечено значительное пунктуационное своеобразие текстов: повсеместно используются такие знаки препинания, как многоточие, вопросительные и восклицательные знаки. При этом не была отмечена неграмотность написанных текстов, внутри предложений смысловые единицы (приложения, причастные и деепричастные обороты, однородные члены предложения) верно выделены пунктуационно.

В дальнейшем планируется изучение идиоматических n-грамм текстов блогов, сравнение их со словарем русской идиоматики Г. И. Кустовой, а также исследование типичных для этих текстов структур предложений.

Выявление типовых синтаксических вариантов представления содержания при воспроизведении одного текста

Щербинина Арина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. И. В. Азарова

Цель исследования — определить, какие части текста являются значимыми при его воспроизведении / пересказе и выявить синонимичные синтаксические структуры, используемые при этом разными людьми. Были поставлены следующие задачи:

ознакомиться с работами по составлению одноязычных параллельных корпусов и разрешению трудностей, возникающих в процессе разметки;

изучить практическое применение одноязычных параллельных корпусов (составление Simple Wikipedia, упрощение текстов, машинный перевод);

составить небольшой параллельный корпус текстов на одном языке, выявить с его помощью синонимичные синтаксические структуры и ключевую информацию в текстах.

Исследование проводилось на материале изложений отрывка из статьи В. М. Пескова «Родина Ломоносова», написанных учениками 8 класса. В корпус вошло 24 текста включая оригинал. После построения и выравнивания корпуса для каждого изложения был построен график, по предложениям отражающий его схожесть с оригиналом. Оценка схожести производилась вручную, при этом учитывалась как тема-рематическая полнота передачи смысла предложения, так и близость синтаксических структур: от абсолютно идентичных до совершенно несопоставимых. Затем с помощью подсчета корреляции были выявлены группы наиболее схожих между собой текстов. Проследив закономерности воспроизведения материала, мы определили информацию, которую члены данной группы посчитали важной и, следовательно, привели максимально полно и точно. Предложения, получившие высокие суммарные оценки схожести в группе, разбивались на фрагменты и рассматривались более детально.

В результате были выявлены наиболее часто используемые синтаксические структуры, синонимичные таковым в оригинальном тексте. Сделан вывод, что практически в 100% случаев наиболее полно и точно воспроизводятся начало и конец текста, тогда как в середине наблюдаются значительные расхождения.

Модуль лемматизации для корпуса СКАТ: первые шаги

Сипунин Константин Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. Л. Алексеева

В Санкт-Петербургском корпусе агиографических текстов (СКАТ), созданном на кафедре математической лингвистики СПбГУ, представлены тексты древнерусских житий по спискам XVI-XVIII вв. Среди актуальных задач развития функциональности корпуса стоит проблема лемматизации — приведения текстовых словоформ к их словарным формам (леммам). Была поставлена задача разработать первичный алгоритм лемматизации имен (существительных, прилагательных, числительных, а также местоимений) на материале ручной грамматической разметки трех житий (суммарный объем — более 30 тыс. словоформ).

Принятая в СКАТ схема разметки имен включает в себя следующие позиции: тип склонения, падеж, число, род и лицо (у местоимений).

Однако в ходе работы выяснилось, что сугубо морфологических сведений о словоформах для нужд лемматизации недостаточно: необходим учет морфонологических и некоторых орфографических явлений, на предварительном этапе нормализации (отождествления орфографических вариантов) неустраимых. В этой связи в схему были внесены определенные уточнения, а также введено новое поле — «индекс», по замыслу подобный грамматическому индексу А. А. Зализняка. В него входят такие пометы, как «*», свидетельствующая о действии на конце основы одного из законов палатализации (*творче* → *творець*, *мнози* → *мнозь*), и «+X» либо «-X», в зависимости от X означающие прояснение либо исчезновение редуцированных (*помыслы* → *помыселъ*, *золъ* → *зло*), пропуск некоторых букв по соседству с выносными (*по(с)* → *постъ*, *пть(с)ми* → *птьснь*) и др.

В основе собственно лемматизации лежит алгоритм усечения окончаний, разнесенных по двум парадигматическим классам: субстантивному и местоименно-адъективному. Полученная в результате усечения псевдооснова подвергается дальнейшим преобразованиям: так, у существительных в автоматическом режиме устраняются последствия падения редуцированных в частотном суффиксе *-ьц-* (*старцу* → *старець*, *овець* → *овца*); восстанавливается суффикс единичности у гетероклитик на *-ин-* (*хр(с)тиане* → *христианинъ*); особых решений потребовали сложные существительные со склонением обеих частей (*новаграда* → *новградъ*, *полудни* → *полдень*). Ограниченно (для личных, вопросительных и возвратного местоимений) используется алгоритм поиска флективных форм целиком.

На рассмотренном материале результативность алгоритма приближается к стопроцентной, но данный результат нельзя не признать весьма условным: он целиком обеспечивается корректностью разметки с учетом всех нововведений. Целесообразным было бы рассматривать полученную совокупность лемм как прецедентную для полностью автоматического модуля лемматизации, который планируется разработать в дальнейшем. Кроме того, требуют своего решения проблемы создания соответствующего алгоритма для глаголов и причастий, а также интеграции полученных данных в веб-представление корпуса.

Автоматическая оценка семантической близости текстов (с использованием инструмента DKPro Similarity)

Крюкова Анна Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. О. А. Митрофанова

Оценка смысловой близости текстов является неотъемлемой составляющей многих задач современной компьютерной лингвистики. Разработка и тестирование алгоритмов и метрик для оценки семантической близости текстов до сих пор проводились в основном применительно к материалу английского языка. Это можно проиллюстрировать классом компьютерных инструментов, созданных для решения этой задачи: ср. Text Similarity Perl Module, Text Similarity API, Alchemy API и ряд других. Об успехах в решении задачи свидетельствуют результаты соревнований SemEval на специальной дорожке Textual Similarity.

Необходимость подобных исследований для русского языка обусловлена востребованностью результатов со стороны прикладных задач. В настоящий момент есть прогресс в области автоматической оценки семантической близости на уровне слов, ср. данные RUSSE. Однако продуктивность решения задачи оценки близости текстов пока мала: акцент делается не на количественных данных о близости текстов, а на результатах кластеризации или классификации большого числа документов в корпусе, например, когда нужно определить тематику корпуса или назначить рубрики для отдельных его сегментов. Наше исследование призвано восполнить существующий пробел.

Мы решаем задачу оценки семантической близости текстов на русском языке средствами открытой и свободно распространяемой компьютерной платформы DKPro Similarity, включающей несколько классов метрик близости текстов и позволяющей применять их для различных языков. Были проведены эксперименты с лексическими языково-независимыми метриками и с семантическими метриками, для которых нужны внешние источники знаний (например, Википедия).

Материалом исследования послужили следующие тексты: научные статьи из корпуса по корпусной лингвистике; сообщения из сегментов «life» и «news» новостного корпуса; фрагменты переводов на русский язык романа В. В. Набокова «Пнин» тремя авторами (Г. А. Барбáло, С. Б. Ильиным, Б. М. Носиком); заголовки новостных статей из корпуса парафразов. В ходе работы была проведена предварительная обработка текстов: удалены знаки препинания и, по необходимости, стоп-слова, а также проведена лемматизация слов с использованием

библиотеки RuMorphy2. Результаты подтверждают, что платформа DKPro Similarity пригодна для оценки семантической близости русско-язычных текстов. Дальнейшие направления работы связаны с сопоставлением различных метрик и с расширением языкового материала.

Метафора как наиболее продуктивный способ образования спор- тивных терминов (на материале якутского языка)

Стручкова Яна Васильевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, магистрант 1 курса

Спортивная терминология является одной из самых активно развивающихся терминологий современного якутского языка. Одним из наиболее продуктивных способов терминообразования является метафора.

Данное исследование посвящено выявлению и описанию метафорического способа образования спортивных терминов в якутском языке на материале Большого толкового словаря якутского языка. Предлагается собственная классификация, которая включает: метафоры-соматизмы (сходство с наименованием частей тела и организма), метафоры-зоосемизмы (сходство с животным миром), метафоры-биосемизмы (сходство с природой) и бытовые метафоры (сходство с предметами быта и окружения человека).

1. Метафоры-соматизмы: *хоннохтооһун* от слова *хоннох* ‘подмышка, пазуха’ в роли спортивного термина (далее спорт.) функционирует со значением ‘схватывание кого-либо за подмышку’; *бэҕэччэктэһии* от слова *бэҕэччэк* ‘запястье (руки)’, спорт. ‘арм-рестлинг’. Термины-метафоры данной группы с помощью аффиксов *-ааһын* и *-ыы* указывают на технико-тактические приемы якутских национальных видов спорта.

2. Метафоры-зоосемизмы: *куобах* ‘заяц’, спорт. ‘якутский национальный вид спорта — прыжки в длину на двенадцать меток на двух ногах вместе’; *буур* ‘самец (оленья, лося)’, спорт. ‘прыжок в длину (с разбега)’; *табалыы ойуу* спорт. ‘прыжки по-оленьи’. Виды прыжков были заимствованы людьми у природы, к которой всегда были близки якуты. Скачки на одной ноге сходны с манерой движения журавля и стерха. “Буур” и “табалыы ойуу” напоминают широкий шаг скачущего оленя.

3. Метафоры-биосемизмы: *хонуу* ‘поле, поляна’, спорт. ‘доска для игры в шахматы, шашки’; *туос* ‘береста’, спорт. ‘метки для якутских национальных видов состязаний по прыжкам — кылыы, куобах,

ыстага, устанавливаемые в качестве ориентира для определения количества и амплитуды прыжков'. Термины-метафоры данной группы указывают прежде всего наименование снарядов национальных видов спорта.

4. Бытовые метафоры: *туһах* 'петля', спорт. 'расстановка шашек для ловли дамки противника'; *түһүлгэ* 'место для проведения национального праздника — ысыах', спорт. 'место для проведения каких-либо спортивных соревнований'. Данная группа является самой многочисленной. Это может объяснено тем, что при создании терминов-метафор человек прежде всего использует названия тех предметов, которые окружают его и являются неотъемлемой частью его жизни.

Таким образом, потребности в развитии якутского языка способствуют расширению подобных метафорических способов терминообразования.

Автоматическое определение интонационно выделенных слов в высказывании с использованием синтаксических, лексических и грамматических маркеров

Меньшикова Алла Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Д. А. Кочаров

Интонационное выделение в рамках данной работы — это активное для восприятия, осуществляемое с помощью просодических средств подчеркивание части высказывания. Выделенное слово становится более значимым на фоне остальных, а также зачастую приобретает дополнительный смысловой оттенок, который, в свою очередь, влияет на смысл высказывания в целом. Целью исследования является разработка метода автоматического поиска интонационно выделенных слов в тексте на русском языке с использованием синтаксических, грамматических и лексических маркеров. К первым относится рассчитанная на основе обработанных текстов вероятность позиции текущего слова в предложении относительно слова, от которого оно зависит; это значение использовалось для определения наличия или отсутствия инверсии, являющейся важным маркером интонационного выделения. К грамматическим признакам относится часть речи текущего, предыдущего и последующего слов. В качестве лексических признаков учитывалась принадлежность слова (а также зависящих от него, соседних с ним и того, от которого зависит оно само) к таким классам лексики, как: акцентные частицы, интензивы адвербиального типа, итеративы,

кванторные слова, вопросительные слова, наиболее частотные оценочные прилагательные, слова, связанные с отрицанием. В речи единицей, на которой реализуется выделение, является не графическое слово, а фонетическое, т. е. слово, имеющее ударение, с примыкающими к нему клитиками. Это учитывалось при обработке текста.

Для построения классификатора были использованы алгоритмы Conditional Random Fields (программная реализация — CRF++) и наивный байесовский (реализация — классификатор в библиотеке NLTK). Синтаксический разбор текстов осуществлялся при помощи парсера SyntaxNet.

Исследование проводилось на основе материалов речевого корпуса CORPRES. Оттуда были взяты тексты двух художественных повестей, прочитанные восемью дикторами, с обозначениями о том, сколькими дикторами было выделено каждое слово. На данном этапе работы для обучения и тестирования классификатора использовались предложения, где было только одно интонационное выделение, реализованное более, чем тремя дикторами. При обучающей выборке размером в 200 предложений и тестовой выборке в 150 предложений выделенные слова определяются с полнотой 0,68 и точностью 0,60 для метода Conditional Random Fields и полнотой 0,72 и точностью 0,48 для байесовского. Большинство ошибок связано с отсутствием признаков, указывающих на противопоставление (которое часто сопровождается выделением), и невозможностью автоматически определить принадлежность некоторых прилагательных к экспрессивной лексике. Наименее эффективными оказались грамматические признаки соседних и главного слов; наиболее эффективными — синтаксические признаки и лексические признаки слова.

ФИННО-УГОРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Имитация индивидуальных особенностей речи

в венгерском художественном тексте

Щербатых Мария Геннадиевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. Н. Колпакова

В докладе мы пытаемся показать, при помощи каких языковых средств авторы художественных произведений передают речь иностранцев, язык детей, диалектную речь, манеру говорить при наличии временных (например, вызванных болезнью — насморк, кашель и т. п.) или постоянных (заикание и т. п.) дефектов речи. Особую сложность представляет процесс поиска и подбора языкового материала для нашей работы, который предполагает прочтение большого количества литературных произведений и использование метода сплошной выборки актуальных для исследования фрагментов текста. Актуальность нашего исследования заключается в том, что рассматриваемое явление, ярко характеризующее как героев того или иного произведения, так и творческую манеру автора, ранее не подвергалось системному изучению. Исследование позволяет сделать заключение о языковых закономерностях имитации особенностей речи в венгерском языке.

В дальнейшем можно было бы подробно остановиться на проблеме передачи особенностей имитации с венгерского языка на другие языки в аспекте художественного перевода.

Особенности перевода художественного текста на финский язык

(на примере рассказа А. П. Чехова «Нервы»)

Антохина Анастасия Олеговна

Московский государственный лингвистический университет,

студент 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. С. Братчикова

Одним из сложных для перевода является рассказ А. П. Чехова под названием «Нервы» («Hermost»), поэтому предметом исследования стал анализ его перевода, выполненного в 1946 году Л. Саволайнен. Цель доклада — определить способы перевода актуальных для текста реалий и провести сопоставительный анализ лексико-грамматического строя рассказа в русском и финском языках. Было поставлено несколько задач:

1) анализ способов перевода русских реалий на финский язык (например, слово *матушка* было переведено словосочетанием *huvä ystävä*);

2) анализ лексики перевода;

Поиск нужного слова, выбор его правильной формы для выражения эмоций и состояния является одной из главных задач переводчика (например, словосочетание *puutämään tältä*, адресованное человеку, выражает презрение адресанта).

3) анализ грамматических конструкций;

Существуют различия в грамматическом строе русского и финского языков. В этом случае перед переводчиком стоит задача — найти более точный способ передачи исходного текста на переводимый язык.

4) сравнение языка перевода с современным финским языком.

Перевод рассказа «Нервы» был выполнен в первой половине XX в. С того времени финский язык изменился, появилась возможность замены устаревших слов на более понятные для современного человека.

Полученные выводы могут быть полезными для дальнейших исследований в области перевода художественных текстов.

Перевод на эстонский язык русских фразеологизмов с возвратными глаголами

Беспалова Юлия Станиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: ст. преп. Л. Ю. Муковская

Перевод на эстонский язык русских возвратных глаголов осложняют разночтения в семантическом описании этих глаголов, а также несовпадения грамматического строя взаимодействующих языков. В задачи исследования входило: 1) сделать выборку русских фразеологизмов, в состав которых входят возвратные глаголы; 2) провести анализ уже имеющихся переводов таких фразеологизмов с русского языка на эстонский; 3) выявить оптимальные варианты перевода возвратных глаголов в составе отобранных единиц. Из двуязычного русско-эстонского словаря фразеологических соответствий, эстонского и русского фразеологических словарей было отобрано 128 русских фразеологических оборотов с их переводом на эстонский язык (таких как, например, 'вертеться в голове' — *kellelgikeele peal kerklema*; 'смеяться в кулак' — *habemesse naerma*) и 145 эстонских фразеологических единиц с русскими соответствиями (*pead parandama* — 'опохмелиться'; *süda läheb kergemaks* — 'ожесточиться'). В результате выявлено, что 1) рус-

ские фразеологизмы с возвратным глаголом имеют полные или частичные эквиваленты в эстонском языке, 2) перевод с исходного языка желательно строить на основе полных или частичных фразеологических эквивалентов языка перевода, при этом допустимы расхождения грамматической структуры взаимодействующих языков (не дословный перевод) при сохранении образа.

Особенности языка финского и российского политического блога

Лазарева Екатерина Сергеевна

*Московский государственный лингвистический университет,
студент 2 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. С. Братчикова

В связи с тем что современный читатель все чаще получает информацию в интернете, блог начинает выполнять функции традиционных СМИ. Тем не менее способы представления информации в блоге и, например, в газете довольно сильно отличаются. Авторы блогов зачастую используют различные нестандартные приемы, стараясь быть ближе к читателю. Еще одной важной особенностью блога является возможность комментирования сообщений, а также установление контакта между автором и читателями в режиме онлайн.

Объектом исследования является блог. Для анализа из популярных финских и российских блогов были выбраны статьи на политическую тематику. Предметом исследования является специфика выразительных средств в финском и российском политическом блоге. Цель исследования заключается в выявлении отличий политических статей в блогах Финляндии и России. Мы проанализировали выразительные средства в блоге; специфику использования прямой речи блогером, а также различных графических изображений и иллюстраций. В исследовании также уделяется внимание лексике и синтаксису комментариев, а также степени активности комментирования финскими и российскими читателями.

Глаголы говорения в эстонском языке: семантические, синтаксические и стилистические особенности

Шлыкова Александра Михайловна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса
Научный руководитель: ст. преп. Л. Ю. Муковская*

Лексическое богатство эстонского языка отражается в том числе и в большом количестве глаголов говорения. Цель работы заключается

в анализе названной группы глаголов на материале произведения А. Кивиряхка «Reherapp ehk November». Ставятся следующие задачи: 1) выделить группу глаголов говорения; 2) изучить особенности этих глаголов; 3) определить прагматические функции отобранных в тексте глаголов; 4) проанализировать сочетаемостные возможности отобранных глаголов; 5) попытаться создать стилистический и семантический портрет каждого из глаголов.

В ходе работы глаголы ранжируются по частотности употребления и классифицируются по группам: глаголы, описывающие речь героев, и глаголы, вводящие прямую речь. В произведении Кивиряхка много действующих персонажей и все они постоянно взаимодействуют между собой, поэтому в тексте очень много различных глаголов говорения, которые помогают охарактеризовать каждого персонажа в отдельности. Глаголы этой группы выполняют информационную и эмоциональную функцию. С глаголами говорения используются характерные обстоятельства.

Есть ли у шкафа голова? Грамматикализация адлогов в ингерманландском финском

Рыжкова Елизавета Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса
Научный руководитель: асп. М. А. Холодилова*

Послелог и некоторые предлоги ингерманландского финского обладают рядом черт, сближающих их с существительными. Это обусловлено их этимологией: большинство финно-угорских послелогов восходят к существительным; при этом наиболее распространенный тип послеложной группы повторяет конструкцию с генитивным посесором. Финские адлоги можно разделить на 3 группы: 1) адлоги, не присоединяющие падежных показателей; 2) адлоги, образующие серии; 3) адлоги с одним застывшим локативным показателем в составе. Группа (2) наиболее близка к существительным, что и делает ее объектом дальнейшего рассмотрения.

Исследование проводилось в 2016–2017 гг. на материале ингерманландского диалекта финского языка, носители которого проживают в Гатчинском и Волосовском районах Ленинградской области. Данные были получены методом элицитации.

Для разработки критериев были отобраны семь единиц со спорным статусом (серии на: *keske-* 'посередине', *(i)e-* 'перед', *väl'* 'между', *ümpär'i-* 'вокруг', *viere-* 'рядом', *luo-* 'около', *piä-* 'на'). Основанием для

выбора послужили следующие свойства данных единиц: способность к образованию серии, пространственное значение. Данные единицы сопоставлялись с адлогами и существительными, отнесение которых к соответствующим классам вызывает меньше сомнений. Подобные адлоги не образуют серий, имеют абстрактное значение (*kans* 'с' и т. п.). Отобранные существительные обладают такими свойствами, как вещественные значения и способность занимать синтаксические позиции, характерные для существительных (*tuopi* 'кружка' и т. п.)

Были выделены следующие синтаксические критерии: способность занимать позиции подлежащего или прямого дополнения; способность присоединять согласованное зависимое; запрет на разрыв квазирелятивов (местоименных серий на основе безвершинных относительных придаточных, например, рус. *что хочешь, куда попало, кто угодно*, ингер. *mikä tahot* 'что хочешь'); возможность анафорической отсылки (в предложениях типа: *Он гуляет в окрестностях дома, они темные*).

В результате были получены данные, анализ которых позволяет считать, что рассмотренные единицы располагаются на шкале «Существительное → адлог» в порядке: *väl'*-, *keske*-, *(i)e*-, *viere*-, *piä*-, *ümpäri*-, *luo*-. По-видимому, можно считать, что первые три единицы находятся в пограничном положении между существительным и адлогом, вследствие того что процесс их грамматикализации не завершился. Три последних адлога не удовлетворяют ни одному из четырех критериев, однако наличие серий все-таки отдаляет их от адлогов типа *kans*, *vart*. Кроме того, на основании проведенного исследования можно заключить, что билогии в препозиции грамматикализировались сильнее, чем в постпозиции, причем данная черта, судя по всему, является собственно ингерманландской, а не общей для диалекта и литературного языка.

Безэквивалентная лексика в системе словарных дефиниций (на примере перевода эстонского существительного *kratt*)

Колосова Лилия Валерьевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса
Научный руководитель: ст. преп. Л. Ю. Муковская*

В большинстве случаев словарные статьи не дают полного представления о культурно значимой лексике, поэтому часто возникают проблемы при ее переводе. В докладе в качестве примера анализируется эстонское слово *kratt* и его перевод на русский язык.

Сначала мы проанализировали статью двуязычного эстонско-русского словаря, который предлагает вариант перевода *kratt* — *домовой-обогадитель*. Так как в русской культуре домовый — «сказочное существо, обитающее в доме, злой или добрый дух дома» (по словарю С. И. Ожегова), который не имеет ничего общего с процессом обогащения, то данный перевод остается не совсем понятным. По причине отсутствия иных вариантов перевода, а также каких-либо примеров мы, следуя логике переводчика, обращаемся к эстонскому толковому словарю. Если перевести словарную статью на русский язык, то выясняется, что «*kratt* — это летающее, сделанное из старых предметов существо, приносящее имущество». Подобное описание, а также один из приведенных примеров — «хозяин сделал себе кратта» — доказывают, что эстонский *kratt* не имеет ничего общего с русским домовым.

Для сравнения мы проанализировали перевод слова *kratt* в тексте романа А. Кивиряхка «Reherapp», который был переведен на шесть языков; отрывки романа были переведены на немецкий и английский языки. В большинстве случаев переводчики использовали транслитерацию или адаптировали эстонское слово под фонетические особенности своего языка: фин. *kratti*, норв. *skratte*, фр. *kratt*, венг. *kratt*. В английских переводах существует два варианта: транслитерированный вариант (к нему дано описание: *treasure bearer* — приносящий сокровища), а второй вариант фигурирует как гоблин (*goblin*). Переводчик на русский язык решил воспользоваться вариантом из двуязычного словаря: в итоге перед русскоязычным читателем *kratt* предстает как *домовик*.

В качестве одного из вариантов решения проблемы недостатка информации мы рассматриваем лингвокультурологический словарь. На базе русского языка на данный момент уже создано два подобных словаря, статьи которых содержат следующие данные: толкование (словарная дефиниция), историко-этимологические данные, связанная с данным словом фразеология и примеры из классики. При создании подобной статьи для эстонского лингвокультурологического словаря мы в свою очередь предлагаем дополнить данную структуру грамматическими комментариями, синонимически-антонимическим рядом, ассоциативным рядом, указанием на ситуации, в которых носители эстонского языка обычно употребляют данное слово, стилистическими пометами, иллюстрациями (к лексике с предметным значением), а также актуальными для эстонского языка диалектизмами.

Русицизмы в мемуарных текстах сибирских эстонцев

Дьяченко Елизавета Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Научный руководитель: ст. преп. Л. Ю. Муковская

«Сибирский эстонский язык» — это язык эстонцев, проживающих в Сибири. Оказавшись в чуждой для себя среде, эстонцы «законсервировали» свой язык, выработав со временем особый сибирский эстонский вариант, который является объектом исследования лингвистов.

Исследуя мемуары, записанные со слов сибирских эстонцев, мы обратили внимание на значительное количество заимствований из русского языка. Составив представительную выборку слов, мы попытались проанализировать случаи их употребления, контексты, в которых они использовались, и их орфографические, грамматические и семантические особенности. Заимствования из русского языка в сибирском эстонском укладываются в несколько групп, объединенных особенностями их употребления.

1. Контекстные заимствования, несущие эмоциональную нагрузку

Часто русские слова в сибирском эстонском обладают отчетливой эмоциональной окраской и используются в строго определенных контекстах. Так, *pitškid* — ‘спички’, *tšaj* — ‘чай’, *mahorka* — ‘махорка’, *brigaada* — ‘бригада’ используются для того, чтобы подчеркнуть контекст, внутри которого происходит описываемое действие, создать эмоциональный фон повествования.

Зачастую для расширения эмоционального воздействия используются целые высказывания: *nitšvevo netu* — ‘ничего нету’, *pristreljuu* — ‘пристрелю’, *prikaz Stalina* — ‘приказ Сталина’.

2. Региональные заимствования

Эти слова выполняют чисто практическую функцию — они возникли в реалиях советской Сибири и служат для именования новых для эстонцев понятий или возникают при погружении носителей в иноязычную среду: *partsjezd* — ‘партсъезд’, *tulup* — ‘тулуп’, *samakonka* — ‘самогонка’, *krunt* — ‘грунт’ (sic!). Многие слова этой группы проходят морфологическую адаптацию.

3. Композиты

Композиты занимают особое место в лексике сибирских эстонцев, они обладают самостоятельным лексическим значением, не зависят от контекста и часто не идентифицируются носителями языка как заимствования: *võiboika* — ‘маслобойка’.

Задачей исследования был поиск правильного подхода к систематизации русских заимствований в языке сибирских эстонцев, выявление основных факторов, влияющих на выбор носителями используемой заимствованной лексики. Доклад призван стимулировать обсуждение особенностей заимствований в «сибирском эстонском языке» и пробудить интерес слушателей к мемуарам сибирских эстонцев. Собранный материал может послужить основой для дальнейших исследований.

Синонимия единиц финского сленга и особенности их употребления

Воробьева Анастасия Денисовна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: ст. преп. С. П. Загорина

Цель исследования — описание явления синонимии единиц финского сленга и определение особенностей их употребления. Актуальность данной темы обусловлена открытостью названного лексического слоя, принимаемого и не отвергаемого финнами и постоянно пополняющегося в связи с изменениями, происходящими в обществе. Перевод синонимичных финских сленгизмов может вызывать трудности у переводчиков, так как на данный момент не существует двуязычных словарей финского сленга и работ о них на русском языке, поэтому данное исследование имеет еще и практическое значение.

На материале 278 примеров, собранных из ряда финских словарей (словарь разговорного языка «Oikeeta suomee» Веса Ярва, 2006; словарь финского сленга Матса Сёдерлунда и Никласа Вахрмана «Urbaani sanakirja», 2010), был проведен лексико-семантический анализ финских сленговых существительных, прилагательных и глаголов. На основе рассмотрения синонимических парадигм были сделаны выводы о продуктивных способах образования финских сленговых синонимов. Исследование синонимии в финском сленге имеет перспективы, так как изучение фразеологических и окказиональных синонимов представляет лингвистический интерес и позволяет лучше понять финский менталитет.

Имена собственные и их дериваты в произведениях Жигмонда Морица

Баранова Алла Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. Н. Колпакова

Имена собственные в произведениях художественной литературы часто играют специфическую роль, помогая авторам наиболее эффективно изобразить действительность в свете их идейно-эстетических позиций. Одной из основных предпосылок реалистичности художественного произведения является соответствие использованных в нем имен собственных закономерностям национальной ономастической системы. Удачно выбранное имя становится дополнительным средством характеристики персонажа, усиливает эмоциональное впечатление от всего произведения. Произведения венгерского писателя Жигмонда Морица (1879-1942, Mórícz) изобилуют именами собственными, и их систематизация определенным образом помогает составить представление о языковой картине мира автора. В задачи работы входит: представить список имен собственных и их дериватов из произведений Морица, классифицировать их по группам (антропонимы, топонимы, эмпоронимы и др.). Отдельно рассматриваются проблемы передачи некоторых имен собственных на русский язык. При их переводе необходимо учитывать целый спектр разнообразных элементов смысла: прозрачную внутреннюю форму, историческую аллюзивность и эмоционально-оценочную составляющую. Для составления перечня слов мы воспользовались методом сплошной выборки из романов, пьес, повестей и рассказов писателя. Отдельно рассмотрены и названия самих произведений (поскольку любое название произведения — также имя собственное). В качестве теоретической основы исследования мы использовали работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской, Д. И. Ермоловича, Н. Галь, Б. Кальмана (1913–1997, Kálmán) и М. Коваловски (1910–1997, Kovalovszky).

Синтез удмуртского и глобального: художественная стратегия поэта Б. Анфиногенова

Шумилова Анастасия Петровна

Тартуский университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: PhD., Chair Professor Arne Merilai

Мы рассматриваем художественную стратегию молодого удмуртского поэта Богдана Анфиногенова (род. 1990), связанную с развитием

этнофутуристического движения в удмуртской культуре, используя метод культурологического анализа художественного текста. Эстетику и задачи этнофутуризма определяет конкретный вопрос: способны ли малые народы сохранить свою самобытность в глобализованном мире? Этнофутуризм в той или иной степени повлиял на всех удмуртских авторов «новой волны», а сейчас критики говорят о его закате в удмуртской литературе. Изданный в 2014 г. поэтический сборник Анфиногенова «Айшет будущего» («Фартук будущего»), а также опубликованный им манифест «постэтнофутуризма» (2015) позволяют говорить о том, что вопросы, важные для этнофутуристического движения, все еще актуальны. Анфиногенова интересует самоидентификация и мироощущение удмурта в чужой для него языковой среде, культурном пространстве. Поэтические тексты в совокупности описывают особый тип лирического героя — молодого удмурта, переехавшего из деревни в город, занятого поисками себя и сохранением своего удмуртского «я». Поэт ведет поэтическую хронику современной удмуртской культуры, мифологизируя реальных людей, воспроизводя противоречивую ситуацию существования удмуртского языка. Мир, который можно реконструировать при прочтении текстов, сотворен из реалий традиционной удмуртской культуры, воршудных имен, мифологических персонажей, которые сосуществуют в текстах наряду с персонажами поп-культуры, урбанистической среды, интернет-пространства. На уровне организации текста стоит отметить билингвальное письмо, ставшее визитной карточкой Анфиногенова. Билингвальное письмо является не только стилистическим приемом, но и актом жизнотворчества — на примере данного сборника мы можем проследить, как русский язык, преобладавший в первых текстах сборника, постепенно уступает место удмуртскому. Произведения поэта, близкие к жанру эстрадной поэзии, отличаются экспрессивностью, множественностью лозунгов, прокламативностью, что роднит его творчество с поэзией футуристов. Обнаруживаемые в текстах бинарные оппозиции «город — деревня», «архаическое — современное», «локальное — всемирное» являются характерными маркерами этнофутуристического движения. Используемый поэтом метод синтеза локального с глобальным способствует популяризации удмуртского языка, а билингвальное письмо выводит его в более широкое культурное пространство — таким образом поэт предлагает свой способ «выживания» малых народов в современном мире.

Князь С. В. Шаховской на посту губернатора Эстляндской губернии Российской империи (1885–1894)

Протасова Татьяна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. истор. наук, проф. В. Н. Барышников

Исследуется деятельность губернатора Эстляндской губернии С. В. Шаховского (1852–1894), одной из виднейших фигур второй половины XIX в. Талантливый политик, Шаховской оставил после себя много материалов, связанных с управлением Эстляндией. Долгие годы документы, как и личность Шаховского, не привлекали должного внимания. При этом надо заметить, что многие идеи князя Шаховского могут найти применение и в современной национальной, административной и социально-правовой политике России. В исследовании использовался большой архивный материал князя Шаховского, воспоминания писателя, публициста и приближенного к губернатору чиновника С. И. Уманца, а также статьи посвященные жизни губернатора.

В 1885 г. князь Шаховской занял пост губернатора Эстляндской губернии при правительстве Александра III. Во время губернаторской службы Шаховской столкнулся со следующими проблемами.

1. Вопрос немецкого владычества в Эстляндской губернии.
2. Религиозный вопрос. Место православия в Эстляндии.
3. Вопрос единства России и Прибалтийского края.

Итогами правления князя Шаховского в Эстляндии стало становление устойчивой базы для православия в Эстонии, а также избавление Эстляндии от авторитарного немецкого элемента, что стало толчком для образования независимого Эстонского государства; удалось распространить и укоренить практику делопроизводства на русском языке, решить вопросы устаревшей полицейской и судебной реформы, изменить городское и общественное управление, открыть 19 православных приходов за период с 1883 по 1893 гг.

Стиль и нарратив в американском «фильме нуар» (1941–1955)

Орозбаев Касым

Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, аспирант

Научный руководитель: д. искусств., проф. А. М. Буров

В докладе освещены следующие стороны в американском криминальном кино 1940-х — 1950-х гг. («фильм нуар»):

— определение визуальных источников стиля «нуар» (кинематограф Веймарской республики);

— определение литературных источников «фильма нуар» (американский «крутой детектив» — Р. Чандлер, Д. Хэммет, К. Вулрич, Дж. Кейн).

Дан краткий анализ визуальных особенностей «фильма нуар»:

— контрастное черно-белое изображение;

— высокая глубина резкости (персонаж не выделяется фокусом, а наоборот, вписывается в мир вещей);

— глубокие тени и световые провалы;

— наличие большого количества воды (дождь, лужи, реки, водоемы, океан);

— геометризация пространства (жалюзи, узкие коридоры, «асфальтовые джунгли»);

— дым, туман, смог.

Дан краткий анализ сюжетных особенностей:

— мужчина-одиночка (частный детектив, коррумпированный полицейский, вор, душевнобольной);

— фигура роковой женщины;

— отстраненная манера повествования;

— медленное нарастание напряжения, отсутствие активных действий;

— избыточность сюжета, большое количество деталей, не относящихся к истории, зачастую нелогичность и парадоксальность сюжета. Анализируется процесс разрушения нарратива посредством стиля. Обладая яркой визуальностью, «фильм нуар» постепенно превратился в стилизацию. В массовой культуре произошла полная «приватизация»

литературной традиции «крутого» детектива визуальностью «нуара». Невозможно, читая о частном детективе в Нью-Йорке сороковых, не представлять себе картинку из классических «нуаров». Показателен случай с фильмом Ховарда Хоукса «Глубокий сон». В процессе съемок одного из самых важных и популярных «нуаров» выяснилось, что в сценарии есть несколько взаимоисключающих и тупиковых линий и мотивировок. Причина — перегрузка сценария деталями и линиями, работающими исключительно на визуальную часть — в ущерб сюжету;

— архетипичность персонажей, невозможность выхода персонажа за рамки своей функции;

— однотипность, серийность жанра «фильм нуар».

Концепция зрелищного нарратива в артифицированном блокбастере (на примере фильма «Безумный Макс: Дорога ярости»)

Веселова Александра Михайловна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. искусств., доц. А. А. Артюх*

В книге «Кино нового Голливуда» Джефф Кинг при описании эстетики современного блокбастера делает акцент на противостоянии нарратива и зрелищности. Последовательное изложение истории, основанной на развитии персонажа, отходит на второй план и служит лишь связующей нитью между блоками зрелища. Все это отсылает к моменту зарождения кино, к донарративной эпохе, когда основой фильма был «аттракцион». Эстетика «кино аттракционов» заключается в том, что фильм адресуется напрямую зрителю, который заморожен не историей, а самим актом смотрения, что напоминает схему, которую предлагает Кинг для описания современного «корпоративного блокбастера». Он представляет собой фрагментарную структуру с частыми зрелищными моментами и практически незаметным нарративом.

Разумеется, в модели «корпоративного блокбастера» можно видеть своеобразную интеллектуальную деградацию мэйнстрима, но такая стратегия весьма оправдана при глобальной экспансии Голливуда: зрелище успешнее преодолевает культурные барьеры. Однако нарратив остается важной составляющей для блокбастера, не доминирующей, но как раз способствующей «доставке» зрелища. В современном Голливуде при имеющейся конкуренции на рынке и в условиях доминирования франшизного подхода важнейшей становится стратегия, которая бы выделила фильм из общей массы, при этом оставляя его в необходимой для коммерческого успеха рамке. В связи с этим можно

говорить о возникновении определенного тренда — так называемого «артифицированного блокбастера». Он предполагает поиск баланса между зрелищем и нарративом, когда визуальная насыщенность сочетается с отличительным режиссерским стилем, а сюжетная структура и тематика усложняются.

В качестве примера продуктивного «сотрудничества» нарратива и зрелища можно привести фильм «Безумный Макс: Дорога ярости» (реж. Джордж Миллер, 2015). С одной стороны, он является частью франшизы, а также кассовым хитом прошлого года, с другой — нашел признание в рамках различных институтов оценивания (премии, критики, фестивали) и может считаться арт-блокбастером. На первый взгляд это типичный высокобюджетный экшн-фильм, в котором краткие моменты нарратива служат для того, чтобы переключать внимание зрителя с одной зрелищной сцены на другую. Однако, на наш взгляд, закономерно говорить не о противостоянии нарратива и зрелища с превалированием последнего, а об их гармоничном слиянии. «Аттракцион» не является самоцелью, но средством повествования и раскрытия характеров. Грандиозная погоня с взрывами и перестрелками, вокруг которой и выстраивается фильм, предельно ясно выражает основную идею фильма — борьбу с прошлым и преодоление его негативного воздействия на двух главных героев, их самоидентификацию и поиск точки опоры.

«Форрест Гамп» в аспекте нарратологии

Иванова Александра Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. Л. Д. Бугаева

Исследование осуществляется в рамках спецкурса «Когнитивная нарратология» и затрагивает вопросы рассмотрения нарратива как элемента кинотекста, в данном случае — как центральнообразующего элемента художественной реальности. Мы рассматриваем художественный фильм «Форрест Гамп», в рамках которого художественная реальность строится как результат наррации главного героя-рассказчика, что влечет за собой следующие специфические для данного конкретного жанра кинематографа элементы: а) нарратив личного опыта, представленный рассказчиком, формирует и преобразует условно объективную художественную реальность; б) реальность нарратива рассказчика вступает в столкновение с условной объективной художественной действительностью и трансформирует ее в результате

этого столкновения; в) нарратив имеет определенные особенности внутренней структуры и внешнего ее проявления.

Принципы формирования женского образа в фильме Веры Сторожевой «Путешествие с домашними животными»

Сорока Мария Станиславовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. А. Митрофанова*

В докладе рассмотрены принципы формирования женского образа в фильме «Путешествие с домашними животными» режиссера Веры Сторожевой. При просмотре картины мы погружаемся в медитативное повествование о поисках себя, счастья, любви. Образ главной героини — удивительно тонкой, чистой, сильной женщины — выстраивается с помощью ряда режиссерских приемов: визуальных и музыкальных. Наталье — тридцать пять, она живет со старым, нелюбимым мужчиной, забравшим ее в шестнадцать лет из детдома «в рабство». После его внезапной смерти героиня начинает выходить из «сна», у нее появляется своя воля, которой никогда не было, она начинает исследовать жизнь, искать свою дорогу. Основное место действия в фильме — сторожка обходчика путей возле железнодорожного полотна. Время: конец зимы — начало весны. Переходный этап в закономерном природном цикле накладывается на период душевного расцвета героини. Это движение сопровождается сменой цветовой гаммы от серо-зеленой к прозрачно-голубой (по-мартовски лазурной). Ведущая музыкальная партия отдана шумам проходящих поездов, будто постоянно напоминающих о том, что мимо проносятся тысячи судеб, историй, которые не касаются Натальи, о том, что она одинока в этой ссылке. Но при этом есть и надежда, что жизнь на заброшенном полустанке — это жизнь в ожидании своего поезда, того поезда, который увезет ее в страну счастья. После смерти «хозяина» Наталья приносит в дом икону, покупает себе зеркало, телевизор, домашнее пространство постепенно становится уютным. Происходит процесс осознания себя, она делает то, чего была лишена. Героиня примеряет разные образы, разные жизни — это решается с помощью переодеваний. Наталья, словно Венера, сошедшая с «Весны» Боттичелли, красива и в деревенской одежде. На нее обращают внимание и без макияжа и вызывающих нарядов. Однако в одном из эпизодов она возвращается домой на дрезине в свадебном платье, таким образом, примеряя на себя роль невесты. В другой раз, когда возле ее дома поезд делает внеплановую остановку, она появляется перед

людьми в кричаще красном костюме, тут же Наталья оказывается в центре внимания: ей дают закурить, сажают в вагон. В данном случае красный цвет, поезд — проба другой жизни, отличной от ее внутреннего содержания, но она понимает, что это не ее путь, спрыгивает с поезда и возвращается домой. В фильме показано не столько пробуждение женщины, сколько пробуждение человека. Наталья — цельная и самодостаточная, другая, «особая», и эта ее нетипичность и притягивает. Она родилась для жизни, для любви. Годы «сна» сменяются поиском счастья: «Любить. А как это?». Наталья находит ответ на этот вопрос.

Проблема передачи реалий вымышленного мира (на материале сериала «Игра престолов»)

Нефедова Оксана Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Е. А. Павленко

Реалии являются объектом исследования отечественных и зарубежных ученых с середины прошлого столетия, но проблема исследования способов их передачи до сих пор остается открытой. Причина заключается не только в обилии различных взглядов ученых на данный вопрос, но и во множестве факторов, влияющих на его решение.

Целью исследования является выявление основных типов реалий и способов их передачи на русский язык на материале сериала «Игра престолов». Рассматриваются основные особенности жанра фэнтези применительно к теме исследования, наиболее частотные типы реалий, а также основные способы их передачи на русский язык.

Реалии — это слова, называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому. Они являются носителями национального и исторического колорита и, как правило, не имеют точных соответствий в других языках, в связи с чем требуют особого подхода для их передачи. Выбор того или иного способа передачи реалий определяется рядом признаков: характером текста, значимостью реалии в контексте языка перевода, местом в лексических системах языка перевода и исходного языка, характером самой реалии, литературной традицией языка и адресацией перевода.

Произведение жанра фэнтези — это особая область функционирования слов-реалий. Они раскрывают авторский замысел, отражают одновременно вымышленный мир, созданный писателем, и объективную действительность. В связи с этим выбор способа передачи реалий представляет особую важность. Результаты исследования позволяют

установить, что наиболее многочисленную группу реалий в сериале «Игра престолов» образуют ономастические реалии, в частности топонимы. Основным способом передачи реалий является калькирование. В ряде случаев использование приема калькирования сопровождается изменением порядка калькируемых элементов.

Способы перевода языковой игры с английского на русский язык (на материале сериалов)

Палинка Анна Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. М.О. Пивоварова

В условиях возрастающей популярности и стремительного развития киноиндустрии проблема качества перевода кинотекста становится особенно актуальной. При этом немало трудностей вызывает передача языковой игры, на основе которой строится множество шуток и анекдотов.

В ходе исследования было выявлено, что самыми распространенными механизмами создания языковой игры являются омонимия, полисемия, паронимия, синонимия, антонимия и словообразование. Ввиду того что совпадения между этими явлениями в разных языках крайне редки, перевод языковой игры в подавляющем большинстве случаев представляет огромную сложность, это головоломка, которая требует от переводчика изобретательности и максимальной творческой активности. Более того, языковую игру можно обозначить как лингвокультурологическое явление, отражающее современную жизнь, использующее реалии, для которых в языке перевода нет эквивалентов. Все эти особенности необходимо учитывать переводчику.

Наиболее целесообразно заменить языковую игру при переводе адекватным стилистическим приемом, постараться передать ее с художественной точностью. В противном случае текст перевода будет значительно проигрывать оригиналу. При передаче языковой игры наиболее часто используются следующие переводческие трансформации: описательный перевод, калькирование, компенсация, дословный перевод, эквиваленция, адаптация и опущение.

Наиболее удачными переводами языковой игры в американских сериалах являются те, которые учитывают функцию данного явления в конкретной ситуации. Игра слов не всегда направлена на достижение комического эффекта, в некоторых случаях на первый план выходят фатическая и поэтическая функции. К сожалению, многие переводчики

предпочитают идти по пути наименьшего сопротивления и выпускают игру слов из текста перевода. На примере комедийных сериалов это особенно заметно: плотность языковой игры довольно высокая (до 10-12 примеров на эпизод), а зрители требуют свежую серию как можно скорее. Однако сослаться на «непереводимость» языковой игры значит попросту сдаться без боя.

Проблематика экранизации произведения Роальда Даля в мультипликации Уэса Андерсона

Федосеева Наталья Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: д. филос. наук, проф. Н. М. Савченкова*

«Бесподобный мистер Фокс» («Fantastic Mr. Fox», 2009) — первый (и на данный момент единственный) анимационный фильм американского режиссера У. Андерсона (род. 1969, Anderson). Сценарий картины (написанный самим Андерсоном) основан на одноименном произведении Р. Даля (1916–1990, Dahl), повествующем историю лиса по имени мистер Фокс и его семьи, живущих за счет богатых фермеров и пытающихся избежать мести за воровство провизии и птицы.

В докладе говорится о сходствах и различиях произведений Даля и Андерсона, о новаторских решениях, направленных на сохранение атмосферы оригинальной сказки. и в то же время о следовании собственному стилю. Особое место уделяется проработке персонажей Даля в картине Андерсона. Актуальность темы обуславливается тем, что творчество Андерсона является практически не затронутой областью в киноведении, требующей более глубокого изучения.

Взяв за основу произведение одного из своих любимых писателей, Андерсон использует собственные приемы, с уважением относясь к первоисточнику. К примеру, Даль избегает ругательств в книге, называя нецензурную лексику «грязными словами, которые не могут быть напечатаны» («dirty words that cannot be printed»). Андерсон в свою очередь придумывает отдельное слово, заменяющее все возможные ругательства в фильме. Стоит также отметить, что Андерсон расширяет биографии героев, рассказывая о жизни мистера и миссис Фокс до появления ребенка. Особенно интересен тот факт, что Андерсон заменяет четырех лисят одним и вводит нового персонажа — кузена Кристофферсона, способного собой заменить троих отсутствующих лисят. Андерсон расширяет и перерабатывает вселенную Даля, превращая уже ставшую классикой сказку в личную историю.

Роман-кино: новый интермедиаальный жанр (на примере цикла Б. Акунина «Смерть на брудершафт»)

Тишенкова Ольга Сергеевна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
магистрант 1 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. О. А. Клинг

В 2007 г. Борис Акунин (псевдоним Г. Ш. Чхартишвили) выпустил две первых повести, вошедших в цикл «Смерть на брудершафт», жанр которого сам автор определял как «роман-кино». Автор предпринял попытку синтезировать литературу и кинематограф и создать новый интермедиаальный жанр (в противовес кинороману). Целью нашего исследования стало выявление метода, с помощью которого Акунин старался превратить каждую из своих повестей в «фильму» (так автор называет повести цикла). Помимо сугубо внутритекстовых средств, которые мы рассмотрим ниже, Акунин большое внимание уделяет внешнему оформлению книг цикла, активно используются кадрики (неподвижные части полноценного кадра), интертитры («кадры» с текстом) и даже музыка (автор предлагает читателю прослушивать определенную композицию под определенный кадр). Внутренняя организация повестей насыщена разнообразными киноприемами, «адаптированными» для литературного произведения. Автор использует монтаж (резкие переходы от одной сцены к другой), крупный план (подробное описание какого-либо предмета), общие планы, жесты, контрастные цвета, гиперболизацию и т. д., на уровне персонажей функционируют распространенные типажи немого кино. На языковом уровне наблюдается повышение динамичности (которая также является признаком кино) или специальное «замедление» действия за счет некоторых синтаксических конструкций (к примеру, парцелляции), особенностей использования вида и времени глаголов. Стоит сказать и о сюжетах повестей, похожих на сценарий приключенческого фильма или конспирологического детектива. Все выявленные нами приемы, с помощью которых Акунин старался совместить литературу и кинематограф, не новы и не уникальны. Разница между «романом-кино» Акунина и любым чисто литературным произведением, на наш взгляд, заключается в повышенной концентрации киноприемов и их сознательном употреблении с определенной целью (в отличие, к примеру, от романов Ф. М. Достоевского, часто использующихся в качестве материала для изучения кинематографичности литературы). Внешние эффекты также выполняют немаловажную роль, однако внутритекстовые средства в рассматриваемом нами цикле настолько сильны, что они продолжают активно влиять на

читательское восприятие даже при ликвидации этих рамочных компонентов. Таким образом, можно говорить о романе-кино как о новом жанре, совместившем избранные приемы кинематографа и литературы.

Сравнение литературы и кино: опыт дискурс-анализа социальной игры киноаудитории

Щербаков Михаил Иванович

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филос. наук, доц. Д. К. Манохин

Кино и литература — это два разных способа трансляции и восприятия информации. Семиотически эти два вида искусства оперируют принципиально различными знаками, поэтому вопрос о сравнении литературы и кино считается не совсем корректным. Однако еще на заре появления кинематографа авторы фильмов стали черпать идеи для сюжетов из литературных произведений, что сформировало понятие «экранизация». Близость сценария фильма с сюжетом книги, а также наличие маркера «экранизация» побуждает кинематографическую аудиторию к сравнительным операциям, что превращается некоторым образом в специфическую социальную игру. Стоит заметить, что научная аргументация в этой игре не действует. Тогда каковы правила и нормы этого сопоставления? Чтобы ответить на этот вопрос, мы решили исследовать тексты с ресурса Kinopoisk.ru, авторы которых в своих рецензиях делятся опытом сравнения кино и литературы. Методологической основой нашего исследования служат элементы параметральной модели дискурс-анализа (Е. А. Кротков, Е. А. Кожемякин). По нашему мнению, субъекты дискурса в качестве своей цели имеют не только процедуру сравнения, но и демонстрацию своего эмоционального опыта и участие в коммуникативной игре. Конечный аргументативный пункт всего процесса — это оценочное суждение. В процессе оценивания в качестве элементов для сравнения берутся: (а) повествовательные линии; (б) перцептивные и имажинационные образы героев, актов, пространства и т. д. В случае (а) участники коммуникации обнаруживают те литературные сцены, которые не вошли в кинопроизведение, или, наоборот, те, которые были в него добавлены. Однако главный нюанс в том, что за образец берется литературный текст, который в сравнительной бинарной оппозиции (книга — фильм) играет первичную смыслообразующую роль. Собственно, генезис сравнительной опе-

рации заключается в том, что эта пара начинает рассматриваться либо как оппозиция, либо как единое целое. В случае (б) перцепции и имажинации фиксируются, сравниваются, а затем выносятся оценка. В таком случае сравнивается не кино и литературное произведение, а субъективные образы. Заранее ясно, что это сравнение не будет тождественным, поскольку невозможно, читая книгу, «увидеть», например, героев такими, каковыми они представлены в фильме, не посмотрев сам фильм. В случае несоответствия субъективных образов пользователи в основном выносят отрицательную оценку. Мы зафиксировали случаи, когда утверждается сходство этих образов, однако нам не представляется возможным верифицировать такие суждения. Мы считаем, что в исследуемом дискурсе участники апеллируют к эмоциям, а не к ratio, а поэтому полагаем, что утверждения о том, что имажинации ровно такие, как киноперцепции, формируются сквозь психоэмоциональное отношение к фильму.

Белоэмигранты в экранизации пьесы М. А. Булгакова «Бег» (1971 г.)

Лащенко Марина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. искусств., доц. Е. С. Кащенко

Главным материалом для аналитической части доклада является фильм «Бег». Также нами были привлечены для рассмотрения киноленты: «Сорок первый» Я. Протазанова (1927), «Чапаев» братьев Васильевых (1934), «Тихий Дон» С. Герасимова (1957), «Железный поток» Е. Дзигана (1967), «Пароль не нужен» Б. Григорьева (1967), «Служили два товарища» Е. Карелова (1968), «Белое солнце пустыни» В. Мотыля (1969), «Победитель» А. Ладынина, Э. Ходжикяна (1975), «Конь белый» Г. Рябова (1993).

Эволюция канонов изображения Белого движения в советском кино происходила постепенно, они становились свободнее в своей форме. Образ белогвардейца прошел путь от резко отрицательного персонажа с ложными убеждениями, вступавшего в контакты с иностранными интервентами, до отважного противника, способного любить Родину. Стоит отметить, что герои, принадлежащие к лагерю белых, в фильме Алова и Наумова получились разноликими. Такая разнохарактерность достигается путем противопоставления персонажей друг другу. Между жестоким, страдающим бессонницей генералом Хлудовым и лихим, обаятельным генералом-кавалеристом Чарнотой присутствует контраст умопомешательства и благоразумия. Авторы «Бега» — прежде всего М. А. Булгаков — не идеализировали участников Бело-

го движения, показывая их сильные и слабые стороны. Спекулянты, приверженцы азартных игр, люди, не способные отвечать за свои военно-стратегические ошибки, и мужественные, прямодушные, бесстрашные участники Белого движения объединены одной идеей. В изображении белых отсутствуют полностью положительные персонажи. В каждом из них содержится внутреннее противоречие. Режиссеры стремились акцентировать внимание зрителя на сочувствии к людям, которых вырвали из привычной зоны комфортного существования и поместили в чуждую им страну. Теперь они вечные странники, обреченные на жизнь вдали от России. Режиссерами подчеркивался именно внутренний мир участников Белого движения и его метаморфозы.

Чарльз Спенсер Чаплин и его «антикапиталистические» фильмы

Кудрявцева Мария Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. искусств., доц. Е. С. Кащенко

Чарльз Спенсер Чаплин — по рождению англичанин, но карьера его сформировалась в США. Именно здесь он начал сниматься в своих первых короткометражных фильмах и впоследствии стал заниматься производством собственных кинокартин. Несмотря на это, Чаплин никогда не преклонялся перед американской идеологией. Цель доклада — рассмотреть творчество Чаплина в ракурсе экономической политики и сделать вывод, были ли его картины действительно «антикапиталистическими».

Образ «Маленького бродяги» представлял собой нищего человека, постоянно пытавшегося выжить в современной ему действительности. Окружающий мир жесток, все обитатели этого мира алчны и эгоистичны. Подобная обрисовка сюжета присутствовала во многих картинах мастера. На наш взгляд, ярче всего она проявилась в таких фильмах, как «Иммигрант» (1917), «На плечо!» (1918), «Новые времена» (1936) и «Великий диктатор» (1940). Наиболее примечательна сцена в «Иммигранте»: на экране показана знаменитая статуя Свободы (как символ «свободной» страны), затем на толпу иммигрантов, будущих граждан, накидывают веревку, что создает несоответствие между желаемым и действительным.

В первом, полностью политическом, фильме Чаплина «Новые времена» так называемый «Большой Босс» очень похож на Генри Форда, создателя конвейерного производства. Картина рассказывает о механизации общества, где высшие достижения техники идут не на благо человека, а во вред ему. Именно в этом фильме героя Чаплина впервые

обвиняют в «красной пропаганде»: Бродяга просто поднял красный флажок, упавший с грузовика, с целью вернуть его владельцам. После выхода антифашистского фильма «Великий диктатор» Чаплина стали открыто называть «коммунистом».

Глазами корейского ребенка: «Когда мне исполнилось девять»

Чунь Юми

Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант

Научный руководитель: д. филол. наук, доц. Л. Д. Бугаева

Очевидно, что мир, показанный глазами ребенка, передает его восприятие окружающих вещей. В русской кинематографии такой прием был популярен в 1960-е гг., но в истории корейского кино за ним не закреплено четкого периода. Кроме того, фильмов с детским центральным персонажем, посредством которого зритель видит историю, было не так много: *사랑방 손님과 어머니* (The guest in room guest and mother, Гость в комнате для гостей и мать, 1978), *9살 인생* (When I Turned Nine, Когда мне исполнилось девять, 2004), *회초리* (Розга, 2011), *개를 훔치는 완벽한 방법* (How to steal a dog, Как украсть собаку, 2014), *우리들* (The world of us, Наш мир, 2015) и др.

В докладе мы рассматриваем особенности кинематографического восприятия мира глазами корейского ребенка. Материалом служит фильм «Когда мне исполнилось девять», снятый в 2004 г. по мотивам романа Ви Ги Чола. Главные герои картины — школьники Ён Мин, У Рим и их одноклассники. Сюжетом является их школьная жизнь, первая любовь и т. п.

В этом фильме подробно показано поведение героев, отношения между ними. При этом используется не только речь героев, но и движение камеры и монтаж.

В докладе мы анализируем следующие аспекты:

1. уважение / неуважение к родителям;
2. конфликт между детьми;
3. конфликт между детьми и родителями;
4. первая любовь;
5. непонятная любовь взрослых (точка зрения ребенка).

Кроме того, в докладе раскрывается жизнь корейской деревни 1970-х гг. и показывается важность для повествования диалекта юго-восточной провинции.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПОСТЕРНАЯ СЕССИЯ

Интерпретация обобщающих высказываний здоровыми взрослыми и пациентами с афазией

Буйволова Ольга Витальевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», магистрант 2 курса

Обобщающие высказывания (*У слона есть хобот*), относящиеся к целому классу объектов, а не к конкретному представителю рода, играют важную роль в построении логических цепочек. Для того чтобы передавать информацию такого рода, в языке используются разнообразные подсказки и маркеры. В ходе предыдущих исследований, которые проводились с участием англоговорящих детей и взрослых носителей английского языка, было доказано, что при интерпретации высказываний как обобщающих, говорящие полагаются на морфосинтаксические характеристики (артикли, число существительного, вид или время глагола и др.), контекстуальные подсказки, а также на общие знания о мире. В русском языке нет категории артикля, которая оказалась наиболее ярким маркером обобщения в английском языке. В связи с этим представляется интересным изучить, на какие подсказки при интерпретации опираются носители русского языка без речевых патологий и пациенты с разными типами речевых расстройств (семантическая, динамическая и моторная афазии).

Мы провели эксперименты в двух группах испытуемых (норма и пациенты с афазией), в ходе которых участникам предлагалось ответить на 64 вопроса. Каждому испытуемому по очереди предъявлялись картинки (один или два представителя животного царства с нетипичными признаками, например, верблюд с зеленым горбом) и задавался вопрос, на который нужно было ответить «да» или «нет» нажатием на кнопку. В эксперименте были две независимые переменные — количество животных на картинке и грамматическое число первого слова в вопросе. Каждый вопрос соответствовал одному из 4 условий:

1. Это 2 верблюда. У верблюда зеленый горб?
2. Это 2 верблюда. У верблюдов зеленый горб?

3. Это верблюд. У верблюда зеленый горб?
4. Это верблюд. У верблюдов зеленый горб?

В соответствии с логикой предыдущих исследований была выдвинута гипотеза: в тех случаях, когда количество животных на рисунке и число существительного в вопросе не совпадают, норма будет интерпретировать подобные высказывания как обобщающие (условия 1 и 4), в обратном случае (условия 2 и 3) — как высказывания о конкретном животном, изображенном на рисунке. Пациенты с афазией не будут чувствительны к этим различиям.

Мы протестировали 12 человек в группе нормы и 13 пациентов с разными типами афазии. В результате исследования гипотеза подтвердилась: испытуемые в группе нормы в основном оказались восприимчивы к различиям между контекстом и грамматическими показателями (распределение процентов правильных ответов по условиям: 1 — 52%, 2 — 64%, 3 — 79%, 4 — 75%), в то время как пациенты интерпретировали вопросы всех типов как обобщающие (распределение процентов правильных ответов по условиям: 1 — 73%, 2 — 30%, 3 — 20%, 4 — 75%). Такие результаты могут свидетельствовать о том, что пациенты игнорируют контекст, опираясь на знания о мире.

Функциональная семантика и способы перевода на современный английский язык глаголов *doon* и *taken* на материале «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера

Шаньгина Полина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. М. Е. Цвинариа

Объектом исследования являются функционально-семантические особенности глаголов действия *doon* и *taken* в среднеанглийском языке, а также способы их перевода на современный английский язык. Для большей точности при анализе были использованы внутриязыковые переводы «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера как в стихах, так и в прозе (подстрочные переводы).

Целью исследования является сравнительный анализ функционально-семантических особенностей среднеанглийских глаголов *doon* и *taken* и их современных аналогов *to do* и *to take* на материале нескольких рассказов Чосера и их стихотворных и прозаических переводов.

В ходе сравнительного анализа была определена функциональная семантика глаголов *doon* и *taken* в оригинале, а затем определялся

способ их перевода на современный английский язык в нескольких вариантах. Отобранные примеры были разделены на три категории.

1. Примеры, где глаголы *doon* и *taken* употреблялись и переводились в своих полнозначных реализациях.

2. Примеры, в которых рассматриваемые глаголы употреблялись в устойчивых выражениях.

3. Примеры, где данные глаголы были десемантизированы / грамматизированы.

В ходе анализа рассмотренного материала было выявлено, что глаголы *doon* и *taken* уже в среднеанглийском языке имели богатую семантическую структуру; впоследствии с ними произошли некоторые изменения. Оба глагола, к примеру, ранее участвовали в большом количестве устойчивых выражений (*maken a vanysshynge*, *maken menciouin*), которые позднее превратились в отдельные глаголы (*to vanish*, *to mention*). Также стоит отметить, что глагол *taken* уже тогда начал использоваться в составе фразовых глаголов, но их в среднеанглийском языке было очень небольшое количество.

Говоря о перспективах дальнейшего исследования, можно отметить возможность анализа других переводов «Кентерберийских рассказов» на современный английский язык, а также изучения других широкозначных глаголов в контексте.

Англоязычные заимствования в маркетинговом интернет-дискурсе: проблема графического освоения

Шмелева Ольга Вячеславовна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, магистрант 2 курса

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. Н. И. Клушина

Англоязычные заимствования в предметной области интернет-маркетинга чаще всего носят терминологический характер. В связи с междисциплинарным характером указанной деятельности необходимо отметить, что заимствования сочетают в себе два крупных семантических поля: лексика технологического характера и непосредственно маркетинговая терминология. По степени графического освоения заимствования можно разделить на следующие группы: 1) слова, которые употребляются в исходном латинском написании и не имеют аналогов в русском языке (*click rate*); 2) слова, которые употребляются в исходном латинском написании, но имеют русскоязычный аналог (*e-commerce*, несмотря на наличие русскоязычного термина *электрон-*

ная торговля); 3) иноязычные слова, подчиняющиеся русскоязычной словообразовательной модели и использующие кириллическое написание (*лидогенерация* от англ. *lead generation*); 4) англоязычные аббревиатуры с исходным написанием (*CRM, API*); 5) кальки (*воронка конверсии* от англ. *conversion funnel*); 6) составные слова с дефисным написанием, одна часть кириллическая, другая на латинице. Одна из частей может быть аббревиатурой (*mobile-рынок, CPA-сету*). При этом написание может варьироваться даже в пределах одной статьи (*performance-marketing, performance-маркетинг, перформанс-маркетинг*), что свидетельствует о подвижности языковой нормы. Варьируется написание строчных и прописных букв в англоязычных аббревиатурах (*CSS-файл* и *css-файл*). В текстах об интернет-маркетинге встречаются англоязычные названия программных продуктов и сервисов (*GDN — Google Display Network*), названия элементов программного кода (атрибуты изображения *alt u title*). Популярность англицизмов отражается и на ономастике в сфере Digital — большинство агентств имеют англоязычные названия (*Red Collar*). Названия должностей экспертов в области интернет-маркетинга часто представляют собой заимствования (*COO — Chief Operating Officer*). Эти заимствования не поддаются кириллическому освоению. В статьях об интернет-маркетинге нередко встречаются употребление англицизмов, принадлежащих к общей лексике и написанных кириллицей, так как в среде профессионалов популярен т. н. *geek speak*. Он подчеркивает принадлежность к группе людей, разбирающихся в новых технологиях. К подобным словам — социальным маркерам относятся, например, *дайджест, андейт*. Очень часто в материалах СМИ об интернет-маркетинге используется графическая окказиональность, основанная на игре с русским и английским языком, например, на портале для интернет-маркетологов *cossa.ru* есть рубрика *DIЧ*, что расшифровывается как *Digital в четверг*. Кроме того, на контрасте русскоязычного и англоязычного строится профессиональный юмор, например, одна из рубрик на *cossa.ru* называется *Digital-Мурзилка*. Здесь обыгрывается всем известный культурный код советского времени и современный язык технологий.

**Работа со старонемецким шрифтом (куррентом):
о специфике составления описи диалектологических анкет
из архива В. М. Жирмунского**

Кондратенко Полина Игоревна

*Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Л. Н. Пузейкина*

Язык российских немцев становился предметом многочисленных исследований, среди которых особое место занимают труды В. М. Жирмунского. В 1924 г. Жирмунский и его ученики проводили запись говоров немецких колонистов из ленинградских предместий (Колпино, Стрельны, Кингисеппа). В конце 1920-х гг. ученым были предприняты диалектологические экспедиции с бóльшим географическим охватом, направленные в различные районы Украины и на Закавказье. Со временем анкеты, использовавшиеся для изучения говоров колонистов, составили обширный архив, потребовавший научного описания и обработки.

Для выявления различий между диалектом и литературной нормой немецкого языка в анкетах использовались 40 предложений (Wenkersätze), составленные немецким диалектологом Г. Венкером (1852–1911) так, что в них заключались основные фонетические и отчасти морфологические явления, отличающие диалекты друг от друга и от нормативного языка. К ним был добавлен список из 200 слов, который, наряду с предложениями, предлагался носителям диалектов для перевода на их родное наречие.

Бóльшая часть анкет из архива Жирмунского оформлена старонемецким шрифтом: среди 99 анкет из одного архивного дела (Оп. 01 № 0391) лишь в 30 используется современное написание букв, что составляет около 30% от общего числа анкет. В другом деле (№ 0392) доля анкет, заполненных современным шрифтом, почти в три раза меньше — 11%.

Внешне старонемецкий шрифт представляется более свободным и непринужденным в силу безотрывного написания графем, но вместе с тем стремление как можно реже отрывать руку негативно сказывается на восприятии шрифта при чтении. Ситуация осложняется наличием графем, состоящих из сходных элементов. Так, на практике затруднено различение:

- «n» и «e»;
- «v», «w» и «r»;
- «s», «t» и «f»;

— «п», «пп» и «и».

Также можно отметить такие особенности старонемецкого шрифта, как использование аллографем для «s», изначально характерное для немецких рукописных и книгопечатных шрифтов, и уникальное маркирование редупликации в словах: вместо двух графем пишется одна с верхним подчеркиванием.

Вероятно, длительное доминирование курсивного письма в быту носителей немецкого языка обусловило тот факт, что дошедшая до нас письменная документация вплоть до середины XX в. оформлялась старонемецким шрифтом в различных его вариациях. Данное исследование представляется актуальным в связи с тем, что своеобразие старонемецкого шрифта, недостаточная его изученность и дефицит научно обоснованных дидактических материалов, нацеленных на обучение чтению куррента, существенно затрудняют работу современных исследователей. Доклад имеет научно-методическую направленность: автор не только рассматривает основные сложности чтения и понимания куррента, но и предлагает решения для более легкого и быстрого освоения данного шрифта.

Советский плакат 1920-х гг. как объект лингвистического анализа

Янь Цзин

*Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 1 курса
Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. Н. В. Семенова*

В последнее время наблюдается повышенный интерес исследователей к теме советского плаката, в том числе в лингвистике (М. Б. Ворошилова, К. Вашик). Плакаты и афиши как креолизованный текст изучает, в частности, К. А. Иванова. Особенностью данных работ является то, что в них рассматриваются в основном плакаты эпохи Великой Отечественной войны либо русские плакаты сопоставляются с американскими, французскими или немецкими. Внимание лингвистической стороне плакатов 1920-х гг. уделяется крайне мало, хотя советский плакат этого периода оказал влияние на современный рекламный дискурс. В докладе мы рассматриваем наиболее яркие стилистические средства плаката 1920-х гг. Проводится анализ используемых в плакате лингвостилистических средств.

Эпоха 1920-х гг. характеризуется скоростью происходящих перемен (окончание Гражданской войны, переход к новой экономической политике, период восстановления, год «Великого перелома»), развитием экономики и техники, а также значительными социальными сдвигами. Этим обуславливается обилие плакатных тем и визуальных обра-

зов. Однако несмотря на тематическое разнообразие плакатов, у них есть ряд общих особенностей (гиперболы, инверсии, неологизмы и др.). Благодаря применению одних и тех же лингвостилистических средств, плакат 1920-х гг. легко идентифицируется. Так, в авангардном плакате конструктивистов визуальная сторона коррелирует с ритмической организацией текста (работы Г. Г. Клуциса, А. М. Родченко, Эль Лисицкого). В «Окнах РОСТА» В. В. Маяковского наблюдается совмещение фонетических и лексических средств: рифма и повторы сопровождаются гиперболой. Нами также рассмотрена связь обозначенных приемов с идеологической функцией плаката.

Топика вампиризма в разных видах искусства (литература и кино) на примере экранизаций рассказа А. К. Толстого «Семья вурдалака»

Сергеенко Ирина Сергеевна

*Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского,
студент 2 курса*

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. А. В. Шаравин

А. К. Толстой — один из создателей жанра русской фантастической повести. Повесть «Упырь», рассказ «Семья вурдалака», развивающиеся в русле готической новеллы, воссоздают образ вампира в прозаическом тексте. «Жизнь» литературных произведений после того, как они были опубликованы, — важная научная проблема. Экранизация дает возможность обрести литературе вторую «жизнь» в кинематографическом искусстве.

Нас интересуют экранизации рассказа «Семья вурдалаков». Мы изучили рассказ и четыре его экранизации: «Черная суббота, или три лица страха» (эпизод второй, «Вурдалак»; Италия, Великобритания, Франция, 1963), «Ночь дьяволов» (Италия, Испания, 1972), «Семья вурдалаков» (СССР, 1990) и «Вурдалаки» (Россия, 2017). Целью исследования стал сравнительно-сопоставительный анализ образа вампира в литературе и данных фильмах. Мы обратили внимание прежде всего на чужеродность вампира человеческому миру, средства борьбы с ним и главные расхождения фильмов с рассказом Толстого. Материал позволяет проследить, как эволюционирует, меняется образ вампира с точки зрения акцентирования ужасного и психологической терпимости или нетерпимости человеком. Изучив материал, мы рассмотрели поставленную задачу в следующих аспектах.

А. Внешность и отличительные черты вампира. К этому пункту мы отнесли главные, отличающие вампира от других существ, призна-

ки. Бледность (во всех фильмах и рассказе Толстого), воспаленные глаза (во всех фильмах, у Толстого отсутствует), холодная кожа (только в фильме 1972 г.), реакция на свет (фильмы 1972 и 2017 гг., у Толстого отсутствует), огромная сила (фильмы 1972 и 2017 гг., у Толстого не упоминается).

Б. Способы борьбы. В этом пункте, по нашему мнению, целесообразно выделить подпункты:

1) в рассказе Толстого и фильме 1990 г. (крест, осиновый кол, молитва);

2) в фильмах 1963, 1972 гг. (осиновый кол, святая вода);

3) в фильме 2017 г. (чеснок, святая вода, ивовые кресты, положение покойника в гробу лицом вниз, серебро).

В. Расхождения с оригиналом. Рассказ Толстого — своеобразная точка отсчета хронотопа вампиризма (пространственно-временной отрезок, где максимально сконцентрировано проявление феномена вампира): многие аспекты, связанные с образами вурдалаков, находятся в становлении, осуществляется поиск соответствующих средств изображения.

Таким образом, исследование экранизаций по рассказу Толстого позволяет рассмотреть их как отдельный вид искусства, создающий топос вампиризма, и включить рассказы и повести Толстого в вампирический текст (корпус текстов, в которых главным действующим лицом является вампир как проявление нечеловеческой сущности, эстетизация ужаса и страха).

Лингвокраеведческий анализ эргонимов города Брянска

Кошкина Екатерина Игоревна

*Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского,
студент 4 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

Способность имени собственного аккумулировать и сохранять информацию об особенностях культуры, истории, этнографии активно исследуется в ономастике, в том числе и в эргономии. Весьма существенное место здесь занимает региональное направление. Однако эргонимы лингвокраеведческого аспекта города Брянска ранее не были в фокусе внимания лингвистов. В этом заключается актуальность и новизна работы.

Исследование показало, что эргонимы образуются в результате процесса трансонимизации. Самым ярким примером этого служит переход топонима *Брянск* в эргоним. Посредством трансонимизации об-

разуется следующий эргономический пласт: однокомпонентный оним — гостиница *Брянск*; составной — антикварный магазин *Старый Брянск*; сложный — *Брянконфи*, *Велобрянск*. Номинаторы неоднократно обращались к древнему названию Брянска. Так появились следующие эргонимы: кафе *Дебрянск*, магазин *де'Брянские сувениры*. Причем важен факт наличия апострофа, который имплицитно указывает на качество товара. Интересны эргонимы, которые как нельзя лучше отражают топонимы: *Суражанка* — магазин верхней одежды — этнохороним, переходящий в эргоним; мебельный магазин *Дятьково*. Брянск расположен на реке Десна. Тесная связь онимов разных классов позволила перейти гидрониму в эргоним. Так появились ономастические единицы: гостиница *Десна*, магазин *Десна-маркет*, ТЦ *Деснянский*; составной производный эргоним — профилакторий *Деснянские зори*. Река Снежень (разг. Снежка) — левый приток Десны, который дает жизнь онимам птицефабрика *Снежка*, фирменный магазин *Снежка*, санаторий *Снежка*. Оним *Пересвет* является символом города, поскольку Александр Пересвет, легендарный монах-воин, является уроженцем Брянска. Нами обнаружены следующие эргонимы: кафе *Пересвет*, ТЦ *Пересвет*, магазин *Пересвет*. Гостиничный комплекс *Граф Толстой* и БЦ *Тютчев* названы в честь поэтов А. К. Толстого и Ф. И. Тютчева, чьи усадьбы находятся на территории Брянской области. Брянская область является пограничной территорией с Белоруссией и Украиной. Тесные вековые контакты жителей пограничных территорий нашли свое отражение и в эргономике города Брянска. Например, продуктовый магазин *Сябр* — эргоним представляет языковое вкрапление из соседствующего языка, так же как и *Беловежский гостинец*, *Зубр*, гостиница *Чернигов*. Эргоним *Свенская ярмарка* получил название от экклезионима. Монастырь расположен у речки Свень. Ежегодно у подножия стен разворачивает свои ряды широко известная Свенская ярмарка.

Таким образом, эргонимическая лексика представляет собой хранилище знаний как о языке, так и о жизни целого народа и его контактах.

Лингвометодический потенциал телерекламы на занятиях РКИ

Порядина Юлия Владимировна

Черенцова Вера Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистранты 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. С. Т. Саевич

Тексты рекламы, в том числе и видеорекламы, как правило, яркие и легко запоминающиеся. В них широко используются языковая игра (*Мы с тобой как клубника и яблоко. — И живем в одной коробке*), шутки (*Он настоящий!* (о Деде Морозе) — *Они настоящие!* (о конфетах M&Ms)), прецедентные имена и феномены (Александр Пушкин), а также имитация устной разговорной речи и различных стилей кодифицированного литературного языка. Всё это, вместе с динамичностью сюжета и небольшой продолжительностью, делает рекламные ролики удобным и эффективным материалом для обучения иностранных студентов, формированию у них языковой, речевой, коммуникативной и страноведческой компетенций и языковой догадки.

На занятиях по РКИ рекламные ролики могут служить:

1. Наглядной иллюстрацией того или иного языкового явления (в частности, при введении нового материала). Тесная связь изображения и текста видеоролика позволяет обучающимся интуитивно понять значение того или иного грамматического явления (*Пойдем, тебе точно понравится!*);

2. Материалом для аудирования и говорения. Например, изначально студентам может быть предложено только прослушать аудиосопровождение роликов, не глядя на экран, и на основе услышанного предположить, что происходит на экране;

3. Набором речевых образцов и клише, которые студенты могут использовать в схожих ситуациях. На основе представленной в ролике ситуации обучаемые могут разыграть собственные, при этом у них уже будет минимальный набор необходимых фраз (*Есть вещи, которые одинаково идут всем — иллюстрация использования глаголов движения в переносном значении*);

4. Материалом, инициирующим обучаемых высказать свое мнение по тому или иному вопросу, стимулирующим дискуссию и обсуждение (социальная реклама против курения);

5. Визуальной опорой для речетворчества студента (аспект говорения). Обучаемому может быть предложено описывать или комментировать происходящее на экране (эпизод с мистером Бином (персонаж Роуэна Аткинсона) на крыше — для иллюстрации глаголов движения);

6. Подтверждением и иллюстрацией той или иной страноведческой / лингвокультурной информации — *Мама, вы опять за старое...* (обращение к теще).

В результате лингвометодического анализа нами сформирована база рекламных роликов, в которой каждый ролик сопровождается лингвометодическим комментарием. Кроме того, сформулированы образцы заданий, которые могут сопровождать работу с материалом.

Об изменении языковой политики отдельных государств под влиянием Европейского союза (на примере Франции)

Киселев Сергей Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. М. А. Марусенко

Языковая политика Франции на протяжении долгого времени была сосредоточена на придании французскому языку статуса основного и государственного языка в стране, в XVIII веке он был также доминирующим международным языком, однако после революции 1789 г. начал утрачивать эти позиции в мире в пользу английского, масштабная гегемония которого устанавливается в XX в. Тем не менее Франция пыталась противостоять его распространению, устанавливая различные законы в области языковой политики. Главным документом в этой области является закон Тубона о защите французского языка от 1994 г., призванный обеспечить его использование как официального и обязательного в документах правительства, в профессиональной деятельности, на вывесках и маркировках товаров, в торговых договорах и других сферах. Согласно 22-й статье этого закона, Главная делегация по французскому языку и языкам Франции ежегодно предоставляет Национальной ассамблее доклад об использовании французского языка. В докладе описываются тенденции изменения языковой политики Франции в отношении ее ключевых понятий — «французский язык» и «английский язык».

Объектом исследования послужили доклады об использовании французского языка за 1997–2015 гг. Анализ производился с помощью инструментов лингвистического анализа компьютерной программы T-Lab и методов математической статистики. Исследование позволило заключить, что существенные изменения в языковой политике страны датируются периодом с 2006 по 2010 гг.: коэффициент ранговой корреляции Спирмена свидетельствует о стабилизации отношения к ключевым понятиям исследования между 2005 и 2010 гг., что коррелирует

с данными о снижении упоминания закона Тубона в текстах докладов после 2006 г.

Эти статистические данные, в свою очередь, коррелируют с реальными векторами языковой политики президента Николя Саркози (2007-2012), который считал, что языковая непреклонность французов мешает установлению отношений с крупнейшими державами, и ратифицировал Лондонский протокол о патентах (отныне патенты на английском языке имеют юридическую силу во Франции). Следующим серьезным отступлением от традиционной политики стало принятие в 2013 г. закона Фьоразо, разрешившего преподавание в вузах на английском языке. Данные исключения, противоречащие закону Тубона, вводятся в рамках совместных европейских образовательных программ, что показывает, какое влияние оказывает ЕС на внутреннюю языковую политику разных стран. Помимо этого, обязательное в странах ЕС изучение двух иностранных языков на уровне среднего образования также свидетельствует о том, что борьба за национальную идентичность не вписывается в рамки политики Евросоюза, наднационального государства с особой, общеевропейской идентичностью.

БУДЕТЛЯНЕ. ГИПОТЕЗА В ФИЛОЛОГИИ: НАУЧНЫЕ БОИ

From Wonderland to Oz: борхесовская концепция «история о возвращении героя» и ее метаморфозы в текстах детской литературы

Залозный Антон Дмитриевич

Кубанский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. В. Свитенко

Цель исследования — изучить особенности реализации сюжетной схемы «история о возвращении», предложенной Х. Л. Борхесом, в таких ключевых текстах детской литературы, как «Удивительный волшебник из страны Оз» (Л. Ф. Баум), «Питер Пэн» (Дж. Барри), «Алиса в Стране Чудес» (Л. Кэрролл) и «Хроники Нарнии» (Кл. С. Льюис). Новизна работы заключается в изучении механизмов модификаций одного из четырех предложенных сюжетных архетипов на материале литературной сказки. Актуальность исследования обусловлена современным интересом к детской литературе и недостаточной научной изученностью этой области художественной словесности.

Сюжетный архетип «возвращение героя» можно представить в виде следующей схемы: дом¹ → дорога¹ → нулевая точка → дорога² → дом². Каждый элемент данной схемы при наложении ее на текст разворачивается в определенный отрезок сюжета (например, «дом¹» — период, описывающий жизнь героя до начала его путешествия; «дорога¹» — выход героя из точки «дом¹» и путешествие куда-либо с какой-либо целью; и т. д.). Мы полагаем, что различия между тем, как эта схема реализуется в классическом «взрослом» тексте (в работе в качестве такого текста используется «Одиссея» Гомера, приведенная в пример самим Борхесом) и в классическом «детском», дают новую почву для размышлений над тем, как сознание читателя-ребенка воспринимает текст как таковой, каким правилам он подчиняется и какие закономерности существуют в текстах, изначально предназначенных для наивного сознания. В результате такого членения можно выстроить и сопоставить между собой конкретные схемы каждого исследуемого текста, выявив между ними параллели и различия. Одним из итогов сопоставления становится обнаружение особой взаимосвязи, позволяющей говорить

нам о, как минимум, двух вариантах развития истории о возвращении героя, которые зависят от выбора автором одного из двух переходов из точки «дом¹» в точку «дорога¹»: добровольное или недобровольное покидание точки «дом¹». В «недобровольном» варианте сюжета мы наблюдаем хаотичность в точке «дорога¹» и сжатость «нулевой точки», в «добровольном» же варианте мы встречаем более развернутые «дорогу¹» и «нулевую точку». Формулируется тезис о том, что данная схема используется в части текстов детской литературы в связи с особым восприятием ее наивным сознанием — ребенок воспринимает ее как схему жизни, отождествляя себя с протагонистом и воспринимая «дом¹» и «дом²» в архетипической парадигме Дома как такового.

В перспективе разработка подобных схем для каждого сюжетного архетипа, предложенного Борхесом, их анализ и проекция на тексты для детей, возможно, позволит выявить паттерны, усваиваемые наивным сознанием при знакомстве с ними, что даст возможность иначе рассмотреть взаимодействие «ребенок — текст».

Актуальные вопросы фанфикшна (на примере творчества Лоры Бочаровой)

Ибатуллина Юлия Наильевна

*Челябинский государственный университет (Костанайский филиал),
студент 4 курса*

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. М. А. Сиривля

Сетература — это направление в литературе, в рамках которого тексты публикуются в интернете. Современное литературное пространство подвержено большим изменениям в сравнении с досетературным периодом. Сетевая литература постепенно стала не только средством заявить о себе на литературном поприще, но и самоценной литературной платформой. Выделяются особенности сетевого творчества, отличающие его от печатной литературы: интерактивность и общение с читателем, бесплатные услуги редакторов и корректоров на добровольной основе, свобода от издательств.

Фанфикшн является прозаическим и поэтическим сетературным жанром и имеет свои особенности и виды. Это литература, созданная на основе прецедентного текста, в которой задействованы уже существующие у других авторов персонажи или сюжеты. Фанфикшн малоисследован и представляет собой обширное поле для изучения.

К фанфикшну все чаще обращаются состоявшиеся авторы. Многие произведения художественной литературы, опубликованные поли-

графически, условно можно отнести к жанру фанфикшна. Выходят масштабные экранизации таких книг, на основе старых вселенных создаются новые.

В исследовании проанализированы произведения Лоры Бочаровой, относящиеся к фанфикшну, и поставлен вопрос: что же следует считать фанфиком? Достаточно ли определения «литература на основе другой литературы» или следует считать существующее определение фанфикшна слишком размытым и неполным. При условии использования первого определения («произведения, написанные на основе других произведений, с использованием уже существующих персонажей или сюжетных линий») к фанфикшну можно отнести огромный пласт литературного творчества разного времени. Для формулирования новой дефиниции и создания новой классификации нужно дождаться результатов становления пока еще не сформировавшегося окончательно фанфикшна в русскоязычном пространстве интернета.

В докладе рассмотрена прагматика произведений фанфикшна. Почему фикрайтеры создают произведения в этом, а не в другом жанре сетературы или литературы в принципе. Как авторская индивидуальность отражается в произведениях ролевиков, написанных от имени «отыгрываемого» персонажа? Анализируется поэтический цикл Лоры Бочаровой, написанный на основе аниме и манги «Наруто».

Анализ концептов, представленных в английских и русских рекламных слоганах мужской и женской парфюмерии и косметики

Шилова Валерия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. Н. Н. Русецкая

Глобализация экономики и интенсификация торговли ведут к необходимости коммуникации между компанией-производителем и потребителями, которые принадлежат к различным культурам и социальным группам. В международных маркетинговых стратегиях реклама играет ключевую роль. Цель рекламного текста — максимально воздействовать на сознание потенциального потребителя товаров и услуг. В рекламном тексте предельно значимы и функционально нагружены все языковые средства, каждое из которых несет смысловую нагрузку. Изучение концептов, использующихся в рекламе, играет важную роль, поскольку они, являясь единицами ментального плана, могут оказывать влияние на потребителей на подсознательном уровне. Цель исследования заключалась в проведении концептуального анализа англо-

язычных рекламных слоганов парфюмерно-косметической продукции и их русскоязычных эквивалентов для выявления концептов, используемых в рекламе мужской и женской парфюмерии и косметики. В ходе работы была собрана база наиболее ярких пар рекламных слоганов и проведен их концептуальный анализ: выявлены ключевые концепты и частота их появления в рекламных слоганах парфюмерно-косметических средств для мужчин и женщин. Также было проведено сравнение концептов в парах слоганов на обоих языках с целью выявления степени сохранения концептов, представленных в оригинальных слоганах, при их переводе на русский язык. Полученные результаты могут послужить рекомендацией по адаптации английских слоганов на русском рынке, а также рекомендацией по созданию и качественному переводу на русский язык слоганов зарубежных компаний производителей парфюмерно-косметической продукции.

Проблема героя в творчестве Д. Глуховского и Д. Брауна

Черкас Анастасия Евгеньевна

Челябинский государственный университет (Костанайский филиал),

студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. М. А. Сиривля

В докладе мы сопоставляем главного героя романа Д. Глуховского «Метро 2033» Артема с главным героем романа Д. Брауна «Ангелы и демоны» Карло Вентреской. Сопоставительное исследование предполагает решение следующих задач: проанализировать существующие в современном литературоведении трактовки понятий «герой» и «персонаж»; выяснить, какие элементы повествования составляют портретную характеристику героев; установить специфические особенности анализа поступков литературного героя; выделить основные характерные проявления личности исследуемых героев. Нами были проанализированы портретные характеристики Карло Вентрески и Артема, а также были рассмотрены поступки героев и их мотивы. В результате был сделан вывод о том, что неверная трактовка происходящих событий, обусловленная неполнотой знаний и проблемой взаимопонимания, может привести к необратимым последствиям.

Интертекстуальные связи в романе Дж. Р. Р. Мартина

«Песнь Льда и Огня»

Реутова Майя Анатольевна

Самарский национальный исследовательский университет им. академика

С. П. Королёва, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. А. С. Гринштейн

Роман Дж. Р. Р. Мартина (род. 1948, Martin) приобрел всемирную известность в течение последних лет. Этому способствовали не только съемки нашумевшего сериала «Игра престолов», но и интересный сюжет, неповторимое художественное пространство и своеобразные персонажи. Автором доклада было проведено исследование интертекстуальных связей, которое охватило все вышеперечисленные аспекты романа.

Был проанализирован основной мотив романа — антагонистичность Льда и Огня и соответствующие параллели в истории мировой литературы. Были выявлены интертекстуальные связи с романом «Божественная комедия» Данте Алигьери (строение Ада) и стихотворением «Fire and Ice» Роберта Фроста (автор рассуждает о способности этих стихий к разрушению мира). Кроме того, север мира «Песни Льда и Огня» сопоставлялся с представлениями о загробном мире древних цивилизаций (египтян, древних греков), с пространством «Старшей Эдды», русских сказок и «Снежной Королевы» Г. Х. Андерсена. После выявления данных интертекстуальных связей, север, описанный Мартином, предстает в совершенно ином свете и существенно углубляет понимание сюжета романа. В ходе исследования были выявлены значимые символы и образы, определяющие общность этих миров: некая граница (река или стена), лес, охранник мира мертвых и создания, управляющие загробным миром, которые были подробно описаны В. Я. Проппом в отношении русской сказки. Интертекстуальному анализу были подвергнуты некоторые действующие лица романа: Джон Сноу и Иные (Белые ходоки). Персонаж Джон Сноу имеет значительное сходство с проводниками и перевозчиками из мира живых в мир мертвых и обратно, такими как Анупис, Харон, Дэйви Джонс, Шинигами, Питер Пэн, Герда и Серый Волк. Была проведена параллель между Иными, Йотунами из скандинавской мифологии и комиксов Marvel, Лешим и Бабой Ягой. Изучение интертекстуальных связей художественного произведения позволяет выявить функцию предсказания дальнейших событий; это показано на примере противостояния Льда и Огня.

Таким образом, на примере отдельных аспектов произведения мы можем наблюдать, как несколько элементов — мифологический и ли-

тературный — соединяются и образуют совершенно новое пространство, которое лишь деталями напоминает предыдущие.

**«Берегите психов, чужаков, еретиков»: концептуальный альбом
М. Я. Федорова (Oxxxymiron) «Горгород»
как антиутопия в речитативе**

Баранова Маргарита Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 2 курса

Основанием для рассмотрения концептуального альбома рэп-исполнителя М. Я. Федорова (Oxxxymiron) «Горгород» является актуальность его проблематики, а также авторское новаторство, выражающееся в сочетании антиутопической традиции, заложенной в русской литературе еще в XX в. Е. И. Замятиным, с адаптацией общих тенденций антиутопического дискурса к тенденциям современности. Тексты, написанные для исполнения речитативом, практически не подвергаются серьезному литературоведческому анализу. Однако, на наш взгляд, «Горгород» является достойным объектом для изучения в силу заслуживающей внимания специфики авторского стиля и средств выразительности, а также тематики и проблематики альбома.

Вполне обоснованно говорить об альбоме как о цельном произведении в жанре антиутопии, выполненном в форме речитативного стиха. Каждый трек альбома связан с предыдущим текстуально и идейно. Такая композиция позволяет автору раскрыть образ мегаполиса Горгорода и последовательно рассказать историю нескольких живущих в нем героев. Сюжет «Горгорода» развивается плавно и основывается на построении традиционной для антиутопии модели конфликта «человек — власть». Развитие идет по классической жанровой схеме, использованной Е. И. Замятиным, Дж. Оруэллом, а также частично Р. Брэдбери и О. Хаксли для своих романов-антиутопий.

Однако проблематика альбома выходит за рамки конфликта героя с государством. Федоров развивает мотивы философски-мировоззренческих концепций Е. И. Замятина, изложенных писателем в критических и публицистических статьях «Завтра» (1919), «Я боюсь» (1921) и «Цель» (1926), касающихся роли писателя и инакомыслия в контексте революционных событий. При этом в контекст проблемы вплетаются личностные взгляды и особенности характера самого творца, образуя, помимо основного внешнего конфликта, внутренний конфликт художника с самим собой. Поднимая проблему роли писателя, автор не дает однозначного ответа на вопрос, «может ли творец

жить в башне из слоновой кости» и должен ли он «рупор сжимать в руках».

Интерпретация дискурса выражается в адаптации антиутопической модели к реалиям современности. Горгород переживает упадок не только из-за деспотичной власти, но и из-за разложения нравов самого общества, представленного автором как общество потребления с низким уровнем образованности, где жители готовы выдать власти «провокаторов и главарей», лишь бы «не было войны» и никто не нарушал их покой.

Таким образом, концептуальный альбом «Горгород» является примечательным с точки зрения эклектики мотивов и моделей, характерных для литературного аниутопического дискурса XX в. и современных реалий, а также с точки зрения новаторства в жанре рэпа.

Семантические особенности лексикона растаманов в английском и русском языках

Алиева Набат Ровшан кызы

Череповецкий государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, доц. В. А. Белов

Проблемой изучения нестандартной лексики занимались такие ученые, как В. П. Коровушкин, В. А. Хомяков, Т. М. Беляева, И. Р. Гальперин, Э. Партридж, Р. Спирс и другие. Под субкультурой растаманов (растафари) понимается возникшая на Ямайке в 1960-х гг. культура поведения людей, включающая в себя религиозные взгляды, особый тип поведения, внешний вид и музыкальные предпочтения. В России субкультура растаманов возникла в 1990-е гг.: российские растаманы копируют внешний вид растафари, а также слушают регги и употребляют наркотические вещества.

Актуальность работы обусловлена тем, что лексикон растаманов не изучался подробно в контрастивном аспекте на материале английского и русского языков. Основной задачей является сравнение семантических процессов, характерных для английского лексикона растаманов, с русскоязычным материалом. В ходе исследования было выявлено, что в лексиконе растаманов самыми распространенными лексико-семантическими категориями в английском языке являются наименования женщин и мужчин, а в русском языке — наименования психотропных веществ. Примерами слов указанных категорий могут быть *sistren* 'растаманка' в английском языке, слова *бомба* 'конопля хорошего качества', *халва* 'конопля'. Различия, на наш взгляд, объясняются сино-

нимическими ресурсами языков: социолектизмы в этом случае призваны компенсировать отсутствие в литературном языке наименований для табуированных явлений действительности. Данный фактор был назван денотативным. Вторым фактором стал коннотативный — связанный со стремлением передать разнообразные оценочные характеристики. Конкретными инструментами формирования оценочности служат метафорический и метонимические переносы. Например, слово *skin* 'кожа, оболочка' метафорически используется для наименования папиросной бумаги, а слово *шишки* — для обозначения кончика стебля конопля.

Таким образом, говоря о причинах появления социолектизмов в лексиконе растаманов, можно выделить два ключевых фактора: денотативный (связанный с подбором слов для обозначений понятий, отсутствующих в языке) и коннотативный (проявляющийся в выражении оценки).

Японские графические романы в контексте теории постмодернизма (на примере манга Мотидзуки Дзюн «Сердца Пандоры»)

Рябкова Наталья Леонтьевна

Кубанский государственный университет, студент 3 курса

Научный руководитель: преп. Е. И. Чебанная

Существуют различные взгляды на временные рамки постмодернизма; многие считают, что эта эпоха длится по настоящее время. Литература Японии долго развивалась довольно обособленно, но в связи с начавшимся в XIX в. диалогом с европейским искусством можно закономерно говорить о чертах постмодернизма в японской литературе. Естественно, что одни черты европейского постмодернизма остаются неизменными, а другие трансформируются в соответствии с национальными реалиями. Вопрос своеобразия японского постмодерна остается дискуссионным на сегодняшний день; им занимались А. Галиарди, К. Каратани, Ж. Деррида, Р. Барт, А. Асада, А. Вульф и другие ученые.

Задачей исследования является рассмотрение основных черт постмодернизма в манга — японских комиксах — значимом и популярном дискурсе японской культуры на примере «Сердце Пандоры» («Pandora Hatsu») Дз. Мотидзуки (Mochizuki). Комикс-культура признаётся отдельным дискурсом, но тем не менее считается, что исследование текстовой части произведения должно осуществляться с помощью литературоведческого инструментария; графическая часть при этом

является важным элементом для понимания содержания произведения, но ее анализ в исследовании не осуществляется.

В поэтике произведения были выделены следующие основные черты постмодернизма: игра с читателем, принцип нон-иерархии, использование приемов пастиша и временного искажения, формализованная структура текста и его деконструкция. Игра с читателем реализуется с помощью эффекта обманутого ожидания, когда антагонисты и протагонисты частично меняются местами. Это особо подчеркивает искаженные постмодернистские этические представления, отказ от четкого понимания добра и зла. Авторская позиция это подтверждает: всем персонажам оказывается одинаковая мера авторского внимания. Такая позиция характерна для массовой литературы в целом. Принцип нон-иерархии особенно ясно виден в убийстве воплощения Ядра Бездны — начала и конца всего сущего. Пастиш представлен синтезом таких жанров, как детектив, сказка, фэнтези, готический роман, притча, психологический роман. Теория об огромном количестве миров, разнящихся лишь принятием какого-либо единственного решения, отражается в манга во временном искажении, родственном борхесовскому образу сада расходящихся тропок. Формализованная структура текста представляется в алгоритмизации мира, вполне возможно, что это «наследие» прецедентного текста — «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла. С помощью всех этих приемов реализуется деконструкция текста, выражающаяся в принципиальной открытости и незавершенности поэтической вселенной «Сердце Пандоры», в том числе и благодаря продуктивному синтезу элементов западной культуры и восточного мировоззрения.

Фантастические твари и способы их перевода

Павлова Ангелина Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса

Научный руководитель: к. филол. наук, ст. преп. В. Н. Корнев

Для перевода окказиональных образований могут использоваться различные стратегии и приемы.

1. Транслитерация. Так, *Bigfoot* был передан на русский язык как *Бигфут*, а на немецкий как *Bigfoot*. Данный способ одинаково релевантен не для всех пар языков. Если для транслитерации английского названия на немецкий язык достаточно повторить оригинальное написание, то в случае с русским языком приходится подбирать эквиваленты. Очевидным недостатком использования такого способа перевода

является затененность внутренней формы лексемы для реципиента, не знающего язык оригинала.

2. Калькирование. Примером может служить, например, ряд *Squidzilla* / *Кальмадзилла* / *Krakzilla*. Оригинальный окказионализм был получен в результате сложения основ *Squid* ('кальмар') и второй части слова *Godzilla*. В русской версии в качестве аналога для *Squid* был использован его прямой перевод — корень *кальмар*, а для немецкой версии был выбран корень *Krake* 'спрут, каракатица, осьминог'. Данная модель является наиболее продуктивной среди всех встретившихся в ходе исследования лексем.

3. Создание окказионализма, не соответствующего оригинальной модели. Примером для этого может служить пара *Zombees* / *Мпрутни*. Оригинальный окказионализм был образован на основе двух корней: *Zombie* ('зомби') и *Bee* ('пчела'). Переводчик же создал лексему из двух корней, не являющихся для английских прямыми соответствиями: *трутень* и *мертвый*. Так был частично утерян оригинальный образ, однако образность в целом сохранилась, и у русскоговорящего реципиента складывается представление об обозначаемом объекте, близкое к заложенному в лексему изначально.

4. Использование узуального слова для передачи окказионализма. Ярким примером для данного случая является, например, перевод окказионализма *The Snerks*. На русский язык он был передан с помощью нормативного слова *Шнурки*, а на немецкий — *Die Struempfe* ('чулки'). Указанные слова не совпадают по лексическому значению, их схожесть заключается лишь в наличии семы 'относящийся к ноге' и некая общность в фонетическом оформлении.

Каждая из указанных моделей имеет свои достоинства и недостатки. Выбор в пользу одной из них почти всегда будет означать неизбежные потери при передаче значения, что накладывает на переводчика дополнительную ответственность в поиске наиболее релевантного для каждого отдельного случая решения.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК	3
История русского языка	3
Антропологистика: человек, язык, культура	11
Лексикология и стилистика русского языка	24
Грамматика и семантика русского языка	38
Лингвометодические основы описания и изучения русского языка как иностранного.....	46
Коллоквиалистика (анализ устной речи).....	67
ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР	77
Русская литература: теория, поэтика	77
Русская литература: история.....	94
История зарубежных литератур	126
Фольклор и мифология	149
СЛАВИСТИКА	162
Славянская филология: языкознание и литературоведение.....	162
Славяно-германская компаративистика.....	174
РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ	180
Лексикология (романо-германская филология)	180
Грамматика (романо-германская филология)	202

Переводоведение (романо-германская филология)	219
Дискурс и текст.....	257

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ	280

Классическая филология	280

Библеистика	284

Балканистика. Византистика. Неоэллинистика.....	290

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....	294

Общее языкознание	294

Фонетика.....	303

Психолингвистика	309

Прикладная и математическая лингвистика	320

Финно-угорская филология.....	334

КИНО ТЕКСТ	345

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПОСТЕРНАЯ СЕССИЯ	357

БУДЕТЛЯНЕ	369